Николай Борисов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ЭПОХУ БЕЗДОРОЖЬЯ

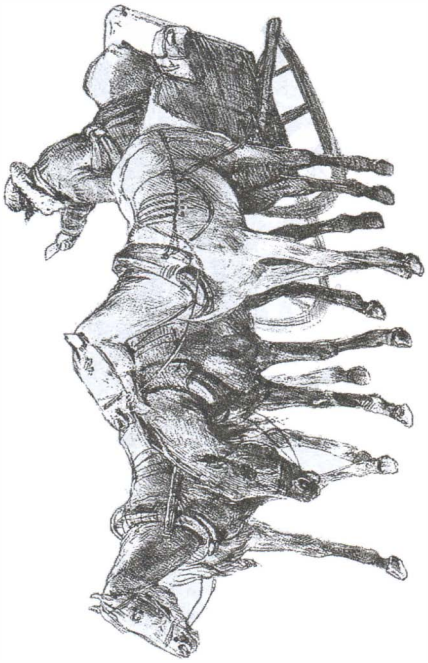
ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

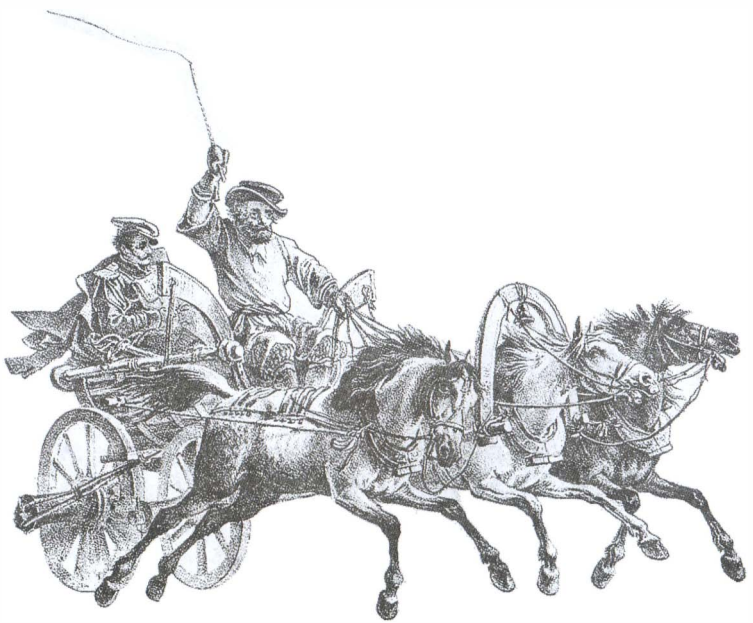

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Николай Борисов

МОСКВА

ЖИЗНЬ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ЭПОХУ БЕЗДОРОЖЬЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · 2010

УДК 94(47)“18/19”
ББК 63.3(2)
Б 82

ISBN 978-5-235-03389-4

© Борисов Н. С., 2010
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2010

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Название этой книги — а стало быть, и ее содержание — может вызвать у читателя вполне естественное недоумение. «Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья»... Если понятие «повседневная жизнь» при всей его расплывчатости все же не требует особых комментариев, то с «русским путешественником», а тем более с «эпохой бездорожья», без разъяснений уже не обойтись.

В нашей книге речь пойдет не о великих русских путешественниках, открывших Антарктиду и пролив между Азией и Америкой, прошедших по диким степям Монголии и Северному морскому пути. Наш герой — путешественник по России, по ее внутренним губерниям. Он не прощается с жизнью в бушующем море, не изнывает от жажды в пустыне и не спасается от стрел воинственных дикарей. Но он не просто «едет из Москвы в Мордасы». Он путешествует по стране, то есть ставит перед собой и решает некие научные и культурные задачи, главная из которых — познавательная.

Иностранцы открыли жанр путешествий по России, кажется, со времен барона Герберштейна. Русские начали смотреть на свою страну как на предмет для всестороннего изучения только со второй четверти XIX века. У этой хронологии были свои причины. Но о них — чуть позже. А пока два слова об «эпохе бездорожья».

Понятно, что проблема плохих дорог существует столько же, сколько и

сама Русская земля. Но в стародавние времена она воспринималась как данность, как неотъемлемая часть окружающего мира. Понятие «бездорожье» возникает одновременно с понятием «дорога». Это оборотная сторона дороги, ее реверс. Там, где нет дорог, нет и бездорожья.

Дороги в европейском смысле этого слова, как сложное инженерно-техническое сооружение, обеспечивающее быстрое и комфортабельное передвижение колесных транспортных средств, появились в России только во второй четверти XIX века. Отдавая должное некоторым усилиям в этом направлении Петра Великого и Екатерины II, мы всё же должны признать, что подлинным «отцом» русских дорог был император Николай I. Инженер по образованию и механик по складу ума, он был неутомимым борцом с русским бездорожьем. Он поднял главные дороги империи до уровня европейских «шоссе», подтянул провинциальные почтовые тракты, наладил бесперебойную почтовую службу.

Но по иронии судьбы великий борец с бездорожьем материальным, так сказать, физическим вошел в историю России как главный виновник «бездорожья» духовного. Его долгое царствование (1825—1855) характеризуется отсутствием на правительственном уровне свежих идей и ясных перспектив. Свою главную задачу Николай видел в сохранении самодержавия, подавлении идущих с запада либеральных и леворадикальных идей.

Ведомое державным инженером, утратило ориентиры и оказалось на «бездорожье» и само русское общество.

Среди сарказмов, расточаемых Герценом в адрес царя Николая, есть и такое примечательное суждение: «Государственная фура, управляемая им, заехала по ступицу в снег, обледеневшие колеса перестали вертеться; сколько он ни бил своих кляч, фура не шла. Он думал, что поможет делу террором. Писать было запрещено, путешествовать запрещено, можно было думать, и люди стали думать. Мысль русская в эту темную годину страшно развилась...» (28, 182).

Вместе с развитием русской мысли наступает и неповторимый расцвет русской «дорожной» прозы и «до-

рожной» философии. Задача познания своей страны и через это — познания себя во многом решалась тогда через путешествия по России. Духовное «возвращение в Россию», стремление увидеть и понять свою страну такой, какая она есть, а не такой, какой виделась из окон петербургских и московских особняков, стало императивом поведения лучших людей эпохи.

Современность узнает себя в зеркале прошлого. Сегодня на русских просторах, как и сто, и двести лет назад, царит все то же унылое бездорожье. Знающие люди говорят, что по качеству дорог Россия находится на 111-м месте в мире. Нет, нельзя, конечно, сказать, что власть предержащие совсем забыли о них... Дороги строят, перестраивают, латают. Но все это — капля в море. Поезжайте на автомобиле из Москвы в Ригу, Петербург или Архангельск (не говорю — во Владивосток) — и вы поймете, о чем, собственно, идет речь. А для полноты картины сверните с тракта в сторону и посетите какую-нибудь отдаленную деревушку... Словом, царь Николай нашел бы здесь достойное применение своей энергии.

А что в умах? И здесь картина весьма напоминает николаевскую эпоху. Сегодня лейтмотив социального поведения огромного большинства населения России — «усталое безразличие к своей судьбе» (А. И. Солженицын). В сущности это и есть то самое «полное равнодушие к добру и злу, к истине и ко лжи», которые Чаадаев отмечал в своих современниках (163, 127).

Что же нам делать?

Прежде всего, убедитесь, что вы действительно хотите и можете что-то делать. Но если у вас еще сохранилась способность действовать, а не имитировать деятельность (ведь наше время — время имитаторов), — то давайте для начала попробуем понять, на какую станцию мы всё же приехали. И куда с этой станции можно уехать дальше.

Заняв свое место где-то в седьмом десятке мирового рейтинга уровня жизни, Россия должна, наконец, определить свои реальные (а не выдуманные) цели и приоритеты. Главное на сегодняшний день — задача самопознания. Среди многочисленных дорог, на которые зовут нас политические зазывалы, нет той единствен-

ной дороги, которая только и может вывести из нынешнего духовного «бездорожья». Дороги, которая ведет к здравым суждениям и трезвым оценкам; дороги, которая учит истории лучше всех учебников и профессоров; дороги, которая пахнет ветром и дымом... Словом, той самой дороги, на которую звал Гоголь, заклинавший русского человека «проехаться по России».

Этой дорогой мы и отправимся во второй части нашей книги, не ставя перед собой никаких задач, кроме понимания, и не имея никаких обязательств, кроме сочувствия.

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья,
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

М. Ю. Лермонтов, 1837—1841

БРИЧКА, ИЛИ «ОГНИ ПЕЧАЛЬНЫХ ДЕРЕВЕНЬ»

Глава первая

Цель путешествия

Путешествие по России с познавательной целью всегда казалось русским людям каким-то странным, нелепым занятием. Не принято было и вести дневник путешествия по своей стране. Иное дело — поездки за границу, к святым местам или с дипломатической миссией. Тут полагалось «глядеть во все глаза». Даже у людей, не привыкших излагать мысли на бумаге, в новой обстановке появлялся писательский зуд. Через всю историю средневековой Руси проходит череда сочинений о дальних странах — от Италии до Индии и от Иерусалима до Любека. Не любили писать только о поездках в Золотую Орду. Это было что-то почти интимное, постыдное, унизительное. Да и писать-то было как бы и не о чем: варвары — они и есть варвары. А вокруг — бескрайнее Дикое поле...

Итак, писали обо всем необычном, достойном восхищения или примечания. Но Россия была своей, привычной и понятной. О ней писали иностранцы, честно пытавшиеся понять это «огромное, темное, неразгаданное дитя провидения» или стремившиеся прослыть знатоками России (33, 457).

При такой традиции вполне закономерно, что первое подробное описание разных местностей России с историко-культурной точки зрения, представленное в виде путевых записок, принадлежит перу российского академика, но немца по происхождению, Герарда Миллера (1705—1783). Он прибыл в Россию в 1725 году и стал деятельным членом молодой Российской академии наук. Увлекшись историей России, Миллер исколесил всю страну в поисках редких документов и подлинных памятников старины.

Итак, первый путешественник по России был обрусевшим немцем. А первый русский путешественник — Николай Михайлович Карамзин — отправился на поиски новых впечатлений не в Архангельск или Казань, а в Женеву и Париж.

«Письма русского путешественника» Карамзина стали верстовым столбом с цифрой «один» на долгих дорогах русских путешественников последующих десятилетий.

Авторитетом своего имени, блеском литературного таланта Карамзин придал путешествиям значение достойного и полезного занятия.

«Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения. Все прочие животные, будучи привязаны к некоторым климатам, не могут выйти из пределов, начертанных им натурою, и умирают, где родятся; но человек, силою могущественной воли своей, шагает из климата в климат — ищет везде наслаждений и находит их — везде бывает любимым гостем природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствия, везде радуется бытием своим и благословляет свое человечество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой земле все возможные удобности жизни, как будто бы нарочно для меня придуманные; по которой жители всех стран предлагают мне плоды своих трудов, своей промышленности и призывают меня участвовать в своих забавах, в своих веселья...

Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!» (72, 144).

Карамзин научил своих соотечественников любить путешествия как явление. Но идея путешествовать по России с познавательной целью по-прежнему продолжала казаться нелепой. Одни русские люди ехали «по казенной надобности», другие — по личным делам. Но тратить время, силы и деньги только для того, чтобы посмотреть не Италию или Францию, а свою страну, ее забытые древности и сомнительные достопримечательности, могли только люди «не от мира сего». В повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840) находим примечательный в этом отношении разговор двух попутчиков, едущих вместе из Москвы в Казань, — недавно вернувшегося из-за границы юного романтика Ивана Васильевича и умудренного жизнью домоседа казанского помещика Василия Ивановича.

«Когда путешественники выехали за заставу, между ними завязался разговор.

— Василий Иванович!

— Что, батюшка?

— Знаете ли, о чем я думаю?

— Нет, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что так как мы собираемся теперь путешествовать...

— Что, что, батюшка... Какое путешествие?

— Да ведь мы теперь путешествуем.

— Нет, Иван Васильевич, совсем нет. Мы просто едем из Москвы в Мордасы, через Казань.

— Ну, да ведь это тоже путешествие.

— Какое, батюшка, путешествие. Путешествуют там за границей, в Неметчине; а мы что за путешественники? Просто — дворяне, едем себе в деревню.

— Ну, да все равно. Так как мы отправляемся теперь в дорогу...

— А, вот это, пожалуй» (172, 13).

Пройдет всего четыре дня, и романтически настроенный Иван Васильевич с горечью скажет самому себе: «Теперь я понимаю Василия Ивановича. Он в самом деле был прав, когда уверял, что мы не путешествуем и что в России путешествовать невозможно. Мы просто едем в Мордасы...» (172, 45).

И все же общий ход развития русского общества приносил плоды. Потребность своими глазами увидеть страну, понять ее добро и зло заставляла отправиться в добровольное странствие многих просвещенных людей середины XIX века. Очарование «Писем русского путешественника» Карамзина, изящный стиль его исторических экскурсий по Подмосковью побуждали новых путешественников записывать свои дорожные впечатления. Литературная мода эпохи окрашивала эти впечатления сентиментальной чувствительностью (64, 253). Однако диапазон предметов, представлявших интерес для наблюдателя, неуклонно расширялся.

Летом 1847 года известный литератор, профессор Московского университета Степан Петрович Шевырев отправился в путешествие по северным губерниям России. Плодом этого путешествия стала книга «Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь». Во введении Шевырев отстаивает саму идею путешествия по России.

«У нас есть люди, готовые осмеять даже мысль о путешествии по России. Выдавая себя за строгих поклонников Запада, они в этом случае, однако, позволяют себе отступать от него, потому что Запад не только не пренебрегает такими путешествиями, но ввел их в моду и беспрерывно обогащает свою литературу их описаниями. Мы также весьма охотно читаем их, но в этом чтении нас не столько занимают рассказы о нашем отечестве, сколько мнение, какое о нас оставили западные путешественники. Данные мы всегда признаем неверными, неосновательными и даже извиняем в том: где же иностранцу, говорим мы, не знающему ни языка, ни истории нашей, собрать верные факты о земле и народе? Но мнение, несмотря на то, для нас все-таки имеет великую цену и важность, хотя логически следовало бы

так заключить: данные — неосновательны, след и мнение, из них выведенное, таково же. Но подобное заключение требует другого условия. Надобно иметь для того мнение о самих себе, как наши, а мы покамест его еще не составили — и потому дорожим мнением других, точно так, как всякий человек, не имеющий о себе самостоятельного мнения, хотя с вида и стойкий, зависит от посторонних.

Есть еще причина, почему поклонники Запада считают невозможным путешествие по России. Эта причина, надобно с ними согласиться, самая основательная, она состоит в недостатке комфорта — великого плода европейской цивилизации, столько лестного самолюбию нашей человеческой натуры. Справедливо говорят: в России можно только ездить по делам, а путешествовать нельзя. В самом деле, вы путешествуете только за границей: путешествие там сопровождалось, по крайней мере, прежде всякий день прекрасным завтраком, вкусным обедом, мягкой постелью. Странствуя по России, вы беспрерывно подвергаетесь тем лишениям, которые для иного, скованного привычками воспитания, просто невыносимые несчастья, удары судьбы; вы на самих себе и ночью, и днем чувствуете почти всякий час, как отстали мы в комфорте жизни перед другими — и выносите чувство неприятное, могущее повредить всякой пользе, если бы эта польза была даже возможна. С этим нельзя не согласиться. Кто против этого может спорить?» (214, 9).

Законы жанра требовали от автора путевых записок объяснений относительно причин, заставивших его покинуть дом, и цели, которую он ставил перед собой как наблюдатель. Шевырев говорит об этом ясно и откровенно.

«Мне нужен был отдых от трудов академического года. Я хотел согласить его с занятием по сердцу. Ни на чем нельзя так отдохнуть человеку, утомленному кабинетной жизнью, как на пути скором и деятельном. Здесь мысль, не прерывая своего занятия, живет внешними предметами. Впечатления сменяются быстро, душа, освежившись, бодрей возвращается в свой внутренний мир.

Я имел цель, предположенную в своей поездке, но не пренебрегал ничем, что любопытного попадалось на пути. Пускай рассказ мой будет верной, незатейливой копией с самого странствия. Мыслящая беседа с замечательным человеком, живые речи простолюдинов, местность природы, впечатления городов и сел, памятники Древней Руси, монастыри, храмы, иконы и хартии, деятельность России новой, обычаи и нравы, предания, язык народный и его физиогномия — все взойдет в мой рассказ, без строгого порядка и связи, все, как случилось» (214, 9).

Стремление лучше узнать Россию, странствуя по ее просторам, для многих стало не только темой летнего отпуска, но важнейшим императивом поведения. Служивший чиновником в Министерстве внутренних дел Иван Аксаков, отказываясь от выгодных в карьерном отношении должностей, в письме отцу в начале 1849 года так формулировал цель своей службы: «Я хочу ездить по России, и только» (2, 480).

«Мы как-нибудь предпримем вместе путешествие по России: надо, чтобы Вы увидали Россию как она есть и остались верны своей любви к ней и веры в нее, несмотря на безобразную подчас действительность», — писал он своей невесте Анне Тютчевой несколько лет спустя (4, 327).

Среди дворянства находились люди, которые уходили странствовать по России, преследуя прежде всего познавательную цель. Об одном из таких оригиналов, князе Юрии Александровиче Оболенском (1825—1890), рассказывает Иван Аксаков в письмах отцу, написанных осенью 1846 года.

«После обеда, часу в шестом, вдруг получаю записку от Юши Оболенского, просит меня к себе. Я чрезвычайно ему обрадовался. Вообразите, что он теперь путешествует пешком по России и сделал до 700 верст. Был в Ростове, в Орле, в Туле; теперь пришел пешком из смоленской деревни своей сестры прямо в Лаврентьевский монастырь, где похоронены его мать и сестра, оттуда в гостиницу, куда я приехал к нему. Из Калуги он пешком

же отправляется в Москву. Ходит себе один, с котомкой за плечами... Молодец!» (2, 311).

Подсмеиваясь над некоторыми чертами характера Оболенского, Аксаков при этом замечает: «Однако, несмотря на это, он скорее нас решился на такое дело, к которому мы, толкующие о народе, приступить не можем. Именно — путешествие пешком по России под видом богомольца. Если я не поеду в чужие края, то на будущий год отправлюсь пешком в Киев, разумеется, не для богомолья, но так, ради путешествия и любознательности. Оболенский даже может Вам рассказать теперь много замечательных вещей про народ и быт народный» (2, 314).

Заметим, что ходивший с котомкой по Руси Юша Оболенский принадлежал к древнейшей аристократической фамилии. Отец его был в свое время калужским губернатором...

Карамзин поднял шлагбаум для русских путешественников не только своими «Письмами». Не меньшее значение для пробуждения интереса к собственной стране имела его «История Государства Российского». По словам Пушкина, «древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Коломбом» (151, 140).

Эта находка с неизбежностью повлекла за собой стремление к открытию исторического значения в памятниках старины, народных обычаях и многом другом. Иван Аксаков едет изучать повседневную жизнь русского народа и других народов России, Петр Киреевский собирает народные песни, Шевырев отправляется выявлять в далеких монастырях художественные ценности и исторические документы, Андрей Муравьев находит необычайную красоту в православном богослужении и описывает святые места России, Гоголь изображает мир русской провинции, Соллогуб делает главным героем своего повествования саму русскую дорогу с бесконечной сменой картин и образов...

Итак, во второй четверти XIX века происходит взрыв интереса к путешествиям по России. Словно проснув-

шись после долгого сна, творческие люди видят перед собой огромную, таинственную и прекрасную страну — Россию.

В разные моменты развития общества интерес к познавательным путешествиям то усиливается, то ослабевает. Однако он никогда не исчезает полностью. Стремление к осмысленному перемещению в пространстве заложено в природе человека. Познавательная цель нередко бывает лишь бессознательным прикрытием для истинной цели, имя которой — «охота к перемене мест». Что до конкретной цели путешествия, то она всегда найдется. «Не будучи нигде, цель может быть — везде!» (Бодлер).

Человек, которым овладел «дьявол путешествия» (Т. Готье), подобен одержимому манией преследования. Тот видит во всем грозящую опасность, а этот — намек на цель для путешествия. Далеким маяком светит ему название какого-нибудь захолустного городка. Невнятная Няндома или спотыкающаяся Кондопога, далекое Чарозеро или город с названием Буй...

Этот таинственный механизм выбора дороги раскрыл французский писатель и путешественник Теофиль Готье.

«Как это бывает? Названия некоторых городов неотвратимо занимают наше воображение и годами, словно таинственная мелодия, звучат в ушах, как однажды заученная музыкальная фраза, от которой невозможно отделаться. Такое странное наваждение известно всем, кого внезапно и мгновенно созревшее решение неотступно гонит к экзотическим местам из границ родной земли. Вы работаете, читаете, развлекаетесь или переживаете горестные минуты, а демон путешествий все нашептывает вам слова заклинаний, и вот, наконец, вы уступаете соблазну. Самое мудрое — по возможности меньше сопротивляться искушению, дабы быстрее от него избавиться. Как только внутренне вы решились, ни о чем больше не беспокойтесь. Положитесь на духа, вселившего в вас мечту. Под его колдовским воздействием устраняются препятствия,

развязываются узлы и вам все разрешается. Деньги, которых обычно нет на самую добропорядочную и законную необходимость, радостно приплывают сами собой с готовностью послужить вам поддержкой; паспорт разукрашивается гербовыми марками в дипломатических миссиях и посольствах, ваше белье само укладывается в чемоданы, и вы неожиданно обнаруживаете, что располагаете как раз дюжиной новых сорочек, черной фрачной парой и пальто на случай любой непогоды» (41, 349).

Глава вторая

Сборы в дорогу

Для общества, сохранявшего патриархальный уклад жизни, отъезд из дома даже на сравнительно небольшое время (например, на лето в деревню) был значительным событием. Особенно ярко оно отражалось в детской памяти. Вот как вспоминал об этом младший брат великого писателя Андрей Достоевский.

«Но вот, наконец, настал и желанный день; кибитка с тройкой хороших пегих лошадей приехала в Москву с крестьянином Семеном Широким, считавшимся опытным наездником и любителем и знатоком лошадей. Кибитку подвезли к крыльцу и уложили в нее всю поклажу. Оказалось, что это был целый дом — так она была вместительна. Куплена она была у купцов, ездивших на ней к Макарию. — Вот все готово! Приходит отец Иоанн Баршев и служит напутственный молебен; затем настает прощанье, мы все усаживаемся в кибитку, кроме маменьки, которая едет с папенькой, провожавшим нас в коляске. Но вот и Рогожская застава! Папенька окончательно прощается с нами, маменька, в слезах, усаживается в кибитку, Семен Широкий отвязывает укрепленный к дуге колокольчик, и мы трогаемся, долго махая платками оставшемуся в Москве папеньке. Колокольчик звенит, бубенчики позвякивают, и мы по легкой дороге, тогда, конечно, еще не шоссированной, едем, любуясь деревенскою обстановкою» (54, 53).

Заботы о сборе семейства в дорогу выпадали главным образом на долю чадолюбивой матушки. Ей следовало подумать о множестве вещей, необходимых в дороге. Отец принимал на себя попечение о лошадях и повозке.

«Сборы в дорогу начинались за несколько дней. Мать аккуратно сама укладывала вещи и белье в огромный красный деревянный, обитый жестью дорожный сундук, еще старых времен. Горничная Анюта с характерным постукиванием гладила в передней гору выстиранного белья, от которого поднимался пар, с приятным "чистым" запахом; в кухне жарились цыплята и пеклись особые "дорожные" пирожки и яйца; отец совещался с Гаврилой: кого запрячь в тройку в тарантас, кроме гнедого четверика в коляску, а кого — пару в телегу — под вещи, "чтобы не отставали". Накануне дня, назначенного для отъезда, наше — детей — нетерпение доходило до последнего предела. Сидеть смирно мы были уже не в силах, идти из дома гулять — не тянуло, мы беспрерывно бегали, всем мешая, угрозы нас не взять не действовали, бегали из дома на кухню, откуда нас выгонял суровый Артамоныч, а с кухни в конюшню, вернее в каретный сарай, где Гаврила осматривал и подмазывал экипажи и охотно отвечал на все наши вопросы: кто пойдет в корню в тройке, а кто на пристяжке, и пойдет ли в четверике наш любимец гнедой злой Графчик (купленный у Толстых)... Если накануне было пасмурно (в дождь не выезжали), то было страшно, что не поедем. И на другой день, проснувшись ни свет, ни заря, первым делом бежишь босиком к окну: "Ура, солнце, едем!" Выезжали после раннего обеда. Все садились, минуту молчали, она казалась нам очень долгой, вставали, крестились на иконы, прощались с оставшейся прислугой — и в путь» (207, 111).

Обычай «присесть на дорожку» и помолчать, свято соблюдаемый и до сего дня, уходит корнями в далекое прошлое. «По поверьям, если сорваться в путь сразу, *смаху*, то *пути не будет*» (215, 61). Многие считали необходимым перед отъездом прочесть молитву.

Дурной приметой для отъезжающего считалось возвращение с дороги за каким-то забытым предметом. Вы-

езд из дома по возможности не назначали на «тяжелый день» — понедельник. Если при выезде из родных мест дорогу путнику перебегал заяц — путешествие вообще следовало отменить. Плохим предзнаменованием для путника считалась также встреча со священником или с бабой, несущей пустые ведра (93, 214 —224).

Отрадой путнику служил загодя собранный сундучок с едой и напитками — «погребец».

«Приятно, однако же, после снега, метели, очутиться в теплой комнате. С помощью погребца мгновенно стол накрывается скатертью, стаканами, ложками, закуриваются трубки и сигары, наливается чай, и мы наслаждаемся и теплом и покоем» (2, 33).

Путешествие было своего рода праздником, а сборы в дорогу — его кануном. Радостное волнение, предвкушение чего-то нового и интересного охватывало не только детей, но и взрослых. «С чем может сравниться нетерпение отъезжающего, когда шнуруется дорожный чемодан и просторная ямская телега дожидается на дворе...» (164, 14).

В том случае, когда путник отправлялся в далекое и долгое путешествие, друзья нередко провожали его на некоторое расстояние от дома. Так провожали, например, Александра Герцена, отправлявшегося с семьей за границу. Друзья ехали вместе с ним до первой почтовой станции — до Черной Грязи.

«...Шесть-семь троек провожали нас до Черной Грязи... Мы там в последний раз сдвинули стаканы и, рыдая, расстались.

Был уже вечер, возок заскрипел по снегу... Вы смотрели печально вслед, но не догадывались, что это были похороны и вечная разлука. Все были налицо, одного только недоставало — ближайшего из близких, он один был болен и как будто своим отсутствием омыл руки в моем отъезде.

Это было 21 января 1847 года...» (32, 429).

Так провожали и Теофиля Готье, покидавшего Петербург ранней весной 1859 года.

«Очень скоро мы приехали на железнодорожную

станцию, и там, находя, что расставание наступает слишком быстро, вся компания вошла в вагон и пожелала сопровождать меня до Пскова, где тогда прерывалась недавно начатая линия железной дороги. Этот обычай сопровождать отъезжающих родных и друзей мне нравится, он существует только в России, и я нахожу его трогательным. Горечь отъезда смягчается, и одиночество наступает не сразу же за объятиями и пожатиями рук» (41, 327).

Глава третья

Подорожная и прогоны

Путник, отправлявшийся в дорогу «по казенной надобности», имел существенные преимущества перед частным лицом. На почтовых станциях он брал лошадей в первую очередь и платил «прогоны» по установленным ставкам. Запасшись подорожной, отправился в свой тернистый путь и сострадательный Радищев.

«Кто езжал на почте, тот знает, что подорожная есть оберегательное письмо, без которого всякому кошельку, — генеральский, может быть, исключая, — будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом» (154, 43).

Одним из самых распространенных видов злоупотреблений властью была выписка казенных подорожных частным лицам. Случалось, что губернаторы отправляли в столицу курьеров якобы «по казенной надобности», а в действительности для собственных нужд. Радищев (намекая на сибаритство Потемкина) рассказывает историю про то, как один губернатор регулярно гонял курьера в Петербург для покупки свежих устриц к своему столу.

«В расходной книге у казначея записано: по предложению его высокопревосходительства дано курьеру Н. Н., отправленному в Санкт-Петербург с наинужнейшими донесениями, прогонных денег в оба пути на три лошади из экстраординарной суммы» (154, 57).

Путник, едущий без подорожной, вынужден был самостоятельно нанимать ямщиков и платить им из свое-

го кармана, причем гораздо дороже, чем за «казенные» прогоны.

«Между тем как в моей повозке запрягали лошадей, приехала еще кибитка, тройкою запряженная. Из нее вышел человек, закутанный в большую япанчу, и шляпа с распущенными полями, глубоко надетая, препятствовала мне видеть его лицо. Он требовал лошадей без подорожной; и как многие повозчики, окружив его, с ним торговались, то он, не дожидаясь конца их торга, сказал одному из них с нетерпением: — Запрягай поскорее, я дам по четыре копейки на версту. Ямщик побежал за лошадьми. Другие, видя, что договариваться уже было не о чем, все от него отошли» (154, 58).

Картина, нарисованная Радищевым, мало менялась с течением времени. Вот как описывает свой путь из Москвы в Пензу путешествовавший в конце 1827 года князь П. А. Вяземский.

«Дорога от Москвы в Пензу: 696 верст (по подорожной 695), по 5 копеек, кроме первой станции. Издержано всего дорогою 146 рублей...

Выехал я из Москвы 12-го числа (декабря, 1827), в семь часов вечера. В полдень на другой день был во Владимире, ночью в Муроме, на другое утро поехал я на Выксу...» (28, 565).

Из этой справки явствует, что путник платил прогоны по 5 копеек за версту и (двигаясь днем и ночью, с остановкой только для смены лошадей на станциях) ехал со средней скоростью 10—12 верст в час.

Два года спустя, летом 1829 года, из Москвы в Одессу отправился английский офицер Джеймс Александер. Он ехал в собственной бричке, но при этом имел подорожную, позволявшую на станциях требовать лошадей в первую очередь. Однако такая предусмотрительность не спасла англичанина от неприятностей, которые начались на первой же станции.

«Подорожная была выписана на троих, все бумаги были в порядке, так что мы покинули Москву без всяких

осложнений. Дорога была просто ужасной, ухабы вытрясали из нас всю душу. У Даниловской заставы мы на минуту остановились, чтобы бросить последний взгляд на сияющее великолепие древней столицы.

Когда мы приехали на первую почтовую станцию, тамошний смотритель заявил, что сможет дать нам лошадей лишь через шесть часов; это было не самое удачное начало путешествия, и мы поняли, что такие проволочки будут ожидать нас по всей дороге. В то время как мы размышляли, стоит ли дать взятку, чтобы получить лошадей, к нам подошли полдюжины крестьян, предлагая лошадей за двойную оплату. Мы долго торговались и ругались с мужиками, пытаясь снизить цену, а затем, изобразив безразличие, отправились спать в экипаж, но мужики тоже улеглись; видя, что нам не удастся их переспорить, мы наняли лошадей и продолжили путь» (6, 138).

Впрочем, склонность ямщиков к вымогательству исчезала по мере удаления от Москвы. В российской глубинке царили патриархальные нравы, а бедность заставляла крестьян быть более сговорчивыми и предупредительными по отношению к путешественникам.

«После того как мы миновали Тулу, неприятности с наймом почтовых лошадей кончились. Как только я подъезжал к почтовой станции, ко мне подбегали крестьяне и предлагали своих лошадей, гораздо лучших, чем почтовые клячи, и всего по пять копеек за версту. Кроме того, мужики были вежливы и услужливы — помогали мне сойти, будто я — женщина, за пустячную цену предлагали молоко и фрукты» (6, 142).

Путник, не имевший подорожной, не мог выехать из города через заставу. Случалось, обычная забывчивость ставила под угрозу все путешествие. Подобную историю, приключившуюся с его отцом летом 1831 года, рассказывает в своих воспоминаниях Андрей Достоевский.

«И вот, как теперь помню, после нашего обеда, часу в 4-м дня, к нашей квартире подъехала крытая циновкой повозка или кибитка, запряженная тройкою лошадей с бубенчиками. Папенька, простившись с маменькой и

перецеловав всех нас, сел в эту кибитку и уехал из дому чуть не на неделю. Это было, кажется, первое расставание на несколько дней моих родителей. Но не прошло и двух часов, когда еще мы сидели за чайным столом и продолжали пить чай, как увидели подъезжающую кибитку с бубенчиками и в ней сидящего отца. Папенька мгновенно выскочил из кибитки и вошел в квартиру, а с маменькой сделалось что-то вроде обморока; она сильно испугалась внезапному и неожиданному возвращению отца. К тому же тогда она была беременна братом Николею. Отец кое-как успокоил маменьку. Оказалось, что он позабыл дома свой вид, или подорожную, и что, подъехав к Рогожской заставе, не был пропущен через нее за неимением вида. Не правда ли, что в настоящее время это пахнет чем-то диким!.. А 64 года тому назад никого не пропускали без вида через заставы, разве только городские экипажи, следующие на загородные прогулки. Взяв с собою документы и успокоив маменьку, отец опять уехал и на этот раз не возвращался домой дней 5—6» (54, 51).

Глава четвертая

Лошади

Современному человеку трудно понять саму атмосферу путешествия на лошадях. И даже те немногие, кто занимается конным спортом или отправляется в конные походы, не представляют себе всей гаммы ощущений, сокрытых в позвякивающем и поскрипывающем слове «бричка».

Впрочем, путешествия на лошадях бывали разными. Не касаясь езды верхом, заметим, что и путешествия в повозке сильно отличались друг от друга. Одно дело — ехать в дилижансе «на почтовых», другое — «на долгих». В первом случае лошадей меняли на каждой почтовой станции и путник, отдаваясь ощущению движения, впадал в некую сонную одурь, а между тем передвигался относительно быстро. Во втором случае он ехал на одних и тех же лошадях, либо своих собственных, либо нанятых вместе с кучером.

Скорость передвижения «на долгих» была гораздо ниже, чем «на почтовых». При этом делались довольно долгие остановки, чтобы лошади могли отдохнуть, напиться и пощипать траву. В целом разница в скорости и ощущениях была примерно такая же, как между едущим по проселочной дороге мотоциклистом и велосипедистом. Путник, ехавший «на долгих», экономил на «прогонах» и был свободен в выборе места для остановки. Он мог взять с собой гораздо больше багажа, чем тот, кто ехал «на почтовых». Наконец, он мог в полной мере насладиться дорогой как неторопливой сменой картин и неисчерпаемой темой для размышлений.

Вот как вспоминает свое первое большое путешествие историк С. М. Соловьев (1820—1879).

«До гимназии и во время гимназического курса ездил я с отцом и матерью три раза в Ярославль для свидания с дядею моей матери, который был там архиереем (Авраам архиепископ, знаменитый своею страстью к строению церквей). Эти путешествия совершались на долгих, то есть бралась кибитка тройкою от Москвы до самого Ярославля; 240 верст проезжали мы в четверо суток, делая по 60 верст в день; выехавши рано утром и сделавши 30 верст, в полдень останавливались кормить лошадей, кормили часа три, потом вечером останавливались ночевать. Таким образом познакомился я с Троицкою Лаврою, Переяславлем-Залесским с его чистым озером, Ростовом с его нечистым озером и красивым Ярославлем с Волгою» (173, 270).

Рассуждая о русской дороге и способах передвижения по ней, постоянно оглядываешься на великолепные пассажи из русской литературы XIX столетия. Все наши писатели и поэты той эпохи были влюблены в дорогу и изливали это чувство в прозе и стихах. О многих вещах они сказали так точно и художественно, что нам остается только с почтением уступать им место на страницах этой книги.

Известный русский педагог и публицист К. Д. Ушинский создал целый ряд рассказов о своих поездках по России. Одно из его рассуждений посвящено как раз своеобразию различных видов путешествий.

«Как нам кажется, железные дороги созданы для езды, а не для путешествий. Какое впечатление может остаться в душе человека, когда предметы, не останавливаясь ни на минуту, с быстротой молнии несутся перед его глазами? Какая мысль может созреть в голове его, когда время дороги разочтено минутами, когда время отдыха, отпускаемое с аптекарской точностью, едва достаточно для того, чтобы проглотить завтрак или обед? Нет, как хотите, а мне кажется, что пароходы и паровозы лишили путешествие всей его поэзии. По крайней мере, это справедливо для нас, людей отживающего поколения, которые ездили еще не только в дилижансах, на почтовых, но даже на долгих, — даже на своих. Без всякого сомнения, новое поколение проложит себе в мир поэзии и новую дорогу, может быть, тоже железную, по которой оно сумеет догнать впечатления, ускользающие от наших ленивых взоров; но мы не без удовольствия вспоминаем езду по целым неделям, шестичасовые кормы, длинные ночлеги, вставанья до свету и подобные принадлежности езды на долгих или на своих.

Вот тащится, покачиваясь, дребезжа, поскрипывая и прищелкивая, дорожная бричка; много дорог сделала она на своем веку, и бока ее блестят, как лакированные. Она едет медленно, страшно медленно, но куда торопиться? Воздуха так много, он так свеж, окрестные поля, рощи, деревушки, серебряные громады облаков смотрят на вас с таким умиляющим спокойствием, звонкая, монотонная песня жаворонка, который, кажется, следит за вами, скрипучий голос экипажа, к которому мы привыкли давно, как к хриплому голосу доброго старого друга, — всё говорит вам: куда и зачем торопиться? Вот поле, покрытое созревшей рожью: смотрите, как бегут по нему, перегоняя друг друга, и золотистые волны колосьев, гонимые теплым ветром, и прозрачные, громадные тени облаков. А там, впереди, когда вы спуститесь с пригорка и переберетесь за дребезжащий мостик, перекинутый через ручей, чуть видный в траве и кустах, ждет вас свежая прохлада зеленого леса, и долго ветки лип и берез будут хлестать по кузову вашей брички, сгоняя оттуда назойливого овода, который решился путешествовать вместе с вами, и долго гибкий орешник бу-

дет хрустеть под ногами пристяжных. Но чем дальше в лес, тем колеи становятся глубже, попадаются плотинки из хвороста, порядочные лужи... Подушка, ваша старая, чудно покойная подушка, вытертая вашими собственными боками, недостаточно защищает вас от толчков, которые всё становятся сильнее и сильнее. Куда, зачем торопиться? Посмотрите, как хорошо пройтись пешком по опушке леса: вон спелая ягода рдеет, как коралл, в зеленой высокой траве, вон грибы раскинулись целой семьей, а иволга плачет там, в далекой глуши. Вы далеко ушли вперед, чуть слышен знакомый крик и посвистывание вашего возницы, чуть слышно еще более знакомое щелканье экипажа. Вы устали? Присядьте же у этой часовни, которая так кстати поместилась у холодного ключа; внутри ее все так таинственно и мирно: и старый, почерневший образ, украшенный уже засохшими цветами, и ветка широколиственного клена, ворвавшаяся в разбитое окошко, и деревянный ковш, оставленный здесь на пользу прохожего. Но вот и ваш экипаж, лошадки отдохнули и смотрят веселее. Селифан доедает ягоды, вынимая их полной горстью из своей засаленной шапки, и с новой энергией принимается за вожжи и кнут; лес кончился, дорога стала глаже, и солнце садится. С полей дохнуло прохладой; горизонт, загроможденный облаками, облитыми золотом и пурпуром, темнеет; звонче раздается лай собак, скрип ворот и колодцев; ночная тьма заливает окрестности, поля и деревни, вдали над рекой заблестели огни ночлежников; на душе у вас светло и покойно, в голове одна фантазия гонит другую, вы забыли про дорогу и про цель вашей поездки, вы никуда не торопитесь... но скрипнули высокие ворота, захрипел толстый хозяин постоялого двора... и вы вдруг остановились под темным навесом: кровь ваша, взволнованная долгой ездой, начинает улегаться, усталые члены расправляются, и душистое сено глядит на вас так заманчиво...» (197, 17—19).

Распространение железных дорог превратило бричку в музейный экспонат. Однако люди, вкусившие все прелести путешествия на неторопливой скрипучей по-

возке, порой ностальгически вспоминали ее даже среди удобств железнодорожного вагона первого класса. Вот что писал о своем путешествии из Елисаветграда в Москву летом 1856 года Андрей Достоевский.

«В сентябре я подал в строительный комитет форменный рапорт о разрешении мне отпуска на 28 дней для поездки в Москву и Петербург по домашним обстоятельствам.

Получив отпуск, я начал собираться в дальнее путешествие. Сборы мои, конечно, были очень невелики; домашние мои очень желали, чтобы я ехал не один, а с попутчиками, и вот приискание этих-то попутчиков и было довольно затруднительно. Но наконец таковые нашлись. Ехали в Харьков на Покровскую ярмарку двое (средней руки) купчика, ехали они в своей кибитке на тройке почтовых и искали себе третьего попутчика, чтобы ехать было дешевле. Я принял их предложение с тем, чтобы мне было предоставлено лучшее место в задку кибитки, и они назначили днем выезда четверг, 4 октября.

Тогдашнее путешествие было не то, что нынешнее, сел в вагон да и помчался! Нет, тогдашнее путешествие было более затруднительно, но зато и более оставляло впечатлений. От Елисаветграда до Москвы считалось 1070 верст, и проехать их на перекладных с переменою лошадей, а за неимением своей повозки ждать последней на каждой станции с перекладкою всех вещей — чего-нибудь да стоило: всех станций было 59!» (54, 245).

Подобно тому как современный человек, прежде чем сесть в автомобиль, на котором ему предстоит проделать дальний путь, непременно поинтересуется, какой марки эта машина, сколько у нее под капотом «лошадей», ручная у нее коробка передач или автоматическая, — так и прежние наши путешественники всегда внимательно оглядывали поданных им лошадей, упряжь и экипаж. В эпоху, когда лошадь была основным транспортным средством, существовал целый ряд связанных с нею мелочей, которые о многом могли сказать наблюдательному человеку.

Вот, например, примечательный рассказ А. И. Герцена о его поездке из Вятки во Владимир.

«Когда я вышел садиться в повозку в Козьмодемьянске, сани были заложены по-русски: тройка в ряд, одна в корню, две на пристяжке, коренная в дуге весело звонила колокольчиком.

В Перми и Вятке закладывают лошадей гуськом, одну перед другой или две в ряд, а третью впереди.

Так сердце и стукнуло от радости, когда я увидел нашу упряжь» (32, 219).

Краса и гордость русских дорог — знаменитая птица-тройка. Запряженная в легкие саночки тройка мчащихся лошадей представляла собой незабываемую картину. Одно из лучших литературных описаний русской тройки принадлежит перу французского писателя Теофиля Готье, посетившего Россию в 1858 году. В Петербурге он наблюдал гонки русских троек по льду Невы.

«...Но самая великолепная упряжка такого рода — это тройка, в высшей степени русская, очень живописная повозка типично местного колорита. Большие сани вмещают четверых сидящих друг против друга человек и кучера. В них запрягают трех лошадей. Средняя лошадь запряжена в оглобли и хомут с дугой над загривком. Две другие пристегиваются к саням лишь при помощи внешней постромки. Слабо натянутый ремень привязывает их к хомуту коренной лошади. Четырех поводьев достаточно, чтобы погонять трех лошадей. До чего приятно для глаз смотреть на тройку, несущуюся по Невскому проспекту или по Адмиралтейской площади в час прогулок. Коренная идет рысью прямо перед собой, две другие — галопом и тянут веером. Одна должна иметь вид злой, строптивой, непослушной, нести по ветру, создавать видимость скачков и ляганий — это сердитая. Другая должна встряхивать гривой, скакать, принимать покорный вид, доставать коленями до губ, танцевать на месте, кидаться вправо и влево, повинуясь своему веселому и капризному нраву, — это кокетка. Оголовье уздечки с металлическими цепочками, упряжь легкая, словно нити, а в ней там и сям блестят изящные

позолоченные украшения. Эти три благородные лошади напоминают античных коней, везущих на триумфальных арках бронзовые колесницы, тяжести которых они не чувствуют. Кажется, что они играют и резвятся перед санями только из собственного каприза. У средней лошади серьезный вид более мудрого друга по сравнению с двумя легкомысленными компаньонами. Вы сами можете себе представить, что вовсе не легко поддерживать такой чисто внешний беспорядок при большой скорости, притом что каждая лошадь тянет в разном беге. Иногда бывает, что сердитая прекрасно исполняет свою роль, а кокетка сваливается в снег. Поэтому для тройки нужен безупречно ловкий кучер» (41, 71).

Дружная работа лошадей в тройке была постоянной, но почти недосягаемой целью для каждого кучера и ямщика. Вспомним знаменитое поучение, с которым обращался к лошадям подгулявший кучер Чичикова Селифан.

«...Занятый ими (мечтами. — *Н. Б.*), он (Чичиков. — *Н. Б.*) не обращал никакого внимания на то, как его кучер, довольный приемом дворовых людей Манилова, делал весьма дельные замечания чубарому пристяжному коню, запряженному с правой стороны. Этот чубарый конь был сильно лукав и показывал только для вида, будто бы везет, тогда как коренной гнедой и пристяжной каурой масти, называвшийся Заседателем, потому что был приобретен от какого-то заседателя, трудились от всего сердца, так что даже в глазах их было заметно получаемое ими от того удовольствие. “Хитри, хитри! вот я тебя перехитрю! — говорил Селифан, приподнявшись и хлыснув кнутом ленивца. — Ты знай свое дело, панталонник ты немецкий! Гнедой — почтенный конь, он сполняет свой долг, я ему с охотою дам лишнюю меру, потому что он почтенный конь, и Заседатель тож хороший конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дурак, слушай, коли говорят! я тебя, невежа, не стану дурному учить. Ишь куда ползет!” Здесь он опять хлыснул его кнутом, примолвив: “У, варвар! Бонапарт ты проклятый!” Потом прикрикнул на всех: “Эй вы, любез-

ные!" — и стегнул по всем по трем уже не в виде наказания, но чтобы показать, что был ими доволен. Доставив такое удовольствие, он опять обратил речь к чубарому: "Ты думаешь, что скроешь свое поведение. Нет, ты живи по правде, когда хочешь, чтобы тебе оказывали почтение. Вот у помещика, что мы были, хорошие люди. Я с удовольствием поговорю, коли хороший человек; с человеком хорошим мы всегда свои други, тонкие приятели: выпить ли чаю, или закусить — с охотою, коли хороший человек. Хорошему человеку всякой отдаст почтение. Вот барина нашего всякой уважает, потому что он, слышь ты, сполнял службу государскую, он сколеской советник..."

Так рассуждая, Селифан забрался наконец в самые отдаленные отвлеченности. Если бы Чичиков прислушался, то узнал бы много подробностей, относившихся лично к нему; но мысли его так были заняты своим предметом, что один только сильный удар грома заставил его очнуться и посмотреть вокруг себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконец громовый удар раздался в другой раз громче и ближе, и дождь хлынул вдруг как из ведра» (35, 37).

Не столь художественные, но вполне реалистичные наблюдения над характером и свойствами лошадей в русской тройке представил и приятель Гоголя Степан Петрович Шевырев, совершивший летом 1847 года познавательное путешествие по северной России.

«На последней станции к Рыбинску смотритель настоял на том, чтобы мы к тройке припрягли четвертую лошадь. Я согласился, тем более что он ссылался на грязную дорогу. Но тут был мне случай узнать, что такое русская тройка, прославленная Гоголем, в экипаже, который для нее и сработан. Четвертая только что мешала. Извозчик измучился. Наконец он сам увидел необходимость отпрячь четвертую, и тогда лишь мы бойко понеслись до Рыбинска. Дружная тройка, которую знает извозчик и которая сама знает извозчика, есть необыкновенная ездовая сила, созданная русским человеком.

Я решался бы лучше платить за лишнюю по форме, да не припрягать четвертую, как помеху. Помню я одного мальчика извозчика, который нас возил два раза из Кириллова в один и тот же день: в первый раз была у него дружная, его тройка, как он ее называл: мы просто летели, и мальчик весь был вдохновение. Но во второй раз хозяин его тройку разрознил: куда-то спонадобилась одна из трех лошадей; ее заменили другой, и мальчик был сам не свой, сердился, сердил и нас, но под конец все объяснилось: это была уж не его тройка и он был прав. Извозчик с своей дружной тройкой есть великое дело в почтовой скорой езде. Лошади у него везут лихо, как бы ни был грузен экипаж, лишь бы запрягался тройкой» (214, 340).

Судьба ямской лошади была незавидной, а ее век — коротким. Французский путешественник и писатель маркиз де Кюстин замечает, что «лошадиный век в России исчисляется в среднем восемью или десятью годами» (92, 184).

Да и могла ли лошадь протянуть дольше, когда ее уделом была вечная гонка по разбитым дорогам, в мороз и в жару. Грубые и жестокие с ямщиками, фельдъегеря и разного рода «власть имущие» еще меньше думали о лошадях. Вот красноречивая сцена, нарисованная острым пером Кюстина.

«Внешность, осанка и характер моего фельдъегеря (сопровождавшего Кюстина по России. — *Н. Б.*) напоминают мне на каждом шагу дух, господствующий в его стране. Когда мы подъезжали ко второй станции, одна из наших лошадей зашаталась и, обессиленная, упала. К счастью, кучер сумел сразу остановить остальную тройку. Несмотря на то, что лето на исходе, днем стоит палящий зной, и от жары и пыли нечем дышать. Я решил, что у лошади солнечный удар и что она умрет, если сейчас же не пустить кровь. Подозвав моего фельдъегеря, я достал из саквояжа футляр с ветеринарным ланцетом и предложил немедленно им воспользоваться, чтобы спасти жизнь несчастному животному. Но фельдъегерь ответил мне со злобной и насмешливой флегматичностью:

"Не стоит того, ведь мы до станции доехали". С этими словами, не удостоив взглядом издыхающую лошадь, он пошел на конюшню и заказал новую запряжку. Русским далеко до англичан, издавших закон против жестокого обращения с животными. Мой фельдъегерь не поверил бы в существование такого закона» (92, 194).

Случалось, что изнуренные непосильным трудом лошади останавливались, и никакими угрозами нельзя было заставить их двигаться дальше. Приведем эпизод из путевых записок сенатора Павла Сумарокова.

«По утру запрягли лошадей, и последовала новая неприятность. Они при первом пригорке остановились, и что ни делали, стегали кнутом, вели за повода, переместили их, и всё без успеха, не трогались с места. Более часа стояли мы в таком положении, и проходящий крестьянин принудил нас заплатить за одну пристяжную, на 10 верст, два целковых, и поступил бесчестно, не по-русски» (181, 116).

Отсутствие лошадей на почтовой станции было вечной проблемой для путешественника. Случалось, что проехавшая незадолго до того знатная особа забирала всех имевшихся в наличии казенных лошадей. Рядовому путнику оставалось либо ждать неопределенно долго их возвращения, либо нанимать лошадей за двойную цену у толпившихся возле почтовой станции «частников» — желающих подзаработать местных жителей.

Вот как описывает эту ситуацию в своем путевом дневнике юный немецкий художник Эуген Хесс, ехавший из Петербурга по Псковскому тракту летом 1839 года. (Отец автора записок, знаменитый баварский художник-баталист Петер Хесс, по поручению императора Николая I делал зарисовки мест сражений войны 1812 года. Художник взял с собой в поездку по России своего 15-летнего сына, начинающего художника Эугена Хесса. По распоряжению Николая их сопровождали генерал-майор императорской свиты Л. И. Киль и полковник Генерального штаба Г. К. Яковлев.)

«Так как Псков лежит не на почтовом тракте, мы были вынуждены вернуться с нашими лошадьми на почтовую станцию, находящуюся не очень далеко, всего лишь в одной версте от города. Здесь к нам вышел смотритель с безутешной физиономией и сообщил, не переставая подобострастно кланяться генералу, что недавно проехавшая княгиня Паскевич забрала всех лошадей.

Только после очень длительных переговоров офицеры довели дело до того, что нам доставили восемнадцать крестьянских лошадей. Однако уже беглый взгляд на этих кляч убедил в их полной непригодности, так как это были сплошь мелкие, тощие животные с жалкой, перевязанной веревочками сбруей, которая угрожала порваться каждую минуту.

Потом начался галдеж. Одновременно орали и спорили двадцать парней, мужиков, стариков и мальчишек. Едва, после долгих пререканий, впрягли одного конягу, как тут же привели другого, а этого выпрягли, где-то там попробовали привязать, но потом привели обратно и снова поставили на прежнее место. Все это продолжалось полчаса, пока, в конце концов, не запрягли все восемнадцать лошадей — по шесть в каждый экипаж.

Но теперь разразился новый спор, на этот раз из-за кучеров. Ведь каждому хотелось заработать свои чаевые. Наконец решили разыграть, кому ехать, и сделали это вот каким образом. Одновременно, втроем или вчетвером, схватились за конец поднятой вверх веревки, а потом каждый, один за другим, обхватывал ее кулаком ниже предыдущего и так до самого низа. Тот, чей кулак оказывался последним, мог ехать.

Но это развлечение для генерала продолжалось слишком долго. Он с руганью выпрыгнул из коляски и, сжав кулаки, набросился на толпу, которая немедленно разбежалась, хотя и не без того, что нескольким стоящим спереди достались тумаки, принятые ими как должное.

Только теперь, после всех этих испытаний нашего терпения, крестьяне уселись на козлы, нашелся и форейтор, и мы тронулись в путь. Но едва мы проехали од-

ну версту, как с козел громко закричали — стой! — и все слезли, чтобы что-то залатать или поменять в лошадиной упряжи. И так повторялось поминутно.

В довершение всего перед нами появился широкий и глубокий песчаный овраг, и мы даже вначале не могли понять, как нам следует через него перебираться. Спуск туда, правда, оказался легким, также без особого труда мы переправились через бегущий внизу ручей. Но на противоположный склон мы поднялись, многократно на нем застревая, и только благодаря тому, что объединили все наши силы.

Когда мы оказались наверху, стало ничуть не лучше. Чтобы облегчить бедным лошадям путь по песку, мы почти два часа брели рядом с колясками в полуденный зной под палящим солнцем по местам, где не было ни единого дерева, причем наши кучера совсем не были уверены, что мы движемся в правильном направлении. Длина этого перегона была тридцать верст!

Наконец, через пять часов, преодолев половину пути, у дороги, по которой мы тогда, к счастью, шли, мы увидели несколько крестьян с лошадьми. Правда, они уже были подряжены для кого-то другого как сменные, но при виде эполетов крестьяне были вынуждены согласиться отвезти нас. Наши прежние кучера, как и мы, были очень довольны этим обменом, а еще больше бедные лошади, последних сил которых хватило лишь на то, чтобы с ржанием добраться до ближайшего поля и там рухнуть на землю.

Теперь дело пошло несколько быстрее, так что во второй половине дня мы доехали до городка Остров» (203, 36).

Для ямщика (как, впрочем, и для русского крестьянина вообще) лошадь была не только средством, с помощью которого он зарабатывал свой хлеб насущный. Она была его другом, помощником, почти членом семьи. Она вывозила его из снежных заносов и непролазной грязи, спасала от волчьей стаи и кистеня разбойника. По одному ему известным приметам ямщик безошибочно узнавал свою лошадь среди десятков других.

Подобно тому как советский автомобилист знал все достоинства и недостатки своих видавших виды «жигулей», так и ямщик мог прочесть целую лекцию об особенностях своей лошади.

Внимательное отношение к лошади проявлялось и в многочисленных названиях лошадиной масти. Гнедой, вороной, чалый, каурый, серый, рыжий, пегий, сивый, белый, серый в яблоках...

Основными поставщиками лошадей на русские базары в XVI—XVII веках были ногайские татары. Степняки пригоняли огромные табуны лошадей в назначенное время и отведенное для этого место. Сначала дворцовые слуги отбирали лучших лошадей для царской конюшни, затем шел отбор для военных нужд. Оставшиеся заурядные, мелкие, но крепкие степные лошадки шли по доступной цене рядовым покупателям.

Покупка лошади была событием в крестьянской семье. Важно было правильно определить возраст животного, выявить его скрытые пороки и недуги.

Пропажа лошади оставляла крестьянскую семью без кормильца. Это было тяжкое испытание. Пойманных на месте преступления конокрадов крестьяне нередко забивали до смерти.

Лирическая сторона отношений между человеком и лошадью редко попадала на страницы официальных документов. Но даже обычная перепись ямщиков и их лошадей Пневской ямской слободы в Новгороде, составленная писцами времен Бориса Годунова, отмечена каким-то особым вниманием к лошадям.

«Лета 7109 (1601) года июля в 16 день. По Государеву Царя и Великого Князя Бориса Федоровича всеа Русии указу и по наказу Государева боярина князя Василя Ивановича Шуйского да Государевых дияков Дмитрия Алябева да Второго Поздеева, приехав ямской прикащик Юри Белековской на Ладоскую дорогу на Пневской ям, велил переписати в книги охвотников (ямщиков. — *Н.Б.*) Пневского яму имяны чей хто сын и сколко у которого охотника лошадей.

Охотник Меншик Василев сынъ, а у него мерин бур, 9 лет, а грива на правую сторону. Охотник Якуш Тимофиев сын, а у него мерин гнед, 15 лет, а грива на правую сторону.

Охотник Левка Остафев да на тои-ж выти брат его Касянко, а у них мерин игрень, грива на розмет, на обе стороны, звезда во лбу.

Охотник Петруша Михайлов сын Оскуйской да на той ж выти Сенка Борисов, а у них мерин рыж, 9 лет, а грива на правую сторону, а на правой бедры голо.

Охотник Фетка Ортемев да на тои-ж выти Гриша Тимофиев, а у них мерин ворон, 15 лет, а грива на правую сторону, седелная подпарина на хребте на правой стороне.

Охотник Федор Иванов сын Кузнецов, а у него мерин рыж, 10 лет, грива на обе стороны да мерин кар, 8 лет, грива на обе стороны; да на тои-ж выти Сава Зеновев, а у них мерин ворон, 8 лет, грива на обе стороны.

Охотник Куземка Федоров сын Кузнецов да на тои-ж выти Иванко Зиновев да Поташка Тимофиев сын Королев, а у них мерин рыж, лыс, 8 лет, грива на обе стороны, да мерин гнед, 10 лет, грива на правую сторону, да мерин кар, 8 лет, грива на левую сторону.

Охотник Терешка Иванов сын Кухнов, а у него мерин соврас, 7 лет, во лбу звезда, грива на левую сторону с розметиной, да на тои-ж выти Гаврилка Фофанов, а у него мерин рыж, лыс, скороглас, грива на левую сторону, а на задних ногах бело; да на тои-ж выти Терешка Семенов, а у него мерин ковур, 15 лет, а грива на обе стороны; да на тои-ж выти Ларионко Никонов сын, а у него мерин рыж, 7 лет, грива на левую сторону.

Охотник Иванко Василев да сын его Ротка да на тои-ж выти зять его Васка Сидоров сын, а у них мерин бур, синегрив, 9 лет, грива на правую сторону да мерин ковур, лыс, нос порот, 11 лет, грива на правую сторону да мерин гнед 7 лет, грива на левую сторону.

Охотник Овдокимко Яковлев сын, а у него мерин рыж, 8 лет, грива на правую сторону да мерин чал, 8 лет, грива на правую сторону, да мерин ковур, 7 лет, а грива на правую сторону, а на левой на задней ноги по щетку бело» (45, 140).

Глава пятая

Экипажи

Русские дороги радовали глаз разнообразием и причудливыми формами экипажей.

Вот как рассуждали на эту тему уже знакомые нам литературные путешественники Василий Иванович и Иван Васильевич.

«Ну и хорошо, и прекрасно! А послушай-ка, знаешь ли, в чем мы поедем? А?

— В карете?

— Нет.

— В коляске?

— Нет.

— В бричке?

— И нет.

— В кибитке?

— Вовсе нет.

— Так в чем же?

Тут Василий Иванович лукаво улыбнулся и провозгласил торжественно:

— В тарантасе!» (172, 7).

В этом великолепном диалоге упомянуты все основные виды колесных экипажей, которыми пользовались путники во второй четверти XIX века.

Начнем с *кареты*.

В каретах ездила знать. По статусу это что-то вроде современного «мерседеса». Для езды в карете требовалась сильная упряжка лошадей. Вот что говорит об этом маркиз де Кюстин.

«"Расстояние — наше проклятие", — сказал мне однажды император. Справедливость этого замечания можно проверить даже на улицах Петербурга. Так, не из чувства тщеславия разъезжают там в каретах, запряженных четверкой лошадей. Ибо поездки с визитом — это целое путешествие. Русские лошади, нервные и полные огня, уступают нашим в мускульной силе. Пара лошадей не может долго мчать тяжелую коляску по скверным петербургским мостовым. Поэтому четверка лошадей

является предметом первой необходимости для всякого, желающего вести светский образ жизни. Однако, далеко не каждый имеет право на такую запряжку: этой привилегией пользуются лишь особы известного ранга» (92, 123).

Когда Кюстин с разрешения императора Николая отправился на экскурсию в Шлиссельбург, его выезд также соответствовал его высокому статусу.

«Итак, вчера в пять часов утра я выехал в коляске, запряженной четверкой лошадей — два коренника с пристяжными (цугом ездят здесь только по городу, а при поездках за город применяется этот античный способ запряжки). Мой фельдъегерь поместился на козлах рядом с кучером, и мы помчались по улицам Петербурга» (92, 175).

Двадцать лет спустя, в 1858 году, Петербург посетил другой французский литератор — Теофиль Готье. Он также отметил пристрастие русской знати к каретам и сделал на этот счет аналогичные замечания.

«В Санкт-Петербурге ходят мало и, чтобы сделать несколько шагов, уже садятся в дрожки. Карета существует здесь не как признак богатства, роскоши, а как предмет первой необходимости. Но всё это опять же в обществе. Мелкий торговец и малооплачиваемый служащий ограничивают себя во многом и не в состоянии купить собственную карету, дрожки или сани. Считается, что людям определенного уровня ходить пешком не к лицу, не пристало. Русский без кареты, что араб без лошади. Подумают еще, что он неблагородного происхождения, что он мещанин или крепостной» (41, 49).

На провинциальных русских дорогах карета была большой редкостью. Герои «Тарантаса» были чрезвычайно удивлены, увидев на своем пути стоящую посреди дороги карету.

«— Василий Иванович, Василий Иванович!
— А? Что, батюшка?
— Вы спите?..
— Да, черта с два, будешь тут спать!
— Взгляните-ка на дорогу.

— Чего я там не видал?
— Никак кто-то едет.
— Купцы, верно, на ярмарку.
— Нет; это, кажется, карета.
— Что, что?.. А, да и в самом деле... Уж не губернатор ли?

Тут Василий Иванович поправил немного беспорядок своего дорожного костюма, из лежачего положения с трудом перешел в сидячее, поправил козырек картуза, очутившийся на левом ухе, и, приподняв ладонь над глазами, слегка приподнялся над пуховиком.

— А, да и в самом деле карета, да и стоит еще. Верно, изломалось что-нибудь. Рессора опустилась; шина лопнула. В этих рессорных экипажах то и дело что починка. То ли дело, знаешь, хороший тарантас. Не изломается, не опрокинется. Только дорога бы хорошая, так даже и не тряско.

Между тем они подвигались к предмету их любопытства. В самом деле, посреди дороги стояла карета, и даже карета щегольская, дорожный дормез. Ни сзади, ни спереди не было видно чемоданов, перевязанных веревками, ни коробов, ни кульков, употребляемых православными путешественниками. Карета, исключая грязных прысков, была устроена, как для гуляния. Из окна выглядывал господин в очках и турецкой ермолке и ругал своих людей самыми скверными словами, как будто они были виноваты, что в английской карете лопнула рессора» (172, 58).

Летом 1848 года Иван Аксаков на дороге из Владимира в Муром встретил карету, запряженную девятью лошадями. В ней ехал Федор Васильевич Самарин. Это обстоятельство Аксаков отмечает в дневнике как необычное явление (2, 370). Впрочем, сам он ехал в тарантасе, который из-за трудности дороги по рыхлому песку запряжен был шестеркой лошадей.

Хорошая карета была дорогим удовольствием, а мастера-каретники были известны всей Москве. Однако с русскими дорогами не могли совладать и самые лучшие

экипажи. Вот что рассказывает в своем дневнике 1853 года профессор-славист О. М. Бодянский.

«Обратно воротился П. А. Кулиш, уехавший было в Малороссию 1 июня. Карета, купленная им по поручению дяди жены его, Н. Д. Белозерского, у первого каретного московского мастера Ильина за 1075 рублей серебром, пока доехали в Тулу, искоробилась и потрескалась, а потому он с братом жены своей, В. М. Белозерским, назад приехал прямо к Ильину, который, спасая свое имя, принужден был отдать заплаченные за экипаж деньги и, сверх того, прогонные (50 рублей серебром). Последние — с большим трудом, только после угрозы пригласить в посредники обер-полицмейстера. На другой день была куплена новая карета, не уступавшая первой ни в чем, но с ответственностью мастера в прочности на целый год, за 880 рублей серебром, у каретника Маркова, по совету одного тульского каретника, хвалившего сильно добросовестность и прочность Марковских экипажей» (14, 90).

Впрочем, под именем кареты могли существовать самые разные по своим достоинствам, конструкциям и ценам экипажи. Даже небогатый губернский архитектор Андрей Достоевский для переезда на новое место службы в 1858 году приобрел видавшую виды карету.

«Мне удалось присмотреть случайно продававшуюся старую карету, постройки 30-х годов, которую я и купил за 50 рублей. Это был целый Ноев ковчег. И вот в назначенный к отъезду день, 15 июля, к 1 часу дня шестерик почтовых лошадей с ямщиком и форейтором были в совершенной готовности. Мы разместились в карете, и лошади легко сдвинули и покатили наш рыдван, который только покачивался из стороны в сторону на своих крепких и упругих круглых рессорах» (54, 261). Впоследствии эта карета верой и правдой служила ему несколько лет и наконец была продана за 40 рублей каким-то старьевщикам.

Особой разновидностью карет были *кареты почтовые*. Сделанные по единому образцу, крепкие и выносливые, почтовые кареты были наиболее распро-

страненным средством передвижения по бескрайним русским просторам. Места в карете заказывали заранее, так как желающих всегда было больше, чем самих мест.

Вот как описывал свое путешествие в почтовой карете из Петербурга в Москву летом 1829 года английский офицер Джеймс Александер.

«Итак, я поехал в Москву. Почтовая карета отправлялась с *Большого Морского проспекта* в жаркий летний день; со мной ехали еще три пассажира: дама-шведка, русский полковник и чиновник. Рядом с кучером сидел немецкий купец, а в "корме" экипажа — два бородатых русских торговца.

Подчас тяжелую карету тянули 9 лошадей (скорее, одров), по 4 и 5 в ряд, иногда ими управляли мальчики лет по 10—12, один из них сидел на низких козлах, а другой — верхом на первой лошади. Должен сказать, что карета была просторна и удобна, правда, нам ужасно досаждали мухи и жара. Но мы легко примирились с неудобствами путешествия, памятуя, как отвечают русские офицеры на вопрос, не страдают ли они от жары, холода или голода: "Ничего, я солдат"» (6, 94).

Летом 1841 года на почтовой карете отправились из Москвы в Петербург братья Михаил и Андрей Достоевские. Это путешествие хорошо запомнилось младшему, Андрею, который много лет спустя рассказывал о нем в своих воспоминаниях.

«Ехать мы решились в почтовой карете, или так называемом мальпосте. Эти кареты, по две зараз, отходили ежедневно из Москвы в Петербург и из Петербурга в Москву, по вечерам. Билеты на проезд брались заблаговременно, и в назначенный день и час пассажиры должны были приезжать со своею кладью в почтамт и оттуда отправляться в дальний путь. — Брат взял для себя и для меня два места спереди кареты, в так называемых передних колясках, тут же имелось и 3-е место, отгороженное от двух первых, для кондукторов. В день нашего отъезда нас провожали в почтамт сестра Варенька и ее добрый муж Петр Андреевич. С большою скорбью я расстался в этот день сперва с тетушкой, а на месте самого

отъезда и с сестрою и зятем. Кондуктор протрубил, и все пассажиры поспешили занять свои места. Мы с братом уселись в свою колясочку и, помню, еще долго сидели и разговаривали с сестрою. Разговоры не клеились, как обыкновенно в минуту расставания. Наконец эта минута настала. С трубным звуком кондуктора карета двинулась, и мы, сказав последнее прости провожавшим, грузно покатились по улицам Москвы. Вскоре и улицы прекратились, и карета наша покатилась по гладкому и вполне исправному в то время шоссе...

...Двух с половиною суточное путешествие в мальпосте было самое мучительное из всех путешествий, когда-либо мною испытанных. Много впоследствии, в продолжение своей жизни, я совершал путешествий и железнодорожных, и по воде на пароходах, и просто на перекладных лошадях, но ни один из этих способов путешествия не был так мучителен, как путешествие в мальпостах. Начать с того, что тут пассажир отрекается от своей свободы и подчиняется вполне правилам езды. Заболел ли кто из пассажиров, кондуктору нет дела, он мчит карету с тою же скоростью, лишь бы в назначенное время поспеть к известному месту. От постоянного сидения в одном положении ноги затекают, немеют, и человек чувствует себя совершенно связанным. К довершению благ, наступили довольно значительные морозцы, и я чуть не отморозил себе ноги. Еще днем хорошо, разнообразие открывающихся ландшафтов занимает путешественника, но ночью, в особенности вторую и третью ночь, когда утомишься от бессонницы, одолевают какие-то кошмары, являются какие-то видения и прочая чепуха. Никогда не любил я путешествий в мальпостах, хотя и приходилось раза 4 проехать это пространство. Наконец, на третьи сутки мы ввалились в Петербургский почтамт и оттуда на извозчиках проехали в квартиру брата Федора» (54, 121).

Внешний вид почтовой кареты с годами мало менялся. Вот какой изображает ее Теофиль Готье, посетивший Ярославль летом 1861 года.

«От Ярославля, куда мы прибыли, можно проехать на перекладных до Москвы. Упряжки почтовых карет требуют особого описания. Карета, запряженная це-

лым табуном маленьких лошадей, ожидает пассажиров у пристани. В России это называется тарантас, то есть каретный ящик, поставленный на два длинных бруса, которые соединяют переднюю и заднюю оси колес. Эти брусья подвижны и заменяют рессоры. У такого устройства есть преимущество: в случае поломки тарантас легко чинится и смягчает тряску самой дурной дороги. Похожий на древние носилки, ящик снабжен кожаными занавесками. Пассажиры рассаживаются в нем вдоль стенок, как в наших омнибусах. С уважением, коего оно вполне заслуживало, рассмотрев это допотопное каретное сооружение, я поднялся по сходням на набережную и направился в город» (41, 376).

Кибитка... Какое старинное, волнующее название! Но что же представлял собой этот дорожный снаряд?

Сначала да просветит нас всезнающий Даль.

«Кибитка, гнутый верх повозки, крыша на дугах; беседка, будка, волочок, болок. Вся телега или сани с верхом, крытая повозка» (47, 106).

Таким образом, кибитка — это нечто азиатское по происхождению, не вполне определенное по очертаниям, но, во всяком случае, дающее путнику укрытие от дождя и снега. Размеры кибитки позволяли устроить в ней лежанку, на которой легче будет скоротать дорогу.

В кибитке отправился из Петербурга в свое незабвенное путешествие Александр Радищев. «Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик по обыкновению своему поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом...» (154, 42).

При слове «бричка» что-то словно щелкнет в памяти, и она тотчас выдаст справку: школьные уроки литературы, «Мертвые души» Гоголя. Именно бричка служила пристанищем для гения российских дорог Павла Ивановича Чичикова. И как тут не вспомнить первую фразу «Мертвых душ»:

«В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка...» (35, 6).

Далее следует известное рассуждение двух мужиков, стоявших «у дверей кабака против гостиницы», относительно прочности колеса чичиковской брички: доедет ли оно до Казани или только до Москвы. Заметим, что из этого диалога несложно догадаться, что «город NN» в реальности мог быть только Владимиром. Рассуждение мужиков вполне резонно: Владимир стоит на большой дороге из Москвы на Нижний Новгород и далее — на Казань. Отсюда примерно 180 верст до Москвы и раза в три дальше — до Казани.

Именно этой дорогой, из Москвы в Казань, отправил своих героев и автор «Тарантаса». И Павел Иванович Чичиков вполне мог повстречать Ивана Васильевича, прогуливающегося на соборной площади Владимира. Оба произведения создавались практически одновременно.

Это совпадение не случайно. Образ дороги в его реалистическом и метафорическом наполнении властно вступал тогда в русскую литературу. Он соединял и примирял любезный русскому сердцу романтизм с «критическим реализмом». Он был одним из основных в творчестве Пушкина и Гоголя. Ведущая бог весть куда разбитая русская дорога приземляла поэзию и возвышала прозу.

Но вернемся к бричке Чичикова. Вот как описывает внешность этого легендарного экипажа В. И. Даль.

«Бричка — легкая полукрытая повозка; повозка с верхом, будкой, волчком; более известны польские брички: легкие, дышловые, с плетеным кузовом, кожаным верхом, внутри обитые» (46, 128).

Дорожные достоинства брички были относительными. «Бричка хоть и покойнее телеги, но недалеко ушла от нее и вдесятеро беспокойнее тарантаса и зимней повозки», — свидетельствует Иван Аксаков (2, 50).

Именно бричку избрал для своего путешествия английский офицер Джеймс Александер, ехавший из Москвы в Одессу летом 1829 года.

«Пришла пора продолжить наше путешествие на юг. Мне посоветовали купить легкую сибирскую бричку; я

разместил багаж на дне экипажа, сверху бросил мешок с сеном для лежания, мы устроились поудобнее и, попрощавшись с друзьями, выехали за шлагбаум» (6, 138).

Весьма схожа с бричкой и так называемая *нетычанка* (двуколка с плетеным кузовом), на которой путешествовал по Малороссии приятель Гоголя Иван Аксаков.

«Сделав с лишком 1200 верст в телеге, я нашел очень неудобным перекладываться на каждой станции, терять и портить вещи, а потом и самого себя приводить после каждого переезда в состояние, негодное для работы почти на целые сутки. Представился удобный случай, и я купил *нетычанку* (так зовется этот экипаж в Малороссии, Новороссии и в Западном краю) превосходную, заграничной венской работы, за 55 рублей серебром. Мне уже обещали купить ее в случае, если мне придется возвращаться зимним путем. Это телега же, особенного устройства, плетенная из камыша, на рессорах, также особенного простого устройства. Она не так покойна, как обыкновенный рессорный экипаж или даже тарантас, но покойнее телеги и легче телеги, так что без затруднения можно ехать парой. Я очень доволен этой покупкой...» (3, 251).

Обычным явлением на российских дорогах был неторопливый *тарантас*. В одноименной повести В. А. Соллогуба он представлен как некое чудище, реликт допотопных времен и символ отечественной неуклюжести. Однако это не совсем так. Точнее, тарантасом могли называть очень разные по внешнему виду и внутреннему устройству экипажи. Иван Аксаков приобрел тарантас и с удобством путешествовал на нем из Москвы в Самарскую губернию (2, 369). В письмах отцу из Астрахани он расхваливал достоинства заказанного у местных мастеров тарантаса. «Тарантас наш будет на днях готов, просто чудо, широкий, легкий, с разными удобствами» (2, 174).

В Толковом словаре В. И. Даля дается весьма широ-

кое определение тарантаса как «дорожной повозки на долгих, зыбучих *дрогах*». В свою очередь, *дроги* — «продольный брус у летних повозок всех родов для связи передней оси (подушки) с заднею; дрога определяет длину хода, бывает деревянная и железная, парная и одиночная, посредине». Тарантасные дроги, сообщает Даль, для прочности выделывались обычно из зеленого дуба.

Изготовление тарантасов было достаточно сложным ремеслом, навыки которого передавались от отца к сыну. В Ярославской губернии славилось своими тарантасами село Середа.

Бесконечное разнообразие вариаций на тему тарантаса порождало самые неожиданные образы. В путевых записках Павла Сумарокова встречается яркое описание одного из таких дорожных чудес.

«Но какой странный, неизвестный экипаж остановился у нашего трактира! Сидит с полдюжины барынь, везет одна лошадь, а минут через пять показались и у извозчиков такие же повозки. Это тарантас, род *линеек*, лучше сказать длинные, простые роспуски (дроги. — *Н. Б.*), которые здесь, и в деревнях, в большом употреблении, заменяют коляски и брички. Тарантасы имеют великие удобности, спокойны, доски гнутся как рессоры, поместительны, укладисты, легки, не дорого стоят, не опрокидываются, и повреждения всякий крестьянин починить может» (181, 161).

Линейкой называли длинную повозку с продольной скамьей, на которой спиной друг к другу размещались по два или три человека с каждой стороны. Иногда линейку оснащали навесом на столбиках.

Покупка нового экипажа была важным событием в жизни дворянина средней руки. Для разных целей нужны были разные виды экипажей. Да и достоинства их были весьма различны. Иван Аксаков летом 1846 года сообщал отцу из Калуги: «Я Вам скажу по секрету, что я уже с месяц тому назад купил по случаю чудеснейшую купеческую тележку, на железных осях, легкую как перышко; в моей коляске слишком тяжело ездить за город,

а в этой тележке можно было бы ездить на одной лошади, но я велел приделать крюк для пристяжки, и Матюшка едва может сдержать лошадей. Впрочем, я ею сам еще не столько пользовался, сколько другие мои знакомые. Заплатил за нее 90 рублей ассигнациями. (Незадолго перед тем Аксаков, возвращаясь из Астрахани, купил в складчину с другими отъезжавшими чиновниками тарантас за 300 рублей. — *Н. Б.*) Эта тележка всегда пригодится и Вам для поездок из Москвы в Абрамцево. Она очень покойна» (2, 289).

Самым неудобным, но в то же время самым скоростным видом экипажей была *тележка фельдъегеря*. С помощью фельдъегерской службы из столицы в провинцию передавались правительственные указы, важные документы, а также корреспонденция царской семьи. На почтовых станциях фельдъегерь получал лошадей вне всякой очереди.

«Фельдъегерь — это олицетворение власти. Он — слово монарха, живой телеграф, несущий приказание другому автомату, ожидающему его за сто, за двести, за тысячу миль и имеющему столь же слабое представление, как и первый, о воле, приводящей их обоих в движение. Тележка, в которой несется этот железный человек, самое неудобное из всех существующих средств передвижения. Представьте себе небольшую повозку с двумя обитыми кожей скамьями, без рессор и без спинки — всякий другой экипаж отказался бы служить на проселочных дорогах, расходящихся во все стороны от нескольких почтовых шоссе, постройка которых только начата в этой первобытной стране. На передней скамье сидит почтальон или кучер, сменяющийся на каждой станции, на второй — курьер, который ездит, пока не умрет. И люди, посвятившие себя этой тяжелой профессии, умирают рано» (92, 127).

В качестве некоторой компенсации за тяготы своей службы фельдъегеря пользовались правом любыми средствами прокладывать себе дорогу. Особенно страдали от их ярости и рукоприкладства ямщики, кучера и станционные смотрители. Кюстин наблюдал в Петер-

бурге, «как какой-то курьер, фельдъегерь или некто не выше его по рангу, выскакивает из своей брички, подбегает к одному из таких благовоспитанных кучеров и начинает осыпать его ударами. Он может бить его изо всей силы кулаками, палкой, кнутом в грудь, в лицо, по голове, куда попало. И несчастный, виноватый тем, что не посторонился достаточно быстро, не оказывает ни малейшего сопротивления из почтения к мундиру и касте своего мучителя» (92, 157).

Все виды экипажей, передвигавшихся по градам и весям России, объединялись несколькими общими чертами, которые Кюстин определил следующим образом. «Экипажи по большей части содержатся плохо, небрежно вымыты, скверно окрашены, еще хуже отлакированы и в общем лишены всякого изящества. Даже коляски, вывезенные из Англии, скоро теряют свой шик на мостовых Петербурга и в руках русских кучеров. Хороша только упряжь, легкая и красивая, выделанная из превосходной кожи» (92, 126).

Последним по удобствам и красоте отделки, но первым по распространенности средством передвижения была простая крестьянская телега. Облик этого поистине «народного экипажа» был прост, а комфорт — аскетичен. Таким его и представил Теофиль Готье в своих записках о России.

«Во дворе почтовой станции не было других свободных повозок, кроме телег, а нам нужно было ехать пятьсот верст только до границы.

Чтобы по-настоящему объяснить весь ужас нашего положения, необходимо небольшое описание телеги. Эта примитивнейшая повозка состоит из двух продольных досок, положенных на две оси, на которые надеты четыре колеса. Вдоль досок идут узкие бортики. Двойная веревка, на которую накинута баранья шкура, по обе стороны прикреплена к бортам, образуя нечто вроде качелей, служащих сиденьем для путешественника. Возница стоит во весь рост на деревянной пере-

кладине или садится на дощечку. В это сооружение запрягают пять меленьких лошадок, которых, когда они отдыхают, вследствие их плачевного вида, не взяли бы даже для упряжки фиакров, так они несчастно выглядят. Но, однако, если они уже запущены в бег, лучшие беговые лошади за ними поспевают с трудом. Это не барское средство передвижения, но перед нами была раскисшая от таявшего снега адская дорога, а телега — это единственная повозка, способная ее выдержать» (41, 329—330).

Глава шестая

Ямщики

Ямская гоньба как единственно возможная система связи, пронизывающая огромные безлюдные пространства, была плодом организаторского гения Чингисхана. Его сын Угедей, взойдя на трон, озаботился усовершенствованием отцовского изобретения. Он лично утвердил перечень предметов, которые всегда должны были быть в наличии на каждом «яме», то есть постоялом дворе. Предусмотрительный государь в конце реестра приписал, что, если при проверке обнаружится даже самая малая нехватка против списка, содержатель яма будет сурово наказан.

«Отныне впредь нами устанавливается для каждого яма определенное число улаачинов (служителей. — *Н.Б.*), лошадей, баранов для продовольствия проезжающим, дойных кобыл, упряжных волов и повозок. И если впредь у кого окажется в недочете хоть коротенькая веревочка против установленного комплекта, тот поплатится одной губой, а у кого недостанет хоть спицы колесной, тот поплатится половиною носа» (71, 154).

Московские князья позаимствовали у татар систему ямской гоньбы. Иван III в завещании не забыл и такое распоряжение:

«А сын мой Василеи в своем великом княженье держит ямы и подводы на дорогах по тем местом, где были ямы и подводы на дорогах при мне. А дети мои, Юрьи з братьею, по своим отчинам держат ямы и подводы на

дорогах по тем местом, где были ямы и подводы по дорогам при мне» (56, 362).

Ямская служба без особых изменений дошла от Батыевых времен до 1586 года, когда «во всем государстве ямщики устроены селами и деревнями по разным трактам» (165, 363).

Механизм ямской службы той эпохи наглядно представляет царское распоряжение по устройству ямов (ямских слобод Алексеевской и Котельницкой) в Новгороде.

«Лета 7094 (1586). По Государеву Цареву и Великого Князя наказу велено учинити дьяком Саве Фролову да Семейке Емелянову в Новгороде два яму: один на Софейской стороне, а другой на Торговой стороне, а на ямех 140 чел. охотников, по 70 чел. в слободе, а держати всякому ямщику по четыре мерины, а давати им по 25 рублев человеку, и того 3500 р.

(«Охотников», то есть добровольцев, изъявивших желание стать ямщиком, набирали из числа податных крестьян. — *Н. Б.*)

А розвести те денги с архиепископа и с архимандрита, и с игуменов, и с помещиковых земель, и с черных волостей со всех и с заонежских волостей и с сох, которые сохи были приписаны к посадцким ямом преж сего.

(*Соха* — единица поземельного налогообложения в Московской Руси. — *Н. Б.*)

А розписати боярину и воеводе князю Федору Михаиловичю Трубетцкому и дияком вместе перед архиепископом розверстав да в тоже число взяти ис кабатцких денег 300 рублев за ноугородцкой посад.

А с ноугородцкого посаду с посадцких людей в ям не имати.

(Правительство запрещало набор в ямщики основных налогоплательщиков — посадских людей. — *Н. Б.*)

А росписав на сохи (податные единицы. — *Н. Б.*) денги и собрав и охотников прибрав, да те денги охотником велено роздати и на яму поставити и поруки по них поимати крепкие, что им на том яму с подводами стояти и с яму не збежати.

(Ямщики получали казенное жалованье для покупки и содержания лошадей и всего необходимого для ямской гоньбы. — *Н. Б.*)

А имати в охотники велено всяких людей, опричь новых посадцких людей, которые ныне сведут на посад.

А посатцких людей в охотники имати не велено.

И охотников велено дияком беречи во всем, чтоб их послалники (гонцы. — *Н. Б.*) не били и не грабили и кормов своих на них не имали.

А для береженя приказати велено, выбрав дву сынов боярских из неслуживых, кого пригоже, чтобы охотники на ямех стояли сполна, а с яму не розбежались.

А то дияком велено укрепити накрепко, чтоб на первых ямех от Новагорода охотники стояли по Московской дороге на Броннич, а по Псковской дороге на Пшаге, чтоб однолично (ни в коем случае. — *Н. Б.*) ноугородцкие подводы через те ямы не ходили; и от посланников однолично (равным образом. — *Н. Б.*) беречи накрепко, чтоб послалники многих подвод по прежнему не имали.

(Постоянной угрозой исправности ямской гоньбы было использование ямских лошадей для местных нужд. Другой угрозой были чрезмерные запросы разного рода гонцов на подводы. — *Н. Б.*)

А отпущати гонцов велено збирая розные многие дела.

(Пустая трата сил и средств происходила от желания каждого ведомства посылать в столицу собственного курьера. Указ требует собирать для отправки с одним гонцом разные бумаги. — *Н. Б.*)

А лишних подвод никому давати не велено; а коли пошлют в ноугородцкой уезд для высылки (отправки людей на военную службу или общественные работы. — *Н. Б.*) и для денежных зборов, и тем велено давати по подводе да по проводнику, а болши дву подвод никому не давати; а ездити велено на ямских подводах до первых деревень, а с первые деревни имати велено по селам и по деревням подводы.

А о всем о том дияком велено докладывати боярина и воеводы князя Федора Михаиловича Трубетцкого и промышляти о государевых делех с боярином и с вое-

водой со князем Федором Михаиловичем Трубетцким с товарыщи по Государеву наказу как бы было Государеву делу прибылнее; а ко Государю о всяких делех писати подлинно.

Да дияком же Савелю Фролову да Семейке Емелянову по Государеву Цареву и Великого Князя наказу велено въ Новегороде на посаде, устроив ямских охотников 140 чел., дати им земли по десяти четвертей человеку, блиско посаду, сыскав про старые ямские земли, которые были за ноугородцкими ямщики и про старое устроене, и те земли велено сметити и, сметя, роздати охотником по Государеву указу.

(Ямщики получали наделы земли, которые могли использовать под пашню, огород или сенокос. Иногда они сдавали их в аренду посадским людям. Прежние, «старые ямские земли» остались без хозяев или перешли в другие руки во время разрухи в конце правления Ивана Грозного. — *Н. Б.*)

А что им в тех землях не будет, и им велено дати из порозжих (свободных, никем не занятых. — *Н. Б.*) земель, которые блиско ноугородцкого посаду и из поместных земель, которые пришли смежно с ямскими землями, а помещиком в то место велено дати в иных местех где пригоже из порозжих земель.

(Ямщики получали земли вблизи от их слобод, так как должны были всегда быть готовыми к исполнению служебных обязанностей. — *Н. Б.*)

Как тех ноугородцких ямщиков землями устроят и что им поместных земель роздадут, и дияком о том велено писати ко Государю Царю и Великому Князю» (45, 97).

Система ямской гоньбы была разрушена вместе с другими государственными институтами в Смутное время. Понимая огромное значение быстрой доставки людей и документов в условиях российского пространства, правительство Михаила Романова принимало энергичные меры для восстановления ямской службы. О результатах этих усилий свидетельствует секретарь голштинского посольства Адам Олеарий, посещавший Москву в 1630-е годы.

«Чтобы дать возможность послам и эстафетам передвигаться поскорее, на больших дорогах заведен хороший порядок. В разных местах держат особых крестьян, которые должны быть наготове с несколькими лошадьми (на одну деревню приходится при этом лошадей 40, 50 и более), чтобы, по получении великокняжеского приказа, они немедленно могли запрягать лошадей и спешить дальше. Пристав или сам едет вперед, или посылает кого-либо иного и велит ждать эстафету. Если теперь эстафета, прибыв на место днем или ночью, подаст свистом знак, немедленно появляются ямщики со своими лошадьми. Вследствие этого расстояние от Новгорода до Москвы, в котором насчитывается 120 немецких миль, может быть совершенно спокойно пройдено в 6—7 дней, а в зимнее время, по санному пути, еще и того быстрее. За подобную службу каждый крестьянин [ямщик] получает в год 30 рублей, или 60 рейхсталеров, может к тому же заниматься свободно земледелием, для чего получает от великого князя землю, и освобождается от всяких поборов и других тяжелых повинностей. Когда они едут, то пристав должен каждому из них выдать по алтыну или по два (что они называют «помаслить хлеб»). Служба эта очень выгодна для крестьян, и многие из них стремятся быть подобного рода ямщиками» (125, 232).

Регулярное устройство различных служб Российской империи коснулось и ямщиков. Вот краткая историческая справка о их статусе во времена Елизаветы и Екатерины.

«Движение на сухопутных дорогах обеспечивалось прежде всего системой ямской гоньбы... Как и в прежнее время, "ямы" располагались по трактам — на расстоянии 20—30 верст друг от друга... Ямщики селились близ яма слободами, которые для удобства раскладки делились на выти по нескольку семей и дворов в каждой. Число дворов в выти в разных районах было различным. Как правило, каждый ямщик держал по 3—4 лошади. Кроме того, он должен был иметь телегу, сани, седла, сбрую, а если ям находился на реке, то и лодку для перевоза. За свою службу ямщики получали жалованье от 20 до 25

руб. в год, а также прогоны за каждую подводу. Кроме жалованья и прогонов ямщики получали от правительства свободную от налогов землю и освобождались от различных повинностей. В середине XVIII века в стране насчитывалось более 45 тысяч ямщиков» (108, 273).

Жизнь ямщика была, конечно, более обеспеченной и разнообразной, чем жизнь крепостного крестьянина. Однако и у них хватало забот. О некоторых из них сообщает наказ Ямской канцелярии депутату Уложенной комиссии (1767) надворному советнику Нелидову, представлявшему там интересы этого ведомства.

Ямщики жалуются на то, что старые почтовые тракты на некоторых участках ушли далеко в сторону от первоначального пути. Поэтому ямщикам приходится добираться до своих почтовых станций «верст по двести и по триста и более, а в вешнее и осеннее время за разлитием вод и вешних грязей к определенным своим станциям приехать никакого способа не имеют и в таком случае принуждены бывают за себя наймовать тутошних жителей» (165, 363).

Ямская канцелярия просит приписать ямщиков из удаленных от трактов деревень «к экономическому правлению», то есть перевести их в разряд бывших монастырских крестьян, которыми после секуляризации церковных земель в 1764 году ведала Коллегия экономии.

Другая проблема связана была со скупостью Российского государства. Оно, как правило, содержало меньше ямщиков, чем нужно было для проезжающих. Отсюда — частые скандалы на постовых станциях.

Устами своего депутата Ямская канцелярия представляет в Уложенную комиссию довольно мрачную картину. Согласно указу Петра Великого от 1705 года с каждых семи дворов (с каждой «выти») ямщиков надлежало выставлять по три лошади. Требовать лошадей больше, чем по этой норме, строго воспрещалось. За принуждение ямщиков Петр грозил штрафом. Однако с тех пор движение по дорогам сильно увеличилось и лошадей постоянно не хватало.

«А ныне по великости разгона сверх вытного числа с превеликим принуждением и с побоями не малое число лошадей берут, а в случае недостатка ямщики принуждены бывают дорогою ценою нанимать...» (165, 364).

За проблемой лошадей тянулась и проблема багажа. Обычно путники ехали в собственном экипаже, меняя на станциях лошадей и ямщиков. При этом они часто так нагружали свою повозку, что лошади выбивались из сил.

Ямская канцелярия жалуется: «Многие проезжающие, взяв по своему рангу подорожную на почтовые или на ямские, запрягают лошадей весьма в тяжелые повозки, от чего ямщики принуждены бывают, опасаясь, чтобы от такой тягости лошадей не поморить, припрягать без платы прогонов излишних лошадей; а во иных местах проезжающие берут из принуждения; а где ямщики не станут давать, в таком случае бывают великие драки, а особливо на почтовых станах, понеже на оных, кроме почтарей, никого смотрителей не имеется, и отвращать всякого беспорядку некому» (165, 364).

Ямская канцелярия просит издать особый закон, запрещающий принуждать ямщиков к сверхнормативной подаче лошадей. Надлежит также установить для экипажей четкие нормативы по количеству лошадей и весу багажа.

«На почтовых и ямских: в четвероместную карету — шесть лошадей; в ней седоков четыре человека, позади два; поклажи класть весьма малое число.

В четвероместную же покоевую коляску или шкапваген — шесть лошадей; поклажи в нее класть не более двадцати четырех пуд; при ней людей два человека.

В двуместную карету — пять лошадей; в ней седоков два или три человека, назади два; поклажи, кроме самой легкой, отнюдь ничего не класть.

В двуместную половинчатую дорожную коляску — четыре лошади; в ней седоков два человека; назади один или двое; поклажи класть не более десяти пуд.

В кибитке ямской — две лошади; седоков один человек, поклажи не более четырех пуд. Если седоков будет двое, то прибавить еще лошадь» (165, 365).

На почтовых станциях царили обычаи азиатских базаров. Ямщики искали выгодных пассажиров, шумно препирались между собой относительно очередности поездок и количества выставленных лошадей. Вот как это выглядело на почтовой станции в Новгороде. «Ямщики лежали повалкою у почты, зевали, потягивались и с четверть часа шумели, бросали жребья» (181, 14).

Сходную картину рисует в записной книжке ехавший из Москвы в Петербург летом 1839 года Эуген Хесс.

«Когда приезжаешь на почтовую станцию, перед ней всегда собираются двадцать—тридцать крестьян (ямщиков. — *Н. Б.*). Сначала они долго спорят и разыгрывают, кому ехать, в конце концов, запрягут шесть лошадей, после чего, под всеобщий крик и хлопанье в ладоши, мчишься галопом дальше. Но часто, особенно если дорога сразу же идет в гору, экипаж застревает уже в деревне. Тогда весь персонал почтовой станции и все, собравшиеся перед ней, вооруженные кнутами и дубинами, бегут рядом с лошадьми и подгоняют их истошными воплями, изо всех сил размахивая руками.

Впрочем, пока мы едем очень хорошо, так как в нашей подорожной (это паспорт для путешествия) мы обозначены как императорские курьеры, а кроме того, у генерала Киля есть еще свои собственные средства и ухватки, чтобы улаживать все затруднения» (203, 102).

Русский путешественник, ехавший в том же 1839 году из Петербурга в Москву, в своих записках раскрывает истинные причины и скрытые механизмы шумных споров ямщиков на почтовых станциях.

«Отсюда 6 верст до станции Ижоры. Она — при реке Ижоре (Ингре), впадающей в Неву при селе Усть-Ижоре, находящемся на Шлиссельбургской дороге. Только что вы въезжаете в деревню, ямщики, сидевшие на завалинке, уже столпились у станционного двора. Из того, как посвистывает, помахивает, охорашивается ямщик ваш, летя вдоль по слободке в виду красных девушек, они наперед заключают: на сколько лошадей у вас подорожная, прибавляете ли вы полпрогона, или целый прогон за лишнюю лошадь, которой, однако ж, не будет, тяже-

ла ли ваша повозка, велика ли поклажа, одним словом, сручна ли работа.

Приехали — а у них заводится жаркий спор о том, кому везти; разногласие оканчивается всегда жеребьем: все хватаются руками за постромку так, чтобы кулак шел плотно возле кулака до самого конца ее. Потом четверо: двое тех, которые держали за верхней конец постромки, и двое с нижнего конца хватаются за нее таким же порядком. Наконец из сих последних — двое крайних кладут в шляпу по грошу и чей грош вынется, тому и ехать, а прочие участники в жеребью берут с него *срыв*, т. е. двугривенник, который тут же жертвуется Бахусу. Эта сцена точь-в-точь будет повторяться на каждой станции, хотя везде существует очередь кому должно ехать. Да в чем же у них спор? В том, что никому не хочется трудной работы взять, а легкой уступить. Пружиной всего этого — богатые ямщики, у которых бедные, поневоле, в руках: иначе тот, у кого нет залишних лошадей, особенно в рабочую пору, должен был бы отправить свою очередь или всю наймом, или приманять к своим лошадям недостающее число; в первом случае он, несмотря на то, что имеет дело с земляками, заплатил бы им двойные либо тройные прогоны за каждую лошадь, а в последнем ему пришлось бы отпустить своих лошадей с посторонним ямщиком, который, конечно, не станет беречь чужого. Вот почему для бедных выгоднее жребий, в который идут только те, кому сподручно» (164, 48).

Ямщик — обязательный персонаж русской литературы первой половины XIX века. Однако роль, которая ему отводится, не слишком оригинальна. Как правило, это плутоватый и алчный мужик, требующий со всякого проезжающего кроме обычной платы денег «на водку».

«Погруженный в размышлениях, — говорит Радищев, — не приметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости. — Барин-батюшка, на водку! — Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий платит, дабы

не ехать по указу. — Двадцать копеек послужили мне в пользу» (154, 43).

Спустя лет сорок после Радищева такую же картину рисует другой путешественник из Петербурга в Москву английский офицер Джеймс Александер. «Когда мы останавливались, кучер и форейтор снимали картузы и просили на водку, даже дети произносят это слово; правда, в последнее время становится общепринятым просить на чай» (6, 95).

В обращении путника с ямщиком существовали свои неписаные традиции. О них с юмором вспоминает Пушкин в «Истории села Горюхина».

«День был осенний и пасмурный. Прибыв на станцию, с которой должно было мне своротить на Горюхино, нанял я вольных и поехал проселочною дорогой. Хотя я нрава от природы тихого, но нетерпение вновь увидеть места, где провел я лучшие свои годы, так сильно овладело мной, что я поминутно погонял моего ямщика, то обещая ему на водку, то угрожая побоями, и как удобнее было мне толкать его в спину, нежели вынимать и развязывать кошелек, то, признаюсь, раза три и ударил его, что отроду со мною не случалось, ибо сословие ямщиков, сам не знаю почему, для меня в особенности любезно. Ямщик погонял свою тройку, но мне казалось, что он, по обыкновению ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутом, все-таки затягивал гужи. Наконец завидел Горюхинскую рощу; и через десять минут въехал на барский двор» (153, 994).

О том же вспоминал и Теофиль Готье, ехавший по России вместе с попутчиком, долго жившим в России французом. Советы бывалого путешественника были просты и полезны новичку.

«И так как вы поспали, теперь ваша очередь бодрствовать. Я прикрою глаза на несколько минут. Не забудьте, чтобы скорость не снижалась, время от времени стучите кулаком по спине возницы, который ваши удары передаст поводьями спинам лошадей. Громко и сердито зовите его “дурак”. Это никоим образом не может повредить.

Я добросовестно справлялся с предложенной мне задачей. Но скажу сразу, чтобы омыть себя в глазах филантропов, упрекающих меня в варварстве: мужик был одет в толстенный тулуп из бараньей шкуры, а мех этот амортизирует любой внешний удар. Моя рука как будто встречалась с периной» (41, 332).

Впрочем, ямщик может проявлять и более симпатичные черты: удаль, глубокомыслие, мужество, великодушие. И сверх всего этого ямщик любит петь какие-то свои, протяжные, как волчий вой, и бесконечные, как степь, песни.

О чем поет ямщик в долгой и однообразной дороге? На этот вопрос попытался ответить С. П. Шевырев во время поездки по северным монастырям в 1847 году.

«Извозчик, который нас вез до села Кубенского, спел дорогой две песни. В одной из них, относящейся к Семилетней войне, главную ролю играл король Пруссии, потерявший свою армию. Другая начиналась красивым описанием зимы: родники и ключи замерзли, с деревьев облетели листья, пташки перестали петь, и соловей вместо рощи поет уже в трактирной клетке, а девушка поручает распремилому соловью в трактире милого городка Питера сказать слово ее милому, который гуляет по городу и забыл про нее. Дорогой в разговорах с ямщиком я поверял особенные слова Вологодского уезда, напечатанные в описании Вологодской губернии г. Пушкарева. Все эти слова оказались верными. Замечательно, что селитра здесь до сих пор называется "емчуга", откуда и объясняется ямчужное дело, часто встречающееся в древних актах. Южнорусское "и" вместо "е" здесь заметно. "В селе Кубенском ричь другая", — сказал мне извозчик» (214, 161).

Под пером неутомимого путешественника князя П. А. Вяземского «ухарский ямщик» вырастает до романтической фигуры, символа безвозвратно ушедшей юности и беспричинной степной тоски.

ПАМЯТИ ЖИВОПИСЦА ОРЛОВСКОГО

Грустно видеть, Русь святая,
Как в степенные года
Наших предков удалая
Изнемечилась езда.

То ли дело встарь: телега,
Тройка, ухарский ямщик;
Ночью дуешь без ночлега,
Днем же — высунув язык.

Но зато как всё кипело
Беззаботным удальством!
Жизнь — копейка! бей же смело,
Да и ту поставь ребром!

Но как весело, бывало,
Раздавался под дугой
Голосистый запевало,
Колокольчик рассыпной;

А когда на водку гривны
Ямщику не пожалеть,
То-то песни заунывны
Он начнет, сердечный, петь!

Север бледный, север плоский,
Степь, родные облака —
Все сливалось в отголоски,
Где слышна была тоска;

Но тоска — струя живая
Из родного тайника,
Полюбовная, святая,
Молодецкая тоска.

Сердце сердцу весть давало
И из тайной глубины
Все былое выкликало
И все слезы старины.

Не увидишь, как проскачешь,
И не чувствуешь скачков,
Ни как сердцем сладко плачешь,
Ни как горько для боков... (27, 219).

Это стихотворение написано между 1832 и 1838 годами и посвящено памяти живописца А. О. Орловского (1777—1832), любившего изображать стремительный бег русской тройки.

Глава седьмая

Быстрая езда

Среди других парадоксов русской жизни иностранцев поражало присущее России сочетание плохих дорог со всеобщей страстью к быстрой езде.

Тон задавал сам император Николай Павлович. Он вообще был самым неутомимым русским путешественником своего времени. Подсчитано, что в период с 1825 по 1850 год он в среднем проезжал по 5500 верст ежегодно (26, 530). Его стремительные рейды по России приводили в трепет провинциальных чиновников и военных. Царь очень ответственно относился к своим обязанностям и желал лично следить за порядком в империи.

Николай был словно одержим стремлением как можно быстрее преодолеть любое расстояние. В сущности, ему некуда было особенно торопиться. Но он сам придумывал поводы для бешеной скачки. Это могло быть, например, желание успеть на день рождения императрицы или кого-то из августейшей семьи. Вероятно, царю хотелось удивлять окружающих своими сверхчеловеческими возможностями, наслаждаться всеобщим изумлением и восхищением.

После постройки шоссейной дороги Петербург — Москва в 1816—1833 годах Николай установил абсолютный по тем временам рекорд скорости. Не останавливаясь на ночлег, он преодолел эти 640 верст за 38 часов (26, 533). Понятно, что при этом он часто менял лошадей, везде получая лучших и отдохнувших.

Впрочем, любовь к быстрой езде была свойственна не только императору Николаю. Эту русскую страсть разделяли с Николаем его подданные, и среди них — его политический антипод и беспощадный критик Александр Герцен. Возвращаясь из Вятки во Владимир в конце 1837 года, Герцен, по его собственному признанию, не удержался и велел ямщику гнать во всю мочь.

— Ну-тка, ну-тка, покажи нам свою прыть! — сказал я молодому парню, лихо сидевшему на облучке в наголь-

ном тулупе и несгибаемых рукавицах, которые едва ему дозволяли настолько сблизить пальцы, чтобы взять пятиалтынный из моих рук.

— Уважим-с, уважим-с. Эй вы, голубчики! Ну, барин, — сказал он, обращаясь вдруг ко мне, — ты только держись: туда гора, так я коней-то пущу.

Это был крутой съезд к Волге, по которой шел зимний тракт.

Действительно, коней он пустил. Сани не ехали, а как-то целиком прыгали справа налево и слева направо, лошади мчали под гору, ямщик был смертельно доволен, да, грешный человек, и я сам — русская натура» (32, 219).

Так говорил один из крайних русских «западников». А вот почти те же самые чувства в воспоминаниях современника Герцена, славянофила Ивана Аксакова.

«Из Осиновки я поехал вперед в г. Тирасполь, сначала на подводе обывательской; наконец добрался до почтовой станции Малоешты, где взял почтовую тройку (между прочим, я так обрадовался возможности скорой езды, что эти 15 верст на лихой тройке, в легкой плетеной тележке, по ровной степи, по дороге гладкой, вылощенной, будто чугунной, при полном месячном освещении, когда я несся, что только было силы, доставили мне, несмотря на все неприятные известия, истинное наслаждение!)» (3, 397).

И седока и кучера объединяла любовь к быстрой езде. «И какой же русский не любит быстрой езды!» — восклицал Гоголь. «Русские долго запрягают, но быстро ездят», — вторил ему хорошо знавший Россию Бисмарк.

Иностранцы увлекались русской страстью к быстрой езде и порой попадали из-за этого в опасное приключение.

«Теперь мы ехали очень быстро, — вспоминает Джеймс Александер (1829). — Ямщики постоянно погоняли лошадей криками “Но, но, да не бойсь”, после чего раздавались удары кнута. Мы галопом неслись к богатому торговому городу Орлу. Проехав Орел, ямщик, чтобы на 7 верст сократить путь, направил лошадей через

поля. Он гнал, будто за ним мчался сам сатана, кричал и топал ногами, заставляя лошадей перетаскивать бричку через небольшие канавы. Меня это развлекало до тех пор, пока мы не попали в яму на дне реки и не поплыли. Пришлось дать извозчику вежливый совет держаться бродов и не выходить за пределы благоразумия» (6, 144).

Поэтические натуры, к которым относился и Теофиль Готье, находили в ямской гоньбе истинное удовольствие.

«Скорость — это волнующее удовольствие. Какая радость вихрем нестись в звоне бубенчиков и треске колес среди огромного пространства, в ночной тишине, когда все люди спят, а на вас, словно указывая вам дорогу, мигающими глазами смотрят только звезды! Ощущение, что вы в действии, что вы идете, движетесь к цели в течение часов, обычно потерянных на сон, вас наполняет удивительной гордостью. Вы восхищаетесь собой и слегка презираете обывателей, храпящих под своими одеялами» (41, 332).

Быстрая езда издавна была в России своего рода национальным спортом. О природе этого увлечения (быть может, доставшегося нам в наследство от монголов) можно рассуждать долго. Но сам факт подтвержден многими свидетельствами. Иностранцам оставалось только закрывать глаза и полагаться на милость Божию и искусство русских возничих.

«Бывают минуты, — рассказывает Кюстин, — когда, не обращая внимание на мои протесты и упорное повторение русского "тише", ямщики пускают лошадей во весь опор. Тогда, убедившись в тщетности попыток их урезонить, я замолкаю и закрываю глаза, чтобы избежать головокружения. Впрочем, до сих пор мне не попалось еще ни одного неумелого возницы, а многие отличались поразительной ловкостью и искусством. Интересно, что самыми искусными коневодами оказались старики и дети, хотя, должен сознаться, что, когда я в первый раз увидел в этой роли мальчугана лет десяти, сердце мое сжалось, и я запротестовал. Но фельдъегерь

меня успокоил и, решив, что он в конце концов подвергается одинаковому со мной риску, я покорился своей участи. Исключительная сноровка, нужно сознаться, необходима русскому ямщику, чтобы при такой быстроте езды лавировать между загромождающими дорогу бесчисленными повозками» (92, 199).

Бешеная гонка начиналась с самого отправления. Теофиль Готье отмечает это как общее обыкновение.

«Русские кучера любят быструю езду, и лошади разделяют эту страсть. Скорее нужно сдерживать их, нежели подбадривать. Трогаются в путь всегда во весь опор, и, если не иметь привычки к этой головокружительной скорости, вам покажется, что лошади понеслись, закусив удила» (41, 264).

Возницы мчались, отпустив вожжи, не только по бескрайним российским просторам, но и по многолюдным улицам больших городов.

«Русские кучера держатся на козлах прямо и гонят лошадей всегда крупной рысью, но чрезвычайно уверенно. Поэтому, несмотря на исключительную скорость движения, несчастные случаи редки на улицах Петербурга. У кучеров часто нет кнута, а если и имеется, то он настолько короток, что практически бесполезен. Не прибегая даже к помощи голоса; возницы управляют лошадьми только посредством вожжей и мундштука. Вы можете бродить по Петербургу часами, не услышав ни единого кучерского окрика. Если прохожие сторонятся недостаточно быстро, форейтор издает негромкий звук, похожий на крик сурка, потревоженного в своей норе, — все спасаются бегством, и коляска проносится мимо, ни на секунду не замедляя безумной скорости движения» (92, 126).

Впрочем, несчастные случаи из-за быстрой езды на улицах Петербурга всё же случались. Император Николай издал суровое распоряжение для борьбы с лихачами. «В повозки с пожарными трубами почти всегда впряжены хорошие и сильные лошади. Это оттого, что император, чтобы положить конец диким скачкам по городу, издал указ, по которому, если кто-то будет сбит

лошадьми или хотя бы как-то ими поврежден, то кучера отправляют в солдаты, а лошадей, кому бы они ни принадлежали, передают в пожарную часть» (203, 25).

Склонный к ироническим парадоксам Кюстин по поводу быстрой езды замечает: «Здесь в обычае ездить быстро, я не могу проявлять меньше нетерпения, чем другие путешественники. Не спешить — это значит терять свое достоинство. Чтобы иметь вес в этой стране, нужно торопиться» (92, 204).

Профессиональными «гонщиками» русских дорог были курьеры — фельдъегеря. Вот как описывает проезд такого «гонщика» один иностранец, ехавший из Петербурга в Москву в 1829 году.

«Иногда тишину вечера нарушает мчащаяся галопом тройка. В повозке без рессор на соломе сидит курьер, а извозчик в красном клетчатом кафтане гикает и громко кричит, требуя освободить дорогу. Вскоре резкий звук колокольчика, привязанного к дуге средней лошади, затихает» (6, 96).

Быстрая езда курьеров и четкая система доставки почты была необходимым условием нормального функционирования огромной страны. Русские просторы требовали высоких скоростей. «Путь в 2300 верст от Одессы до Петербурга курьеры покрывают за 7 дней, надо сказать, что по всей России почта работает безукоризненно», — отметил тот же иностранец (6, 83).

Глава восьмая

Плохие дороги

Древняя Русь — страна лесов и болот. Ее кровеносной системой было множество мелких, извилистых рек. Земля здесь была зыбкой, влажной и нередко в прямом смысле «уходила из-под ног».

Борьба с бездорожьем стала важнейшей заботой государства со времен Ярослава Мудрого. Одной из самых

востребованных и высокооплачиваемых специальностей были «мостники» — строители мостов, гатей и городских мостовых. Тарифы на оплату работы мостника даже внесли в общегосударственный свод законов — Русскую Правду.

«А се урок (установление, закон. — *Н. Б.*) мостьников: аще помостивше мост, взяти от дела ногата (денежная единица, равная $^1/_{20}$ серебряной гривны. — *Н. Б.*), а от городници (часть деревянной мостовой. — *Н. Б.*) ногата; аще же будеть ветхаго моста (деревянной мостовой. — *Н. Б.*) подтвердити неколико досок, или 3, или 4, или 5, то тое же» (161, 49).

«Эта статья отражает бытовые условия новгородской жизни, а не киевской, — замечает современный комментатор. — Речь идет, очевидно, о мостовых, 28 слоев которых А. В. Арциховский обнаружил при раскопках в Новгороде, а не о постройке мостов: невероятно, чтобы работа по сооружению устоев городского моста стоила столько же, сколько установление трех—пяти досок» (148, 25).

В некоторых списках Русской Правды расценки работы мостника указаны более точно. «Оплата производится сдельно, в зависимости от длины моста, причем эта длина измеряется локтями» (70, 20).

Жалобы на плохие дороги могли бы составить отдельную главу в книге о России. Возмущение по этому поводу давно стало отъявленной банальностью. Но и не возмущаться было невозможно. Часто возгласы пострадавшего как-то сами собою стихали и превращались в признание общеизвестного факта. «Дороги, каковые у римлян бывали, наши не будут никогда», — печально констатировал Радищев (154, 135).

Дорога из Петербурга в Москву

Самой оживленной дорогой империи был путь из Петербурга в Москву. Кто только не высказывал письменно своих впечатлений от этого знаменитого тракта. Вот, например, строки из «Путешествия из Петербурга в Москву» Александра Радищева. «Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Та-

ковою ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великою грязь среди лета и сделала ее непроходимою...» (154, 45).

Незадолго до Радищева, в июне 1787 года, из Москвы в Петербург по той же самой дороге проехал необычный путник — 27-летний венесуэльский путешественник Франсиско де Миранда. Любезно принятый при дворе Екатерины II, он путешествовал по России с надлежащими документами и рекомендациями. Кроме собственного слуги, его сопровождал русский слуга по имени Алексей. После теплого приема в хлебосольной Москве Миранда отправился в Петербург. Свои путевые впечатления он прилежно заносил в дорожный журнал.

«Было уже четыре часа, когда я выехал, и тройка лошадей резво помчала меня по прекрасной дороге, по обе стороны которой открывались прекрасные виды...

Следуя довольно приличным трактом, миновали места, заселенные достаточно равномерно, ибо деревни встречаются здесь почти через одинаковые промежутки; оставив позади 16 верст, на четверке лошадей добрались до Городни, а затем, по такой же дороге с похожим пейзажем, уже на шестерке лошадей, приехал в город Тверь...

Шел сильный дождь, и было довольно холодно, когда я вошел на постоялый двор, очень уютный и чистый. Дорожки посыпаны песком, как в Голландии, а в комнатах развешены пучки ароматических трав. Мне тотчас подали чай и хлеб с маслом, всего за 30 копеек...» (116, 69).

Столь же приятные воспоминания оставила у Миранды и дальнейшая дорога до Вышнего Волочка. Но затем картина начала меняться.

«Дорога проходит тут по топким местам и потому везде вымощена бревнами, как водится у русских, и это сущий ад для путешественника, вынужденного трястись

в своей карете или кибитке... так что, когда я на четверке лошадей прибыл в Хотилов, преодолев 36 верст, всё тело болело, словно после порки» (116, 74).

За Новгородом «22 версты нам пришлось ехать по проклятой дороге, мощенной жердями, до селения Подберезье, где мой слуга Алексей сообщил, что не может найти подорожную, каковая, без сомнения, осталась в Новгороде, а без нее смотритель не хочет давать лошадей...» (116, 75).

Наконец дело уладилось.

«Тройка резвых коней повезла меня дальше, вдоль строящегося прекрасного тракта, мощенного камнем, который прокладывается по новому проекту императрицы, пожелавшей, чтобы весь путь до Петербурга был таким; здесь возводятся каменные мосты и другие великолепные сооружения, но до сих пор нет ни единой почтовой станции» (116, 75).

Перестройка дороги Москва — Петербург, предпринятая Екатериной II, была связана не только с ее усилиями по благоустройству сухопутных и водных дорог империи, но и с личными впечатлениями от путешествий из Петербурга по Вышневолоцкой системе каналов и далее в Москву (1785) и в Крым и обратно (1787).

Прошло полвека — а Петербургский тракт, над улучшением которого за эти годы немало поработали, всё еще был далек от совершенства. Вот что говорит об этом очевидец, маркиз де Кюстин.

«Путешествовать на почтовых из Петербурга в Москву, это значит испытывать несколько дней сряду ощущения, пережитые при спуске с "русских гор" в Париже. Хорошо, конечно, привезти с собою английскую коляску с единственной целью прокатиться на настоящих рессорах по этой знаменитой дороге — лучшему шоссе в Европе, по словам русских и, кажется, иностранцев. Шоссе, нужно сознаться, содержится в порядке, но оно очень твердо и неровно, так как щебень достаточно измельченный, плотно утрамбован и образует небольшие, но неподвижные возвышенности. Поэтому болты расшатываются, вылетают на каждом перегоне, на каждой

станции коляска чинится, и теряешь время, выигранное в пути, где летишь в облаке пыли с головокружительной скоростью урагана. Английская коляска доставляет удовольствие только на первых порах, вскоре же начинаешь чувствовать потребность в русском экипаже, более приспособленном к особенностям дороги и нраву ямщиков. Чугунные перила мостов украшены императорским гербом и прекрасными гранитными столбами, но их едва успевает разглядеть оглушенный путешественник — все окружающее мелькает у него перед глазами, как бред больного» (92, 193).

Барон Модест Корф, сановник времен Николая I, в своем дневнике за 1843 год, описывая различные примечательные события, сообщает и об инспекционной поездке из Петербурга в Москву главноуправляющего путями сообщения П. А. Клейнмихеля.

«Клейнмихель, прибыв в Москву, представил Московское шоссе в распорядительном приказе своем в самом горестном положении, чем, впрочем, подтвердил только общий отзыв. Оно потеряло свой профиль; щебеночная насыпь значительно утопилась, а местами совсем уничтожилась, так что осталось одно земляное полотно и пучины. На уцелевших местах много колей и выбоин, барьерные камни вспучились, при въездах на мосты толчки сильные, канавы не имеют стока для воды, откосы безобразны, много верстовых столбов и надолбов сгнило...» (87, 274).

Губернские дороги

Но положение Московского шоссе, продолжает Корф, «всё еще ничего в сравнении с тем, которое устроено за Москвою до Тулы. От Серпухова до Тулы оно открыто только в прошлом ноябре, а между тем совершенно уже неудобно к проезду. На переезде от Москвы до Подольска всего 32 версты, minimum времени полагается теперь — 10 часов! Большая дорога совсем оставлена, и все ездят в объезд, а, между тем, крестьяне, через дачи которых проложен этот объезд, пользуются

обстоятельствами, прорывают овраги и ямы и, кроме остановки, вымогают большие деньги, чтобы потом переволочить через них проезжающих.

Бородинская игуменья Тучкова была тут опрокинута с экипажем и переломила себе руку. Посмотрим, что сделает Клейнмихель против всех этих мерзостей, происходящих большею частию от совершенной деморализации корпуса инженеров путей сообщения» (87, 274).

Пять лет спустя, осенью 1848 года, Иван Аксаков увидел южную дорогу примерно в том же состоянии. «От Орла до Курска всего 155 верст, и на это пространство употреблено столько времени, т. е. полтора суток. Слава Богу, я совершенно здоров; но трудно найти время сквернее для путешествия! За Орлом шоссе уже нет; вся взъерошенная поверхность земли покрылась слегка снегом, но мороз в этих местах не был достаточно силен, чтобы совершенно окаменить эту грязь и тем способствовать "накату". По пяти и по шести часов делают одну станцию в 18 и 20 верст. Самая лучшая езда не по дороге, а где-нибудь целиком по полю! Самому бывает страшно оглянуться назад; не веришь, чтобы экипаж мог проехать, а лошади провезти по такой изуродованной земле. Если встретишь кого-нибудь на станции, так только и слышишь одни ругательства. Тарантас, взятый мною в Орле, чтобы ехать в нем до Курска, два раза ломался; два раза починка стоила мне несколько часов времени; наконец, видя, что он слишком тяжел по этой дороге, я поехал в простой телеге, приделав к ней кибиточный верх; телеги также раза два ломались, наконец кибиток не хватило на станциях, и я ехал уже просто, без верху: прибавьте к этому сильный ветер с снегом прямо в лицо, мокрое платье, — и Вы поймете всю прелесть дороги» (2, 396).

Не многим лучше тульской была и калужская дорога. Вот как описывал ее Иван Аксаков, проезжавший из Москвы в Калугу осенью 1845 года.

«От самой заставы началась ужаснейшая дорога: рытвины, ямы, овраги, горы, засохшая грязь и к довершению всего станции ужасные — по 35, 30 верст!» (2, 193).

Примерно такую же картину представляла и дорога из Москвы в Ярославль.

«Действительно, — вспоминает Кюстин, — дорога оказалась ужасной — и не только на протяжении трети всего пути. Если верить русским, все дороги у них летом хороши. Я же нахожу их из рук вон плохими. Лошади вязнут по колено в песке, выбиваются из сил, рвут постромки и каждые двадцать шагов останавливаются. А выбравшись из песку, вы попадаете в море грязи, из которой торчат пни и огромные камни, ломающие экипаж и калечащие лошадей.

По такой же дороге мне пришлось прокатиться для того, чтобы попасть в Троице-Сергиевский монастырь...» (92, 227).

Летом 1839 года Кюстин ездил из Петербурга в Шлиссельбург. Поездка эта произвела на него сильное впечатление. «Дорога от Петербурга до Шлиссельбурга плоха во многих местах. Встречаются то глубокие пески, то невылазная грязь, через которую в беспорядке переброшены доски. Под колесами экипажа они подпрыгивают и окатывают вас грязью. Но есть нечто похуже досок. Я говорю о бревнах, кое-как скрепленных и образующих род моста в болотистых участках дороги. К несчастью, всё сооружение покоится на бездонной топи и ходит ходуном под тяжестью коляски. При той быстроте, с которой принято ездить в России, экипажи на таких дорогах скоро выходят из строя; люди ломают себе кости, рессоры лопаются, болты и заклепки вылетают. Поэтому средства передвижения волей-неволей упрощаются и в конце концов приобретают черты примитивной телеги» (92, 176).

Итог путешествия по таким дорогам — крах любого, даже самого стойкого транспортного средства.

Особенно скверными были дороги в лесном и безлюдном краю — вверх по течению реки Мологи, левого притока Волги. Летом 1798 года здесь метеором промчался возвращавшийся в Петербург из Казани грозный император Павел (194, 298). Тогда дорогу кое-как привели в порядок. Но вскоре все вернулось в прежнее состояние. В условиях бездорожья лучшим транспортом оказался водный, связанный с Тихвинской систе-

мой. Для тех, кто путешествовал на колесах, городок Устюжна был «краем света», за которым начиналось нечто неописуемое. Таким его представляет в своих записках сенатор П. И. Сумароков.

«Мы переправились через реку (Мологу. — *Н. Б.*) на пароме, и предстала ужаснейшая дорога, каковой нигде не встречал и которую описать невозможно. По болоту плавают жерди с пустыми промежутками, колеса припрыгивают с одной на другую, и мы с колотьем в боках двигались как черепахи. По сторонам лес, кочки, мхи прикрытые водою, стоят обгорелые, засохшие деревья, дымятся испарения, нет прогалинки сквозь густоту; словом, тут слилось всё для мучения тела и для оскорбления глаз» (181, 318).

Даже в ближних окрестностях Москвы и Петербурга осенью дороги становились непроезжими. Вот что вспоминает об этом в своей «Старой записной книжке» князь П. А. Вяземский.

«В Московской губернии, в осеннюю и дождливую пору, дороги были совершенно недоступны. Подмосковные помещики за 20 и 30 верст отправлялись в Москву верхом. Так ездил князь Петр Михайлович Волконский из Суханова; так ездили и другие. Так однажды въехал в Москву и фельдмаршал Сакен. Утомленный, избитый толчками, он на последней станции приказал отпрячь лошадь из-под форейтора, сел на нее и пустился в путь. Когда явились к нему московские власти с изъявлением почтения, он обратился к губернатору и спросил его, был ли он уже губернатором в 1812 году; и на ответ, что не был, граф Сакен сказал: "А жаль, что не были! При вас Наполеон никак не мог бы добраться до Москвы"» (28, 113).

Раскисшие в весеннюю и осеннюю пору, пыльные и ухабистые летом, российские дороги и зимой не давали путнику покоя. Даже ухоженное Московское шоссе зимой «представляет также затруднительный путь от ухабов, раскатов и зажоров» (164, 32).

Снежные заносы и созданные ими заторы страшно замедляли всякое движение. Вот как описывает эти картины в письме отцу (январь 1844 года) Иван Аксаков.

«Какие скверные дороги в Тамбове! Вообразите себе обширную степь, на которой летом еще заметна черная дорожная полоса, но зимою, когда всё бело и путь не обозначается ни верстовыми столбами, ни вехами, то дорога пролагается наудачу, едут часто целиком (по целине. — *Н. Б.*) или попадают на какой-нибудь хребет земли, где снегу поменьше, но который в ширину аршина два или три, не больше, так что если попадется обоз, то нет даже возможности объезжать его, потому что с обеих сторон снег по брюхо лошади» (2, 39).

Пятью годами позже, осенью 1849 года, Иван Аксаков по делам службы колесил по Ярославской губернии. Свои впечатления от дорог он выразил кратко: «Дорога гнуснейшая всюду...» (3, 66). Полгода спустя, в мае 1850 года, Аксаков ехал из Романова в Ярославль. Тут его ждало новое дорожное приключение. «В четверг я выехал на обывательских лошадях к станции на большой дороге, ведущей из Ярославля в Романов, — но на большой дороге, в версте от станции, завяз в грязи (после бывшего сильного дождя). Надобно было вытаскивать народом, что всё продолжалось несколько часов. Этой участи в течение трех дней подверглось 10 экипажей» (3, 134).

Осенняя слякоть сменялась первыми морозами. Замерзшие груды дорожной грязи в народе называли «ко́лоть». Они создавали новые трудности для путника. «Сто верст расстояния от Углича до Ярославля — я ехал с лишком сутки! — вспоминал Иван Аксаков. — Колоть страшная, дорога мучительная. Приходилось несколько раз идти пешком» (3, 80).

Еще несколько лет спустя, осенью 1856 года, Аксаков путешествовал по югу России. Переезд из Николаева в Харьков он запомнил надолго.

«Наконец ныне дотащился я до Харькова! Целая неделя езды сюда от Николаева! Сколько времени пропадает даром! Еще пройдет несколько дней, пока устроимся. Нет слов, чтобы описать Вам безобразие неистовое дорог! Это не риторическая фигура, а истинная речь. Как

можно было просуществовать с такими дорогами 1000 лет! Досталось нашим экипажам порядком! Я ежесекундно опасался за коляску, но к величайшему моему удивлению доехал благополучно: оси уцелели, но сломалась сзади рессора» (3, 502).

Даже членам императорской фамилии и самим царям случалось на личном опыте познавать неудобства российских дорог.

Осенью 1832 года Николай I отправился в большое путешествие по России. Из Петербурга через Лугу он поехал в Смоленск, затем в Бобруйск, Киев, Полтаву, Харьков, Чугуев, Белгород, Воронеж и Рязань. От Рязани вела «ужасная размытая дорога до Москвы: 200 верст до Первопрестольной пришлось преодолевать двое суток. Наступила поздняя осень, и дорога была так изрыта обозами и гуртами, что Николай, испытав и гнев, и ужас, пришел к решению создать в России систему шоссейных дорог, начав с тех, что вели к Москве. Обсуждение проекта с Бенкендорфом начали прямо в пути, а затем были предприняты шаги по его реализации» (126, 330).

Сам часто и подолгу путешествовавший по России, Николай в 1837 году отправил в поездку по стране своего старшего сына, 19-летнего Александра. Наследник престола должен был поближе познакомиться с народом, которым ему предстояло управлять. Местные власти заранее знали о приближении цесаревича и делали всё возможное для благоустройства дорог. И всё же в письмах, которые Александр писал отцу с дороги, среди прочего можно найти и такие наблюдения:

«В Углич мы приехали (из Калязина. — *Н. Б.*) очень поздно по причине дурных дорог...»

Из Углича «мы отправились дальше (в Рыбинск. — *Н. Б.*) по ужасным дорогам» (19, 34).

Не забыта была и тульская дорога. 6 июля 1837 года Александр сообщает отцу, что посланный им фельдъегерь «был задержан разлитием вод от продолжительных дождей между Москвой и Тулой» (19, 84). Проезжая из Белева в Калугу, наследник замечает: «Дороги поганые, но проходят красивыми местами» (19, 95).

«Дурную дорогу, испорченную от беспрерывных дождей», наследник преодолевал и на всем пути из Москвы через Владимир в Нижний Новгород в августе 1837 года (19, 110).

Каково же было соотношение между хорошими, плохими и очень плохими дорогами в николаевской России? Точных данных никто, конечно, не назовет. Однако общую картину со знанием дела очертил бывалый путешественник Иван Аксаков. В письме родителям из Бендер (февраль 1856 года) он писал: «Из 700 русских городов по крайней мере 600, месяца три, лишены всяких путей внутреннего и внешнего сообщения, тонут в грязи, когда с наступлением сумерек никто и выйти из дому не смеет!» (3, 443).

Глава девятая

Улучшение дорог

Благоустройством русских дорог много занимался Петр I . В частности, он приказал установить единообразную ширину для Московско-Архангельского почтового тракта — 20 саженей и 3 аршина (41 метр) (21, 36). Однако это распоряжение удалось исполнить только на участке до Троице-Сергиева монастыря. Далее дорога то сужалась в деревнях, то растекалась по косогорам и полям.

Император Николай I вошел в историю России как инициатор постройки первых железных дорог — из Петербурга в Царское Село (1837), из Петербурга в Москву (1843—1851). Однако гораздо менее известны его заботы о строительстве новых и благоустройстве уже существующих сухопутных дорог. Старые дороги (Петербург — Москва, Петербург — Киев, Петербург — Варшава) выравнивали, засыпали щебнем, благоустраивали и даже украшали узорными перилами мостов и прочими полезными и приятными для глаза мелочами.

К 25-летию царствования Николая (1850) Главное управление путей сообщения подготовило адресован-

ный императору краткий отчет о развитии дорожной сети за эти годы. Достижения правительства выглядят весьма убедительно. Словно мифический Геракл, очистивший авгиевы конюшни, Николай поставил своей целью победить непролазную грязь российских дорог.

Отчет начинается с краткой исторической справки и далее содержит внушительный перечень шоссейных дорог, построенных при Николае I. В этом перечне — важнейшие дороги страны, и ныне сохраняющие свое значение. Под их асфальтом лежат насыпи, сооруженные еще николаевскими солдатами и крепостными крестьянами...

«Дороги в России, до вступления на престол царя Алексея Михайловича, не были подчинены особому надзору.

С изданием Уложения (Соборное уложение 1649 года. — *Н.Б.*) назначено направление больших дорог и определена ширина их в 3 сажени.

Петр Великий предпринял соединение С.-Петербурга с Москвою большою перспективною дорогою чрез Старую Руссу, Ржев и Волоколамск.

Устройство этой дороги не было окончено при жизни Императора Петра 1-го и принадлежит, с изменениями и самого направления, к последующим царствованиям.

При Императрице Анне Иоанновне изданы первые правила построения дорог и мощения их фашинами и бревнами.

Сооружение дорог по этому способу повелено было начать (в 1733 году), в вид опыта, по перспективной дороге от С.-Петербурга чрез Новгород и Крестцы до Москвы и Псковскому тракту до Печерского монастыря. Работы производились полками, в окрестностях дорог расположенными.

Чрез девять лет с открытия работ (12 ноября 1742 года) проезд был допущен только на 125 верст от Петербурга до Соснинского Яма.

В 1746 году дорога от С.-Петербурга до Москвы вновь измерена, и назначены станции. По измерению этому считалось 728 верст.

В последующие затем царствования постепенно были принимаемы различные миры к улучшению дорог Империи. Но меры эти далеко не соответствовали необходимости.

В начале 1817 года сделан первый шаг введения в России шоссированных дорог.

Работы были открыты от С.-Петербурга до Москвы, и к 1825 году окончен лишь участок до Новгорода, 180 верст.

С восшествием на Престол Вашего Императорского Величества дано в России особенное развитие шоссейным сообщениям.

Московское шоссе предположено было строить небольшими участками и окончить в 1845 или в 1846 году, но Ваше Императорское Величество изволили даровать способы к ускорению работ и в 1834 году шоссе это было для езды открыто на всем его протяжении.

Еще до открытия Московского шоссе, по Высочайшему Вашего Императорского Величества предначертанию, приступили к сооружению и других шоссейных дорог.

С.-Петербург — как источник правительственных распоряжений и Москва — как средоточие внутренней промышленности государства избраны центрами в общей сети шоссейных направлений.

Не распространяясь описанием шоссейных работ, имею счастье поднести при сем карту России, с показанием на оной всей сети шоссейных сообщений, открытых, сооружаемых и к устройству предназначенных.

Линии, означенные на карте черною краскою, представляют шоссе уже сооруженные и открытые.

Шоссе эти имеют направления:

В окрестностях С.-Петербурга (254 вер.).

От С.-Петербурга до Москвы ($677^1/_2$ вер.).

От Москвы до Ярославля (247 вер.).

От Москвы до Нижнего Новгорода (391 вер.).

От Москвы до Рязани ($174^1/_2$ вер.).

От Москвы чрез Подольск и Тулу до Орла (336 вер.).

От Воронежа к Задонскому до ст. Бестужевки (41 вер.).

От Москвы чрез Малоярославец, Рославль и Бобруйск до Брест-Литовска (999 вер.).

От Киева до м. Броваров (13 вер.).

От Бобруйска до г. Могилева (105 вер.).

От ст. Довска, на Московско-Варшавском шоссе, чрез г. Могилев и Витебск до г. Острова, на Динабургском шоссе (498 вер.).

От Смоленска к Москве до р. Днепра (43 вер.).

От Феофиловой пустыни на Динабургском шоссе до г. Новгорода (119 вер.).

От ст. Чудова до границы Тихвинского уезда (36 вер.)

От С.-Петербурга чрез Динабург до г. Ковно (707 вер.).

От г. Белостока до с. Желтков на границе Царства Польского (12 вер.).

От границы Пруссии чрез Тауроген до Шавли и от м. Янышек чрез Митаву и Ригу до ст. Энгельгардтсгоф (215 вер.).

От г. Митавы до р. Шет по Полангенскому тракту (4 вер.).

Все протяжение готовых уже и открытых по настоящее время шоссейных сообщений составляет в сложности *4. 841 вер.* и, таким образом, уже около 100 городов находится в непосредственном между собою соединении устроенными шоссе» (110, 555—557).

Любимым детищем Николая I было Московское шоссе. Он испытывал законную гордость, проезжая по первому шоссе из Петербурга в Москву, построенному в 1816—1833 годах общей протяженностью 702,5 версты (724 километра) с его 25 станциями.

Шоссе строилось по лучшей для того времени английской технологии, предусматривавшей создание твердого и непроницаемого для воды многослойного покрытия из битого камня. По сторонам дороги тянулись глубокие канавы, куда стекала дождевая и талая вода.

Для поддержания дороги в хорошем состоянии создавалась постоянно действующая дорожная служба. Вот что писал об этом ехавший из Москвы в Петербург летом 1839 года Эуген Хесс.

«Дорога до сих пор была превосходной. Она широкая и ровная, так что мы катимся, словно по столу.

На небольшом расстоянии друг от друга стоят одного размера и одинаково построенные деревянные дома с большими садами, в которых живут дорожные рабочие. Перед этими домами на специальных площадках лежат тяжелые каменные катки, для выравнивания шоссе, и треугольники, сбитые из балок, чтобы сгребать с шоссе снег.

Над всеми, даже самыми маленькими, ручейками построены гранитные мосты с красивыми, железного литья, перилами.

Вечером мы пили чай на красивой почтовой станции Солнечная гора. Было темно, и мы не могли рассмотреть ни саму деревню, ни окружающие места.

Все деревни, лежащие вдоль дороги, обязаны поставлять почтовых лошадей и вообще все необходимое для проезжающих. Если последние обходятся с крестьянами точно так же, как генерал Киль, то кроме чаевых они зарабатывают немало тычков в ребра и т. п.» (203, 101).

Еще более привлекательно выглядело новое шоссе при выезде из Петербурга в Москву.

«Дальше с нашими шестерками лошадей мы продвигались уже веселее по прекрасному, широкому и ровному шоссе от Петербурга до Москвы, единственному в России, но и на самом деле действительно великолепному. Достойно упоминания уже то, что долгое время оно похоже на березовую аллею» (203, 31).

Для поддержания Петербургского шоссе в должном порядке все проезжающие должны были платить определенный сбор.

«На выезде из Ижоры находится первая застава дорожного сбора с проезжающих и обозов, установленного для поддержания шоссе. Таких застав по московскому тракту 6-ть, из коих две: одна в Твери, по сю сторону города, а другая в Черной Грязи, при въезде в деревню, не приведены еще в действие. Подлинно не жаль заплатить за проезд по шоссе — по этой покойной для езды и приятной для глаз дороге, гладкой, как бульвар» (164, 48).

Как и на современных платных автодорогах, сумма дорожного сбора определялась расстоянием от той станции, где путник въехал на дорогу, до той, где он ее покинул.

Посаженные вдоль больших дорог березы (и доныне сохранившиеся кое-где, например, на Ярославском шоссе за Петровском) придавали им особую красоту.

«В Орше начинается прекрасная березовая аллея, которая ведет в Москву. По большей части ее образуют большие и старые березы, но есть и деревья, которые были посажены по приказу императора Александра. Они достигли уже довольно внушительных размеров» (203, 52).

Ценное свидетельство о состоянии Петербургского тракта принадлежит историку С. М. Соловьеву. Вспоминая свое путешествие из Москвы в Петербург в 1842 году, он отмечает: «Поехал я не на долгих, но в почтовой карете, которая на третьи сутки принесла меня на берега Невы; езда, действительно, была великолепная, европейская, шоссе гладкое» (173, 271).

Благоустройство дорог не ограничилось одним только московско-петербургским трактом. С 1833 по 1855 год было построено еще 6,5 тысячи километров шоссейных дорог. Шоссе имели стратегическое значение, и если в целом дороги находились в ведении губернаторов, а их состояние контролировалось через Министерство внутренних дел, то шоссе были подведомственны Главному управлению путей сообщения. В 1849 году по докладу П. А. Клейнмихеля уже все дороги были подчинены его ведомству (26, 530).

Дороги строились в ту пору по всей России.

Наследник престола Александр Николаевич в 1837 году среди прочих путевых наблюдений сообщал императору и такое: «Шоссейное полотно от самого Ярославля почти до Ростова уже готово» (19, 38).

Спустя десять лет по Ярославскому шоссе ехал в путешествие по северным монастырям историк С. П. Ше-

вырев. В своих путевых записках он высоко оценивает достоинства новой дороги.

«Чудное шоссе катилось под нами ровной гладью, да мы-то к сожалению не могли по нем катиться. Обывательская тройка тащила нас очень вяло. Вез крестьянин, живущий от Переславля за 50 верст. Он никогда не бывал в этой стороне, и все окружавшее приводило его в такое изумление, что он сам не понимал, где находится. Между тем деятельно убиралась дорога. Мужики скашивали по ней мураву. Рвы выравнивались в ниточку. Почтовые лошади тяжелым, огромным катком укатывали дорогу и крушили свежий щебень.

Новый европейский путь много изменил впечатления, вас окружающие. Мне было тринадцать лет, когда я в первый раз ехал из Переславля в Ростов. Помню, как из одного села мы переезжали в другое. Теперь дорога пуста. Села отошли в сторону. Соображения инженерные требовали таких изменений. Новые деревни, новые села выстроятся по новой дороге. В одном месте шоссе катится по топи непроходимой, где, конечно, никогда не бывала человеческая нога. Это чудо инженерного искусства. Наст шоссе на несколько сажень возвышается над болотами, которых влажные испарения обдавали нас пронзительной сыростью. Нельзя не любоваться этой смелой насыпью. Петровск, заштатный городок, где станция, выиграл много от шоссе. Домики так и подымаются друг за дружкой. Дом станционный очень красив и хорошо убран. Везде смотрители учтивые, предупредительные, с новыми формами цивилизации. Все пришлось по новой дороге.

Последнюю станцию к Ростову ехали мы ночью. Европейская цивилизация гладким путем своим убаюкивала меня в моем тарантасе и обеспечивала мой сон от толчков и других более неприятных приключений. Но вдруг и она разбудила меня неожиданным образом. У шоссейного шлагбаума потребовали мытищинского ярлыка (квитанции об уплате дорожного сбора. — *Н.Б.*), о котором солдат сказал, что могу с ним сделать все, что угодно. Как что угодно? Вот где его надобно отдать. Смотритель впросонках настойчиво требует ярлыка с меня, также полусонного. Давай искать, шарить по всем

карманам, и в портфеле, и в записной книжке. Нет, так нет. Надобно было вновь заплатить что-то. В другой раз, коль случится, будем помнить» (214, 86).

В хорошем состоянии в эти годы находился и путь на восток. Наследник сообщает Николаю, что «на станции Дально Дубровский мы выехали на большой Сибирский тракт, где дороги точно шоссе, возят удивительно хорошо, мы на одних лошадях проскакали 27 верст и горами» (19, 47).

На особом счету всегда была стратегическая дорога Петербург — Киев. В результате постройки здесь шоссе средняя скорость езды увеличилась с 340 верст в сутки до 480 верст (26, 534).

Глава десятая

Дорожные виды

Русские путешественники XVIII — первой четверти XIX столетия редко рассматривали свою страну как объект для социально-психологического или художественного наблюдения. В этом равнодушном молчании одиноко вспыхивает гениальная фраза Радищева: «Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива» (154, 44).

В то время как для самих русских Россия долго была, так сказать, «невидима», свежий глаз иностранца отмечает и типично русские пейзажи, и колоритные картинки придорожной жизни.

Деревни, избы, мужики...

«Маленькие светловолосые девочки бежали за экипажем с земляникой и черникой, а поскольку в России сливки можно найти в любой деревне, мы подкреплялись ягодами со сливками, а освежались квасом, который пьют из деревянных ковшей»...

«В одной деревне мы увидели большой цыганский табор. Я заплатил цыганам, чтобы они спели и сплясали; вокруг собралась вся деревня.

Смуглолицые мужчины-цыгане имеют своеобразные черты, они носят высокие конические шляпы, на некоторых были русские кафтаны и штаны, обуты они в тяжелые сапоги. Несколько женщин были весьма хороши собой, их заплетенные косы украшали полевые цветы, платки они повязывают на правом плече, вообще весь наряд выглядел довольно живописно.

Их яркие и темпераментные танцы производят впечатление» (6, 96).

Впрочем, поют и пляшут не только цыгане, но и русские крестьянки.

«Вечерами деревенские женщины, надев праздничные платья, с вплетенными в волосы лентами, выходят на улицу. Похожие на песни Пиндара, русские песни поются на один голос, хор подхватывает припев. Иногда во время гулянья женщины становятся в круг и пляшут. Мужики никогда к ним не присоединяются, они сидят на лавках возле изб, балагурят и подшучивают над девушками. Дети развлекаются игрой в babki (бабки). Игра заключается в том, что в поставленные в ряд овечьи позвонки кидают кость; выигрывает тот, кто больше всех сбил бабок. Некоторые ребятишки прыгают на доске, положенной серединой на бревно, это опасное развлечение называют качели.

В общем русские мужики выглядят довольными и счастливыми, живут в достаточно удобных домах с застекленными окнами, а я-то ошибочно полагал, что увижу дыры, закрытые ставнями» (6, 98).

Заметим, что эти оптимистические наблюдения путешественник сделал в 1829 году на пути из Петербурга в Москву. Здешние крестьяне уже, как правило, находились на денежном оброке у своего помещика, получали паспорта и уходили на заработки в обе столицы. Благодаря «отходничеству» они жили свободнее и богаче, чем закабаленные барщиной крестьяне черноземного юга.

Прошло несколько недель, и тот же путешественник поехал из Москвы на юг, в сторону Одессы. Здесь картины придорожных деревень были уже не столь отрадными. «Крытые соломой деревенские дома выглядели уже не столь опрятно, как раньше; в каждой деревне выве-

шена доска с указанием числа душ мужского пола» (6, 139).

Это явное различие между картинами нечерноземного, предпринимательского севера и черноземного, аграрного юга России бросалось в глаза. Вот каким предстает пейзаж между Липецком и Воронежем в путевых записках сенатора П. Сумарокова (1838).

«Степь голая, плоская, печальная, избы тесные, неопрятные, хозяева живут вместе с телятами, со свиньями, курами, пол грязен, стены закопчены, и худой запах оскорбляет обоняние...» (181, 137).

На возвратном пути, проезжая через Кострому, Сумароков восхищается благоустройством здешних сел и деревень и вновь вспоминает нищету и убожество крестьян черноземного юга.

«Красота, свежесть лиц даны обитателям по Волге, и вы найдете здесь много красавиц. Избы по большей части в два жилья, с красными окнами, трубами, опрятны внутри, и приятно войти в них. Трапезы крестьян посредственного состояния вкуснее харчевенных и называемых ресторацианами. Наречие их по-книжному несколько смягчается, и они живут в довольстве. Какая противоположность с Тамбовским краем! Там крестьянин существует среди навоза, закоптел от дыма, мало просвещен, нелюдим, и богатый закромами (хлебные запасы. — *Н. Б.*), нуждается в деньгах. Костромитянин, напротив, имеет светлый, чистый дом, одет хорошо, ест сладко, получил некоторое образование, ласков, гостеприимен и в целковых рублях не имеет недостатка» (11, 276).

Но самые цветущие места — впереди. Это Ярославская губерния.

«Еще позади мелькают хорошие костромские строения, но то избы, а здесь вместо их видишь у крестьян дома от 5 до 20 окон, с цельными у некоторых стеклами, с занавесками, и внутри сквозят хозяйки в бархатных или штофных касавейках. Подходят уже деревни на местечки, поселяне на купцов...» (181, 278).

Но вот кончается благословенная Богом Ярославская земля и начинается совсем другая по уровню и колориту жизни Тверская губерния.

«С окончанием Ярославской и началом Тверской губернии последовала крутая перемена к худшему. Видишь вместо хороших домов избы, дорогу не возделанную, уже нет аллей, вместо каменных церквей деревянные странных наружностей, и версты или покривились или сгнили, упали» (181, 316).

Впрочем, и черноземный юг далеко не однообразен в своей бедности. В Тульской губернии, например, жизнь крестьян, как увидел ее английский путешественник (1829), далека от гротескных картин, нарисованных Радищевым и Кюстином.

«Большинство путешественников, опубликовавших записки о России, бывали здесь зимой, и при чтении их книг у меня сложилось представление, что я не увижу в пути ничего, кроме степей и безжизненных равнин. Однако мы были приятно удивлены, так как земля по обеим сторонам дороги, куда ни кинь взгляд, была покрыта великолепными хлебами, волнующимися подобно морю, над которым дует бриз. Такое изобилие не ограничивается этими краями — бескрайние поля простираются до самого Дона. Неудивительно, что везде мы видели довольных крестьян, в достатке имеющих простую пищу; нищие нам не встречались» (6, 139).

Картину мирной и благополучной крестьянской жизни (с обязательной игрой в бабки) рисует и другой иностранец — Эуген Хесс, ехавший по дороге Петербург — Москва летом 1839 года:

«Около полудня мы попали в огромный лес (между Валдаем и Новгородом. — *Н. Б.*) и ехали через него до вечера. Как почти во всех других лесах, здесь были заметны следы пожаров, по-видимому, последствия большой жары.

Деревни здесь бедные, но очень большие и красивые, и состоят из деревянных с остроконечными крышами домов, с большим вкусом украшенных художественной резьбой. Почти все дома выстроены вдоль дороги на некотором расстоянии друг от друга. Их разделяют меньшие по размерам хозяйственные постройки и сады. Сегодня воскресенье, и поэтому деревенские жители, все очень красиво наряженные, сидели перед воротами своих домов и развлекались болтовней, пили чай

и пели под балалайку. Но самым главным развлечением была игра во что-то вроде кеглей, заключающаяся в том, что выставляются маленькие кости и их надо сбить другой костью. Эту простую игру, которой у нас забавляются только дети, страстно любят даже взрослые русские» (203, 104).

Жизнь в избе

Самым обычным видом, постоянно проплывавшим перед глазами путника, были крестьянские избы. Их местные особенности только подчеркивали общую, отточенную веками конструкцию и планировку. И если для русского путешественника изба с ее атрибутами была чем-то давно известным и очевидным, то для иностранца она являлась предметом наблюдения и изучения. Вот как описывает русскую избу в деревне между Смоленском и Оршей Эуген Хесс (1839).

«На обратном пути, проезжая через какую-то деревню, мы остановились у крестьянского дома и вошли в него, чтобы немного отдохнуть от жары. Вот тут-то мы и смогли всё очень точно рассмотреть.

Русская крестьянская изба целиком построена из круглых, очищенных от коры бревен, которые положены друг на друга и вырезаны так, что по углам концы одного бревна входят в концы другого. Щели затыкаются паклей. Щипец довольно острый, а крыша крыта досками или соломой. Печные трубы из кирпича и низкие. Все русские очень заботятся о красоте окон. Обычно они большие и дают много света, а с внешней стороны, наверху и внизу, украшены пестро расписанной резьбой.

Около жилого дома, примерно в восьми—двенадцати футах от него, как правило, стоит амбар, тоже сложенный из бревен, где находится хлев и прочее. Большие ворота, рядом с которыми есть маленькая калитка, соединяют амбар с домом. А сзади эти два здания объединены третьим, имеющим длинную дощатую стену и крышу, подпертую спереди столбами. Здесь стоят телеги, сани, плуги и тому подобное.

Внутренность избы состоит фактически из одной

комнаты, в которой и живет семья. Комната небольшая, с низким потолком и стенами из обтесанных бревен. В пакле, которой заткнуты щели, скрывается великое множество вредных насекомых.

Значительную часть комнаты, больше четверти, занимает огромная печь. Это как раз та самая часть дома, на которой, рядом с которой и в которой русский крестьянин, в сущности, и живет. Печь сложена на глине из обожженной глиняной плитки, которая от жара и дыма со временем становится черной. В ней много самых разных устройств, благодаря чему в ней можно варить и печь, а что еще требуется от простой кухни? В печи женщины моются, а мужчины, когда хотят почувствовать себя счастливыми, залезают в нее, чтобы оказаться в парной бане в собственном смысле этого слова.

Внизу к подножью печи приделана глиняная лежанка для сна, и можно было бы подумать, что там уже достаточно тепло. Так нет, русские устраивают свою постель на самом верху печи и совершенно счастливы, оказавшись зажатыми между закопченным от дыма потолком комнаты и этим вулканом.

Обычно вблизи печи стоит также самый необходимый для русского домашнего обихода предмет, а именно самовар, или чайный котел. Никакой настоящий русский не может быть доволен жизнью без чая. Весь день он пьет горячий или холодный чай, конечно, без молока и без сахара. Лишь иногда он положит в рот крохотный кусочек сахара.

На печи находится также место и для многочисленных предметов, необходимых в доме, таких как каркас для сушки белья, кухонная посуда и разнообразные инструменты.

По стенам вдоль всей комнаты поставлены лавки, в одном из углов стол, и над ним висит большой священный образ, в котором написаны только голова и руки, а все остальное покрыто золотом и серебром, очень богато проработанным рельефом, и иногда со вставками из драгоценных камней и жемчуга.

Вообще-то несколько странно, что чопорный византийский стиль с его маленькими, угловато нари-

сованными старцами и т. д., который находишь в тысячелетних церквях древней Руси, сохранился в этих священных образах до сегодняшних дней. Они тоже написаны в технике энкаустики. Сверху, с потолка, на цепи свисает очень изящная серебряная филигранная лампада. Обе эти вещи, образ и лампада, могут быть пышными или скромными, но они непременно присутствуют даже в самой бедной хижине.

На столе лежит продолговатый кусок полотна, концы которого отделаны белой и красной бахромой и очень тонко вышиты красным. Убранство комнаты завершают несколько плохих, пестро раскрашенных гравюр на стенах с сюжетами из священной истории или портретами императора, полководцев и т. д.

После того как мы напились в этом крестьянском доме молока, мы поехали дальше, домой» (203, 55).

Часто из окна своей повозки путник видел обычные в русских деревнях пожары. На помощь попавшему в беду приходила вся деревня.

«В одном селе из-за ужасной грозы нам пришлось задержаться часа на два на три. Над деревянными домами устрашающе сверкали молнии, одна попала в избу, и та загорелась. Затрезвонил церковный колокол, и все жители деревни под проливным дождем бросились к горящей избе. На каждом доме имеется обозначение, кому что иметь при себе в случае пожара. Один мужик прибежал с топором, другой — с багром, женщины несли ведра и горшки. Крестьяне, ожесточенно сражавшиеся с огнем, очень ловко растащили часть горящей избы, а пожарище залили водой. На деревню огонь не распространился» (6, 96).

Обычной картиной, весьма удивлявшей иностранцев, было медленно бредущее посреди села и даже города стадо коров.

«В Петербурге много коров, и потому на самых красивых улицах каждый день и утром, и вечером можно услышать игру пастухов на самых настоящих альпийс-

ких рожках. Эти коровы всегда идут посередине улицы, и поэтому им приходится прокладывать себе дорогу сквозь все опасности уличной толчеи» (203, 19).

Тоска бесконечных равнин...

Обычный среднерусский пейзаж, проплывающий перед глазами путешественника, не отличается разнообразием. Вид бесконечных равнин или столь же бесконечных лесов клонит в сон. Разговор попутчиков затихает, сменяясь молчаливой созерцательностью.

Эта дорожная скука, уныние, какая-то индийская нирвана — постоянная рамка всех дорожных картин русских писателей второй четверти XIX века.

Вот едут из Москвы в Казань два симпатичных помещика, Василий Иванович и Иван Васильевич, из повести В. А. Соллогуба «Тарантас». Романтически настроенный Иван Васильевич, собиравшийся в дороге вести журнал и записывать наблюдения, печально говорит сам себе:

«Но вот я еду четвертый день, и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и, хоть что хочешь делай, ничего отметить и записать не могу. Окрестность мертвая; земли, земли, земли столько, что глаза устают смотреть; дорога скверная... по дороге идут обозы... мужики ругаются... Вот и всё... а там: то смотритель пьян, то тараканы по стене ползают, то щи сальными свечами пахнут... Ну можно ли порядочному человеку заниматься подобною дрянью?.. И всего безотраднее то, что на всем огромном пространстве господствует какое-то ужасное однообразие, которое утомляет до чрезвычайности и отдохнуть не дает... Нет ничего нового, ничего неожиданного. Всё то же да то же... и завтра будет, как нынче. Здесь станция, там опять та же станция, а там еще та же станция; здесь староста, который просит на водку, а там опять до бесконечности всё старосты, которые просят на водку... Что же я стану писать? Теперь я понимаю Василия Ивановича. Он в самом деле был прав, когда уверял, что мы не путешествуем и что в России путешествовать невозможно. Мы просто едем в Мордасы. Пропали мои впечатления!» (172, 44).

Тарантас проехал еще несколько десятков верст — и вновь автор рисует все ту же рамку.

«Путники едут по большой дороге. Дорога песчаная. Тарантас тянется шагом.

— Признаюсь, — сказал, зевая и потягиваясь, Василий Иванович, — скучненько немного, и виды по сторонам очень не замысловаты...

— Налево гладко...

— Направо гладко...

— Везде одно и то же. Хоть бы придумать чем-нибудь позаняться...» (172, 53).

Еще день-другой пути — и опять невзрачная картина.

«Погода была пасмурная. Не то дождь, не то туман облекали мертвую окрестность влажною пеленой. Впереди вилась дорога темно-коричневой лентой. На одинокой версте сидела галка. По обеим сторонам тянулись изрытые поля да кое-где мелкий ельник. Казалось, что даже природе было скучно.

Василий Иванович, завернувшись в халат, ергак и шушун, лежал навзничь, стараясь силой воли одолеть толчки тарантаса и заснуть наперекор мостовой. Подле него на корточках сидел Иван Васильевич в тулупчике на заячьем меху, заимствованном по необходимости у товарища. С неудовольствием поглядывал он то на серое небо, то на серую даль и тихо насвистывал "Nel furor della tempesta" — арию, которую, как известно, он в особенности жаловал. Никогда время не идет так медленно, как в дороге, в особенности на Руси, где, сказать правду, мало для взора развлеченья, но зато много беспокойства для боков. Напрасно Иван Васильевич старался отыскать малейший предмет для впечатления. Всё кругом безлюдно и безжизненно. Прошел им навстречу один только мужик с лаптями на спине да снял им шапку из учтивости, да две клячи с завязанными передними ногами приветствовали около плетня поезд их довольно странными прыжками» (172, 57).

Случайная дорожная встреча Ивана Васильевича с парижским знакомым, спешащим выбивать оброк из своей обнищалой саратовской деревеньки, вносит не-

которое разнообразие в сонную одурь дороги. Но княжеская карета скрылась за поворотом — и вновь всё то же однообразие.

«И снова потянулась мертвая окрестность; снова сырой туман облек путников, и снова стали мелькать одинокие версты в безбрежной пустыне» (172, 62).

Иван Сергеевич Аксаков зимой 1860 года ехал из Москвы в Варшаву. Дорога произвела на него тягостное впечатление. «Я точно будто устарел, и путешествие, которое я всегда так любил, не производило на меня ни малейшего живого впечатления. Я жалел, что у меня не было товарища. К тому же трудно себе представить что-нибудь печальнее этого тракта, где встречаешь жилье только на станциях. Всё один и тот же зимний ландшафт, всё попадались лошаденки маленькие, избенки бедные, занесенные снегом, ель да ель, и только раз среди дороги явился мне царем зимы бодрый, высокий русский мужик» (4, 35).

Привыкшие к своеобразию родных пейзажей, к невзрачному виду деревень, русские путешественники часто просто не замечали раскрывавшихся по сторонам картин. Но вот свежий взгляд не лишенного художественного чутья маркиза де Кюстина, ехавшего из Петербурга в Москву летом 1839 года:

«В России нет расстояний, говорят русские и за ними повторяют все путешественники. Я принял это изречение на веру, но грустный опыт заставляет меня утверждать диаметрально противоположное: только расстояния и существуют в России. Там нет ничего, кроме пустынных равнин, тянущихся во все стороны, насколько хватает глаз. Два или три живописных пункта отделены друг от друга безграничными пустыми пространствами, при чем почтовый тракт уничтожает поэзию степей, оставляя только мертвое уныние равнины без конца и без края. Ничего грандиозного, ничего величественного. Всё голо и бедно, кругом — одни солончаки и топи. Смена тех и других — единственное разно-

образие в пейзаже. Разбросанные там и тут деревушки, становящиеся чем дальше от Петербурга, тем неряшливее, не оживляют ландшафта, но, наоборот, усугубляют его печаль. Избы — груды бревен с деревянной крышей, крытой иногда соломой. В этих лачугах, вероятно, тепло, но вид у них прегрустный. Напоминают они лагерные бараки, с той лишь разницей, что последние внутри чище. Крестьянские же клетушки грязны, смрадны и затхлы. Кровати в них отсутствуют. Летом спят на лавках, идущих вдоль стен горницы, зимой — на печи или на полу вокруг печи. Отсюда следует, что русский крестьянин всю жизнь проводит на бивуаке. Домашний комфорт этому народу неизвестен» (92, 196).

Изрядно проехав по России, Кюстин и «в сотый раз» видит кругом всё тот же унылый пейзаж.

«Что за страна! Бесконечная, плоская, как ладонь, равнина, без красок, без очертаний; вечные болота, изредка перемежающиеся ржаными полями да чахлым овсом; там и сям, в окрестностях Москвы, прямоугольники огородов — оазисы земледельческой культуры, не нарушающие монотонности пейзажа; на горизонте — низкорослые жалкие рощи и вдоль дороги — серые, точно вросшие в землю лачуги деревень и каждые тридцать—пятьдесят миль — мертвые, как будто покинутые жителями города, тоже придавленные к земле, тоже серые и унылые, где улицы похожи на казармы, выстроенные только для маневров. Вот вам, в сотый раз, Россия, какова она есть.

По этой стране без пейзажей текут реки огромные, но лишенные намека на колорит. Они катят свои свинцовые воды в песчаных берегах, поросших мшистым перелеском, и почти не приметны, хотя берега не выше гати. От рек веет тоской, как от неба, которое отражается в их тусклой глади. Зима и смерть, чудится вам, бессменно парят над этой страной. Северное солнце и климат придают могильный оттенок всему окружающему» (92, 246).

Другой знаменитый француз, Теофиль Готье, посетивший Россию в 1858—1859 годах, был гораздо более снисходителен к ней в своих путевых записках. Однако

и его угнетало тоскливое однообразие русских пейзажей.

«Очень трудно описать края, по которым мы ехали, такими, какими они предстали в этот период года перед путешественником, все-таки вынужденным ехать из соображений настоятельной необходимости. Всё это были слабохолмистые равнины черноватого цвета. Вдоль дороги тянулись вехи. Когда зимние метели стирают дороги, они являются их указателями, а летом стоят как безработные телеграфные столбы. На горизонте только и видишь, что березовые, иногда полусгоревшие леса да редкие деревни, затерянные в глубине земель и видные лишь по куполам церквей, покрашенным в цвет неспелого яблока.

В настоящий момент на темном фоне грязи, которую ночью приморозило, там и сям лежал снег длинными лентами, похожими на куски холста, выложенные на луг для отбелки под солнцем, или, если такое сравнение кажется вам слишком радостным для описываемой ситуации, на прошивки из белых ниток по черному, похожему на сажу цвету, в который бывают выкрашены самые низкосортные погребальные покрывала. Бледный день, словно цедясь сквозь закрывавшую все небо огромную сероватую тучу, терялся, рассеивался, как бы во взвешенном своем состоянии, не давая предметам ни света, ни тени. В этом неверном, неясном освещении все казалось грязным, серым, линялым, тусклым. Колористу, так же как и рисовальщику, не за что было бы ухватиться в этом смутном пейзаже, неясном, размытом, скорее угрюмом, чем меланхоличном. Но то обстоятельство, что нос мой был повернут в сторону Франции, утешало меня и не давало совсем заскучать, несмотря на мои глубокие сожаления о покинутом Санкт-Петербурге. Ведь любая тряска по дороге среди этой унылой сельской местности приближала меня к родине, и скоро уже после семимесячного отсутствия я должен был увидеть, не забыли ли меня мои парижские друзья. Впрочем, сами трудности путешествия поддерживают вас, и удовлетворение от победы над препятствиями отвлекает от мелких неприятностей. Когда вы уже увидели много стран, вы не станете на каждом шагу надеяться

встретить "волшебные города", вы привыкли к этим пробелам в природе, которые, перемалывая одни и те же виды, даже усыпляют вас иногда, как и чтение самых великих поэтов. Не один раз вам хочется сказать, как Фантазио в комедии Альфреда де Мюссе: "Как не удался этот закат! В этот вечер природа жалка. Посмотрите-ка на эту долину вон там, на четыре-пять взбирающихся в гору глупых облачков! В двенадцать лет я рисовал такие пейзажи на обложках книг!"

Мы давно уже проехали Остров, Режицу и другие городки или города, которые, вы можете представить себе, я разглядывал не слишком подробно с высоты моей телеги. Даже если я остался бы здесь несколько дольше, я сумел бы только повторить уже сделанные мною описания: дощатые заборы, деревянные дома с двойными рамами, за стеклами которых видны комнатные растения, зеленые крыши и церковь с пятью куполами и нартексом, расписанным по византийскому шаблону.

Среди всего этого выделяется почтовая станция с белым фасадом, перед которым группами стоят несколько мужиков в грязных тулупах и несколько белобрысых детей. Крайне редко встречаются женщины» (41, 333).

Вновь и вновь обращаясь к теме русского пейзажа, Готье вспоминает свою поездку в Троице-Сергиев монастырь зимой 1858/59 года.

«Ночь была усеяна звездами, но к утру туманы поднялись с горизонта, и в белесоватом свете наступавшего дня московская Аврора вставала бледная и с заспанными глазами. У нее, возможно, был красный нос, но эпитет "розовоперстая", которым пользуется Гомер, говоря о греческой Авроре, совсем ей не подходил. Тем не менее в ее тусклом свете уже можно было увидеть всю ширь угрюмого пейзажа, величаво разворачивавшегося вокруг нас.

Вы, вероятно, находите, что мои описания часто повторяются, но монотонность — одна из характерных черт русского пейзажа, по крайней мере в местах, которые мне пришлось проезжать. Это необъятные, слегка волнистые равнины, где нет других гор, кроме холмов,

на которых построены Московский и Нижегородский кремли, оба не выше Монмартра. Снег придает еще большее однообразие ландшафту, заполняя складки земли, ложа водных потоков, долины рек. На протяжении сотен лье вы видите эту бесконечную белую пелену, слегка всхолмленную кое-где неровностями почвы и, смотря по тому, насколько низко солнце и насколько косы его лучи, покрытую иногда полосами розового света, перемежающегося с синеватыми тенями. Но когда небо, что бывает чаще всего, свинцово-серое, общий тон пейзажа — матово-белый или, лучше сказать, мертвенно-белый. На более или менее близких расстояниях друг от друга перерезают эту бесконечную белизну линии рыжих кустарников, полузасыпанных снегом. То там, то здесь пятнами темнеют редкие березовые или сосновые леса, и, часто вовсе заметенные снегом, вехами идут вдоль дороги столбы, похожие на телеграфные. Возле дороги бревенчатые избы законопачены паклей, их крыши со скрещенными стропилами выстраиваются коньками в линию, а на краю горизонта, над низкими очертаниями деревень, высятся купола церквей и колоколен. Ничего живого, только летают вороны, и иногда мужик на санях, запряженных низкорослой косматой лошаденкой, везет дрова или другую поклажу к скрытому от глаз в глубине земли жилью. Таков пейзаж, повторяющийся до пресыщения, и с продвижением вперед он все тянется вокруг вас, как морской горизонт, который кажется все тем же вокруг плывущего вперед корабля. Несмотря на то что любая живописная случайность здесь крайне редка, не устаешь смотреть на эти бесконечные пространства, навевающие некую чуть приметную меланхолию, как все то, что велико, молчаливо и одиноко. При быстром ходе лошадей иногда кажется, что мы стоим на месте» (41, 266).

С этой предвечной печалью, разлитой в однообразном русском пейзаже, в бескрайней и пустынной равнине, в глинистых косогорах и серых нищих деревнях, не мог сладить и жизнерадостный гений Пушкина. Изобразив эту картину (или лучше сказать, выразив это

настроение) в одном из своих стихотворений, поэт отдал дань этой пейзажной «русской тоске». Помните?

«Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил» (153, 315).

Все ту же унылую картину придорожного пейзажа рисует и Гоголь в одном из авторских отступлений «Мертвых душ».

Вот знаменитая бричка Чичикова покидает город NN.

«Едва только ушел назад город, как уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обеим сторонам дороги: кочки, ельник, низенькие жидкие кусты молодых сосен, обгорелые стволы старых, дикий вереск и тому подобный вздор. Попадались вытянутые по снурку деревни, постройкою похожие на старые складенные дрова, покрытые серыми крышами с резными деревянными под ними украшениями в виде висячих шитых узорами утиральников. Несколько мужиков, по обыкновению, зевали, сидя на лавках перед воротами в своих овчинных тулупах. Бабы с толстыми лицами и перевязанными грудями смотрели из верхних окон; из нижних глядел теленок или высовывала слепую морду свою свинья. Словом, виды известные» (35, 19).

Вся эта придорожная «чушь и дичь» была не только и, может быть, даже не столько зарисовкой с натуры,

сколько художественным образом, создающим определенное настроение и необходимым в общей партитуре произведения. Это превращение дороги как таковой в символ бесцельно и безвозвратно прожитой жизни встречается в первых строках бунинских «Темных аллей».

«В холодное осеннее ненастье, на одной из больших тульских дорог, залитой дождями и изрезанной многими черными колеями, к длинной избе, в одной связи которой была казенная почтовая станция, а в другой частная горница, где можно было отдохнуть или переночевать, пообедать или спросить самовар, подкатил закиданный грязью тарантас с полуподнятым верхом, тройка довольно простых лошадей с подвязанными от слякоти хвостами...» (16, 453).

Взгляд художника и поэта, этнографа и историка всегда найдет что-то интересное даже в безликом на первый взгляд среднерусском пейзаже.

«В путешествии моем, — замечает Иван Аксаков, — мне приходилось не раз наблюдать различие местностей в каких-нибудь десяти верстах друг от друга, различие атмосферических условий и влияние их на здоровье жителей и на наружный их вид. Тут село на болоте, там на песке — и народ совершенно разный, разумеется, по наружности и столько, сколько могут действовать на нравственную сторону человека физиологические условия...» (3, 251).

Желая поскорее добраться до места назначения, путники часто ехали не только днем, но и ночью. На станциях они останавливались только для того, чтобы заменить лошадей.

Если ночному путнику не удавалось задремать, то он мог вволю наблюдать своеобразную красоту залитой лунным светом природы. Путешествуя по Малороссии летом 1854 года, Иван Аксаков вполне оценил эти полуночные красоты.

«Я очень был доволен своей поездкой туда (в усадь-

бу Н. В. Гоголя Яновщину. — *Н. Б.*) ночью. Ехали мы чудесными местами, освещенными луною, но большею частью ехали мы между хлебов. Знаете ли Вы хлебный запах? Я его никогда не обонял в России. Это такой живительный запах, что, вдыхая его в себя, кажется, вдыхаешь в себя силы и здоровье. Да и вообще хорошо летом в Малороссии!» (3, 266).

«...Мне постоянно приходится путешествовать ночью, нередко по проселочным дорогам, и много я испытал наслаждений» (3, 266).

Странники

По обочине брели с котомкой за спиной то в одиночку, а то и целыми партиями странники. Обычно их целью было поклонение святым местам. Бредущий бог весть куда и откуда странник или странница — один из самых ярких, незабываемых образов русской дороги.

«На рассвете тихого летнего утра после четырехдневной непрерывной езды мы увидели окрестности древней столицы царей, — вспоминал Д. Александер. — ..Хотя было уже 5 часов, нам не встретилось возле такого многолюдного города ни повозки, ни путника. Мы догнали странницу с посохом в руке, она шла босая, волосы были повязаны платком, казалось, она шла всю ночь. Она являла собой наглядное доказательство хорошей работы русской полиции: для путника пеший путь на большие расстояния совершенно безопасен» (6, 100).

Да и не всякий грабитель решался напасть на странника, находившегося под покровительством небесных сил.

Глава одиннадцатая
Дорожные опасности

Во все времена путешествие таило в себе разного рода опасности для благополучия, а иногда и самой жизни путника. Тема опасной дальней дороги, переживаний одинокого путника, застигнутого ночной тьмой и не-

погодой, волновала Пушкина. В своих стихах и прозе он неоднократно обращался к ней, варьируя оттенки настроений и образов.

В стихотворении «Дорожные жалобы» Пушкин в шутливом тоне, но вполне реалистично перечисляет главные из дорожных опасностей.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине (153, 313).

Эти пушкинские строки могут служить своего рода путеводителем по каталогу опасностей и неприятностей, подстерегавших путника на российских дорогах.

То в телеге, то пешком...

«Сей день, — вспоминает Радищев, — путешествие мое было неудачно; лошади были худы, выпрягались поминутно; наконец, спускаясь с небольшой горы, ось у кибитки переломилась, и я далее ехать не мог. — Пешком ходить мне в привычку. Взяв посошек, отправился я вперед к почтовому стану...» (154, 93).

Русская дорога часто заканчивалась поломкой, а то и падением экипажа. Отделавшись синяками и легким

испугом, путник принимался искать ближайшую деревенскую кузницу. Поначалу кузнец запрашивал немыслимую цену и только после упорного торга шел на уступки.

«За замену небольшого болта, сломавшегося при переправе через мост, кузнец запросил 10 рублей; однако, увидав, что я сам пытаюсь исправить поломку, сбавил цену до "синенькой", то есть пяти рублей», — вспоминал Джеймс Александер (6, 142).

Но и двигаясь в исправном экипаже, путник мог получить серьезную травму, а то и попросту вывалиться вон на глубокой рытвине или кочке. «Помню, — рассказывает П. А. Вяземский, — что в один из приездов в Москву он (Д. Н. Блудов) собирался с Жуковским совершить путешествие по России. Они отправились, но на первых станциях коляску их опрокинули, возвратились они в Москву, тем путешествие и кончилось» (28, 924).

Особенно опасной в этом отношении была езда ночью, когда коварство дороги таилось в темноте. В такую переделку попал Джеймс Александер, ехавший из Москвы в Одессу летом 1829 года:

«Ночи стали холодными и сырыми; как-то раз, выглянув из экипажа, я обнаружил, что мы едем под пологом густого тумана по мрачной и пустынной местности. Я попытался заснуть, но из-за глубокой колеи это оказалось весьма затруднительным. Вдруг неожиданно меня выбросило из экипажа, я упал в грязь, а поверх меня распластался возница. Оказалось, что он крепко заснул, и лошади завезли бричку в кювет, и она перевернулась. Поднявшись на ноги, мы стали кричать и звать на помощь, но рядом никого не случилось. Мы уперлись плечами в колеса и после изрядных трудов вернули экипаж в первоначальное положение» (6, 139).

Опасность катастрофы таилась в самой неустроенности дороги. Дожди превращали ее земляное покрытие в скользкое жидкое месиво. Любой подъем или спуск грозил бедой.

«Вскоре после моего отъезда из Харькова, — вспоминает Александер, — пошли непрерывные дожди, дороги размокли. Я встретил нескольких любезных артиллерийских офицеров, разделивших со мною завтрак и

доставших мне лошадей. В пути постоянно что-то случалось: однажды, при неудачной попытке подняться в гору, наша бричка и кареты еще нескольких путешественников глубоко завязли в грязи. В это время с горы мчалось несколько телег, их возницы, видно, уснули, экипажи столкнулись, опрокинулись вверх колесами и всё — мужики, караваи хлеба, поклажа — оказалось в грязи. Поднявшись на ноги, хозяева телег осыпали ямщиков градом ругательств, а затем крепко их поколотили. Ямщики приняли все это довольно спокойно, отряхиваясь и приговаривая после каждого удара: "Довольно, ей-богу! Я не виноват!"

Мой кучер, привязав лошадь к задку брички, попробовал оттащить ее назад, но сколько он ни кричал и ни хлестал бедное животное кнутом, все было бесполезно. Наконец, ямщик устал и оставил дальнейшие попытки. Я дал денег мальчику, чтобы тот сходил на ближайшую станцию и взял свежих лошадей» (6, 146).

Император на обочине

Бездорожье подстерегало не только простых смертных, но и самого императора Николая. Вот что рассказывает об этом его современный биограф.

«Плохие дороги в сочетании с быстрой ездой неоднократно приводили к различным дорожно-транспортным происшествиям. Иногда они заканчивались благополучно, как во время путешествия императора по Закавказью в 1837 году, когда в Тифлисе лошади опрокинули коляску на крутом повороте спуска. Тогда Николай Павлович успел выскочить из экипажа. 16 ноября 1846 года, во время переправы по неокрепшему льду Немана, на чем настоял сам император, экипаж провалился под лед. Благо в том месте было неглубоко, и Николай Павлович отделался ледяной ванной. В сентябре 1852 года близ Гомеля сломалась ось коляски, тогда Николаю Павловичу пришлось 14 верст пройти пешком и пробыть в Гомеле два дня, пока продолжался ремонт. Но когда 7 сентября 1849 года рессора нового экипажа сломалась в самом Петербурге на Аничковом мосту, Николай Павлович рассердился не на шутку. Он

решил наказать своих постоянных каретных мастеров Фребелиусов, отправив их на гауптвахту: отца, владельца мастерской, на двое суток, а сына, наблюдавшего за работой, — на восемь. Каретники также сделали выводы и под предлогом роста цен на качественные материалы повысили цену коляски для императора с 2000 до 3500 рублей.

Самой известной и серьезной аварией стало происшествие по дороге из Пензы в Тамбов недалеко от уездного города Чембара (с 1946 года город Белинский Пензенской области). В ночь с 25 на 26 августа 1836 года примерно в четырнадцати верстах от Чембара, на спуске напротив деревни Шалолетки при свете луны ямщик, не посчитав спуск крутым, не сдержал лошадей и не затормозил экипаж, как того требовала обстановка. На середине горы экипаж опрокинулся набок, так что дремавший Николай Павлович сильно ушибся и сломал левую ключицу. А. Х. Бенкендорф, сидевший по правую сторону, отделался ушибом, а больше всех пострадал камердинер, сидевший рядом с ямщиком на козлах» (26, 536).

Спустя две недели император поправился и вновь пустился в путь по коварным российским дорогам. Однако царь сделал вполне разумный вывод из чембарской истории. «С этого времени, отправляясь в дальний путь, вместо своего постоянного кучера Якова Николай Павлович стал брать на дистанциях лучших из местных ямщиков, знакомых с трассой» (26, 537).

Однако причиной аварий могла быть не только ошибка ямщика или поломка экипажа. Серьезную опасность таили и обветшавшие мосты через многочисленные реки и речушки. Местное начальство не находило средств для их своевременной починки. Даже весть о скором приезде императора не всегда пробуждала их к действию. Впрочем, царь неплохо знал свою страну и реагировал адекватно. «Однажды один мост рухнул сразу после того, как экипаж государя промчался по нему. Ставший невольным свидетелем этой сцены исправник запомнил кулак, который, не останавливаясь, показал ему Николай Павлович» (26, 537).

Чума была обычной напастью в XVIII столетии, памятном среди прочего и «чумным бунтом» в Москве в 1771 году. Императрица Екатерина II предполагала совершить свое знаменитое путешествие в Крым весной 1785 года, но из-за эпидемии чумы в Екатеринославской губернии оно было отложено до начала 1787 года (12, 41).

Опасность стать жертвой чумы была реальностью во времена Пушкина и Гоголя. Вспышки этой страшной болезни отмечены были в Одессе (1829 и 1837 годы), в Севастополе (1830), а также в Нижнем Поволжье и Закавказье. Драма Пушкина «Пир во время чумы» была навеяна не только событиями далекого прошлого, но и опасностями настоящего.

На смену отступавшей чуме пришла не менее грозная напасть — «индийская зараза», холера. Она волнами прокатывалась по России в 1830-е годы, не щадя ни богатых, ни бедных. В «Старой записной книжке» князя П. А. Вяземского среди прочих зарисовок находим и такую.

«В то время (начало XIX века) холера начинала разыгрываться. Молчанов очень боялся ее. По возвращении своем в Петербург он наглухо заперся в своем доме, как в крепости, осажденной неприятелем. Но крепость не спасла. Неприятель ворвался в нее и похитил свою жертву.

... Страх холеры действовал тогда на многих; да, впрочем, по замечанию Д. П. Бутурлина, едва ли на какое другое чувство и могла она надеяться.

Граф Ланжерон, столько раз видавший смерть перед собою во многих сражениях, не оставался равнодушным перед холерой. Он так был поражен мыслью, что умрет от нее, что, еще пользуясь полным здоровьем, написал он духовное завещание, так начинающееся: *умирая от холеры* и проч.

На низших общественных ступенях холера не столько страха внушала, сколько недоверчивости. Простолюдин, верующий в благость Божию, не примиряется с действительностью естественных бедствий: он приписывает их злобе людской или каким-нибудь тайным

видам начальства. Думали же в народе, что холера есть докторское или польское напущение» (28, 121).

3 октября 1829 года Вяземский, удалившись в Остафьево, отметил в своей записной книжке: «Сегодня минуло две недели, что я узнал о существовании холеры в Москве. 17-го вечером приехал я в Москву с Николаем Трубецким. Холера и парижские дела были предметами разговора нашего. Уже говорили, что холера подвигается, что она во Владимире, что учреждается карантин в Коломне. Я был убежден, что она дойдет до Москвы. Зараза слишком расползлась из Астрахани, Саратова, Нижнего, чтобы не проникнуть всюду, куда ей дорога будет» (28, 618).

Подобно своей старшей сестре чуме, холера порождала народные волнения. Охваченные страхом люди готовы были на любые безумства.

«В Коломне, сказывают, был бунт против городничего, объявившего, что холера в городе, а чернь утверждала, что нет. Городничий скрылся. Губернатор приезжал исследовать это дело...» (28, 625).

Прошло два десятка лет — а картина не изменилась. В 1848 году Вяземский писал Жуковскому: «Ты бежишь от революций, а здесь (в Петербурге. — *Н. Б.*) мы встретим тебя холерою, которая губительною лавою разлилась по всей России и в Петербурге свирепствует с большим ожесточением. Более тысячи человек занемогает в день и наполовину умирает...» (15, 506).

«Иль мороз окостенит...»

Безлюдность российских дорог в сочетании с большими расстояниями между селениями создавали еще одну реальную опасность для жизни путника. Сбившись с дороги в сильную метель, он мог замерзнуть и быть заживо погребенным под сугробами снега. Такие случаи бывали не только в степных областях, на окраинах, но и в центре России. Красочное описание этой беды в оренбургских степях знакомо каждому по «Капитанской дочке» А. С. Пушкина.

«Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные

холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или, точнее, по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: "Барин, не прикажешь ли воротиться?"

— Это зачем?

— Время ненадежно: ветер слегка подымается; — вишь, как он сметает порошу.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток.)

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

— А вон — вон: это облачко.

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

Я слыхал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены. Савельич, согласно со мнением ямщика, советовал воротиться. Но ветер показался мне не силен; я понадеялся добраться заблаговременно до следующей станции и велел ехать скорее.

Ямщик поскакал; но все поглядывал на восток. Лошади бежали дружно. Ветер между тем час от часу становился сильнее. Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело подымалась, росла и постепенно облегала небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. "Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!"...

Я выглянул из кибитки: все было мрак и вихорь. Ветер выл с такой свирепой выразительностию, что казался одушевленным; снег засыпал меня и Савельича; лошади шли шагом — и скоро стали. "Что же ты не едешь?" — спросил я ямщика с нетерпением. "Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка, — невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом"» (153, 1075).

Герои Пушкина бедствовали в безлюдных оренбургских степях во времена Пугачева. Но опасность погибнуть в снегах подступала и гораздо ближе к Первопре-

стольной. Спустя полвека, в январе 1828 года, князь П. А. Вяземский ехал из Москвы в Пензу. Вот как описывал он свои дорожные приключения.

«Мы выехали 5-го января из Мещерского в Пензу в восьмом часу утра. Погода казалась тихая и теплая, мы думали, что часов в пять после обеда будем в городе. Вместо того настал мороз ужасный, вьюга ледяная, и в пятом часу приехали мы только в Елань. Кучера и люди перемерзли, форейтор отморозил себе нос и колено. Видя это, еланские ямщики нас никак везти далее не хотели до утра, несмотря на просьбы, увещания, обещания дать двойные прогоны; должны мы были решиться провести на месте часть дня и ночь. Мороз был красноречивее нас и денег.

На беду нашу попали мы на сочельник. Печь была худо натоплена и ничего в печи не было, а мы, полагая, что будем несколько часов в езде, не взяли с собою запаса. Вот что значит ездить по степям. Здешние жители, пускаясь и на малую дорогу, берут с собою не только провиант, но и дрова на всякий случай. Застигнет их ночь и метель, они приютятся к стогу сена, разложат огонь и бивакируют. Мы были взяты врасплох, как Наполеон русскою зимою.

Проведши около 15-ти часов в избе холодной, но дымной, в сообществе телят, куриц (не говоря уже о мелкопоместных тараканах), родильницы, лежащей на печи с трехдневным младенцем, пустились мы на другое утро в Пензу. Мороз не слабел, но погода была тише. В девятом или десятом часу приехали в Пензу...» (28, 566).

Прошло еще полтора десятилетия — и та же беда приключилась с молодым дворянином Иваном Аксаковым, ехавшим в январе 1844 года по делам службы по дорогам не столь уж далекой от Москвы Тамбовской губернии.

«..Ямщики, однако же, уговаривали нас остаться, выждать погоду, но мы их не послушались, а заложили пять лошадей с форейтором, ибо снегу, снегу гибель; разве в одной Оренбургской встречается подобное количест-

во. Поехали. Метель гуляла вволю, и мы, не сделав двух верст, сбились с дороги и решились воротиться. Только что завидели Кузьмину гать, вдруг погода приутихла, просветлела, и мы опять поворотили в Сампур. Мне еще было смешно, хоть Оболенский и начинал беспокоиться; человека мы посадили между собой, и хотя продувало нас порядком, однако мы терпели, имея в виду приезд в Сампур. Вам известно, что такое буран! Ну так буран, настоящий буран, свирепствовал во всей силе: в двух шагах нельзя разглядеть человека, да и смотреть нельзя, так, кажется, и вырвет и забьет глаза. Мы еще закрылись рогожкой, но каково же было ямщикам! Лошади отказывались везти, начинало смеркаться. Оболенский выскочил сам, повел под уздцы лошадей, общими криками побуждали мы их идти, но пользы было мало, мы отстали от обоза, и так как в проклятой Тамбовской губернии по дорогам нет ни верш, ни вех, то скоро сбились с дороги, а наудачу ехать было опасно, ибо встречаются буераки, т. е. такие снежные сугробы, сажен до двух и трех глубины, из которых и днем не всегда избавляются. Между тем наступил пятый час и совершенно смерклось. Что делать! Лошади не везут, ямщики закоченели, мы сами иззябли, дороги не знаем, ночь, и при всем этом ужасный, неистовый буран! Послал ямщика верхом отыскивать дорогу, сами принялись кричать, но ямщик скоро вернулся, не найдя ничего, кроме стога сена, а крики наши не могли быть услышаны при таком вихре, да и кто стал бы отвечать и отыскивать нас! Ведь в Тамбовской губернии нет ни сенбернардских монахов, ни собак! Страшно! Ямщик принялся плакать, молиться Богу: "Ах ты, жизнь наша, жизнь, вот, умирай здесь вдруг!" Мы решили остановиться у стога сена, отпрячь лошадей и дожидаться утра. Каково это! Иметь в перспективе часов 13 или 14 ночи, при такой погоде, с ежеминутной возможностью закоченеть и замерзнуть! Отпрягли лошадей и пустили в повозку ямщика и форейтора и накрылись рогожкой. Ямщик и форейтор готовились расстаться с жизнью и отдать душу Богу, но так как они прозябли более нас, то я отдал им шубу, а сам остался в одной известной Вам шинели, а Оболенский отдал им шинель, оставшись в одной чуйке. Признаюсь, я никак не мог привыкнуть к мысли, что действительно

можно замерзнуть, хотя благоразумие заставляло почти не сомневаться в этом. Могли ли мы надеяться, что выдержим предстоявшие нам ужасные 14 часов ночи! Нет, надежда, уверенность в милость Божию не покидала меня; хотя я вовсе не имею особенного права на эту милость, но чувствую, что нахожусь под нею ежеминутно, т. е. это относительно меня собственно. Но тяжело было это испытание и памятны мне эти с таким напряженным терпением выжданные часы! Так как ямщики и человек наш, совершенно одуревшие и обесчувствевшие, готовы были заснуть каждый миг, несмотря на то, что сон в их положении — верный конец, то мы с Оболенским и положили, сменяясь беспрерывно, будить всех и не давать спать. Странно, право, как нравственное чувство торжествует над физикой человека. Мы были одеты холоднее, чем они, менее привычны к холоду и снегу, более изнежены и притом мы терпели, бодрствовали всю ночь, поддерживали их мужество, ободряли их и можем смело сказать, что без нас они бы замерзли. Однако ветер сильно прохватывал насквозь нашу жидкую кибитку, и мы вздумали было поставить ее по ветру, т. е. чтобы ветер дул только в спину, а не в лицо. Но это было напрасно. Лошадей запрячь мы были не в состоянии: пальцы распухли, без силы, без чувства осязания, да и лошади — что шаг, то падали в снег от слабости и изнеможения, а снегу к тому же столько, что ходить почти не было возможности. Итак, еще больше прозябнув, сели мы в свою маленькую клетку и стали ждать. Проходит час, другой, в беспрерывных буждениях друг друга, спрашиваниях: жив ли ты, спишь ли и т. п. Но всему должен быть конец на свете. Погода стала утихать, хотя холод усилился, и показалась заря. Послышались отдаленные крики обозов. Насилу заставили мы уже равнодушного ко всему ямщика проснуться, сесть верхом и ехать отыскивать дорогу или деревню. Я боялся, что он или упадет с лошади и не будет в состоянии подняться, или еще больше заплутается, или, наконец, приехав в какую-нибудь избу, бросится к теплу и забудет про нас. Сами же мы вышли из повозки и стали кричать, но никто не отвечал нам, а идти пешком до дороги мы не были в состоянии. Наконец, часу в восьмом утра, при резком и сильном холоде с ветром, хотя без

бурана, показались лошади и верховые. Долго были мы в мучительной неизвестности: избавители ли это наши? И когда мы увидели, что это они, то удивительно сладкое чувство радости и умиления овладело нами. Бодрые сампурские ямщики привели свежих лошадей и скоро привезли нас на станцию, от которой мы находились верстах в трех, не больше. Итак, более 20 часов провели мы не пивши и не евши, при жестоком буране, заблудившись верстах в трех от станции...» (2, 38).

Замерзающий человек не понимает, что с ним происходит. Он всего лишь непреодолимо хочет спать. Но, погрузившись в этот леденящий кровь сон, он уже никогда не проснется.

Во время отступления французской армии из Москвы в 1812 году вдоль Смоленской дороги лежали сотни и тысячи тел погибших от холода. Эту страшную картину описал в своих воспоминаниях Арман де Коленкур.

«Мороз был такой, что оставаться на бивуаках было невыносимо. Горе тому, кто засыпал на бивуаке. В результате дезорганизация чувствительным образом захватила уже и гвардию. На каждом шагу можно было встретить обмороженных людей, которые останавливались и падали от слабости или от потери сознания. Если им помогали идти, или, вернее, с трудом тащили их, то они умоляли оставить их в покое. Если их клали на землю возле бивуаков (костры бивуаков горели вдоль всей дороги), то, как только эти несчастные засыпали, они были неминуемо обречены на смерть. Если им удавалось сопротивляться сну, то кто-нибудь из проходящих мимо отводил их немного дальше, и это продолжало их агонию на некоторое время, но не спасало их, ибо для людей в таком состоянии вызываемая морозом сонливость является силой, против которой нельзя устоять; засыпаешь вопреки своей воле, а заснуть — это значит умереть. Я пытался спасти некоторых из этих несчастных, но тщетно. Они могли пробормотать лишь несколько слов, прося оставить их в покое и дать им немножко поспать. Послушать их, — так этот сон должен был быть их спасением. Увы! Он означал последний

вздох несчастного, но зато бедняга переставал страдать, не испытывая мук агонии. На побелевших губах замерзших была запечатлена признательность судьбе и даже улыбка. На тысячах людей я видел это действие мороза и наблюдал смерть от замерзания. Дорога была покрыта трупами этих бедняг» (83, 266).

Иль мне в лоб шлагбаум влепит...

На въезде в любой губернский город находилась застава с двумя обелисками, увенчанными двуглавым орлом. На заставе караульный, обычно отставной солдат (по-французски — «инвалид»), проверял у едущих подорожную и затем поднимал полосатый шлагбаум. Торопливость путника и неловкость стражника могли привести к тому, о чем говорит Пушкин.

Заставы с орлами были и в уездных городах. Однако там зачастую не было солдат для несения караульной службы при шлагбауме. В результате шлагбаум был постоянно поднят, но, по русскому обыкновению, не совсем поднят, а приподнят, то есть как бы отчасти открыт, а отчасти закрыт. Едущим приходилось зорко смотреть за тем, чтобы не зацепить верхом кибитки, а то и головой полуопущенный шлагбаум.

На эту дорожную опасность жаловался в письме отцу, императору Николаю, наследник престола Александр, совершавший в 1837 году путешествие по России.

«Позволь мне, милый Папа, одно замечание сделать насчет шлагбаумов в уездных городах, где нет даже никакого гарнизона, их держат на цепи, без часового, и так коротко, что того и смотри, что беда случится или к низкой стороне лошади неравно дернут, если бы, по крайней мере, приказано было как то у нас делается и в Царском селе, когда караула нет, что цепи снимаются совсем» (19, 87).

Нож злодея...

Были, однако, опасности и пострашнее, чем опущенные шлагбаумы. Со времен Ильи Муромца на русских дорогах не переводились «соловьи-разбойники». Ог-

рабить и убить одинокого путника было не слишком сложным делом. «Лихих людей» привлекало на дорогу то, что путник всегда имел при себе деньги и имущество.

Среди дорожных впечатлений наследника Александра было и такое. «В Екатеринбург приехал я в 5 часов прямо в собор. Перед мною ехал за несколько часов Корпуса жандармов подполковник Касинский — и у самого Екатеринбурга увидел разбойника, напавшего на проезжающую семью, злодей скрылся, но сегодня вечером 3 отставных солдата его поймали и представили в полицию. Я приказал дать им особенное денежное вознаграждение. Разбойник же этот оказался некто известный Рыков, который в 4-й раз бежит из сибирских рудников, дерзость их, чтобы нападать под самым городом на проезжающих, превосходит все меры и непонятна» (19, 51).

Неделю спустя наследник вновь рассуждает об этой истории, которая крепко засела ему в память. Он пишет отцу: «Не только ссыльные бегут, но даже каторжные, я в прошедшем письме из Екатеринбурга писал, что в день моего приезда один каторжный напал на большой дороге в нескольких верстах от города, где ты думаешь его поймали? — В самом городе, на квартире у одного заводского рабочего, которые почти такие же каналии, как сам разбойник, это клан людей самый развратный» (19, 54).

Наследник престола, конечно, был огражден от опасности дорожного грабежа. Иное дело — рядовые путники. Тут следовало быть начеку.

Проезжая из Москвы в Калугу осенью 1845 года, Иван Аксаков столкнулся с этой угрозой. «В Шарапове я пил чай, и жена смотрителя предупредила нас, что за Быкасовом (второй станцией) шалят: бежало человек одиннадцать из острога, зарезали пять или шесть человек, да еще товарища своего, который, будучи хром, не мог за ними быстро следовать. Эти люди зашли в дом одного Боровского купца, которого убили, других, кого нашли, изувечили, но не тронули, однако, пятилетнего ребенка, спавшего на постели». Впрочем, Аксаков далее замечает: «Никаких разбойников не встретил, да я и забыл о них, ибо мне все хотелось дремать» (2, 193).

Угроза нападения разбойников на дорогах николаевской России вообще была не слишком актуальной. Тот же Иван Аксаков в одном из писем рисует следующий эпизод. «...Стало темнеть, мы въехали в лесок, и Никита (слуга. — *Н. Б.*) начал просить у меня пороху для пистолетов, в чем я ему отказал, потому что ни пороху, ни пуль не было, да и нужды в них нет. Слава Богу, вот сколько я проехал по России безо всякого оружия. Все мирно...» (2, 439).

Заметим, что дело происходило в Бессарабии, на самой окраине империи.

Помимо разбойников русская дорога издавна была полна обычными ворами. Они действовали главным образом на почтовых станциях и постоялых дворах. Характерный эпизод такого рода изображен в письме отцу писателя и поэта М. Н. Муравьева (1757—1807). Автор письма, служивший в то время (лето 1777 года) сержантом в Измайловском полку, едет из отпуска, который он провел в доме своего отца, Н. А. Муравьева, в Твери, на службу в Петербург.

«...Между тем, как я обмок и озяб и плащ до половины был забрызган, вздумал я идти в трактир и плащ скинул. При кибитке остался Ванька, а я с ямщиком пошел в трактир, где подали мне чаю. Между тем колесо поспело, и ямщик, который, проводив меня, шел назад к лошадям своим, встретился уже с Ванькою, который кибитку везет к трактиру и к почтовому двору, который тут напротив. Покуда зачали мазать колеса, Ванька пошел с старым ямщиком ко мне в хоромы о прибавке денег к прогонам спроситься. Пришел назад — плаща уж и нет. Вот какое наше несчастье!» (134, 262).

Прошло несколько десятилетий — и маркиз де Кюстин жалуется своим читателям на ту же напасть: «На каждом перегоне мои ямщики по крайней мере раз двадцать крестились, проезжая мимо часовен, и столь же усиленно раскланивались со всеми встречными возницами, а их было немало. И выполнив столь пунктуально эти формальности, искусные, богобоязненные и вежливые плуты неизменно похищали у нас что-либо. Каждый раз мы не досчитывались то кожаного мешочка, то ремня, то чехла от чемодана, то, наконец, свечки,

гвоздя или винтика. Словом, ямщик никогда не возвращался домой с пустыми руками» (92, 201).

Воры караулили зазевавшегося путника не только на станциях, но и на перегонах. Барон М. А. Корф в своем дневнике (1843) рассказывает и такую историю: «С Клейнмихелем (П. А. Клейнмихель — генерал, главноуправляющий путями сообщения. — *Н. Б.*) случился довольно забавный анекдот. Во время его поездки к нему отправляют отсюда ежедневно курьеров с бумагами и делами, и как на переездах он, при всей своей деятельности, не мог успевать всего очищать, то и накопилось значительное количество бумаг, которые были привязаны в чемодане за его коляскою. Между Москвою и Тулою этот чемодан отрезали. Можно представить себе бешенство Клейнмихеля, но вместе и бешенство вора, когда он вскрыл свою *драгоценную добычу*» (87, 278).

«Где-нибудь в карантине...»

Издавна люди пытались остановить распространение опасных инфекционных болезней (в первую очередь — чумы и холеры) путем прекращения всякого общения с больными. Вводимый властями запрет на выезд и выезд из охваченных эпидемией местностей в XIV столетии получил в Европе название «карантин». Это слово происходило из итальянского языка и в оригинале означало «quaranta giorni» — «сорок дней». На многодневный карантин ставили в первую очередь корабли, прибывавшие в Италию из Турции и Египта. Если за это время на борту судна не обнаруживали больных — корабль допускали в порт.

В России уже во времена Ивана Грозного жестокому карантину подвергались дома и городские кварталы, где появлялась «моровая язва». Нарушителей запрета бросали в огонь.

Во времена Пушкина периодически возобновлявшиеся эпидемии заставляли правительство объявлять на карантинном положении зараженные уезды и губернии. Самовольное нарушение карантина грозило виновным смертной казнью или лишением всех прав и состояния. Однако всеобщая уверенность в бесполез-

ности карантинов, продажность караульных и русский «авось» открывали любые заставы.

Вглядываясь в темные глубины бытия, Пушкин искал ответа на «вечные вопросы». Один из них — поведение человека перед лицом смертельной опасности, являющейся в облике грозной болезни. В своих произведениях поэт не раз возвращался к этой теме. Кажется, он вновь и вновь испытывал свою собственную готовность смотреть в лицо судьбе.

Осенью 1830 года, едва выбравшись из охваченного эпидемией Нижегородского края, Пушкин пишет приведенный ниже текст мемуарного характера. Несмотря на беглость этого отрывка и его иронический тон, он хорошо передает чувства, которые испытывал путешественник, оказавшись в краю, где гуляла «индийская зараза».

«В конце 1826 года я часто видался с одним дерптским студентом (ныне он гусарский офицер и променял свои немецкие книги, свое пиво, свои молодые поединки на гнедую лошадь и на польские грязи). Он много знал, чему научаются в университетах, между тем как мы с вами выучились танцевать. Разговор его был прост и важен. Он имел обо всем затверженное понятие, в ожидании собственной поверки. Его занимали такие предметы, о которых я и не помышлял. Однажды, играя со мною в шахматы и дав конем мат моему королю и королеве, он мне сказал при том: Cholera-morbus подошла к нашим границам и через пять лет будет у нас.

О холере имел я довольно темное понятие, хотя в 1822 году старая молдаванская княгиня, набеленная и нарумяненная, умерла при мне в этой болезни. Я стал его расспрашивать. Студент объяснил мне, что холера есть поветрие, что в Индии она поразила не только людей, но и животных и самые растения, что она желтой полосою стелется вверх по течению рек, что, по мнению некоторых, она зарождается от гнилых плодов и прочее — всё, чему после мы успели наслыхаться.

Таким образом, в дальном уезде Псковской губернии молодой студент и ваш покорнейший слуга, вероятно одни во всей России, беседовали о бедствии, которое через пять лет сделалось мыслию всей Европы.

Спустя пять лет я был в Москве, и домашние обстоятельства требовали непременно моего присутствия в нижегородской деревне. Перед моим отъездом Вяземский показал мне письмо, только что им полученное: ему писали о холере, уже перелетевшей из Астраханской губернии в Саратовскую. По всему видно было, что она не минует и Нижегородской (о Москве мы еще не беспокоились). Я поехал с равнодушием, коим был обязан пребыванию моему между азиатцами. Они не боятся чумы, полагаясь на судьбу и на известные предосторожности, а в моем воображении холера относилась к чуме как элегия к дифирамбу.

Приятели, у коих дела были в порядке (или в привычном беспорядке, что совершенно одно), упрекали меня за то и важно говорили, что легкомысленное бесчувствие не есть еще истинное мужество.

На дороге встретил я Макарьевскую ярманку, прогнанную холерой. Бедная ярманка! она бежала, как пойманная воровка, разбросав половину своих товаров, не успев пересчитать свои барыши!

Воротиться казалось мне малодушием; я поехал далее, как, может быть, случалось вам ехать на поединок: с досадой и большой неохотой.

Едва успел я приехать, как узнаю, что около меня оцепляют деревни, учреждаются карантины. Народ ропщет, не понимая строгой необходимости и предпочитая зло неизвестности и загадочное непривычному своему стеснению. Мятежи вспыхивают то здесь, то там.

Я занялся моими делами, перечитывая Кольриджа, сочиняя сказки и не ездя по соседям. Между тем начинаю думать о возвращении и беспокоиться о карантине. Вдруг 2 октября получаю известие, что холера в Москве. Страх меня пронял — в Москве... но об этом когда-нибудь после. Я тотчас собрался в дорогу и поскакал. Проехав 20 верст, ямщик мой останавливается: застава!

Несколько мужиков с дубинами охраняли переправу через какую-то речку. Я стал расспрашивать их. Ни они, ни я хорошенько не понимали, зачем они стояли тут с дубинами и с повелением никого не пускать. Я доказывал им, что, вероятно, где-нибудь да учрежден карантин,

что я не сегодня, так завтра на него наеду, и в доказательство предложил им серебряный рубль. Мужики со мной согласились, перевезли меня и пожелали многие лета» (152, 192—194).

Глава двенадцатая

Дорожники и путеводители

В древней Руси существовали особого рода справочники для путников — *дорожники*. Они конспективно называли основные пункты маршрута и расстояние между ними. Один из них — Югорский дорожник — был даже включен австрийским послом Сигизмундом Герберштейном в его знаменитые «Записки о Московии» (первая треть XVI века) (30, 156). Другой, так называемый Пермский дорожник, был создан в начале XVI века в канцелярии местного епископа (30, 332).

Всякий путешественник (а тем более паломник), прибывший в незнакомый город, желал познакомиться с его достопримечательностями. И если он не имел в городе знакомых, то должен был нанять для пояснений знающих людей. «А в Царьград аки в дубраву велику внити: без добра вожа (сопровождающего, руководителя. — *Н. Б.*) не возможно ходити, скупо или убого не можеши видети ни целовати ни единого святого», — жаловался русский паломник XIV столетия Стефан Новгородец (107, 258).

Любознательность — свойство человеческого ума. Для ее удовлетворения на смену «хождениям» и «дорожникам» пришли разного рода справочники и путеводители. И всё же никакая книга не могла заменить рассказ «добра вожа» — осведомленного в истории города и края местного жителя. Именно из этого исходил в своем путешествии С. П. Шевырев, стремившийся везде отыскать знающего человека. Он охотно пускался в разговоры с горожанами и был внимательным слушателем. «Исторические воспоминания приятно соединять с живой Русью, которая олицетворяется для вас в каждом простолюдине» (214, 46).

Не найдя «экскурсовода», путешественник нового времени желал купить путеводитель. Но это оказывалось почти неразрешимой задачей. Печально известное русское невежество, пренебрежение к своей истории проявлялось, в частности, и в том, что даже в больших городах нельзя было (как нельзя и ныне) найти хороший «guidebook».

«Ни один книгопродавец не продает здесь какого-либо указателя достопримечательностей Петербурга, — замечает маркиз де Кюстин. — Знающие местные люди, которых вы спросите об этом, либо заинтересованы в том, чтобы не давать иностранцу исчерпывающих сведений, либо слишком заняты, чтобы вообще ему что-либо ответить» (92, 77).

В таком же положении оказался и герой повести В. А. Соллогуба «Тарантас», пожелавший купить во Владимире путеводитель по святыням древнего города.

«Прежде всего он отправился в книжную лавку и, полагая, что и у нас, как за границей, ученость продается задешево, потребовал "указателя городских древностей и достопримечательностей". На такое требование книгопродавец предложил ему новый перевод "Монфермельской молочницы", сочинение Поль-де-Кока, важнейшую, по его словам, книгу, а если не угодно, так "Пещеру разбойников", "Кровавое привидение" и прочие ужасы новейшей русской словесности.

Не удовлетворенный таким заменом, Иван Васильевич потребовал по крайней мере "Виды губернского города". На это книгопродавец отвечал, что виды у него точно есть, и что он их дешево уступит, и что ими останутся довольны, но только они изображают не Владимир, а Царьград. Иван Васильевич пожал плечами и вышел из лавки» (172, 29).

Прошло полстолетия — но путеводителей по русским городам как не было, так и не появилось. Путешествовавший по Волге профессор А. П. Субботин рассказывает: «Книги (в Ярославле. — *Н. Б.*) продаются только в двух магазинах, но ни в одном не оказалось путеводителя по городу Ярославлю, что показывает, как мало здесь бывает туристов, интересующихся местными достопримечательностями» (180, 114).

Оставшись без путеводителя, герой Соллогуба не отказался, конечно, от своего намерения пройти по городу и увидеть его памятники. Как человек творческий, он быстро уяснил для себя некоторые правила поведения культурного паломника.

Приятно первое знакомство с городом, когда открытия ожидают любознательного путешественника за каждым поворотом улицы. Но не менее приятна и вторая прогулка — по уже знакомым в первом приближении местам. Теперь путешественник свободен от обязательных осмотров главных достопримечательностей. Он может бесцельно бродить по лабиринту переулков, вглядываться в детали и делать собственные открытия.

Истинный путешественник, помимо всего прочего, умеет наслаждаться свободой выбора. Он не составляет графиков осмотра достопримечательностей, а действует, так сказать, «по наклонности собственных мыслей».

«Я еще не начинал похождений своих по здешним палацам и церквам, ожидаю, чтобы жар спал. Видел я только кое-что мимоходом. Я наслаждаюсь этой независимостью от повинностей, которым подлежат обыкновенные путешественники» (28, 779).

Глава тринадцатая

Дорожные звуки

Русская дорога имела свои звуки, свою музыку. Ее лейтмотив — «говор колес непрестанный», ее соло — «однозвучно звенит колокольчик».

Парадоксально, но эта неумолчная песнь колокольчика родилась из весьма прозаического желания властей так или иначе отметить всё, что принадлежит государству. В 70-е годы XVIII века во время очередной реформы почтового ведомства было постановлено, чтобы под дугой курьерских и почтовых лошадей висел колокольчик. Его звон был слышен издалека и предупреждал караульных у городской заставы о приближении почты (21, 135). Частным лицам категорически воспрещалось пользоваться колокольчиком. Таким об-

разом, колокольчик играл примерно ту же роль, что и «спецсигнал» у современных служебных машин.

Одновременно с колокольчиком появилось и другое примечательное новшество. В почтовые повозки стали запрягать по три лошади в ряд (21, 135). Под звон бубенца помчалась по бескрайним просторам знаменитая русская тройка...

Со звоном колокольчика сплеталась и песня ямщика. Под звуки этой песни рождались медленные мысли.

«Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таковых песен суть тону мягкого. — На сем музыкальном расположении народного уха умей учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа» (154, 44).

Радищеву вторит маркиз де Кюстин. «Национальные песни русских отличаются грустью и унынием» (92, 200).

Русский народ любил не только петь, но и играть на своих нехитрых музыкальных инструментах. Это отметил в своих путевых записках Джеймс Александер.

«В пути постоянно можно слышать непривычные звуки пастушьего рожка. Видимо, в игре на подобном инструменте (рожок прямой, с несколькими отверстиями) состязались Лисий и Теокрит. Поистине волшебные звуки издает двойная флейта, или жалейка. Возле изб довольно часто можно видеть мальчиков, играющих на этих своеобразных дудочках. В обеих руках они держат по трубке, каждая с тремя звуковыми отверстиями. Подобные духовые инструменты изображены на некоторых греческих барельефах» (6, 98).

Какие песни и как поют ямщики?

«Эти странные сны наяву сопровождались монотонными песнями моих ямщиков. Русский народ, говорят,

очень музыкален, но до сих пор я еще ничего достойного внимания не слышал, а певучая беседа, которую вел в ту ночь кучер со своими лошадьми, звучала похоронно: речитатив без ритма, жалобные звуки, которыми человек поверял свои горести животному, единственному верному другу, хватали за душу и наполняли ее невыразимой грустью» (92, 205).

Интересны суждения по этому вопросу такого тонкого наблюдателя, как Иван Аксаков. Отмечая прочное бытование старинных песен в украинском народе, он вспоминает и песни великорусских ямщиков. И сравнение это не в пользу великороссов.

«Вообще песни в народе (украинском. — *Н.Б.*) хорошо сохранились, и я не думаю, чтобы они могли дойти до такой степени путаницы и нелепицы, как большая часть песен, которые поет великорусский народ. Здесь поющий обращает внимание на содержание и на смысл песни, между тем в России самая протяжность звуков мешает обратить внимание на слова песни. Ямщик проедет семь верст прежде, чем успеет кончить совсем первый стих песни "Не белы то снеги в поле забелелися". Да и мы обыкновенно знаем только первые начальные стихи русских лучших песен. Никто почти из нас не скажет окончания песни "Лучина-лучинушка", "Вниз по матушке по Волге" и прочие» (3, 281).

Зачем ямщик поет свои невнятные песни? Кажется, чтобы просто скоротать долгий и однообразный путь. Вот как рассуждал на эту тему один ямщик в разговоре с путешественником и этнографом С. В. Максимовым.

«Опять же наш брат ямщик песню поет оттого, что пять-шесть на голос поднимет да вытянет — гляди, в мыслях-то его перегон на станции и порешился. Тпру! — приехали, значит» (106, 206).

Устав от трезвона колокольчика и заунывной песни ямщика, путник порой пытался вступить с ним в беседу. Однако ямщики обычно не отличались разговорчивостью. Их ответы были лаконичны и неопределенны. В одной из записей князя Вяземского находим ироническое изображение такой беседы.

«Ничего. Я очень люблю это простосердечное русское выражение. Иван, какова погода? "Ничего-с!" Ямщик, какова дорога? "Ничего-с". Что, каков ваш барин, хорошо ли вами управляет? "Ничего-с"» (28, 770).

Глава четырнадцатая

Почтовая станция

Создание регулярной системы доставки почты в России является одной из исторических заслуг Петра Великого. Но, как и во многом другом, начинание Петра было вполне осуществлено лишь при Екатерине Великой. В 70-е годы XVIII века сложилась та система почтовой связи и перевозки пассажиров «на почтовых», которая, почти не изменяясь, существовала до середины XIX столетия.

Устроенные за счет казны почтовые станции (станы) отдавались на содержание частным лицам. Они обязаны были иметь на каждом стане по 25 лошадей, по 10 кибиток на колесах или санях, а также всю экипировку, необходимую для почтальонов и перевозки почты (конскую упряжь, чемоданы, сумки, седла, форменные мундиры почтальонов). Наем почтальонов также был заботой станционного смотрителя. На эту утомительную службу разрешалось брать даже крепостных крестьян, отпущенных помещиком на оброк.

Доходы содержателя почтовой станции складывались из законодательно установленной платы проезжающих за прогоны (по 12 копеек за 10 верст), доходов от продажи еды и спиртных напитков на почтовой станции, от размещения путников на ночлег.

Всё, что касалось работы почты, подлежало строгой государственной регламентации. Курьеров надлежало зимой и летом везти со скоростью 12 верст в час, а осенью и весной — 11. Прочих путников предписано было везти помедленнее: зимой и летом — 10, а весной и летом — 8 верст в час (21, 135).

Всех пользовавшихся услугами почтовой станции, а также всю корреспонденцию регистрировали в особые книги.

В царствование императора Николая I были предприняты энергичные меры с целью привести в порядок изрядно запущенную при Александре Благословенном систему почтовых сообщений и почтовых станций. Главноуправляющий российскими почтами граф В. Ф. Адлерберг в докладе императору Николаю по случаю 25-летия его царствования (1825—1850) приводит свидетельства успешного развития почтового дела.

«В 1825 году сношения внутренние и заграничные были медленны. Экстра-почты, которые по установлению своему должны совершать путь скорее почт обыкновенных, отправлялись из Санкт-Петербурга только по два раза в неделю в Одессу, Радзивилов и Мемель. Теперь экстра-почты следуют с усиленною скоростью во все почти главнейшие пункты государства; они значительно ускорили сношения столиц с Тифлисом, Оренбургом и с другими лежащими по тракту городами. Сношения Санкт-Петербурга с Москвою, производившиеся прежде посредством легких почт только четыре раза в неделю, пересылаются теперь два раза в день, кроме воскресения, с легкими и экстра-почтами. Вместо 5 суток, в которые почта совершала прежде путь между столицами, скорость сообщения доведена до 2 $^{1}/_{2}$ и 2 суток. Это ускорение и учащение хода почт, сверх доставления удобства в сношениях столиц, произвело выгодное влияние на корреспонденцию губерний замосковных и сблизило их с центром правительства в Санкт-Петербурге. По всем тем трактам между губернскими городами, где легкие почты ходили в 1825 году по одному разу в неделю, совершается отправление их два раза в неделю. Таким образом, все места в государстве введены в более правильную, а некоторые главные, в непрерывающуюся связь почтовых сообщений.

В 1825 году отправлялось в Империи еженедельно 13 почт тяжелых, 635 легких и 21 экстра-почта. Теперь посылается каждую неделю 36 почт тяжелых, 988 легких и 52 экстра-почты» (110, 461—466).

Наряду с интенсификацией движения почтовых экипажей правительство Николая I стремилось к созданию постоянных кадров почтовых служащих и станци-

онных смотрителей. С этой целью срок аренды почтовых станций был увеличен с 3 до 12 лет, а сумма аренды определялась не с торгов, а по официальным расчетам фиксировано для каждой почтовой станции. По этому вопросу граф В. Ф. Адлерберг докладывал императору в 1850 году следующее:

«Почтовая гоньба в государстве требовала установления ее на лучших и прочных началах, обеспечивающих ее правильность и благоустройство. Прежний порядок отдачи станций в содержание на счет земских сборов, с торгов, возобновлявшихся чрез каждые три года, этого не достигал. Содержанию станций дано другое образование; вместо 3-летних установлены 12-летние сроки, торги отменены, и станций положено отдавать не за произвольную цену, объявленную торгующимся то в ущерб казны, то во вред почтовой гоньбе, а за ту цену, какая самим Правительством будет признана необходимою для. доставления почтосодержателям возможности содержать их в должном устройстве. Для приведения этого в исполнение надлежало сделать оценку всех станций и, по соображению прихода и расхода каждой, определить плату за содержание. Этот труд исполнен; новая система отдачи станций в 12-летнее содержание введена в большей части губерний; с будущего года предположено учредить ее и в остальных 16 губерниях. Мера эта хотя и увеличила расход в сравнении предшествовавшего введению ее трехлетия, но он везде оказался гораздо ниже того, который бы образовался от продолжения существования сей системы, и притом он сделался постоянным во все 12 лет, между тем как при трехлетних торгах не имел определенности и подлежал каждый раз возвышению; в особенности, когда сроки к новым торгам наступали в неурожайные годы. По исчислению выходит, что при трехлетнем содержании станций расход в сложности увеличивался ежегодно, в течение 12 лет на 145.000 рублей.

Независимо от этого общего преобразования порядка содержания станций на счет земских сборов, учреждены для улучшения почтовой гоньбы по некоторым трактам вольные почты. Они приносят пользу тем, что

освобождают совершенно земство от платежа за содержание лошадей в местах, где они устроены.

Для удобнейшего и благовиднейшего помещения почтовых мест и других заведений, входящих в состав почтового ведомства, приобретено покупкою с 1825 года в столицах и других городах 20 домов; построено 15.

Всех почтовых мест состояло в 1825 году в Империи 603. Ныне 738» (110, 461—466).

В ряду мероприятий Николая по благоустройству Российской империи стояло и сооружение на главных дорогах единообразных по внешнему виду и удобных для путников почтовых станций. Некоторые из них сохранились до наших дней вдоль шоссе Петербург — Киев на участке от Острова до Невеля. Их характерный облик — стрельчатые готические окна, высокое крыльцо и дверь посреди главного фасада, две большие комнаты по сторонам от сеней, широкий двор с колодцем и навесом для лошадей и экипажей — напоминает о тех временах, когда от быстрого бега почтовых у путника захватывало дух.

Иначе выглядит почтовая станция в Выре, превращенная в Музей станционного смотрителя. Большие ворота, украшенные гербом, открывают въезд на широкий двор, по сторонам которого — два каменных флигеля собственно станции, а по остальному периметру — деревянные сараи для лошадей и экипажей, кузница, шорная и другие службы.

Внешний вид станций зависел от архитектурной моды и со временем менялся. Иные выглядели простой избой, иные — путевым дворцом. Многое зависело и от материальных возможностей устроителя станции.

В одной из таких станций останавливался на пути из Петербурга в Москву маркиз де Кюстин.

«Дом, в котором я пишу, отличается элегантностью, представляющей собою разительный контраст со скудостью окружающей природы. Это в одно и то же время и почтовая станция, и гостиница, похожая на дачу богатого частного лица. Потолок и стены расписаны в итальянском стиле, нижний этаж состоит из несколь-

ких просторных зал и напоминает провинциальный французский ресторан. Мебель обита кожей, стулья с соломенными сиденьями имеют опрятный вид. Везде расставлены большие диваны, могущие заменить кровати, но я по горькому опыту (нашествия клопов в петербургской гостинице. — *Н. Б.*) знаю, как опасно ими пользоваться, и даже не рискую на них садиться. Почтовые станции такого рода, хотя и менее изысканные, устроены на протяжении всего пути из Петербурга в Москву и содержатся за счет правительства» (92, 243).

Впрочем, почтовые станции на пути из Ярославля в Нижний Новгород уже не вызвали у Кюстина никаких комплиментов. Его раздражает русская неопрятность в мелочах. «Простыни, которые мне дают на станциях, всегда имеют подержанный вид. Не знаю, кому предоставлена привилегия воспользоваться ими в первый раз...» (92, 243).

Но более всего его гнетет общая картина казенного единообразия.

«Из окна моей конуры я мог любоваться, в неверном свете русской ночи, неизбежным римским портиком с деревянным выбеленным фронтоном и оштукатуренными колоннами. Все почтовые станции построены здесь в этом стиле, ставшем, положительно, моим кошмаром. Классическая колонна — клеймо, отличающее в России все общественные здания» (92, 243).

Единообразие внешнего вида почтовых станций отмечал и ехавший по дороге Петербург — Вильно в 1859 году Теофиль Готье.

«Мы прибыли к почтовой станции, которую сразу узнаешь по белому фасаду и портику с колоннами. Все почтовые станции одинаковы и построены от одного края империи до другого по одному и тому же установленному образцу. Нас с нашими вещами переселили в другую телегу, которая тут же и отправилась в путь» (41, 331).

Старания императора Николая привести в надлежащий вид российские почтовые станции приносили свои плоды. На главных трактах строились новые стан-

ции, содержание которых нередко поручалось иностранцам. Одновременно с Кюстином, летом 1839 года, из Петербурга во Псков ехал юный немецкий художник Эуген Хесс. В своих путевых записках он отметил: «Во второй половине дня, вопреки всем ожиданиям, мы прекрасно пообедали на большой и красивой почтовой станции, где смотрителем был швейцарец» (203, 33).

Несколько недель спустя он возвращался в Петербург по Московскому шоссе и с удовольствием отдыхал в почтовой станции на Валдае, точнее — в селе Зимогорье, расположенном на возвышенности на западной окраине города Валдая.

«В шесть часов утра мы проснулись в большом и симпатичном местечке Валдай. Почтовая станция здесь чрезвычайно опрятная и красивая, а из ее окон мы могли видеть большое, очень живописное озеро с лесистыми берегами и островами» (203, 103).

Сарказмы по поводу состояния русских дорог и почтовых станций отражали общий критический настрой сочинения Кюстина и его предшественников, путешествовавших по России. Однако всякая предвзятость вызывает протест у ревнителей объективности. Лет за десять до Кюстина английский офицер Джеймс Александер по дороге от Петербурга до Новгорода рассуждал более оптимистически.

«В отличие от некоторых путешественников, которые не видят в России ничего положительного и находят удовольствие в том, чтобы жаловаться на отсутствие удобств (тогда им бы лучше сидеть дома, а не ездить за границу и глядеть вокруг через очки предубеждения), отмечу, что на каждой станции мы утоляли голод в трактирах не только вкусными, но и хорошо подаваемыми блюдами» (6, 95).

Впрочем, даже такой адепт беспристрастия, как Александер, не может обойти молчанием довольно неприглядные и непривычные для иностранца картины, открывавшиеся на почтовой станции.

«В трактирах и на почтовых станциях можно видеть спящих слуг и ямщиков. Они лежат в овчинных шубах

Владимирка. *И. И. Левитан. 1892 г. Фрагмент*

Почтовый тракт. *М. Н. Воробьев. Начало XIX в.*

Обычный верстовой столб и памятный верстовой столб
на Петербургском шоссе

Карета, застрявшая в снегу. *А. О. Дезарно. 1833 г.*

Курьер в кибитке. *А. О. Орловский. 1815 (?) г.*

Владимир Александрович Соллогуб. *Фото*

Тройка. *П. П. Соколов. 1860-е гг.*

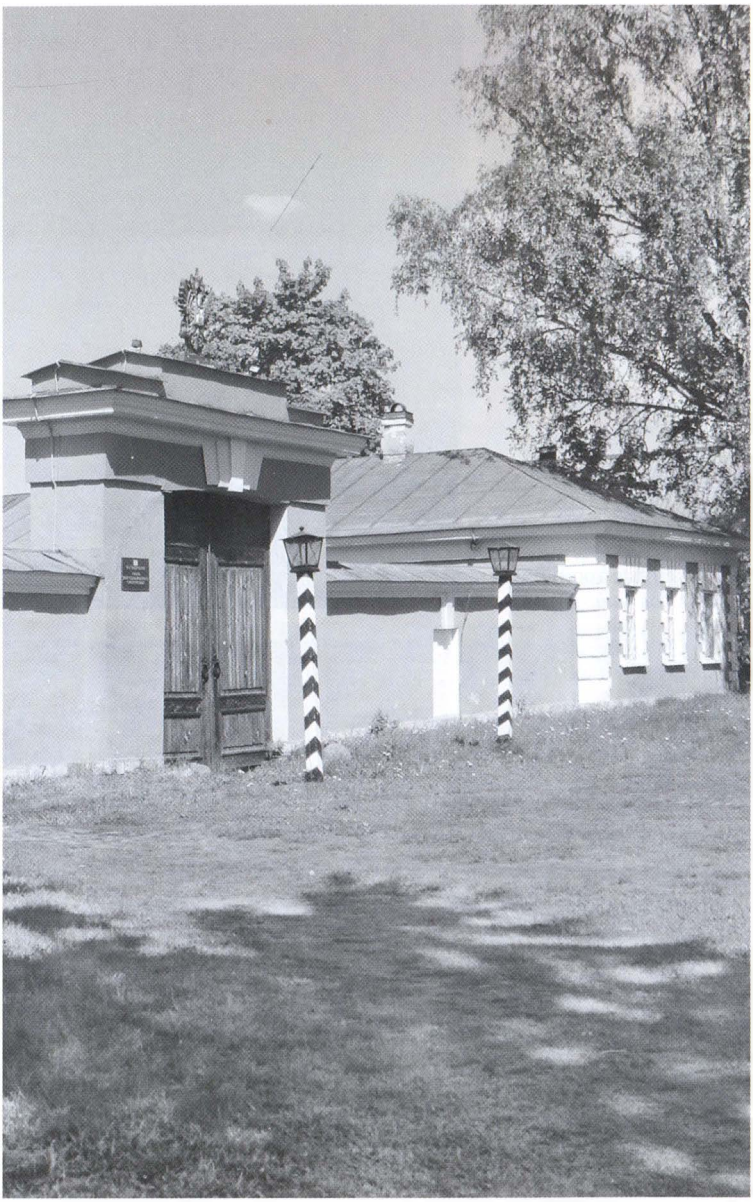

Теофиль Готье
в России. *1858 г.*

Путешественник
в кибитке или сани,
запряженные тройкой.
А. О. Орловский. 1819 г.

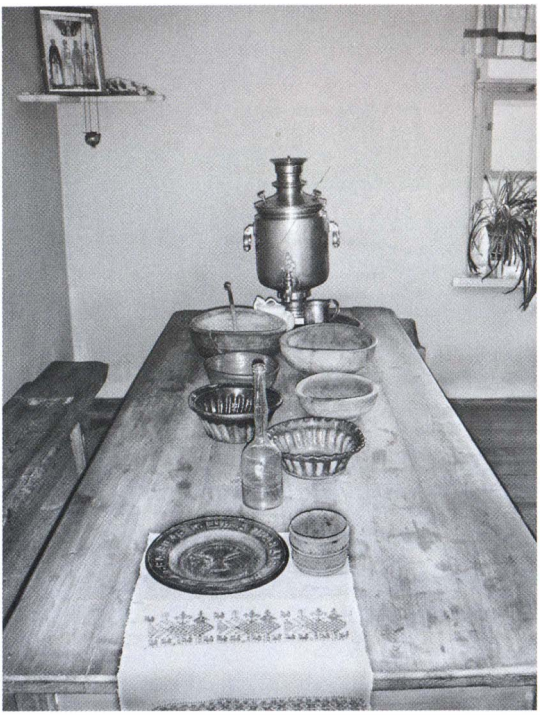
Единственный в своем роде музей русской дороги —
«Дом станционного смотрителя» в деревне Выра Ленинградской области.
Въездные ворота

Стол смотрителя

Сундуки и чемоданы проезжающих

«Дом станционного смотрителя». Обеденный стол в комнате ямщиков

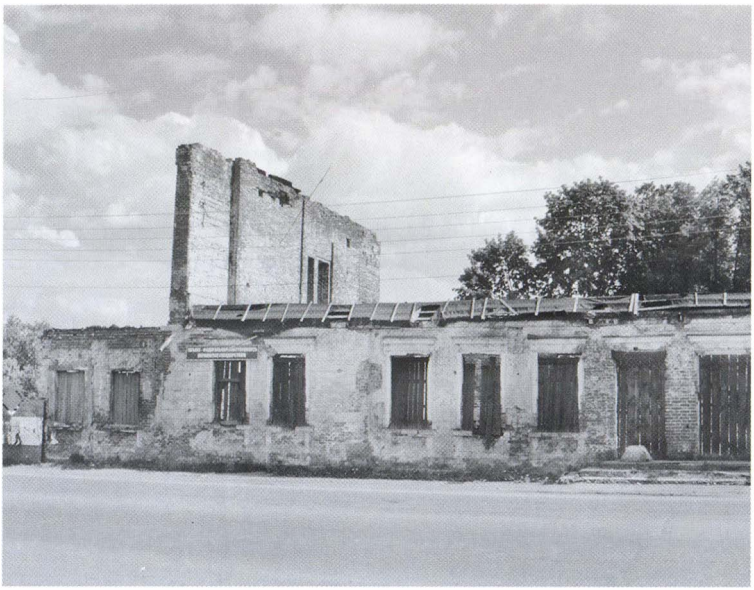
Дорожные корзины

Сарай для экипажей

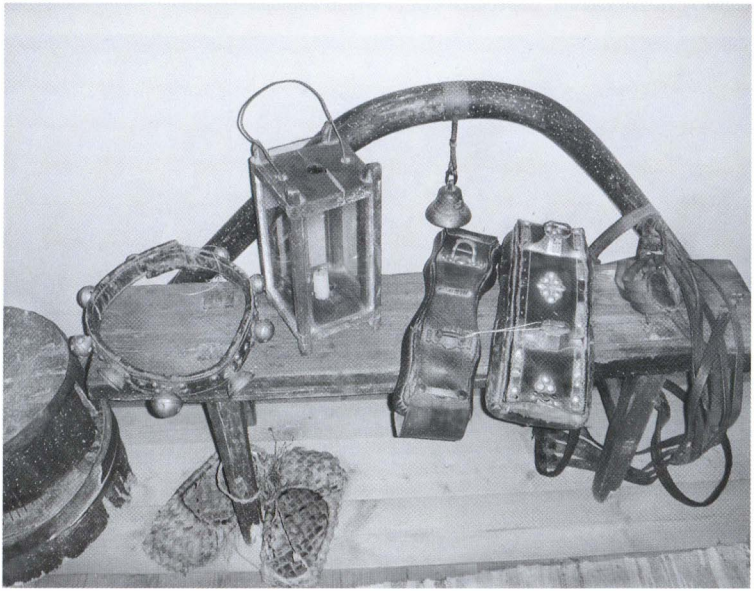
Почтовая станция. Псковская область, Невельский район, село Усть-Долыссы. *Середина XIX в. Фото автора*

Гостиница Пожарского в Торжке. *Современный вид. Фото автора*

Фонарь, конская упряжь и инвентарь.
Музей «Дом станционного смотрителя» в Выре

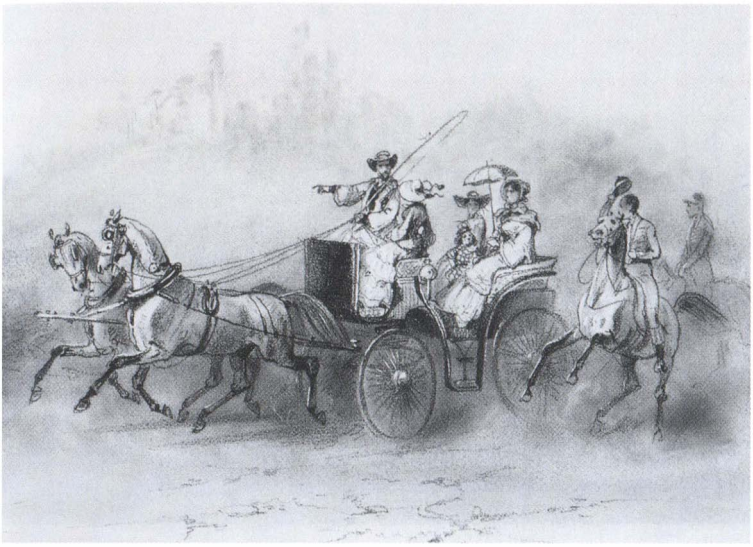
Окрестности Переславля-Залесского. Село Городище. *Фото автора*

Иван Сергеевич Аксаков

Застигнутые бурей. *Н. Е. Сверчков. Вторая половина XIX в.*

Прогулка. *А. И. Шарлемань. 1853 г.*

Придорожная часовня. Псковская область, Пушкиногорский район, село Новгородка. *Фото автора*

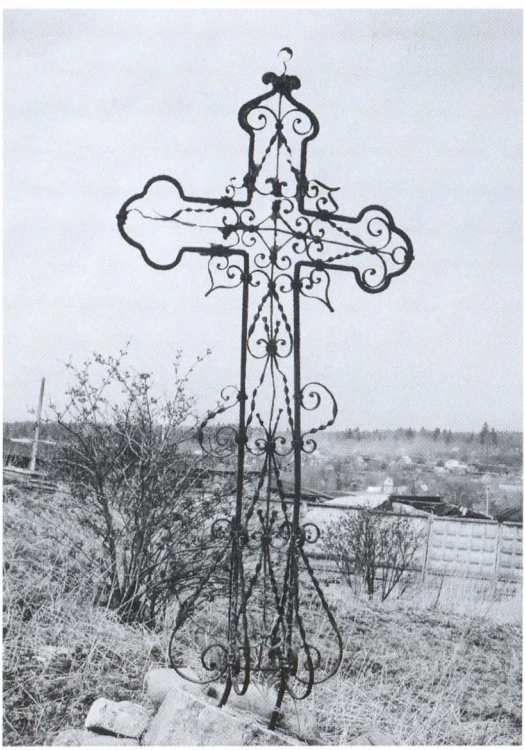
Сломалась ось.
П. О. Ковалевский.
Вторая половина XIX в.

Тройка в снегу.
П. П. Соколов.
1866 г.

Пурга.
П. П. Соколов.
1866 г.

Старое кладбище.
Село Сватково
на Переславской
дороге.
Фото автора

Распутье...

прямо на ступеньках либо на полу в коридоре, рядом со свиньями. На спящих, как на насестах, сидят куры. Я никогда не встречал людей, столь безразличных к тому, где им придется спать, как русские мужики. Да и люди высших сословий не особенно привередливы: если вечером они попадают на постоялый двор, то укладываются прямо на лавки, и слуги укрывают своих господ одеждой.

Каким разительным контрастом будет сравнение русских слуг с английскими, тяга последних к роскоши достигла такой степени, что они не успокоятся до тех пор, пока не получат пуховую постель!» (6, 97).

Не только иностранцы, но и сами русские высказывались о своих путевых обстоятельствах откровенно и резко. Убожество русских почтовых станций и их порядки особенно бросались в глаза путникам, возвращавшимся в Россию из-за границы. «Придирки, прижимки, холод, голод, дороговизна неприятным образом напомнили нам, что мы в отечестве, дорогом, милом, но угнетенном отечестве, — писал Иван Аксаков в письме своему другу М. Ф. Раевскому от 9 января 1860 года. — Сестру Веру ухабы до такой степени расколотили и расстроили, что мы вынуждены были отдыхать по ночам на сквернейших станциях» (4, 216).

В этих словах скрыта саркастическая усмешка. Каждый русский знал, что такое «отдыхать по ночам на сквернейших станциях». Даже вспоминать об этом привычном «отдыхе» было тягостно. Вот как описывает свой ночлег на почтовой станции близ Себежа (лето 1839 года) Эуген Хесс.

«Лишь поздно вечером мы добрались до стоящей совсем одиноко станции Нестери, где остановились на ночь. Пока мы пили чай, выяснилось, что лошади здесь есть только для одной упряжки. Но так как мы намеревались уже рано утром быть на первом поле сражения — в Клястицах, то было решено, что отец с полковником Яковлевым отправятся туда, чтобы заняться там рисунками, а генерал Киль и я дождемся здесь возвращения лошадей и присоединимся к ним позднее.

Сразу же после чая они уехали. Генерал и я остались в комнате. Ее деревянные стены были покрашены белой краской, и в сравнении с комнатой в Резедни она была не так уж и плоха, но в силу стечения различных обстоятельств оказалась местом более чем неприятным.

Генерал переоделся из сюртука в просторную вишнево-красную куртку, поставил на стол две свечи, уселся на стуле, вытянув ноги, и погрузился в чтение книги. Я закутался в свою шинель и устроился на широком, деревянном канапе, чтобы поспать. В комнате с низким потолком из-за жары трудно было дышать, но снять шинель было совершенно невозможно, потому что только ею можно было хоть как-то защититься от мириад мух и комаров. От других маленьких чудовищ не спасало ничто.

Генерал не двигался, лишь его глаза перебегали со строчки на строчку. Извертевшись с боку на бок на канапе без всякого толку и убедившись, что только мешаю генералу и начинаю его раздражать, я встал и вышел из дома на свежий воздух. Была прекрасная, безлунная, звездная ночь. Я немного погулял, пару раз споткнувшись в темноте, а потом вернулся в комнату.

Генерал Киль был все в том же положении. Я снова улегся на канапе и скоро впал в состояние оцепенения, в чем-то близкое сну. Внезапно меня вырвал из него жуткий грохот и звон — в комнату ворвался ветер, распахнувший прогнившие створки окна и разбивший стекла. Ошеломленный толстый генерал, который сидел до этого спиной к окну, вскочил, отбросил стул и встал в боевую позицию. Однако вскоре мы убедились, что никто не собирается на нас нападать, ни волки, ни разбойники, и, как смогли, закрыли окно.

Все это случилось в полночь. Из-за этого интермеццо в соседней комнате проснулся маленький ребенок, хныканье и скулеж которого, сопровождаемые заунывными причитаниями няньки, не прекращались почти весь остаток ночи. Я в третий раз устроился на проклятом канапе и до самого утра оставался в неприятном состоянии между бодрствованием и забытьём, мучимый то увлекательными снами, то действительностью» (203, 42).

На бескрайних российских просторах встречались и такие почтовые станции, которые явно не соответствовали своему названию.

«Где станция?» — спросил я, и указали мне клетушку аршин шести в длину, стол занимает половину пространства, и с трудом можно повернуться» (181, 137).

Впрочем, и дорожные ухабы, и назойливые насекомые были не так досадны путнику, как вечная нехватка лошадей на почтовых станциях и вызванное этим долгое ожидание. Вот как описывал одну из своих поездок по Малороссии Иван Аксаков.

«...На этом проселочном тракте я был постоянно задерживаем недостатком в лошадях: там окружной, переведенный куда-то далеко и отправляющийся к месту своего назначения со всем своим скарбом и семейством, забрал всех лошадей; там "первосвященный", ревизуя епархию, также огромным своим поездом заставляет проезжающих сидеть по нескольку часов на станциях; там какая-нибудь большая барыня, поднявшись всем домом, разом захватила все почтовые клячи под свои тяжелые кареты и дополнительные тарантасы... Словом, везде остановка и везде дожидающиеся проезжие! Имея казенную подорожную, я пользовался перед ними тем преимуществом, что забирал и последних лошадей, которых выкормки они столько времени ожидали! Впрочем, если бы я видел в них крайность спешить, я бы, разумеется, уступил им это право» (3, 294).

Долгое ожидание на станции заставляло путников искать хоть какие-то развлечения. Однако интерьер почтовой станции отличался спартанской простотой. «К несчастью, — писал Аксаков из поездки по югу России в 1848 году, — теперь уже везде есть станции или станционные дома для проезжающих, где две-три пустые, худо протопленные комнаты, с известным припасом печатных объявлений почтового начальства, заставляют путешественника торопиться с отъездом. Я проехал более 60 станций и имел терпение выходить решительно на каждой; придешь, осмотришь комнаты, переглядишь все картинки по стенам, толкнешься, будто

ненарочно, в кухню или в жилые комнаты смотрителя и редко, редко удастся поймать какое-нибудь живое, замечательное слово или завести любопытный разговор. Уже реже и реже встречаются портреты Багратиона и Бобелины; другие странные сюжеты сменяют их, и преимущественно лица и сцены из Шатобрианова романа "Перуанские Инки". Встреч посторонних проезжих со мной было мало» (2, 400).

Почти в тех же словах описывает почтовые станции на Русском Севере писатель и путешественник С. В. Максимов (1856).

«Еще одни сутки виделись мне Холмогоры, во всем своем безотрадном разрушении и ветхости, — виделись уже в последний раз. Я поехал в обратный путь на Петербургский тракт. Дорога шла берегом Двины. Попадались людные и относительно богатые селения. Мелькали одна за другой почтовые станции, и они даже начинали напоминать о лучших местах, чем те, которые доставались на мою долю в течение целого года. И от них как-то отвык глаз, и забылась их всегда однообразная, казенная обстановка со смотрителем в почтальонском сюртуке с светлыми пуговицами, с неизбежным записыванием подорожной в толстую книгу, с неизбежной жалобной книгой, припечатанной на снурке огромной печатью к столу. Пошли, по обыкновению, мелькать по сторонам березки и на каждой версте пестрые казенные столбы с цифрой направо, с цифрой налево. И опять неизбежный станционный дом с печатными приказами в черных рамках за стеклом. Один приказ не велит брать лишнее число лошадей против того числа, какое прописано в подорожной; из другого видно, что на такой-то версте мост, на такой-то сухие ямы и овраги, на такой-то гать, которая в ненастное осеннее и весеннее время неудобна для проезда. Все, одним словом, так же, как и по всей длине почтовых дорог, искрестивших матушку-Россию вдоль и поперек на бесконечные верстовые цифры. Разница та, что дорога идет вдоль Двины, но река эта засыпана снегом. Здесь идут два тракта, и петербургский, и московский вместе, до Сийского монастыря, где они разделяются: московский идет на село Емецкое, петер-

бургский — на монастырь и следующую за ним станцию Сийскую» (106, 194).

После Отечественной войны 1812 года еще долго гуляла по глухой российской провинции тень... Наполеона.

Князь П. А. Вяземский передает рассказ одного своего высокопоставленного приятеля, Алексея Михайловича Пушкина.

«На почтовой станции одной из отдаленных губерний заметил он в комнате смотрителя портрет Наполеона, приклеенный к стене.

"Зачем держишь ты у себя этого мерзавца?" — "А вот затем, ваше превосходительство (отвечал он), что если не равно, Бонапартий, под чужим именем, или с фальшивой подорожной, приедет на мою станцию, я тотчас по портрету признаю его, голубчика, схвачу, свяжу, да и представлю начальству". — "А это дело другое!" — сказал Пушкин» (28, 250).

Как тут не вспомнить споры губернских чиновников о происхождении Чичикова и их гениальную догадку: «Не есть ли Чичиков переодетый Наполеон?» — «И может быть, англичане и выпустили его с острова Святой Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а на самом деле вовсе не Чичиков.

Конечно, поверить этому чиновники не поверили, а, впрочем, призадумались и, рассматривая это дело каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если он поворотится и станет боком, очень сдает на портрет Наполеона» (35, 193).

На почтовых станциях и постоялых дворах скучающие путники часто оставляли на стенах разного рода надписи. Иногда одна надпись вызывала другую и возникала целая переписка. Прогуливаясь в Италии по развалинам Помпеи, Иван Аксаков отметил: «На стенах надписи улиц, имена хозяев, которым принадлежали дома, иногда надписи с ошибками и кривые, начертанные прохожими, шуток ради; один написал (без имени) и прошел, другой написал ему в ответ насмешку, словом, как на постоялом дворе в Пушкине» (4, 26).

Глава пятнадцатая

Станционный смотритель

Во времена Екатерины II содержатель почтовой станции официально именовался «пост-комиссар». Он имел чин коллежского регистратора, что соответствовало низшему, 14-му классу в петровской Табели о рангах и давало только личное дворянство. Потомственное дворянство служилые люди получали по достижении 9-го класса. Такой порядок сохранялся до реформы Табели о рангах, предпринятой Николаем I в 1845—1856 годах (177, 6).

Должность «почтового комиссара» была уделом изгоев. Скромные доходы и бесчисленные заботы, гнев сановных путников и ветхое дорожное хозяйство — всё это превращало жизнь станционного смотрителя в постоянное трепетание.

Тревоги службы вырабатывали у смотрителя своего рода «защитные механизмы». Он быстро выучивался с первого взгляда оценивать людей, кланяться каждому с надлежащей долей почтительности. Лекарством от волнений были водка и сон, а компенсацией за нищенское жалованье — поборы с проезжающих.

«Почтового комиссара нашел я храпящего, — вспоминает Радищев, — легонько взял его за плечо. — Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью? Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю и усни. — Сказав сие, господин комиссар отворотился к стене и паки захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо. — Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, — и, обернув голову одеялом, господин комиссар от меня отворотился. — Если лошади все в разгоне, — размышлял я, — то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне... — Я вознамерился узнать, правду ли господин комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораздо покрепче. Казалось мне, что я к тому имел право, нашед, что комиссар солгал.

Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал: кто приехал? не... — но, опомнившись, увидя меня, сказал мне: — Видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. — Со гневом г. комиссар лег спать в постелю. Мне его так же хотелось попотчевать, как прежних ямщиков, когда они в обмане приличались; но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику, побудила софийских ямщиков запречь мне поскорее лошадей, и в самое то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик» (154, 44).

Князь П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» рассказывает такую горько-юмористическую историю.

«Проезжающий поколотил станционного смотрителя. Подобного рода путевые впечатления не новость. Смотритель был с амбицией. Он приехал к начальству просить дозволения подать на обидчика жалобу и взыскать с него бесчестие. Начальство старалось убедить его бросить это дело и не давать ему огласки. "Помилуйте, ваше превосходительство, — возразил смотритель, — одна пощечина, конечно, в счет не идет, а несколько пощечин в сложности чего-нибудь да стоят"» (28, 118).

Богатый опыт общения со станционными смотрителями приобрел англичанин Джеймс Александер, проехавший от Петербурга до Одессы летом 1829 года:

«На почтовой станции в селе Молоди мы решили предложить небольшую взятку смотрителю. Для начала мы дали извозчику 40 копеек вместо обычных двадцати, а затем, подойдя к смотрителю в зеленом кафтане, попросили его внести в книгу нашу подорожную. Узнав, за сколько верст следует заплатить, мы положили на стол лишних 80 копеек — и немедленно получили лошадей. В России единственный способ путешествовать на почтовых — сначала дать смотрителю от 40 до 80 копеек, а затем спрашивать, есть ли лошади.

Если проезжающий, забывшись, ударит смотрителя или извозчика, даже если те виноваты, это может при-

вести к серьезным последствиям. К примеру, мой знакомый ударил смотрителя, поскольку тот отрицал, что у него есть лошади, хотя конюшня была полна; приятелю пришлось заплатить штраф в 500 рублей, кроме того, он был задержан и ему довелось испытать много неудобств. Один молодой офицер рассказывал, что, когда он спешил в свой полк, ямщик не хотел поторопить лошадей; офицер поругался с извозчиком и ударил его, тот бросил лошадей и убежал. Офицер доехал до следующей почтовой станции, но ему не разрешили ехать дальше, пока не появится ямщик, а он пришел лишь через два дня. Таким образом, офицер опоздал на два дня, да к тому же еще и заплатил штраф» (6, 140).

Горестный образ станционного смотрителя рисует Герцен в «Былом и думах».

«Верстах в восьмидесяти от Нижнего взошли мы, то есть я и мой камердинер Матвей, обогреться к станционному смотрителю. На дворе было очень морозно и к тому же ветрено. Смотритель, худой, болезненный и жалкой наружности человек, записывал подорожную, сам себе диктуя каждую букву и все-таки ошибаясь. Я снял шубу и ходил по комнате в огромных меховых сапогах. Матвей грелся у каленой печи, смотритель бормотал, деревянные часы постукивали разбитым и слабым звуком...» (32, 220).

В тех же тонах рисует портрет станционного смотрителя и вечный оппонент Герцена славянофил Иван Аксаков.

«Странная жизнь этих станционных смотрителей. "Вам скучно здесь?" — спросил я одного, еще не старого, очень порядочного и даже получившего кое-какое, может быть, в уездном училище, образование человека. "О нет, — отвечал он, — на этой станции много проезжающих!.." А ведь эти проезжающие останавливаются на 10 минут только, и самое наполненное для него время тогда, когда что-нибудь заставит проезжего отночевать на станции...» (2, 402).

Бедность была вечным уделом станционного смотрителя. Сама обстановка его жизни говорила об этом. Вот дорожная зарисовка Ивана Аксакова (1844). «Дом станционного смотрителя был грязен, сыр и холоден, и

хотя мы подкрепили себя вином и (извините уже) даже анисовой водкой и поставили самовар, но все-таки не было уютного и милого тепла» (2, 39).

Сатирическое изображение смотрителя, основанное на реальных наблюдениях, стало общим местом и в записках иностранцев о России.

«Смотритель на одной из станций был пьян и несколько раз просил прибавки. Его жена подошла ко мне, игриво взяла за руку и предложила согреться, выпив стакан водки в ее комнате. Чтобы доставить ей удовольствие, я пригубил водку. На этой станции я еще раз убедился в преимуществе офицерских эполет, поскольку получил лошадей раньше немецкого купца, который приехал передо мной» (6, 147).

Свернув с проторенной дороги сарказмов, Пушкин в «Повестях Белкина» создал трогательный, вызывающий уважение и сочувствие образ станционного смотрителя Самсона Вырина. Как не вспомнить шутливого и вместе грустного начала этой знаменитой повести...

«Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? Будем, однако, справедливы, постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда (ссылаюсь на совесть моих читателей). Какова должность сего диктатора, как называет его шутливо князь Вяземский? Не настоящая ли каторга? Покою ни днем, ни ночью. Всю досаду, накопленную во время скучной езды, путешественник вымещает на смотрителе. Погода несносная, дорога скверная, ямщик упрямый, лошади не везут — а виноват смотритель. Входя в бедное его жилище, проезжающий смотрит на него как на врага; хорошо, если удастся ему скоро избавиться от непроше-

ного гостя; но если не случится лошадей?.. Боже! какие ругательства, какие угрозы посыплются на его голову! В дождь и слякоть принужден он бегать по дворам; в бурю, в крещенский мороз уходит он в сени, чтоб только на минуту отдохнуть от крика и толчков раздраженного постояльца. Приезжает генерал; дрожащий смотритель отдает ему две последние тройки, в том числе курьерскую. Генерал едет, не сказав ему спасибо. Через пять минут — колокольчик! и фельдъегерь бросает ему на стол свою подорожную!.. Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием. Еще несколько слов: в течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям; почти все почтовые тракты мне известны; несколько поколений ямщиков мне знакомы; редкого смотрителя не знаю я в лицо, с редким не имел я дела; любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени; покамест скажу только, что сословие станционных смотрителей представлено общему мнению в самом ложном виде. Сии столь оклеветанные смотрители вообще суть люди мирные, от природы услужливые, склонные к общежитию, скромные в притязаниях на почести и не слишком сребролюбивые. Из их разговоров (коими некстати пренебрегают господа проезжающие) можно почерпнуть много любопытного и поучительного. Что касается до меня, то, признаюсь, я предпочитаю их беседу речам какого-нибудь чиновника 6-го класса, следующего по казенной надобности.

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели из почтенного сословия смотрителей. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, и об нем-то намерен я теперь побеседовать с любезными читателями...» (153, 978).

Глава шестнадцатая

Проезд знатных особ

Кто не видел кортеж черных лимузинов, предводительствуемый милицейской машиной с пылающими красно-синими огнями и оглушительной сиреной?

Сколько сильных слов произносится стоящими в пробках водителями вослед торопливым «слугам народа»... Некоторым утешением для негодующих автомобилистов — ничто не ново под луной! — может послужить описание проезда вельможи в бессмертной книге Радищева.

«Лошади были уже впряжены в кибитку, и я приготовлялся к отъезду, как вдруг сделался на улице великий шум. Люди начали бегать из краю в край по деревне. На улице видел я воина в гранодерской шапке, гордо расхаживающего и, держа поднятую плеть, кричащего:

— Лошадей скорее; где староста? Его превосходительство будет здесь через минуту; подай мне старосту... — Сняв шляпу за сто шагов, староста бежал во всю прыть на сделанный ему позыв. — Лошадей скорее! — Тотчас, батюшка: пожалуйте подорожную. — На. Да скорее же, а то я тебя... — говорил он, подняв плеть над головою дрожащего старосты...

...Еще издали слышен был крик повозчиков и топот лошадей, скачущих во всю мочь. Частое биение копыт и зрению уже неприметное обращение колес подымающеюся пылью толико сгустили воздух, что колесница его превосходительства закрыта была непроницаемым облаком от взоров ожидающих его, аки громовой тучи, ямщиков. Дон Кишот, конечно, нечто чудесное бы тут увидел; ибо несущееся пыльное облако под знатною его превосходительства особою, вдруг остановясь, разверзлося, и он предстал нам среди от пыли серовиден, отродию черных подобным» (154, 183).

Прошло полвека после Радищева, а чиновные путешественники вели себя на почтовых станциях всё так же. Особенно если они ехали «с особым поручением». Сопровождавший немецкого художника Петера Хесса генерал-майор императорской свиты добывал лошадей решительными мерами.

«Роскошно восходящее солнце разбудило нас ранним утром в наших распряженных колясках на почтовой станции в Гриднево, — вспоминал сын художника Эуген Хесс. — К нашему неудовольствию, выяснилось,

что из-за плохой дороги ночью мы больше простояли, чем проехали, а в довершение всего оказалось, что из-за нехватки лошадей мы преспокойно стоим здесь уже пять часов.

После того как мы позавтракали, генерал Киль конфисковал всех лошадей в деревне, да и то их едва хватило. Ведь нам требовалось восемнадцать лошадей, а все Гриднево состояло всего лишь из четырех-пяти изб!

Однако русские крестьяне, которые живут в деревнях при почтовых станциях, всегда предвидят подобные случаи, так как станционный смотритель по большей части не делает ничего другого, как забирает у них лошадей. Но зато они не платят никаких податей.

Скоро мы помчались оттуда галопом, да так быстро, что уже около девяти часов оказались в Бородине» (203, 66).

Всеобщее волнение при проезде вельмож превращалось в настоящее умопомрачение, когда в путь пускался сам монарх.

Императрица Елизавета не любила спешки и быстрой езды. Путешествуя из Москвы в Петербург в мае — июне 1754 года, она распорядилась проезжать в день не более одной станции.

«Было установлено, что мы проведем двадцать девять дней в дороге, то есть что мы будем проезжать ежедневно только по одной почтовой станции», — вспоминала участница этого путешествия великая княгиня Екатерина Алексеевна — будущая императрица Екатерина II (59, 183).

При таком темпе путешествие монархини на целый месяц парализовало всё движение по Петербургскому тракту. Даже знатные особы не могли получить лошадей на станциях, так как лошади были заняты обслуживанием императрицы и ее двора.

При поездке Екатерины II в 1787 году новый мост в Твери был закрыт на неопределенный срок до прибытия императрицы. Ближе к Петербургу одна сторона дороги была приведена в порядок, но простым путникам ехать по ней воспрещалось до того же события (116, 70).

Кюстин рассказывает, что при проезде кортежа императора Николая или его родственников по шоссе из Петербурга в Москву все прочие экипажи и повозки съезжали с тракта на параллельно идущую запасную дорогу, по которой в обычное время гнали скот из Новгорода в Северную столицу (92, 197). Во время путешествия царской фамилии в Москву на торжества по случаю юбилея Бородинской битвы никто не мог проехать по Петербургскому тракту, так как все лошади были заняты под это мероприятие (92, 279). Даже пользовавшийся привилегиями французский путешественник добирался из Москвы в Петербург четыре дня вместо обычных двух.

Царские путешествия по России — особая тема, имеющая различные аспекты.

Личность царя занимала совершенно особое место в представлениях русского народа. Глава государства и глава церкви, помазанник Божий, земной Бог и вместе с тем — высшая инстанция во всех земных делах... Понятно, что при таких взглядах на монарха уже сама возможность увидеть его составляла заветную и, как правило, неосуществимую мечту русского человека. Старые русские цари появлялись перед народом лишь по большим церковным праздникам либо во время поездок по монастырям. Петр и здесь, как и во всем остальном, сломал старую традицию. Он стремительно перемещался по России, решая самые различные вопросы. В народной памяти остались смутные воспоминания о посещении Петром тех или иных мест. Потомки почтительно хранили не только личные вещи Петра, собственноручно изготовленные им предметы, но и дома, в которых он останавливался. «Домик Петра» превращен в музей в Вологде. Деревянная церковь, поставленная Петром и его свитой, привлекает приезжих на Соловецких островах. Дом, в котором, по преданию, останавливался Петр, уцелел в селе Великом под Ярославлем. А на утесе над Волгой, в Жигулевских горах, местные жители показывали любознательным путникам какую-то полустертую временем надпись, уверяя, что она вырезана по камню лично Петром Великим, побывавшим в этих краях (208, 108).

Занимавшие престол после Петра императрицы Екатерина I и Анна путешествовали мало и неохотно. Набожная Елизавета любила совершать паломничество к святым местам. Просвещенная Екатерина II в поездках по стране не только искала народной любви и признания, но и стремилась лично осмотреть «моё маленькое хозяйство». Так шутливо называла она Россию в переписке с французскими просветителями.

Взбалмошный Павел проносился по России, как огненная ракета, рассыпая угрозы и кары местным властям. Летом 1798 года он ехал из Казани в Петербург через Ярославскую губернию. Император особым распоряжением запрещал какие-либо предварительные приготовления к его встрече и хотел увидеть Россию без прикрас. Однако уже одно только обслуживание царского кортежа, состоявшего из четырех карет, 37 колясок и двух кибиток, было настоящим бедствием для населения. На каждой почтовой станции надлежало выставить по 535 лошадей. Помимо этого, местные власти должны были обеспечить императору привычный стол, включавший редкие в провинции лимоны, спаржу, цветную капусту и столовое вино (194, 298 —306).

Сыновья Павла Александр и Николай считали путешествие по России своим монаршим долгом. Оба ездили много и основательно, порой рискуя закончить жизнь под опрокинувшимся в овраг экипажем.

Первым самодержцем, которого Россия увидела вблизи, был Александр I. Его милостивые манеры и импозантный вид, его слава победителя Наполеона и внука великой Екатерины, наконец, его скоропостижная кончина в отдаленном Таганроге произвели неизгладимое впечатление на современников. Российская провинция благоговела перед Александром. И хотя ему не ставили такого множества памятников, как позднее поставили Царю-освободителю Александру II, память о нем хранили множество домов в уездных и губернских городах по всей России. Молва о том, что «в этом доме останавливался император Александр I», охраняла здание от разрушения лучше любых «обществ по охране памятников». Даже на необитаемом каменном островке посреди Ладожского озера стоял каменный крест с надпи-

сью: «Здесь отдыхал император Александр в 1818 году» (118, 148).

Наследник престола Александр Николаевич (будущий царь Александр II) в 1837 году совершал ознакомительную поездку по России. Во многих городах он останавливался именно в тех домах, в которых в свое время ночевал Александр Благословенный. Вот несколько выдержек из писем наследника отцу, императору Николаю.

По дороге в Вятку наследник обратил внимание на то, что «мы обедали на станции Дуволовщине, в домике, в котором в 1824 году покойный Государь Александр Павлович ночевал».

«На станции Якшур Бадья (по дороге на Ижевский завод) я заходил в хижину, где покойный Государь Александр Павлович останавливался в 1824 году. Там сделана надпись на белой доске».

На Урале наследник посетил золотые прииски, «где сам покойный Государь Александр Павлович киркой отбил несколько кусков золотоносного песку, на сем месте теперь памятник».

Под Смоленском «мы расположились на ночлег в Островни в том же доме, где покойник Александр Павлович останавливался обедать» (19, 41, 44, 65, 95).

Впрочем, поездки Александра I имели и обратную сторону. В «Старой записной книжке» князя П. А. Вяземского находим любопытное воспоминание, относящееся к декабрю 1818 года, когда царь проезжал по Литве.

«Государя ожидали 17-го числа к вечеру. Он приехал 18-го числа к 12-ти часам утра. Артиллерийская рота простояла на ногах почти сутки. Государь думает, что он, проезжая губернию, ничего с места не трогает, потому что запрещает встречи, приемы. Каждый проезд его — новый налог. Всё в движении: губернаторы и вице-губернаторы невидимо следуют за ним или провожают» (28, 560).

Путешествие наследника по России было организовано в соответствии с тем опытом, который был накоплен в прежних императорских выездах. Царь Николай дал сыну особую инструкцию, регламентировавшую распорядок движения.

«В дороге экипажам делиться на 2 отделения: в первом, которому отправляться с вечера, быть: 1. фельдъегерю, заготовляющему лошадей, 2. кухне, 3. камердинеру Его Высочества, 4. коляске полковника Юрьевича, 5. коляске полковника Назимова. Во втором отделении: 6. коляске Его Высочества, 7. коляске генерал-адъютанта Кавелина с доктором Енохиным, и фельдъегери при Его Высочестве, 9. дормезу князя Ливена, 10. коляске действительного статского советника Жуковского, а фельдъегерю, платящему прогоны, 11. заключать шествие 6-ю часами позже» (19, 23).

Летом 1850 года царь Николай отправил в поездку по России и двух своих младших сыновей — 19-летнего Николая и 18-летнего Михаила. Их путешествие также сопровождалось большой помпой. Иван Аксаков в письме отцу рассказывал об этом так: «Я приехал в Ярославль вчера, в 4 часа. Дорогой я встретил по Ярославской губернии сильную деятельность, страшную суматоху... Причиною — путешествие великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Их отправили путешествовать по России, и так как они завтра или послезавтра должны быть в здешней губернии, о чем дано знать несколькими эстафетами, то все мечутся, как угорелые. Почтовых лошадей согнали со всех станций в те места, где великие князья проедут, а вместо почтовых взяли обывательских (натуральная земская повинность). Обывательских лошадей взято 1474, и как всё это делалось в несколько дней, то можете вообразить, как велика должна была быть деятельность. Я читал маршрут великих князей: в Мологе обед, в Рыбинске ночлег, в Угличе обед, в Ростове ночлег, в Ярославле обед и, кажется, в Костроме ночлег. Таким образом совершится знакомство с Россией и остальных двух сыновей Государя!..» (3, 151).

Несколько дней спустя Аксаков пишет: «Приезд великих князей, ожидание их и приготовление к приему до того вскружили голову всем, начиная от Бутурлина (ярославского губернатора. — *Н. Б.*) до последнего чиновника, что все дела остановились. Великие князья приехали только вчера вечером и едут завтра поутру» (3, 153).

Приезд знатных особ провинциальная интеллигенция издавна пыталась использовать для решения завязших в бюрократической трясине культурных проектов. В Ростове великие князья останавливались в доме местного купца и антиквара П. В. Хлебникова. «Великие князья останавливались также у него и подарили ему бриллиантовый дорогой перстень, а он поднес им записку о монументальных древностях Ростова. Как в это время за отсутствием головы он правил его должность, то весьма ловко, умно и искусно сделал прием великим князьям. В поданной им записке слегка коснулся он того, что древности Ростова рушатся по причине бесконечного формализма, связавшего всем руки, и что Государь одним словом может поправить дело. Не знаю, что из этого выйдет. Он поднес также великим князьям на серебряном подносе свежего зеленого горошка (символ процветания ростовских огородников. — *Н. Б.*) и очень было этим озадачил их, но, разумеется, сейчас же и объяснил значение зеленого горошка для Ростова» (3, 154).

В ритуал монарших поездок по стране, кроме всего прочего, входило и «общение с народом». Здесь иногда возникали «моменты истины», когда открывались плутни и лихоимство вельмож. Князь П. А. Вяземский рассказывает примечательный эпизод из времен Екатерины Великой.

«Однажды, путешествуя по берегам Волги, она спросила жителей: довольны ли они своим положением? Большая часть из них были рыбаки. "Мы очень были бы довольны заработками своими, — отвечали они, — если бы не обязаны были отсылать в конюшни вашего величества значительное количество стерлядей, а стерляди очень дороги". — "Хорошо сделали вы, — отвечала императрица, улыбаясь, — что уведомили меня об этом; а я до сей поры и не знала, что лошади мои едят стерлядей. Постараемся это дело поправить"» (28, 167).

На память о своем приезде Екатерина подарила городу Рыбинску кресло, в котором она сидела во время богослужения в городском соборе (37, 18).

Среди многочисленных забавных казусов, связанных с проездом высочайших особ, известен и такой. Однажды роль знатной особы, для которой чинили дороги и укрепляли мосты, сыграл... слон. В 1849 году бухарский эмир послал в дар русскому царю Николаю живого слона. До Нижнего Новгорода слон шел пешком «и, как он очень труслив, то, вступив на мост и почувствовав его жидкость, сейчас обращается назад. Нечего делать: строят мост крепкий, так чтобы слон не изволил опасаться!» (3, 43).

Царь Николай I считал своим долгом лично проверять деятельность местной администрации, общаться с провинциальным дворянством и являться восторженному народу. Появление императора порой вызывало у народа приступы чисто восточного поклонения. Надолго запомнился местным жителям приезд Николая в Симбирск в августе 1836 года. Об этом много лет спустя вспоминал служивший тогда в Симбирске жандармский полковник Э. И. Стогов.

«Получено известие, что государь посетит Симбирск. Не описывать же мне, как готовился город к приезду государя: суета, хлопоты, белят, метут — всегда и везде один порядок...

За три дня до приезда государя народ из далеких деревень: татары, чуваши, мордва, русские на четыре версты заняли почтовую дорогу по обеим сторонам, тут и ночевали.

Государь приехал перед сумерками, занял дом губернатора... С приездом государя весь народ города и дороги наполнил большую площадь перед домом губернатора и около собора. Жандармы, полиция были спрятаны в соседних домах, но тишина и благонравие толпы были образцовые во все время. На другой день утром назначен прием...

Когда государь приказал подать экипаж, народ прорвал цепь и, придя в исступленный восторг, наполнил плотно пространство между государем и экипажем; нас так сдавили, что мы едва не задыхались; у ног Бенкендорфа разрешилась женщина. Бенкендорф, уже при-

вычный к восторгам народа, но и тот испуганно сказал: "Да что же это будет, это сумасшествие". Я сказал: "Пока не сядет государь, ничего не поможет". Долго пробирался государь к экипажу и тот к государю; народ, действительно, как безумный, не помнил себя, молился на государя, ложился к ногам, но только государь сел в экипаж и поехал, мы остались одни. За экипажем все бежало; обгоняли и крестились, шапки, полушубки валялись на земле, восторг был невыразимый. Замечу, после многих я спрашивал, для чего все бешено бросились к государю по окончании смотра? Единогласно отвечали: все слышали, как государь крикнул: "Народ мой, ко мне!" — чего, конечно, не было.

Помню, один раз при выезде государя из дома какая-то женщина побежала перед лошадьми, платок с головы сняла, машет им и кричит ура! Вдруг споткнулась и упала почти под ноги лошадей и давай кричать караул. Бенкендорф бросился к кучеру и осадили лошадей. Государь очень смеялся. От "ура" до "караул" — один шаг.

Замечу, во все время пребывания государя я не видал ни одного пьяного.

Государь пробыл в Симбирске трое суток; дворяне не забудут милостивого и ласкового внимания государя. В городе остались памятники: прекрасный спуск к Волге, площадь около собора превратилась в гулянье с кустарниками и дорожками, но всего не рассказать и не припомню.

Государь уехал, помещики разъехались хозяйничать и охотиться, все затихло...» (179, 146—151).

Для самого монарха путешествие по России было утомительной и однообразной обязанностью. Ритуал царских вояжей везде оставался примерно один и тот же. Время пребывания в каждом городе было столь кратким, что не позволяло сколько-нибудь серьезно вникнуть в дела. Вот как описывает в своем дневнике поездку Александра II по России летом 1861 года военный министр Д. А. Милютин.

«6-го августа... Государь выехал из Царского Села в 9 часов вечера на Колпинскую станцию, откуда по желез-

ной дороге отправился в Москву. Прибыв туда на другой день, в 11 часов утра, Его Величество продолжал путь далее на лошадях, на Тулу, Орел, Курск. В каждом из этих городов имел Он ночлег; по утрам 8-го, 9-го и 10-го августа принимал местные власти и представителей разных сословий, производил смотры войскам, посещал собор, кадетские корпуса (Тульский и Орловский); с полудня же до ночи продолжал путь. 11-го августа Государь прибыл в имение Т. Б. Потемкиной "Святые горы", где Императрица находилась уже два дня. 13-го числа Их Величества вместе проехали обратно на Харьков и оттуда на Полтаву. В обоих городах они принимали начальствующих и почетных лиц, посетили соборы, а в Полтаве слушали обедню в девичьем институте и посетили древнюю церковь Спаса, в которой Петр Великий молился после своей победы. Государь посетил Полтавский кадетский корпус и произвел смотр резервному батальону. От Полтавы Его Величество ехал до Николаева отдельно от Императрицы: 16-го числа в Елизаветграде произвел смотр собранной там кавалерии: 5-й кавалерийской дивизии и уланской бригаде 3-й дивизии с конною артиллерией, а на другой день утром — маневры тем же войскам, и в тот же день, 17-го числа, вечером, прибыл в Николаев. Императрица же переночевала с 15-го на 16-е в Кременчуге, а с 17-го на 18-е — в Елизаветграде, где рано утром были представлены Ее Величеству воспитанницы тамошнего девичьего училища. В тот же день, вечером, Императрица прибыла в Николаев. Между тем Государь, того же 18-го числа, после обычного приема начальствующих лиц и посещения собора, произвел смотр расположенным в Николаеве войскам, осмотрел Адмиралтейство, Инвалидный дом и возведенную в устье Бута Константиновскую батарею, прикрывавшую доступ к Николаеву с моря.

Из Николаева Их Величества выехали вместе, 19-го августа, морем в Одессу. Там, на другой день, в воскресение, они слушали обедню в девичьем институте и посетили собор; затем Государь произвел смотр Волынскому пехотному полку, а в 4 часа пополудни принял прибывшего для приветствования Его Величества от имени султана турецкого министра иностранных

дел Мегмета-Джемиль-пашу с его свитой. К обеду были приглашены местные власти, почетные лица и турецкое посольство. Вечером того же дня Государь выехал в Бендеры, где произвел 21-го числа смотр и учение 15-й пехотной дивизии (начальником которой был генерал-лейтенант Кишинский — кавказский ветеран), и к вечеру возвратился в Одессу» (115, 142).

Глава семнадцатая

Провинциальный город

Маяком для любого путешественника был город. Встреча с городом после долгого и утомительного пути всегда была исполнена какого-то радостного ожидания. И хотя виды провинциальных городов были во многом схожи, а образ жизни городских обывателей был примерно одинаков — каждый город имел черты своеобразия. Не случайно едва ли не все русские писатели XIX века оставили зарисовки въезда героя в провинциальный город или проезда через него. Здесь под иронией скрывается нежность, а под насмешкой — грусть.

Для примера возьмем наугад хотя бы описание губернского города из романа И. С. Тургенева «Новь».

«Небольшая деревенька Маркелова (в ней было всего двести десятин и приносила она около 700 р. дохода — звали ее Борзёнково) находилась в трех верстах от губернского города, от которого имение Сипягина отстояло в семи верстах. Чтобы попасть в Борзёнково, надо было проехать через город. — Не успели новые знакомцы обменяться и полусотней слов, — как уже замелькали перед ними дрянные подгородные мещанские домишки с продавленными тесовыми крышами, с тусклыми пятнами света в перекривленных окошках, а там загремели под колесами камни губернской мостовой, тарантас запрыгал, заметался из стороны в сторону... и, подпрыгивая при каждом толчке, поплыли мимо глупые каменные двухэтажные купеческие дома с фронтонами, церкви с колоннами, трактирные заведения... Дело было под воскресенье; на улицах уже не было прохожих, но в кабаках еще толпился народ.

Хриплые голоса вырывались оттуда, пьяные песни, гнусливые звуки гармоники; из внезапно раскрытых дверей било грязным теплом, едким запахом спирта, красным отблеском ночников. Почти перед каждым кабаком стояли крестьянские тележёнки, запряженные мохнатыми, пузатыми клячами; покорно понурив кудластые головы, они, казалось, спали...

Тарантас перебрался через обширную базарную площадь, всю провонявшую капустой и рогожей, миновал губернаторский дом с пестрыми будками у ворот, частный дом с башней, бульвар с только что посаженными и уже умиравшими деревцами, гостиный двор, наполненный собачьим лаем и лязгом цепей, и, понемногу выбравшись за заставу, обогнав длинный, длинный обоз, выступивший в путь по холодку, снова очутился в вольном загородном воздухе, на большой, вербами обсаженной дороге — и снова покатили шибче и ровней» (195, 77).

А вот весьма схожее описание если не всего города, то, во всяком случае, его уличных примет, у Гоголя. Помните выезд Чичикова из гостиницы губернского города NN в его знаменитое путешествие за «мертвыми душами»?

«С громом выехала бричка из-под ворот гостиницы на улицу. Проходивший поп снял шляпу, несколько мальчишек в замаранных рубашках протянули руки, приговаривая: "Барин, подай сиротинке!" Кучер, заметивши, что один из них был большой охотник становиться на запятки, хлыснул его кнутом, и бричка пошла прыгать по камням. Не без радости был вдали узрет полосатый шлагбаум, дававший знать, что мостовой, как и всякой другой муке, будет скоро конец; и еще несколько раз ударившись довольно крепко головою в кузов, Чичиков понесся по мягкой земле» (35, 19).

Юный немецкий художник Эуген Хесс, путешествовавший по России в 1839 году, был горько разочарован видами первого увиденного им маленького русского города — Луги.

«Полковник сказал нам, что мы уже подъезжаем к городу. Мы с нетерпением предвкушали встречу с ним, так как это был первый русский город, который нам предстояло увидеть. Ведь современный Петербург лишь в какой-то степени может удовлетворить это желание, да и то, конечно, лишь на самых дальних своих окраинах.

Но как же мы были разочарованы. Весь город, а у нас он назывался бы крохотным местечком, состоял из скучной, широкой и короткой улицы, где не было видно ни единого человека, кроме как раз того самого, несчастного офицера в грязном мундире и без шпаги да старой бабы с маленьким ребенком. Несколько свиней и кур выискивали свой корм в непролазной грязи этой главной улицы, заканчивавшейся пустой площадью, на которой возвышалась безвкусная новая часовня. Улицу образовывали деревянные дома, некоторые из которых были построены недавно, а от нее отходили два переулка с нищими, разваливающимися избами, навозными кучами, свинарниками и маленькими, заросшими чертополохом, травой и сорняками садиками, с редкими сохранившимися штакетинами заборов, обвитыми усиками вьющихся бобов.

Однако в конце этой улицы торчал поднятый длинный, выкрашенный в черный, белый и красный цвета шлагбаум, казавшийся очень дряхлым. От цепи, которой он опускался, на самом его конце болталось лишь несколько звеньев, и бедные инвалиды, несшие тут свою службу, достать их никоим образом не могли. Один из этих героев, закутанный в старую солдатскую шинель и с палкой в руках, стоял рядом со сторожевой будкой.

То, что здесь выдавалось за город, называлось Луга» (203, 32).

Городок Луга, стоящий на полпути между Петербургом и Псковом, был примером уездного захолустья и убожества. В этом качестве он удостоился известных строк Пушкина:

Есть в России город Луга
Петербургского округа;

Хуже не было б сего
Городишки на примете,
Если б не было на свете
Новоржева моего (153, 21).

Среди нескольких сотен уездных городов, возникших в результате губернской реформы Екатерины II в последней четверти XVIII века, чаще всего попадали на страницы путевых записок те, что были расположены на больших дорогах в центре страны. Вот каким увидел, например, уездный город Крестцы Новгородской губернии Павел Сумароков (1838).

«Крестцы, с улицами из крестьянских изб, называются городом только по титулу, и площадь с церковью, с полдюжиною каменных строений составляет всю его красу. Одна порода и званье не заменяют достоинств» (181, 14).

Впрочем, сатирическое восприятие города не было единственной возможной точкой зрения. Юный почитатель Гоголя Иван Аксаков в письме отцу рисует довольно противоречивую картину Астрахани. «Астрахань наружностью своею произвела на меня приятное впечатление. Правда, улицы не мощены, не ровны, много сломанных заборов, пустырей, грязи и спокойно прогуливающейся скотины, но много прекрасных каменных зданий, старинных, оригинальной архитектуры церквей и к довершению всего портрет, хотя и не совсем схожий, Кремля (московского. — *Н. Б.*). Здешний Кремль, построенный царем Федором Иоанновичем, чрезвычайно ветх и стар. Стены маленькие, цвета глины, но расположены наподобие московского» (2, 51).

Позднее, отправившись служить чиновником в Калугу, Аксаков так описал ее общий вид: «Город большой, чистый, мощеный, здания есть прекрасные, виды чудесные» (2, 196).

Немало сказано и об однообразной, бедной духовными интересами повседневной жизни уездных русских городов. Возьмем хотя бы всё тот же «Тарантас» В. А. Соллогуба. Вот примечательный разговор только что вернувшегося из Европы пылкого славянофила

Ивана Васильевича с хозяином постоялого двора где-то на пути из Москвы в Казань.

«Тут Иван Васильевич остановился. В комнату вошел хозяин постоялого двора, красивый высокий парень, обстриженный в кружок, с голубыми глазами, с русой бородкой, в синем армяке, перетянут красным кушаком. Иван Васильевич невольно им залюбовался, порадовался в душе красоте русского народа и немедленно вступил в любознательный разговор.

— Скажи-ка мне, приятель... здесь уездный город?

— Так точно-с.

— А что здесь любопытного?

— Да чему, батюшка, быть любопытному! Кажись, ничего нет.

— Древних строений нет?

— Никак нет-с. Да бишь... был точно деревянный острог, неча сказать, никуда не годился... Да и тот в прошедшем году сгорел.

— Давно, видно, был построен.

— Нет-с, не так давно, а лесом мошенник подрядчик надул совсем. Хорошо, что и сгорел... право-с.

Иван Васильевич взглянул на хозяина с отчаянием.

— А много здесь живущих?

— Нашей братьи мещан довольно-с, а то служащие только.

— Городничий?..

— Да-с, известное дело: городничий, судья, исправник и прочие — весь комплет.

— А как они время проводят?

— В присутствие ходят, пуншты пьют, картишками тешатся... Да бишь, — спохватился, улыбнувшись, хозяин, — теперь у нас за городом цыганский табор, так вот они повадились в табор таскаться. Словно московские баре али купецкие сынки...» (172, 45).

И еще одна зарисовка из «Тарантаса»:

«На другой день, около вечера, тарантас въехал в небольшой, но весьма странный городок. Весь городок заключался в одной только улице, по обеим сторонам которой маленькие серобревенчатые домики учтиво кланялись проезжающим. В окнах большая часть стекол были выбиты и заменены масляной бумагой, из-за

которой кое-где высовывались истертые вицмундиры, рыжие бороды да подбитые чайники.

— Уездный город? — спросил, потягиваясь, Иван Васильевич.

— Никак нет-с, — ответил ямщик, — заштатный» (172, 45).

Вечной стихией провинциального города была грязь. Главные улицы мостили булыжником, а по сторонам укладывали дощатые тротуары. Такого рода деревянным городом, «где мостовые скрипят, как половицы», еще сравнительно недавно был, например, Архангельск.

Наследник престола, посетив Тобольск, отметил в одном из писем: «Улицы все досками вымощены, ибо во время дождей грязь бывает непроходимая» (19, 59).

Иван Аксаков в описании Астрахани, где он служил чиновником, замечает: «Одно скверно здесь: это несносная грязь по улицам, хотя, впрочем, везде устроены деревянные тротуары для пешеходов; но когда переходишь через самую улицу, то нередко оставляешь в грязи свои калоши» (2, 63).

Единообразие облика провинциальных городов считалось добродетелью и достигалось применением обязательных для всех застройщиков «высочайше утвержденных образцовых фасадов». Альбомы с изображением типовых фасадов в стиле позднего классицизма имелись в каждом городе.

В письме родителям из Парижа Иван Аксаков, восхищаясь живописным обликом французской столицы, восклицает: «Не могу ни на минуту забыть про наши города, где нельзя выстроить дома о пяти окнах не по высочайше учрежденному фасаду!..» (4, 10).

Не отличалась разнообразием и палитра, которой окрашены были здания губернских и уездных городов. Здесь господствовала свойственная николаевскому ампиру желто-белая палитра. Нередко можно было встретить своего рода «архитектурных кентавров» — храмы или иные сооружения допетровской эпохи, «украшенные» ампирным портиком и наличниками окон. Провинциальные светские и духовные власти отождествля-

ли красоту с «благолепием», а вкус — с карикатурным копированием последних столичных образцов.

Острый глаз художника быстро замечал эту варварскую безвкусицу русской провинции. «Ворота, через которые мы въехали (в Смоленск. — *Н.Б.*), новые, построенные лишь при нынешнем императоре. Они очень безвкусно декорированы желто-белой отделкой. По контрасту с темными и мощными старыми стенами ее претенциозная вычурность становится особенно заметной» (203, 58).

Теофиль Готье так объяснил причины однообразного облика провинциальных русских городов.

«На Ярославле лежит печать старых русских городов, если, правда, словом "старый" можно что-нибудь определить в России, где побелка и покраска упорно скрывают всякий след ветхости. На портиках церкви видны архаического стиля фрески. Но старинный только сам рисунок росписей. Каждый раз, как фрески выцветают, тона фигур и одежды оживляются, заново золотятся нимбы.

Кострома, где мы также останавливались, не представляет собою ничего особенного, по крайней мере для путешественника, могущего лишь наскоро обвести город глазами. Маленькие русские города имеют поразительно одинаковый вид. Они устроены по определенным законам и, так сказать, по фатальной необходимости, против которых индивидуальная фантазия даже и не пытается бороться. Отсутствие или недостаток строительного камня объясняют преобладание здесь построек из дерева или кирпича, а архитектурные линии строений из этих материалов не могут дать желанной художнику четкости. Что касается церквей, православный культ привносит свои священные каноны в архитектурные формы, которые не обладают большим разнообразием стилей, как наши западные церкви. Не правда ли, мои описания неуклонно повторяются? Но возвратимся к Волге, тоже монотонной, однако в единстве своем очень многообразной, как всякое великое явление природы» (41, 378).

Любимой темой русской литературы середины XIX века было сатирическое изображение провинциального общества. Здесь оттачивали перья такие мастера сло-

ва, как Гоголь и Салтыков-Щедрин, Герцен и Соллогуб, Тургенев и Иван Аксаков.

«Удивительное свойство большей части губернских городов: это совершеннейшая пошлость, ничтожность людей, — жалуется в письме отцу Иван Аксаков (1849). — Общество почти везде таково, но в Москве и Петербурге вы всегда найдете человек пять, с которыми можете говорить обо всем; здесь — ни одного» (3, 9).

Еще хуже обстоит дело в уездном городке.

«Боже мой! Сколько скуки, сколько пошлости и подлости в жизни общества уездного городка. Во-первых, городничий — вор! Даже и этот музыкант, у которого я обедал и о котором сейчас после обеда стал делать внимательные расспросы, оказался не последним вором. Городничий вор и взяточник, жена его — взяточница, впрочем, очень милая женщина. Исправник — еще больше вор; жена его, любезная дама, распоряжается уездом, как своею деревней; окружной, лесничий, начальник инвалидной команды, почтмейстер, стряпчий, секретарь и их жены — все воры-переворы, и все это общество чиновников живет с претензиями на большую ногу и дает балы и вечера на взяточные деньги! И никакого образования, кроме внешнего, никакого порядочного стремления, никакого участия к меньшим, кроме презрения, и ко всему этому пошлость, звенящая пошлость души, мыслей, всего» (3, 139).

Мерное течение провинциальной жизни осеняли традиционные знаки благочестия. На радость галкам и воронам, тянулись в небо маковки церквей. Славили Господа неумолкающие колокольни. А над воротами почерневших домов стояли иконы и кресты (37, 19).

Глава восемнадцатая

Гостиница

Немного истории

Все на свете имеет свою историю. Есть она и у русских гостиниц. Уже Иван III в своем завещании (1504) приказывал наследникам хранить созданную им по

примеру монголов систему «ямов» — постоялых дворов на больших дорогах, где могли остановиться и сменить лошадей лица, следовавшие «по государеву указу» (56, 362). Позднее, со времен Петра Великого, такого рода заведения именовались «почтовыми станциями».

Городским гостиницам как таковым предшествовали монастырские гостиницы для паломников, а также *подворья*, принадлежавшие государю, боярам, монастырям, купеческим семьям и корпорациям. На подворье останавливались его хозяева или их порученцы во время своих приездов в этот город. Таким образом, это была своего рода «гостиница для своих». Далекие потомки подворий — многочисленные ведомственные гостиницы — и поныне рассеяны по всей России.

По мере увеличения подвижности населения России явилась потребность в общедоступных гостиницах, принадлежавших частным лицам или казне. Сначала их именовали *постоялыми дворами*, потом — *трактирами* и лишь с начала XIX века — *гостиницами*.

Со времен Петра государство наложило руку на доходный «гостиничный бизнес». За содержание гостиницы (под тем или иным названием — «постоялый двор», «герберг», «трактир», «вольный дом», «заезжий дом») предприниматель должен был платить акциз. При этом учитывалось, что в гостинице всегда имелся не только стол, но и богатый выбор спиртных напитков.

В царствование Александра I происходит отчетливая социальная дифференциация гостеприимных заведений. Гостиницы расположились в центре города. Ими владели купцы 1-й и 2-й гильдии. Трактиры содержали купцы победнее, а находились они на более скромных улицах. На окраинах принимали небогатых приезжих постоялые дворы.

Согласно «Положению о трактирных заведениях» (1835) трактиры лишались права содержать номера для приезжих и превращались исключительно в места для еды и питья.

Гостиницы сохраняли свои буфеты, столовые и общие комнаты для приезжих. В коридорах предписано было установить внутренний надзор для предотвращения воровства. Цены на комнаты и услуги предлагалось

вывесить для сведения постояльцев на видном месте. При гостинице владельцы обязаны были устроить каретные сараи и конюшни.

Особая потребность в гостиницах была, естественно, в столице империи. В 1852 году в Петербурге принимали гостей 53 гостиницы, а в Москве — только 12.

«У ворот гостиницы губернского города NN...»

Многочисленные описания российских гостиниц дошли до нас от 30-х и 40-х годов XIX века. Это и понятно. Гостиница была для путника временным домом. Он невольно сравнивал ее убранство и порядки с тем, что он привык видеть в своем собственном доме или в гостинице за рубежом. И сравнение, конечно, было не в пользу российской гостиницы.

Пороки провинциальных гостиниц были «родовыми» и коренились в системе ценностей русской цивилизации.

Обстановка губернской гостиницы давала возможность столичному путешественнику испытать приятное чувство культурного и материального превосходства. Иронизируя над ее непритязательностью, он исполнялся самоуважения.

Наконец, провинциальная гостиница была классическим упражнением для пера. Путешествуя по России, не богатой природными и культурными достопримечательностями, путешественник описывал гостиницу с той же необходимостью и тщательностью, с какой в Париже он описал бы Оперу, а в Риме — Колизей.

Гостиница маркиза де Кюстина

Автор знаменитой книги «Россия в 1839 году» французский писатель и путешественник маркиз де Кюстин собрал своего рода коллекцию различных безобразий и нелепостей российской жизни. Одним из перлов этой коллекции стала гостиница. К этой теме он возвращается неоднократно.

Наблюдательный француз отметил не только бросающиеся в глаза внешние приметы российской гос-

тиницы (безвкусица отделки, отсутствие уюта, грязь, наконец, пресловутые клопы), но и самый дух этого гуманного по сути своей заведения — дух равнодушия и даже враждебности к человеку.

Вот путешественник впервые переступил порог российской гостиницы — одной из лучших гостиниц Петербурга.

«Приехав в отель Кулона, я встретил здесь хозяина, огрубевшего, перерожденного француза. Его гостиница была в это время переполнена народом в виду предстоящих придворных торжеств по случаю бракосочетания великой княжны Марии, и он, казалось, далеко не рад был новому гостю. Это сказалось в том, как мало он уделил мне внимания. После бесконечного хождения взад и вперед и долгих переговоров мне отвели все-таки какое-то душное помещение на 2-м этаже, состоящее из прихожей, кабинета и спальной. Нигде на окнах не было ни портьер, ни штор, ни жалюзи, и это — при солнце, которое здесь теперь в течение чуть ли не 22-х часов в сутки не сходит с горизонта и косые лучи которого достигают отдаленнейших углов комнаты. Воздух комнаты был насыщен каким-то странным запахом гипса, извести и пыли, смешанным с запахом мускуса» (92, 61).

Утомленный дорогой Кюстин прилег на диван и мгновенно, но ненадолго уснул. Проснувшись, он заметил, что диван кишит клопами, которые уже добрались и до его одежды. Охваченный ужасом и негодованием путешественник потребовал хозяина гостиницы. Тот со смехом сообщил ему, что во всем Петербурге нет гостиниц без клопов, посоветовал привыкнуть к этому неудобству и удалился. Предоставленный самому себе, Кюстин при помощи сметливого слуги удалил из комнаты всю мебель, оставив лишь железную кровать, ножки которой велел поставить в чашки с водой.

Обеспечив себе таким образом некоторую защиту от клопов, он пополнил свой журнал следующим наблюдением.

«Гостиницы в Петербурге похожи на караван-сараи. Как только вы в них устроились, вы предоставлены исключительно самому себе, и если у вас нет своего лакея, вы остаетесь без всяких услуг» (92, 62).

Возмущенный Кюстин ищет новых и новых проклятий для своей злополучной гостиницы, называет ее «каменной пустыней» и, наконец, с удовольствием покидает «этот "великолепный" отель, походивший по внешности на дворец, а внутри оказавшийся позолоченной, обитой бархатом и шелком конюшней» (92, 62).

В дальнейших своих очерках он не раз возвращается к теме гостиницы, которая вырастает до своего рода символа России.

«Хотя русские и гордятся своей роскошью и богатством, однако во всем Петербурге иностранец не может найти ни одной сколько-нибудь сносной гостиницы. Вельможи, приезжающие из внутренних губерний в столицу, привозят с собой многочисленную челядь. Она является лишним признаком богатства, так как люди здесь — собственность их господина. Эти слуги в отсутствие своих господ валяются на диванах и наполняют их насекомыми; в несколько дней все помещение безнадежно заражено, и невозможность зимой проветривать комнаты делает это зло вечным» (92, 72).

«Безобразно грязные номера гостиниц, — и это сказочное, великолепное строение! (Адмиралтейство. — *Н. Б.*) Таков Петербург. Таковы резкие контрасты, встречающиеся здесь на каждом шагу. Европа и Азия тесно переплетаются в этом городе друг с другом» (92, 73).

Года через три-четыре после приезда Кюстина Петербург обрел, наконец, гостиницу европейского уровня. Свидетельством этого служит запись в дневнике барона М. А. Корфа от 8 ноября 1843 года: «Петербург, столь бедный гостиницами вроде европейских, и в котором эта часть еще в совершенном младенчестве, украсился нынче впервые заведением такого рода, напоминающим заграничные отели. Это "Hotel de Darmstadt" в доме Демидова на углу Невского проспекта и Садовой. Дом и двор содержатся удивительно чисто, лестницы освещены газом, словом, если эта гостиница подержится так, как теперь открыта, то будет совершенно образцовою в Петербурге» (87, 344).

Практически одновременно с маркизом де Кюстином, летом 1839 года, в петербургской гостинице Кулона жил немецкий художник Петер Хесс с сыном Эугеном. Юноша вел дневник путешествия. Его впечатления от гостиницы Кулона по сути мало отличались от впечатлений французского путешественника. «Он (отель. — *Н.Б.*) очень большой, но с первого взгляда понятно, что элегантность уживается здесь с грязью и расхлябанностью. Хозяин отеля, маленький француз, приказал управляющему показать нам две комнаты. Мы живем одни» (203, 12).

Гостиница Соллогуба

Блестящее описание провинциальной гостиницы находим в повести В. А. Соллогуба «Тарантас» (1840).

Два главных героя повести, умудренный жизнью провинциальный помещик Василий Иванович и его спутник, юный идеалист-славянофил Иван Васильевич, по пути из Москвы в Казань останавливаются на ночлег во Владимире...

— Гостиница, — сказал ямщик и бросил вожжи.

Бледный половой, в запачканной белой рубашке и запачканном переднике, встретил приезжих с разными поклонами и трактирными приветствиями и потом проводил их по грязной деревянной лестнице в большую комнату, тоже довольно нечистую, но с большими зеркалами в рамах красного дерева и с расписным потолком. Кругом стен стояли чинно стулья, и перед оборванным диваном возвышался стол, покрытый пожелтевшею скатертью.

— Что есть у вас? — спросил Иван Васильевич у полового.

— Всё есть, — отвечал надменно половой.

— Постели есть?

— Никак нет-с.

Иван Васильевич нахмурился.

— А что̀ есть обедать?

— Всё есть...»

Далее опускаем колоритное изображение обеда в гостинице и устройство кровати на брошенной на голый пол охапке сена. Наконец путники улеглись...

«Мышей, точно, не было... но появились животные другого рода, которые заставили наших путников с беспокойством ворочаться со стороны на сторону.

Оба молчали и старались заснуть.

В комнате было темно, и маятник стенных часов уныло стукал среди ночного безмолвия. Прошло полчаса.

— Василий Иванович!

— Что, батюшка?

— Вы спите?

— Нет, не спится что-то с дороги.

— Василий Иванович!

— Что, батюшка?

— Знаете ли, о чем я думаю?

— Нет, батюшка, не знаю.

— Я думаю, какая для меня в том польза, что здесь потолок исписан разными цветочками, персиками и амурами, а на стенах большие уродливые зеркала, в которых никогда никому глядеться не хотелось. Гостиница, кажется, для приезжающих, а о приезжающих никто не заботится. Не лучше ли было, например, иметь просто чистую комнату без малейшей претензии на грязное щегольство, но где была бы теплая кровать с хорошим бельем и без тараканов; не лучше ли бы было иметь здоровый, чистый, хотя нехитрый русский стол, чем подавать соусы патиша, потчевать полушампанским и укладывать людей на сено, да еще с кошками?

— Правда ваша, — сказал Василий Иванович, — по-моему, хороший постоялый двор лучше всех этих трактиров на немецкий манер.

Иван Васильевич продолжал:

— Я говорил и вечно говорить буду одно: я ничего не ненавижу более полуобразованности. Все жалкие и грязные карикатуры несвойственного нам быта не только противны для меня, но даже отвратительны, как уродливая смесь мишуры с грязью.

— Эва! — заметил Василий Иванович.

— Гостиницы, — продолжал Иван Васильевич, — больше значат в народном быте, чем вы думаете. Они выражают общие требования, общие привычки. Они способствуют движению и взаимным сношениям раз-

личных сословий. Вот в этом можно бы поучиться на Западе. Там сперва думают об удобстве, о чистоте, а украшение и потолки последнее дело...» (172, 26).

Гостиница Гоголя

Гостиница служила пристанищем и для гения российских дорог Павла Ивановича Чичикова.

«Когда экипаж въехал на двор, господин был встречен трактирным слугою, или половым, как их называют в русских трактирах, живым и вертлявым до такой степени, что даже нельзя было рассмотреть, какое у него было лицо. Он выбежал проворно, с салфеткой в руке, весь длинный и в длинном демикотонном сюртуке со спинкою чуть не на самом затылке, встряхнул волосами и повел проворно господина вверх по всей деревянной галдарее показывать ниспосланный ему Богом покой. Покой был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверью в соседнее помещение, всегда заставленною комодом, где устраивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего. Наружный фасад гостиницы отвечал ее внутренности: она была очень длинна, в два этажа; нижний не был выщекатурен и оставался в темно-красных кирпичиках, еще более потемневших от лихих погодных перемен и грязноватых уже самих по себе; верхний был выкрашен вечною желтою краскою; внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками...» (35, 7).

Далее к лаконичному изображению гостиницы Гоголь добавляет еще пару штрихов. Перед «покоем» Чичикова находилась маленькая передняя, «очень темная конурка», в которой расположился лакей Петрушка. В гостинице имелась и «общая зала», куда Чичиков отправился отобедать и собрать полезные сведения о городе. Эта «общая зала», по существу, не что иное, как ресторан, и сегодня имеющийся при каждой мало-мальски приличной гостинице.

Гостиница Аксакова

Горячий почитатель гоголевского таланта, Иван Аксаков был заядлым путешественником и к тому же мастером пера. Во время своих многочисленных разъездов по России он писал письма родным, в которых рассказывал о своих дорожных впечатлениях. Значительное место среди них занимают описания почтовых станций, постоялых дворов и гостиниц.

Иногда эти описания лапидарны как приговор. «Часу во втором ночи привезли меня к "Берлину", лучшей гостинице Ярославля, грязной, гадкой и вонючей. Делать нечего, я расположился в ней...» (1849) (3, 5).

Совсем по-иному, европейской чистотой и комфортом встретила Аксакова гостиница в немецкой колонии Сарепта близ Саратова.

«Рано поутру ехали мы через Сарепту и решились остановиться в гостинице, содержимой на счет целого братства. Какая прелесть! Какая чистота, предупредительность! Нас встретила девочка лет 14, очень некрасивой наружности, заговорившая с нами вовсе не лифляндским наречием. В одну минуту затопилась для нас печь, и подан отличный кофе с густыми сливками и сдобным хлебом. Улицы чисты необыкновенно, перед каждым домиком ряд пирамидальных тополей; архитектура совершенно особенная. Видел я почтенных сарептских мужей, с длинными немецкими трубками. Русские очень любят этих добрых гернгуттеров, уважают их, удивляются их искусству и терпению, но, однако, ничего не перенимают» (3, 43).

Особое мнение

Обличение русских гостиниц было обязательным пассажем для большинства иностранцев, писавших о России. Естественно, не обходилось без тенденциозности, без придирок к таким мелочам, на которые у себя дома путник не обратил бы никакого внимания.

Эта тенденциозность вызвала возмущение у писателя С. П. Шевырева, путешествовавшего по северным губерниям в 1847 году. Вопреки традиции, он отважно встает на защиту российских гостиниц.

«Утром на рассвете приехали мы в Вологду, где гостиница "Лондон", уже успевшая с тех пор сгореть, мирно приняла нас в свои стены. Скоро яркое солнце, светившее во все окна, не завешанные ничем, и воскресный звон некоторой части из 400 колоколов древнего города, считающего до 50 церквей, разбудили усталых путников. Хотя гардин и не было на окнах гостиницы, но я не знаю, за что так немилосердно опорочил ее Блазиус в своем "Путешествии". "Обритые многочисленные синебледнолицые половые" показались ему "грязны и отвратительны"; комнаты "нечисты, пусты, зловонны"; "услужение медленно"; кушанье "сносно разве для голодного". Все это может быть справедливо только в воображении такого иностранца, который ездит по России с тайным чувством ненависти ко всему, что ни видит, и не столько приносит пользы себе и другим, сколько раздражает бедную желчь свою. Я имел случай поверять книгу Блазиуса на местах — и несколько раз обнаруживалась для меня очевидная неверность его показаний, а он еще казался добросовестнее других путешественников и был окружен такими людьми, которые могли предложить ему просвещенное руководство для познания нашего отечества» (214, 133).

В конце 1858 года Москву посетил французский писатель Теофиль Готье. В программу его пребывания в древней столице России входило и посещение Троице-Сергиевой лавры. Пристально вглядываясь в экзотические для европейца черты русской архитектуры, пытаясь понять иные законы жизни, Готье снисходительно и с мягкой иронией относился ко всему, что попадало ему на глаза. Вполне пристойной показалась ему и русская гостиница, где он останавливался во время пребывания у Троицы.

«С другой стороны площади находится большой постоялый двор, более похожий на караван-сарай, чем на приют для паломников и путешественников. Именно возле него остановилась наша кибитка, и здесь, до того как идти осматривать монастырь, мы выбрали себе комнаты и заказали обед. Сей приют уступал "Гранд-отелю" или "Мерис", но, в конце концов, здесь было вполне

уютно и тепло, а меню оказалось достаточно разнообразным. Меня удивляют стенания туристов по поводу грязи и паразитов в русских гостиницах» (41, 269).

Проведя вечер и ночь в лаврской гостинице, Готье констатировал: «Я признаюсь, что мой сон не потревожил ни один из тех агрессоров, чье мерзкое ползание превращает кровать путешественника в поле кровавой битвы. Итак, я попросту лишен возможности в патетических тонах сказать хоть что-либо плохое в адрес здешней чистоты...» (41, 276).

Вновь посетив Россию три года спустя, путешественник останавливался в одной из лучших гостиниц Твери. Об этом ночлеге он рассказывает со своим обычным добродушным юмором.

«Несмотря на изобилие белья... на кровати была только одна́ простыня размером с маленькую скатерку, которая при любом движении во сне, безусловно, должна была соскользнуть. Но, не будучи из тех, кто вздыхает по поводу своих гостиничных несчастий, я философски завернулся в шубу на широком кожаном диване. Такие диваны повсюду встречаются в России и своим удобством заменяют, а кстати, и объясняют недостатки кроватей» (41, 354).

Гостиница Пожарского

С легкой руки А. С. Пушкина самой известной гостиницей (постоялым двором, трактиром) той эпохи стало заведение ямщика Евдокима Дмитриевича Пожарского в Торжке. Кухней заведовала его дочь Дарья, которая училась кулинарному мастерству у повара императора Александра I.

Кто не помнит строки из шутливого послания Пушкина Соболевскому:

> На досуге отобедай
> У Пожарского в Торжке.
> Жареных котлет отведай (именно котлет)
> И отправься налегке (153, 403).

Лучший трактир в городе видел в своих стенах (ныне сильно поврежденных пожаром и почти уничтоженных равнодушием местных властей) едва ли не всех знаме-

нитых людей той эпохи. В записках немецкого художника Эугена Хесса (1839) читаем: «Во второй половине дня мы приехали в примечательное место Торжок, знаменитое благодаря прекрасным изделиям из кожи. Мы остановились на постоялом дворе мадам Пожарской, купили расшитые башмаки, кисет и т. п., а затем уселись за стол» (203, 102).

Трактир Пожарского не обошел своим вниманием и автор красочных путевых записок писатель и сенатор Павел Сумароков, посетивший Торжок в 1838 году:

«Торжок хороший, веселый город, в нем много церквей, домов каменных, и местоположение на реке Тверце красивое...

Кому из проезжающих неизвестна гостиница Пожарской? Она славится котлетами, и мы были довольны обедом. В нижнем ярусе находится другая приманка, лавка с сафьянными изделиями, сапожками, башмаками, ридикюлями, футлярами и прочим...» (181, 20).

Совершенно иной вид и иное угощение нашел Сумароков в городке Кирсанове близ Тамбова. Скверная реальность естественным образом дополняется грустно-смешной провинциальной претенциозностью.

«Трактир лишь по имени: неопрятен, пол грязен, стены в пятнах, полосах, и стол посреди комнаты накрыт скатертью запачканною, не отгадаешь, какого цвета. Мы от голода спросили обедать, и подали нам кушанья под чужими именами, отвратительной наружности, несносного вкуса. — Это происходит оттого, что никто не довольствуется нижнею ступенью, всякий лезет без права на вышнюю, превосходную, и переименовали харчевню трактиром, ресторацией, лавку — магазином, винный погреб — депо, и музыканты — актеры, даже мозольные мастера слывут артистами» (181, 147).

(Легко заметить, что это картина чрезвычайно напоминает современные меню провинциальных ресторанов, где усилиями местных юмористов банальный кусок жареного мяса с подгорелой картошкой получает громкое название «Мечта ковбоя», а коктейль сомнительного содержания непременно будет иметь в названии слово «поцелуй». Что же касается переименований

всего и вся с претензией на более высокий ранг, то это явление приняло фантастический размах и стало настоящим психическим расстройством современного российского общества.)

Для столичного путешественника в глубокой провинции проблема питания нередко становилась камнем преткновения. Аппетитные «котлеты Пожарского» оттого и вошли в историю, что были своего рода уникальным явлением. Даже позитивно настроенный историк С. П. Шевырев не мог без содрогания вспоминать свой обед в трактире уездного города Белозерска.

«Мы остановились в гостинице, принадлежащей монастырю Кирилла Новоезерского. Комнатки чистые, опрятные, но обеда надобно искать в другом месте. Просил, чтобы указали мне на лучший трактир в городе. Думалось, что движение торговли и слава белозерской рыбы дадут средство хорошо отобедать. Но не сбылось ожидание. Мы взошли в деревянный домик, который обещал что-то снаружи. Заказали обед. В нетерпеливом ожидании слушали, как толстый и грубый трактирщик прижимал бедного бурлака, который принес к нему разменять бумажку в 25 рублей серебром. Разменять тут только и можно. Но надобно непременно что-нибудь выпить у трактирщика и, кроме того, заплатить ему промен неслыханный, да еще получить от него слепой мелочи. А как быть бедному бурлаку? Только один трактирщик в городе и меняет деньги.

Наружность хозяина не обещала и нам счастливой участи. Предчувствие сбылось. Курица в супе и битая говядина не помнили лет своих. В виду чудного Белоозера, славного рыбой, мы должны были с голода есть несвежую судачину, и все это увенчалось непомерным счетом, в котором каждая порция стоила восемь гривен. Известная пословица: "Дорого, да мило!" — превращалась здесь в другую: "Дорого и скверно!"» (214, 283).

И все же любая, даже самая убогая гостиница могла показаться дворцом в сравнении со случайным ночлегом в крестьянской избе или придорожной харчевне. Случай порой приводил путника и в такую ситуацию.

«В путешествии, как в жизни, не всё гладко, удачно, случаются неудовольствия. Настала черная ночь, не видно ничего в 5 саженях, дождь стучит по верху коляски, ехать опасно, и мы остановились в харчевне. Ночник чуть тлелся, на печи, на полатях лежали повалкою обозники, и духота, храпение, худой запах, тараканы, мухи принудили меня переселиться. Я увяз в грязи под навесом и с трудом дошел до коляски...» (181, 116).

Глава девятнадцатая

Дорожные записки

В дороге хорошо думается и легко пишется. Впечатления, схваченные свежим глазом, ярки и незабываемы. Об этом с присущей ему самоиронией рассуждал еще Радищев.

«Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделяясь душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. — В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина...» (154, 46).

Дорожное одиночество, оторванность от привычного уклада жизни пробуждают потребность в творчестве, сокрытую в каждом мало-мальски развитом человеке. Так рождаются путевые заметки и дорожные романы.

Сколько стихов написано в дороге, сколько образов и красок найдено художниками...

Дорога с ее монотонностью и неторопливой сменой картин настраивает ум на философский лад. В «Старой записной книжке» князя П. А. Вяземского можно встретить мысли, рожденные под стук колес.

«Как по проезжим дорогам, так и в свете, на поприще почестей и успехов, человек, едущий с богатой внутренней кладью, часто обгоняем теми, которые едут порожними» (28, 115).

Простейшей формой фиксации и первичной обработки дорожных впечатлений всегда была записная книжка. Короткие заметки, прыгающие буквы — это только начало. Затем — вечерняя работа за письменным столом в гостинице. А дальше... Дальше все это в соответствии с мерой таланта автора записок могло или вырасти в литературное, публицистическое произведение, достойное увидеть свет, или так и остаться записями в заброшенном на антресоли юношеском путевом журнале.

Иван Аксаков в письме своей невесте Анне Тютчевой из Крыма (1865) так описывал это дорожное творческое настроение.

«Вот где продолжаю я свое письмо к Вам, вот куда меня перебросило. Сижу теперь на станции, в станционном доме, сестра прилегла отдохнуть, а я вытащил свои письменные снаряды. Я это люблю. Я столько ездил по России и привык к этим остановкам на станциях: временное часовое жилище — принесут самовар, и станет этот угол вдруг своим, так наполнишь, населишь его собой, своими думами и мечтами, — перо, чернила, бумага под боком — и весь твой мир тут, с тобой» (4, 310).

Появившаяся в 1840 году в «Отечественных записках» повесть В. А. Соллогуба «Тарантас» словно отворила ворота к новой, неисчерпаемой теме — описанию путешествия по различным местностям России. Масла в огонь подлили жаркие споры западников и славянофилов, где обычным приемом в споре было обвинение оппонента в незнании русского народа и его традиций. Волей-неволей мыслителям приходилось подниматься с места и отправляться в гости к собственному народу.

Отныне путешествия стали предприниматься уже не только по своей или по казенной надобности, но и ради познания различных сторон жизни русского народа, других народов России. Отправляясь в дорогу, путешественник уже имел определенный запас знаний по интересующему их вопросу. Один ехал собирать народные песни и фольклор, другой — изучать крестьянскую об-

щину, третий — пополнять сведения географического характера, четвертый — посещать исторические места. Каждый вел путевые записи и предполагал опубликовать их по окончании путешествия.

Человек, отправлявшийся в путь без всякой подготовки, с одним лишь желанием «глубже познать свое Отечество», был обречен на разочарование. Подобно романтическому герою «Тарантаса» Ивану Васильевичу он не находил вокруг себя ничего, достойного быть внесенным в путевой журнал.

Однако и простого набора сведений, собранных во время подготовки к путешествию и в ходе самой поездки, недостаточно было для создания увлекательных путевых очерков. Сырой материал становился полезной книгой, литературным событием, когда автор не только глубоко знал свой предмет (экономику, историю, географию, этнографию), не только четко определял цель своих наблюдений, не только умел ясно излагать свои мысли, — но и пропускал всё виденное через призму собственного взгляда на жизнь. Подобно тому как дорога невольно ассоциируется с жизнью человека, так и путевые записки должны наполняться всем знанием и всей мудростью, накопленной их автором.

При всём том побудительным мотивом к работе над путевыми записками должна быть внутренняя потребность в этой форме самовыражения. Писать записки по обязанности или по взятому себе правилу — бесплодное занятие.

«Ничего нет скучнее и глупее, — говорит Вяземский, — как писать или диктовать свой путевой дневник. Я всегда удивляюсь искусству людей, которые составляют книги из своих путешествий. Мои впечатления никогда не бывают плодовиты, и особенно не умею я их плодить. Путешественнику нужно непременно быть немного шарлатаном» (28, 700).

Жанр «путешествий» — один из древнейших в мировой литературе. Он получил второе дыхание с появлением «Сентиментального путешествия» Лоурен-

са Стерна (1768). В России классикой этого жанра стали «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина.

Во второй четверти XIX века развитие «философического» взгляда на жизнь и потребность в самовыражении через простейшие формы литературного творчества (к коим принадлежат и отчеты о виденном и слышанном во время путешествия) породили много сочинений самого разного уровня. Для большинства авторов главный вопрос заключался не только и даже не столько в том, *как писать*, сколько в том, *о чем писать*. Выхватить из массы дорожных впечатлений нечто новое и значительное, обобщить, пропустить через призму собственного оригинального взгляда на мир мог только тонкий наблюдатель и подлинный художник. Авторы большинства «путешествий» ограничивались простым описанием увиденного и пересказом услышанного.

«Пошла мода на издания путешествий, и вместо полезных открытий наполняют томы о театрах, веселостях, с кем встречались, где обедали и подобными мелочами», — сетовал писатель и путешественник П. И. Сумароков (181, 2).

Своего рода профессиональная болезнь многих путников — желание оставить наглядное свидетельство своего пребывания в каком-нибудь экзотическом месте. «Здесь был Вася». Эта надпись стара как мир. Вяземский с осуждением писал об «общей страсти путешественников пачкать стены скал и зданий уродливыми начертаниями имен своих. Иной с опасностью для жизни удовлетворяет этой страсти, карабкаясь Бог весть куда, чтобы только повыше и повиднее занести свою визитную карточку к бессмертию» (28, 760).

Недостаток авторского начала (равно как и чрезмерный авторский эгоцентризм) превращал путевые записки в мишень для критических стрел. Так, например, «Путевые заметки и впечатления» Иосифа Белова, опубликованные в 1852 году, вызвали следующий отзыв рецензента «Библиотеки для чтения»:

«Господин Иосиф Белов путешествует так точно, как

путешествовал бы на перекладных курс географии, у которого был бы хороший аппетит и который бы записывал, что кушал за обедом и ужином, где ночевал, с кем танцевал польку и о чем рассуждал с ямщиком. Он посещал разные города Московской и Тверской губерний, Восточной России и Западной Сибири, с явным намерением искать географических впечатлений, и несказанно наслаждается, узнав, сколько в каком городе жителей, при какой реке построен он, какие в нем дома, каменные или деревянные, и чем промышляют купцы. Эти высокие наслаждения мог бы он испытать, не трогаясь с места, лежа на диване, читая руководства к познанию географии Российской империи...» (63, 23).

Интерес к крестьянскому быту особенно усилился в связи с подготовкой к отмене крепостного права. В пылу дискуссий все ссылались на свои поездки по России. Многие газеты и журналы отправляли своих корреспондентов в деревню с целью выяснить настроения крестьян. Этот пришлый люд тревожил крестьян, сеял среди них несбыточные надежды. В конце концов, правительство решило вмешаться в ситуацию. 1 января 1860 года император Александр II распорядился «сообщить кому следует, для надлежащего руководства и исполнения, что только ученые общества, учрежденные правительством, могут посылать от себя лиц для собирания нужных им сведений; что и ученые общества, отправляя путешественников, должны снабжать их надлежащими видами и о каждом из них поставить в известность Министерство внутренних дел, дабы начальники губерний могли быть предварены об упомянутых собирателях прежде прибытия их на место, а равно и сами собиратели обязаны заявлять о себе местной полиции; что издатели журналов и газет отправлять подобных путешественников права не имеют и что с лицами, путешествующими без установленных видов, следует поступать по законам» (97, 30).

Глава двадцатая

Дух дороги

Путешествие как возвращение к себе

Все великие люди России любили путешествовать. Радищев, Пушкин, Вяземский, Лермонтов, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов, Леонтьев, Тургенев — все путешественники.

Поводы для путешествия были разные, а причина — одна. В чем же она состоит, эта истинная причина путешествий, их тайная сладость? Почему одно из ключевых слов русской истории — знаменитое гагаринское «поехали!»?

Путешествие — это экзистенциальный излом. Переступив порог, человек выпадает из своей привычной колеи, оказывается один на один с огромным неведомым миром. Это головокружительное чувство описывали многие. Вот как писал об этом много поездивший на своем веку писатель С. Т. Аксаков.

«Дорога удивительное дело! Ее могущество непреодолимо, успокоительно и целительно. Отрывая вдруг человека от окружающей его среды, всё равно, любезной ему или даже неприятной, от постоянно развлекающей его множеством предметов, постоянно текущей разнообразной действительности, она сосредотачивает его мысли и чувства в тесный мир дорожного экипажа, устремляет его внимание сначала на самого себя, потом на воспоминания прошедшего и, наконец, на мечты и надежды — в будущем; и всё это делается с ясностью и спокойствием, без всякой суеты и торопливости» (5, 262).

Любовь к дороге передалась и его сыну, знаменитому публицисту Ивану Аксакову. Путешествия по России сделались главной целью его жизни.

«Когда я сел в тарантас и тарантас двинулся за заставу, зазвенел колокольчик и я почувствовал себя в дороге, то у меня слезы прошибли от силы впечатления», — писал Иван Аксаков отцу, вспоминая свою поездку в Самарскую губернию летом 1848 года (2, 369). «Знаю, — пи-

сал он в другом письме, — что подчас мне будет скучно, знаю, что к концу года мне очень и очень надоест это беспрерывное кочеванье, однако ж, знаю и то, что, возвратясь домой, в Абрамцево, прожив полгода мирно на месте, я вновь захочу подвергнуть себя и тоске одиночества, и всем дорожным неприятностям, лишениям и досадам, словом, опять приправить пресность жизни разными пряностями — и вновь уйду странствовать...» (3, 223).

Это горькое и вместе сладкое, «щемящее чувство дороги».

Другая сторона путешествий — яркость впечатлений. Мы смотрим на мир, словно сквозь промытое от зимней грязи весеннее окно. Это ощущение открытия мира пробуждает творческие силы.

Один из самых непоседливых русских поэтов Петр Андреевич Вяземский тонко чувствовал то, что сам он назвал «поэзией телег». Эти чувства он излил в своей знаменитой поэме «Коляска» — шутливом по форме, но глубоком по содержанию катехизисе русского путешественника той поры. И да простит нам читатель этот пространный фрагмент: в русской поэзии нет более точного и изысканного описания тех наслаждений, которые дарит своим поклонникам дальняя дорога.

КОЛЯСКА

(*отрывок из путешествия, в стихах*)

Томясь житьем однообразным,
Люблю свой страннический дом,
Люблю быть деятельно-праздным
В уединеньи кочевом.
Люблю, готов сознаться в том,
Ярмо привычек свергнув с выи,
Кидаться в новые стихии
И обновляться существом.
Боюсь примерзнуть сиднем к месту
И, волю осязать любя,
Пытаюсь убеждать себя,
Что я не подлежу аресту.
Прости, шлагбаум городской,
И город, где всегда на страже
Забот бессменных пестрый строй,
А жизнь бесцветная всё та же;
Где бредят, судят, мыслят даже

Всегда по таксе цеховой.
Прости, блестящая столица!
Великолепная темница,
Великолепный желтый дом,
Где сумасброды с бритым лбом,
Где пленники слепых дурачеств,
Различных званий, лет и качеств,
Кряхтят и пляшут под ярмом.
Не раз мне с дела и с безделья,
Не раз с унынья и с веселья,
С излишества добра и зла,
С тоски столичного похмелья
О четырех колесах келья
Душеспасительна была.
Хоть телу мало в ней простору,
Но духом на просторе я.
И недоступные обзору
Из глаз бегущие края,
И вольный мир воздушной степи,
Свободный путь свободных птиц,
Которым чужды наши цепи;
Рекой, без русла, без границ,
Как волны льющиеся тучи;
Здесь лес обширный и дремучий,
Там море жатвы золотой —
Всё тешит глаз разнообразно
Картиной стройной и живой,
И мысль свободно и развязно,
Сама, как птица на лету,
Парит, кружится и ныряет
И мимолетом обнимает
И даль, и глубь, и высоту.
И всё, что на душе под спудом
Дремало в непробудном сне,
На свежем воздухе, как чудом,
Всё быстро ожило во мне.
Несется легкая коляска,
И с ней легко несется ум,
И вереницу светлых дум
Мчит фантастическая пляска.
То по открытому листу,
За подписью воображенья,
Переношусь с мечты в мечту;
То на ночлеге размышленья
С собой рассчитываюсь я:
В расходной книжке бытия
Я убыль с прибылью сличаю,
Итог со страхом поверяю
И контролирую себя.
Так! отъезжать люблю порою,
Чтоб в самого себя войти,
И говорю другим: прости!
Чтоб поздороваться с собою... (27, 150).

Путешествия с их неожиданными встречами, откровениями случайных попутчиков, идеальными условиями для наблюдения над привычками и поведением человека всегда были живой водой для писателей.

Вот что говорил об этом Флобер в письмах матери из своего путешествия по Востоку в 1850—1851 годах.

«...Только что я упомянул о наблюдении нравов. Никогда не предполагал, как богато представлена эта сторона в путешествиях. Сталкиваешься с таким множеством различных людей, что в конце концов начинаешь немного понимать мир (благодаря тому, что по нему ездишь). На земле полным-полно замечательных физиономий. Путешествие таит огромные и нетронутые россыпи комического. Не пойму, почему никто до сих пор не высказал этой мысли, которая кажется мне вполне естественной. И потом, как быстро люди распахиваются, какие странные делают признания!» (199, 139).

«Не находишь ли ты, дорогая моя старушка, что я в путешествии стал чертовски тонким моралистом? Да, за эти полтора года я изрядно пообщался с человечеством. Путешествие усиливает презрение, которое питаешь к людям. Начиная с сынка, что просит у тебя яду, желая прикончить своего папочку, кончая матерью, продающей тебе свою дочь, сколько всего тут насмотришься. Я никогда не подозревал об этой стороне путешествий. Снимаешься с места, чтобы посмотреть развалины и деревья, но между развалинами и деревом натыкаешься на нечто совсем иное; и от всего этого, от сочетания пейзажей и мерзостей в тебе рождается тихая и равнодушная жалость, мечтательное спокойствие — ты обводишь взглядом всё, ни на чем не останавливаясь, ибо тебе всё безразлично и ты чувствуешь, что животные милы тебе не меньше, чем люди, и морская галька не меньше, чем городские дома. Заполненная закатами солнца, шумом волн и листвы, ароматами, лесами и стадами, воспоминаниями о человеческих лицах со всеми мыслимыми выражениями и гримасами, душа, сосредоточась в себе и перевари-

вая поглощенное, безмолвно улыбается, как одурманенная опиумом баядера.

Когда видишь такое множество людей, столь же чуждых тебе, как купа фисташковых деревьев у дороги, изрядно усиливается и эгоизм. Думаешь только о себе, интересуешься только собою и готов принести в жертву целый полк, чтобы избежать насморка. Восточная пословица гласит: "Остерегайся хаджи (паломника)". Хорошая пословица. Будешь долго хаджи, станешь негодяем, — так, по крайней мере, я думаю» (199, 144).

И еще одно примечательное суждение, из письма Луизе Коле, 27 марта 1853 года. «...Путешествуя, учишься скромности, понимаешь, как мало места ты занимаешь в мире» (199, 254).

Ныне познавательные путешествия почти забыты. Нет, движение людей по планете отнюдь не прекратилось. Миллионы туристов, заложники рекламных плакатов, устремляются из одной части света в другую. Им просто не сидится дома. К тому же в приличном обществе нужно уметь поддержать разговор о джунглях и пирамидах. Но эти люди — не путешественники, а сырье для турагентств. Их легко узнать по склонности к объединению и передвижению по строго определенным маршрутам.

Но и настоящему путешественнику, вольному искателю подлинного и оригинального, всё труднее находить свой жемчуг в море подделок. Оригинальность становится почти такой же редкостью, как совпадение Пасхи с Благовещением. Цивилизация сделала мир однообразным. Везде предлагают Макдоналдс и кока-колу, смотрят американские фильмы и водят японские автомобили. Везде жуют жевательную резинку, считают доллары и ругают правительство.

Внешнего разнообразия осталось мало. И почти всё, что осталось, — мумии прошлого. Костюмы, традиции, манеры, религии — всё театральное. За кулисами актеры говорят и думают одинаково.

Поезда заставили нас считать расстояние не «полосатыми верстами», а грохочущими перегонами. Само-

леты вообще упразднили расстояние как реальность. Закупоренные в их салоне, как Иона во чреве кита, мы не вполне понимаем, что происходит с нами между взлетом и посадкой.

И все же, все же...

Автомобиль дал нам последний шанс пробудить в себе путешественника. Главное — не ставить никаких рекордов и не гнаться за собственной тенью. Помните, что автомобиль — не цель, а средство. Останавливайтесь, где вздумается, и внимательно глядите вокруг. Пробуйте жизнь, так сказать, «на вкус». Возможно, он покажется вам пресным. Тогда полистайте какой-нибудь не слишком толстый путеводитель. Немного истории придает вкусу жизни особую изысканность.

Фотоаппарат — великое изобретение человечества. Но не щелкайте камерой возле каждой развалины. Зачем? Ведь фотография, в сущности, — всего лишь имитация жизни. Не знаю, как вас, а меня лично и так уже тошнит от вездесущей имитации.

Может быть, лучше просто потрогать вещи руками. Прикосновение — это, знаете ли, целый мир ощущений: тепло дерева, твердость камня, холод железа, мягкость травы...

Глава двадцать первая

Верстовые столбы

Со школьной скамьи отпечаталась в памяти пушкинская «Зимняя дорога»:

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне (153, 263).

С легкой руки Пушкина эти «версты полосаты» стали неотъемлемой частью образа старой России, с ее почтовыми трактами и станционными смотрителями, заставами и шлагбаумами, слепящей метелью и несущейся по бескрайней равнине птицей-тройкой.

Однако все на свете имеет свою историю. Есть она и у верстовых столбов, а также у их ближайших «родственников» — рассаженных вдоль дороги деревьев. Вот что рассказывает об этом голландский художник Корнелий де Бруин, путешествовавший по России в начале XVIII века.

«От Москвы до Воронежа на каждой версте стоит верстовой столб, на котором по-русски и по-немецки выставлен 1701 год, время постановки этих столбов. Между всеми этими столбами, довольно высокими и окрашенными красной краской, понасажено по девятнадцать и по двадцать молодых деревьев по обеим сторонам дороги; иногда деревца эти понасажены по три и по четыре вместе, переплетены ветвями, вроде туров для защиты их и для того, чтобы они крепче держались в земле и не выходили из оной. Таких верстовых столбов счетом 552: они занимают пространство почти на 121 милю, считая по 5 верст в миле, и указывают расстояние от Москвы до Воронежа и других окрест лежащих мест. Полагаю, что число молодых деревьев, рассаженных между верстами, никак не меньше, если не больше, двухсот тысяч. Сказанные версты и деревья тем более полезны, что без них зимой трудно было бы найти дорогу, покрытую снегом, и притом в России и ночью ездят так же, как и днем» (155, 491).

Историк русской почты отмечает: «О первых путевых вешках известно еще из Судебника 1589 года, который в статье 224 предписывал землевладельцам: "А где в осень дороги живут (проходят. — *Н. Б.*)... и по той дороге ставить вехи, до тех мест, чья земля имеет. А хто не ставит по дороге вех, и что над кем учинитца, и то взяти на том (кто забыл поставить вехи. — *Н. Б.*) весь убыток". В

XIX веке назвали дорогу, вдоль которой тянулись верстовые столбы, столбовой» (21, 67).

Верстовые столбы стояли и вдоль дороги Москва — Архангельск. «В конце каждой версты у русских стоит знак с надписью верст», — свидетельствует ехавший там в 1701 году Корнелий де Бруин (155, 406).

Указ об установке верстовых столбов по главным дорогам неуклонно соблюдался. Вот путевая зарисовка, сделанная одним иностранцем, ехавшим по югу России в 1829 году:

«Далее мы ехали по широкой степи с богатыми пастбищами, усеянными полевыми цветами. Лошади с распущенными хвостами и гривами мчали нашу бричку подобно метеору, часто покрывая десятки верст в час. Степь расстилалась перед нами длинными и пологими спусками и подъемами; бескрайний пейзаж напоминал пустыню; глаз мог задержаться лишь на верстовых столбах в этом "земном море"» (6, 148).

Император Николай I много внимания уделял развитию дорожной сети. В частности, он издал указ, по которому на всех почтовых дорогах через каждые 500 саженей (около 1 километра) ставились верстовые столбы высотой 4,5 аршина (около 3,5 метра). На столбах укреплялась табличка с указанием расстояния до ближайшей почтовой станции и губернского города (90, 387).

Верстовые столбы стояли и по берегам Волги, «главной дороги России», указывая расстояние от устья реки. Вдоль реки тянулся так называемый «бичевник» — примыкающая к воде полоса берега шириной в 10 саженей, которую разрешалось использовать только для нужд судоходства. Здесь шли бурлаки, прицепив свои лямки к толстой веревке («бичеве»), конец которой был закреплен за мачту судна.

Глава двадцать вторая

Дорожные разговоры

О чем говорили путники в экипажах, пробиравшихся днем и ночью по бесконечным русским дорогам?

Одной из вечных тем разговоров было, конечно,

сравнение наших дорог с иностранными. Вот как рассуждал на эту тему бывалый путешественник князь П. А. Вяземский.

«Что за прелесть английская езда! Катишься по дороге, как по бархату, не зацепишься за камушек. Колес и не слыхать. Дорожную четырехместную карету, в которой покойно сидят шесть человек, везет пара лошадей, но зато каких! Около 35 верст проезжаешь в два часа с половиной. У нас ездят скорее, но часто позднее доезжаешь до места. Здесь минута в минуту приезжаешь в известный час. Здесь на деле сбывается пословица: тише едешь, дальше будешь. К тому же нет мучительства для лошадей. Не слыхать кучерского ругательства и голоса. Бичом своим он лошадей не погоняет, лошади пользуются также личными и гражданскими правами. Огромная машина словно катит сама собою» (28, 101).

Нередко в почтовой карете собиралась пестрая компания бывалых людей, склонных к общению. Особую остроту добавляло участие в беседе какого-нибудь заезжего иностранца, любопытного до русских историй. Вот как вспоминал об этом английский офицер Джеймс Александер, ехавший из Петербурга в Москву летом 1829 года.

«Я мог разговаривать со своими спутниками только по-русски и, хотя мои ошибки доставляли им немало веселых минут, получил хорошую практику в языке. Чиновник захватил в дорогу бутылку мадеры и хлеб, он ужасно рассердился, когда в трактире на первой же станции ему не смогли предоставить штопор, чтобы открыть вино. Полковник рассказывал длинные истории о своем участии во французской и германской кампаниях, остальные путешественники, как правило, спали. Купцы, сидящие сзади, на каждой станции выбивали друг у друга пыль из кафтанов березовыми вениками, взятыми в дорогу» (6, 95).

Впрочем, сдержанного англичанина вскоре стала раздражать склонность русских к дорожным разговорам и душевным излияниям.

«Я закончу эту главу перечислением тех вопросов, которые постоянно задают мне люди, встречающиеся

по дороге. Русские, без сомнения, самая любопытная нация, просто поражает их желание совать нос в чужие дела. Если же вы даете уклончивый ответ, вас сразу начинают в чем-то подозревать. Поэтому я всегда правдиво отвечал на вопросы, которые мне задавали. К примеру, ко мне подходит один офицер, снимает с головы фуражку и приветствует меня:

— Здравствуй, брат.
— Слава Богу, здоров.
— Откуда приехал?
— Из Москвы.
— Куда едете?
— Обратно туда.
— В каком вы чине?
— Поручик улан.
— Как ваша фамилия?
— Александер.
— Вы шутите.
— Нет, это шотландская фамилия.
— Какое дело имеете?
— Видеть редкости.
— Долго ли пробудете?
— Покуда понравится.
— Приехали морем или сухим путем?
— То и другое.
— Вы женаты?
— Имею намерение.
— Желаю вам повеселиться.
— Благодарю, до свидания» (6, 149).

Назойливость и бесцеремонность случайных попутчиков заставляли не склонных к пустым разговорам путешественников защищаться при помощи книги. Об этом иронически рассуждал Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург».

«Собравшись в дорогу, вместо пирогов и холодной телятины я хотел запастися книгою, понадеясь довольно легкомысленно на трактиры и боясь разговоров с почтовыми товарищами. В тюрьме и в путешествии всякая книга есть божий дар...» (151, 380).

Молчаливость путешественника выводила из равновесия не только попутчиков, но и словоохотли-

вых ямщиков. Собиратель народных песен и обычаев С. В. Максимов так вспоминал один из эпизодов своих странствий по Русскому Северу.

«В кибитке тепло и покойно. По сторонам необыкновенно тихо. Занимались сумерки: снежные поляны по сторонам отливали менее резким светом, выплывавший месяц собирал свои силы, чтобы осветить нам дальнюю дорогу хотя и мертвенным, но уже привычным и теперь легко выносимым блеском. При такой обстановке легко как-то сосредотачиваются мысли на одном предмете, хорошо, много и долго думается и редко хочется спать. Бог весть о чем думалось мне в ту пору, но, по-видимому, думалось долго, потому что с козел послышался запрос:

— Чудак ты, прямой чудак, ваше благородие! Едешь ты с ямщиком пятую версту, а его ни о чем не спросишь...

— Отучился: все вы какие-то неразговорчивые. Пробовал я не один раз — и закаялся, ответу не получал.

— От иного ты точно не получишь, особо от казенных ямщиков, которые с почтой ездят. Это точно по тому по самому, что казенный ямщик всю свою жизнь в тоске проводит. Ему всякий спрос от проезжающего колом в горле становится, всякий проезжий казенному ямщику надоел. А иной до разговоров охотлив, речист!» (106, 98).

Важное место в дорожных разговорах, особенно в сумерках, занимало обсуждение всяческих опасностей и в первую очередь — нападения стаи волков. Эту тему обсуждали и путники, ехавшие в кибитке по заснеженной лесной дороге в Троице-Сергиев монастырь ранним утром в начале 1859 года. Одним из собеседников был французский писатель и путешественник Теофиль Готье. Этот разговор он сохранил в своих путевых дневниках.

«..Перешли к разговору о возможном появлении волков на дороге. Разговор сам собою коснулся этой темы, достаточно впечатляющей, принимая во внимание наше полное одиночество среди бесконечных снегов, где только иногда там и сям виднелись рыжеватые пятна березовых и сосновых лесов. Уже вспомнили самые

ужасные истории, в которых стаи волков нападали на путешественников и сжирали их. Я прекратил эти разговоры, напомнив о случае, рассказанном Бальзаком, причем с неподражаемой серьезностью, с какой он всегда произносил свои шутки. Это история одного литовского господина и его жены: они ехали из своего имения в другое, где давался бал. За поворотом на лесной дороге волки целой стаей устроили им засаду. Напуганные отвратительными животными, лошади, которых кучер нахлестывал изо всех сил, понесли. За ними следом пустилась вся стая, и глаза волков горели в тени кареты. Господин и его дама, ни живые ни мертвые от страха, забились каждый в свой угол и сидели там в неподвижных позах крайнего ужаса. Они смутно слышали позади себя стоны, жаркое дыхание и щелканье челюстей. Наконец они достигли имения, и ворота, захлопываясь за ними, придавили двух-трех волков. Кучер остановился у подъезда, но никто не открывал дверцу кареты. Глянули на облучок, удивляясь, почему медлят лакеи, и увидели там два начисто объеденных их скелета, всё еще стоявшие на своих местах в классических позах. "Вот прекрасно вымуштрованные слуги! — восклицал Бальзак. — Их больше не осталось во Франции!"

Комическая сторона этой истории, однако, не мешала тому, чтобы местным волкам, голодным так, как они бывают голодны в этот период зимы, пришла в голову фантазия поохотиться и на нас. У нас не было никакого оружия, и наш единственный шанс на спасение заключался в быстроте наших лошадей и, может быть, в соседстве какого-нибудь жилища. В противном случае нам было бы не до веселья. Но мы смеялись, и смех рассеял страхи. Впрочем, начинало светать, а дневной свет прогоняет видения и возвращает диких зверей в норы. Не стоит и говорить, что мы не увидели даже волчьего хвоста» (41, 266).

Беседа, наконец, затихала, и усталые путники отходили ко сну. Впрочем, то состояние, в которое впадал путник, едущий в экипаже по разбитой дороге, трудно назвать сном. Скорее это было своего рода забытье с причудливыми видениями...

После многих часов тряски в повозке, в духоте и тесноте постоялого двора путнику приходили странные и страшные сны. Вот что рассказывал об этом Иван Аксаков (1849).

«Вот уже я опять пишу Вам из Ярославля. Я приехал сюда в два часа ночи. Это довольно скоро, потому что в Мытищах и у Троицы мы немало пробыли времени. Комнаты были истоплены, и я сейчас улегся спать; впрочем, от дорожного толканья сон был непокойный; в числе разных сновидений, сопровождавшихся кошмаром, одно, не забытое мною, довольно смешно: мне пригрезилось, что будто у меня везде тараканы: в карманах платья, за платьем, по всему телу, на голове, в волосах, везде, всюду тараканы прусаки! Вследствие этого я закричал в истошный голос и проснулся» (3, 91).

Глава двадцать третья

Дорожные романы

Известно, как сильно влияют на поведение читателя (и прежде всего — юного читателя) примеры, взятые из книг. Украшением любого литературного путешествия той эпохи была романтическая встреча со случайной попутчицей — очаровательной незнакомкой.

Русскому читателю времен Карамзина были хорошо известны «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна и его исполненная тонкого юмора и изящной чувственности концовка. Герой повести, молодой англичанин, путешествуя по Франции, останавливается на ночлег в деревенском постоялом дворе. Заняв единственную свободную комнату, где рядом стояли две узкие кровати, он вскоре должен был разделить ее с молодой дамой и ее служанкой, также искавшими ночлега и спасения от непогоды. «Разделив территорию» и поклявшись не нарушать молчания, юноша и молодая дама страдают от бессонницы. Наконец юноша нарушает тишину тяжким вздохом. Дама упрекает его в нарушении договора...

«Но fille de chambre, услышав, что между нами идет пререкание, и боясь, как бы за ним не последовало

враждебных действий, тихонько выскользнула из своей каморки и под прикрытием полной темноты так близко прокралась к нашим кроватям, что попала в разделявший их узкий проход, углубилась в него и оказалась как раз между своей госпожой и мною.

Так что, когда я протянул руку, я схватил fille de chambre за — — » (178, 651—652).

Романтическое настроение путешественника — в особенности слишком прилежного читателя «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна — порой приводило к возникновению дорожных романов. Русская литература от Радищева и Пушкина до Чехова и Бунина богата описаниями такого рода приключений.

Князь П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» рассказывает такую историю.

«Молодой поляк, принадлежавший образованной общественной среде, проезжал через Валдай. В то блаженное время не было еще ни железной дороги, ни даже шоссе, не было ни дилижансов, ни почтовых карет.

Коляску проезжего обступила толпа женщин и девиц и назойливо навязывала свои баранки. Поляк влюбился в одну из продавщиц. Не думав долго, решился он остановиться в Валдае. Медовый месяц любви его продолжался около двух лет. Родные, не получая писем его, начали беспокоиться и думали, что он без вести пропал. Узнав, в чем дело, писали они с увещеваниями возвратиться домой. Письма не действовали. Наконец приехали за ним родственники и силой вырвали его из объятий этой Валдайской Калипсо.

Вот любовь так любовь: роман на большой дороге, выходящий из ряда обыкновенных приключений. При встречах моих с ним в Варшаве я всегда смотрел на него с особенным уважением и сочувствием» (28, 144).

Заметка Вяземского, как обычно, отмечена скрытой иронией. Вся соль этой истории состоит в том, что Валдай издавна славился распутством своих обитательниц. Это представление о Валдае запечатлел в своем «Путешествии» Радищев.

«Новый сей городок, сказывают, населен при царе Алексее Михайловиче взятыми в плен поляками. Сей городок достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних.

Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разрумяненных девок? Всякого проезжающего наглые валдайские и стыд сотрясшие девки останавливают и стараются возжигать в путешественнике любострастие, воспользоваться его щедростью на счет своего целомудрия. Сравнивая нравы жителей сея в город произведенныя деревни со нравами других российских городов, подумаешь, что она есть наидревнейшая и что развратные нравы суть единые токмо остатки ее древнего построения. Но как немногим более ста лет, как она населена, то можно судить, сколь развратны были и первые его жители.

Бани бывали и ныне бывают местом любовных торжествований. Путешественник, условясь о пребывании своем с услужливою старушкою или парнем, становится на двор, где намерен приносить жертву всеобожаемой Ладе. Настала ночь. Баня для него уже готова. Путешественник раздевается, идет в баню, где его встречает или хозяйка, если молода, или ее дочь, или свойственница ее, или соседки. Отирают его утомленные члены; омывают его грязь. Сие производят, совлекши с себя одежды, возжигают в нем любострастный огнь, и он препровождает тут ночь, теряя деньги, здравие и драгоценное на путешествие время...» (154, 113).

«Женская тема» в «Путешествии» Радищева явно навеяна некоторыми страницами «Исповеди» Руссо. Однако сомнительная слава Валдая стала своего рода дорожным мифом Петербургского шоссе. Ему отдал дань и Пушкин в стихотворном послании Соболевскому.

«Яжельбицы — первая станция после Валдая. —
В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? Если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай» (153, 404).

Люди всегда искали в дороге каких-то новых, запретных ощущений. Такова была древняя магическая сила дороги. Она как бы вырывала человека из круга привычных норм поведения, снимала традиционные запреты (216, 194).

Путевые записки нередко содержат рассуждения на «женскую тему». Романтические приключения — обязательный мотив в заметках французских путешественников. Для более целомудренной русской литературы свойственны вполне платонические, но не лишенные чувственного подтекста зарисовки женских образов. Восхищение красотой случайно промелькнувшего за окном кибитки женского лица, фигуры, походки — без этого путевые записки обойтись, конечно, не могли. Примером может служить фрагмент из путевых записок писателя С. П. Шевырева (1847).

«При выезде в город (Белозерск. — *Н. Б.*) я встречал красивые лица крестьянок, отличавшиеся чертами тонкими и нежными. Гулявшие по валу купеческие дочки не обнаруживали того же. Белила и румяна служили тому главным препятствием. Притом же платья нового фасона, длинные платки и длинные за локоть перчатки показывают влияние городских мод на здешних горожанок. Но здесь есть и свой, незаемный обычай — носить блестящие короны на головах. Они очень красивы. Я купил такую. Прилагаемый рисунок познакомит с головным убором здешних жен белозерского изобретения. Обычай носить их введен не более десяти лет. Но эти уборы надевают только по большим праздникам. Прекрасные женщины в русских сарафанах и в таких коронах, на высоком валу, с которого так хорошо мог бы обрисовываться стройный стан женский и красивый наряд, — картина, достойная кисти художника. Много чудных мотивов эстетических в нашей народной жизни, но что-то мешает их совершенному художественному исполнению.

Красота человека, даже и та, которая дается ему от природы, зависит от его образования, обычаев, воспитания, предрассудков — и потому так изменчива» (214, 285).

Глава двадцать четвертая

Застава

Известная по многим описаниям картина городской заставы первой половины XIX века: низенький домик, обелиски с орлами, полосатый шлагбаум...

«Первый город на нашем пути — древний Новгород. Мы въехали в него через заставу с двумя высокими колоннами, увенчанными царскими орлами, и покатили по улицам, застроенным большими старыми деревянными и кирпичными домами. Между строениями, окруженными желтыми крашеными заборами, зеленеют сады» (6, 97).

Обязательным атрибутом заставы была и караульня с будочником, который останавливает едущих, записывает их в книгу прибытия и убытия...

Князь Вяземский вспоминает: «Одно время проказники сговорились проезжать часто чрез Петербургские заставы и записываться там самыми причудливыми и смешными именами и фамилиями. Этот именной маскарад обратил внимание начальства. Приказано было задержать первого, кто подаст повод к подозрению в подобной шутке. Дня два после такового распоряжения проезжает чрез заставу государственный контролер Балтазар Балтазарович Кампенгаузен и речисто, во всеуслышание, провозглашает имя и звание свое.

"Некстати вздумали вы шутить, — говорит ему караульный, — знаем вашу братью; извольте-ка здесь посидеть, и мы отправим вас к господину коменданту». Так и было сделано"(28, 449).

«В старину проезд через заставу был делом государственной важности не только у нас, но и в других государствах: во Франции и в Германии этот порядок соблюдался, может быть, еще строже и докучливее, нежели у нас. Так было и при императоре Александре I» (28, 449).

Та же самая застава, лишь с большим числом формальностей, отмечала и границу Российской империи. Вид этой заставы — последняя из русских картин, оставшаяся в памяти Александра Герцена, навсегда покинувшего Отечество в начале 1847 года:

«Дней через десять мы были на границе.

...Унтер-офицер отдал мне пассы; небольшой старый солдат в неуклюжем кивере, покрытом клеенкой, и с ружьем неимоверной величины и тяжести, поднял

шлагбаум; уральский казак с узенькими глазками и широкими скулами, державший поводья своей небольшой лошаденки, шершавой, растрепанной и сплошь украшенной ледяными сосульками, подошел ко мне "пожелать счастливого пути"; грязный, худой и бледный жиденок-ямщик, у которого шея была обвернута раза четыре какими-то тряпками, взбирался на козлы.

— Прощайте! Прощайте! — говорил, во-первых, наш старый знакомец Карл Иванович, проводивший нас до Таурогена, и кормилица Таты, красивая крестьянка, заливавшаяся слезами.

Жиденок тронул коней, возок двинулся, я смотрел назад, шлагбаум опустился, ветер мел снег из России на дорогу, поднимая как-то вкось хвост и гриву казацкой лошади.

Кормилица в сарафане и душегрейке все еще смотрела нам вслед и плакала; Зонненберг, этот образчик родительского дома, эта забавная фигура из детских лет, махал фуляром — кругом бесконечная степь снегу.

— Прощай, Татьяна! Прощайте, Карл Иванович!

Вот столб и на нем обсыпанный снегом одноглавый и худой орел с растопыренными крыльями... и то хорошо — одной головой меньше.

Прощайте!» (32, 430).

Глава двадцать пятая

Осмотр достопримечательностей

Россия — печальная страна. И всё же впечатления едущего по ней путника не могли ограничиваться бедностью населения и унылостью пейзажей. Сам Гоголь впадает в явное противоречие, раскрывая ничтожество провинциальной жизни со всеми ее атрибутами, но при этом призывая своих читателей «проездиться по России». Возникает вопрос: а зачем собственно ездить? Чтобы смотреть на «чушь и дичь по обеим сторонам дороги»? Или слушать проекты Манилова? Или смотреть слепую суку на псарне Ноздрева?

Выход из этого противоречия писатель находит в том, чтобы «раздвоить» Россию и воспринимать ее не

только как страну «мертвых душ», но и как некую лирическую величину, как «птицу-тройку», несущуюся бог весть куда сквозь времена и пространства.

Но дело, конечно, не только в погоне за мистической тройкой. «Чтобы узнать, что такое *Россия нынешняя*, нужно непременно по ней проездиться самому», — настаивает Гоголь (36, 257). Вот цель, вот смысл путешествия: узнать *Россию нынешнюю*, ее духовные богатства, ее неписаные законы и краеугольные понятия.

Но познавательное путешествие — это умственный труд, требующий знаний и дисциплины. «Таким же самым образом, как русский путешественник, приезжая в каждый значительный европейский город, спешит увидеть все его древности и примечательности, таким же точно образом и еще с большим любопытством, приехавши в первый уездный или губернский город, старайтесь узнать его достопримечательности», — советует Гоголь (36, 257).

Впрочем, Гоголь прекрасно знает, что никаких особенных достопримечательностей в европейском вкусе в провинциальном русском городе читатель не найдет. Поэтому он уходит от этой темы, замечая, что «примечательности» «не в архитектурных строениях и древностях, но в людях». «Клянусь, — восклицает он, объясняя этот поворот мысли, — человек стоит того, чтобы рассматривать его с большим любопытством, нежели фабрику и развалину» (36, 257).

Но все чаще у любознательных путников возникало желание присмотреться к деревянным и каменным домам, к общественным сооружениям, отыскивая в них черты национального стиля или иные интересные особенности. Гоголь делал первые шаги по этому пути. Он глубоко интересовался историей и архитектурой и, конечно, не случайно внес в свой «реестр» придорожных видов резные узорные «полотенца» на фасадах крестьянских изб.

Проявляет интерес к достопримечательностям губернского города и один из героев «Тарантаса» — пылкий и жаждущий впечатлений Иван Васильевич. Вот он бодро отправился смотреть памятники Владимира — древней столицы Руси. Но что, собственно, смотреть и

как увидеть примечательное — он не знал. Древние здания оставались для него мертвыми иероглифами.

«Он понял тогда или начал понимать, что сделанное сделано, что его никакой силой переделать нельзя; он понял, что старина наша не помещается в книжонке, не продается за двугривенный, а должна приобретаться неусыпным изучением целой жизни. И иначе быть не может. Там, где так мало следов и памятников, там в особенности, где нравы изменяются и отрезывают историю на две половины, прошедшее не составляет народных воспоминаний, а служит лишь загадкой для ученых. Такая грустная истина останавливала Ивана Васильевича в самом начале великого подвига. Он решился выкинуть из книги путевых впечатлений статью о древностях и пошел рассеяться на городской бульвар» (172, 30).

Однако автор «Тарантаса» не захотел оставлять своего читателя вместе с обескураженным Иваном Васильевичем в недоумении перед немыми осколками минувшего. Отступая от своей обычной иронической манеры рассказа, от пространных диалогов героев повести, он делает своего рода лирическое отступление — главу «Печорский монастырь». Уже первая фраза ее (в дальнейшем повторяемая в виде рефрена) настраивает на серьезный и возвышенный лад.

«Если когда-нибудь придется вам быть в Нижнем Новгороде, сходите поклониться Печорскому монастырю. Вы его от души полюбите» (172, 64).

И вот уже сам писатель, исполнившись серьезности, вводит читателя в мир русской старины. Слог его возвышается до патетики, романтические образы «заросших травой ступеней церквей» сменяются рассуждениями о национальной архитектуре, а философские сопоставления Востока и Запада — экскурсами в прошлое Печорского монастыря.

«Искусства существовали у наших предков, и если не в наружном развитии, то по крайней мере в художественной понятливости и в художественном направлении. Наши песни, образа, изукрашенные рукописи

служат тому доказательством. Но зодчество оставило значительнейшие следы, и в таком обилии, в таком совершенстве, что теперешние наши здания, утратив оригинальность, характер и красоту, чуждые русскому духу и требованию, кажутся совершенно ничтожными и неуместными» (172, 66).

Примерно в то же самое время, когда разъезжал по России в своей скрипучей бричке Павел Иванович Чичиков, а из Москвы в Мордасы неторопливо катил огромный тарантас двух добродушных помещиков, — в 1838 году от Рождества Христова, по Волге плыло диковинное судно. Оно представляло собой большую лодку, на палубе которой поставлена была изба. В избе жили два брата — художники Григорий и Никанор Чернышевы. Они осуществляли небывалый проект — нарисовать на огромном длинном холсте панораму всей Волги от Рыбинска до Астрахани. Для этой картины братья делали зарисовки, иногда останавливая свое судно, а иногда просто поглядывая в окно и делая наброски. Помимо живописных трудов братья вели дневник, в который записывали подробности путешествия и свои впечатления от увиденного. И хотя водное путешествие, да еще в собственном доме на воде, существенно отличалось от сухопутного, но впечатления просвещенного и наделенного художественным чутьем русского путешественника в любом случае весьма интересны.

Не будем говорить о восторгах и комплиментах, которые расточают братья по адресу матушки-Волги — самой большой и самой красивой реки России. Они естественны и достаточно традиционны. Но достоин внимания и самый заурядный на первый взгляд провинциальный город.

«Время основания Кинешмы неизвестно. Нашествия поляков во времена самозванцев и пожары истребили исторические сведения о начале оной. Она два раза претерпевала беды от шаек Лисовского, злодействовавшего в здешнем крае. В преданиях жителей последнее разорение ее, в 1609 году, осталось яснее, и оно увековечено существующей часовнею, построенною над мо-

гилою убиенных воинов и граждан, защищавших город под предводительством воеводы Бабарыкина. В этой часовне ежегодно совершается торжественное церковное поминовение по падших за отчизну. Следы бывшего земляного укрепления составляют остаток старины в городе.

Кинешма расположена на возвышенном берегу Волги при впадении в оную двух речек: Кинешемки и Касоги, при устьях которых находятся слободы, живописно оканчивающие этот прекрасный город, коего лучшие здания расположены по волжской набережной» (208, 45).

Еще лучше Кинешмы представился художникам вид Симбирска.

«Гора, на которой находится Симбирск, очень высока; всходя на оную, мы не один раз должны были отдыхать. С вершины ее нам открылся город, в котором мы оставались недолго, потому и видели его, так сказать, мельком. К числу примечательных зданий в нем принадлежит собор; он еще не совсем окончен, но наружный вид уже доказывает отличный талант зодчего. Широкие, чистые улицы, прекрасные домики с садами, некоторые из них выстроены с большим вкусом; вообще внутренний вид города очень хорош. Начало Симбирска не относится к дальней древности; он не имеет вековых остатков и не пробуждает в путешественнике воспоминаний о давних событиях, но производит в нем какое-то приятное впечатление. Отсюда, смотря вниз по Волге, представляется прекрасный вид, заключающий в себе огромное пространство, на котором природа живописно обставила предметы и, разнообразно их разыграв, составила превосходную и очаровательную картину» (208, 105).

Даже безуездный город Лух (о котором автор «Тарантаса» наверняка отозвался бы самым саркастическим образом) имеет, оказывается, столько примечательного, что братья посвящают ему несколько страниц своего дневника.

Да что там Лух. Даже крестьянская изба являет собой в глазах братьев-художников истинное произведение искусства.

В окрестностях Вичуги «мы видели дом, или русскую избу, с великолепным крыльцом, роскошно изукрашенную резьбою со всеми замысловатостями и гребнем поверху крыши на коньке. Подобных этому дому нам редко случалось видеть. Если рассмотреть внимательно внутренность русской избы, то увидишь в ней все на своем месте, все согласно с климатом и образом жизни, и все имеет свое назначение, приспособленное к необходимости и удобству. Печь, голбец, полати, лавки и пол представляют из себя разные климаты русской избы, в зимние трескучие морозы хозяин после трудов выбирает по потребности любое место и климат для своего отдохновения» (208, 52).

Убедившись в том, что любознательному путнику все же есть что посмотреть в российской провинции, следовало ответить и на другой вопрос: как правильно настроить взгляд, отдать предпочтение количеству или качеству впечатлений? Бывалый путешественник князь П. А. Вяземский следующим образом отвечал на этот вопрос. «Как во многоглаголании несть спасения, так и во многовидении. По мне, лучше хорошенько осмотреть замечательнейшие места, сблизиться с ними, привыкнуть к ним, — ибо в привычке есть любовь, — нежели на лету многое осмотреть и ни к чему не иметь времени прилепиться сердцем» (28, 711).

«Я очень люблю в прогулках отыскивать безымянные тропинки, удаляясь от больших трактов...» (28, 798).

Особого рода достопримечательности — кладбища и места, связанные с жизнью великих людей. В середине XIX века еще не существовало обычая украшать дома, где они жили, мемориальными досками. И всё же по странному свойству памяти место, где творил или просто отдыхал великий человек, обладало непреодолимой притягательностью. Вступив на памятное место, путник словно проникал сквозь толщу времени. Между ним и некогда стоявшим здесь, но давно ушедшим человеком протягивалась невидимая нить.

Это волнующее чувство проникновения сквозь время знакомо каждому истинному путешественнику. Не случайно путешественники со всего света во времена Карамзина стремились посетить места, где жили Вольтер и Руссо. Но со временем и сам Карамзин стал классиком, великим человеком России. Его почитатели, первым среди которых был князь П. А. Вяземский, посещают места, описанные в его произведениях.

«"Друзья мои! (говорит Карамзин в «Письмах русского путешественника») Когда судьба велит вам быть в Лозанне, то войдите на террасу кафедральной церкви и вспомните, что несколько часов моей жизни протекало тут в удовольствии и тихой радости!" Я исполнил желание его.

Когда бываю за границей, беру всегда с собой Письма Карамзина и перечитываю многие из них с особенным наслаждением. Люблю отыскивать, угадывать следы его, разумеется, давно стертые с лица земли. Поколения сменили поколение, которое он застал и видел. Гостиницы исчезли. Все приняло новый вид» (28, 885).

«Нам пришлось задержаться в какой-то деревне, и я на несколько минут ощутил себя среди ее обитателей тем самым "путником", которых не стало с появлением железных дорог, но которых воскресил автомобиль, — этот путник принимает от служанки на фламандских полотнах прощальный кубок вина, останавливается на картинах Кейпа спросить дорогу, как выражается Рёскин, "у прохожего, чей вид ясно дает понять, что толкового ответа не будет", и скачет в баснях Лафонтена, одетый в теплую накидку под солнцем и ветром, ранней осенью, "когда в пути не помешает осторожность"; в реальной жизни таких "всадников" уже не бывает, но иногда, в часы отлива, мы видим, как один из них скачет на закате по берегу моря (вернувшись, несомненно, из прошлого под защитой вечерних тканей), превращая морской пейзаж в "марину", где его крохотная фигурка заменяет и дату, и подпись, словно она пририсована Лингельбахом, Вауэрманом или Адрианом ван де Велде в угоду пристрастию к персонажам и сюжетам харлемских торговцев, богатых любителей живописи, к морскому пейзажу Виллема ван де Велде или Рёйсдала. Но самое драгоценное в этом путнике, которого вернул нам автомобиль, — это его восхитительная независимость, позволяющая ему выезжать когда вздумается и останавливаться где понравится. Меня поймут все те, кого ветер хоть раз мимоходом заражал непреодолимым желанием умчаться вместе с ним, увидеть море, где вместо неподвижных деревенских мостовых, тщетно стегаемых ливнем, взору открываются буйные волны, отвечающие непогоде ударом на удар, грохотом на грохот; но особенно хорошо поймут те, кто знает, как жутко бывает иногда вечерами оставаться один на один со своей тоской на всю ночь, те, кто знает, какое счастье после долгой борьбы с этим страхом, когда уже начинаешь подниматься по лестнице в спальню, пытаясь усмирить стучащее сердце, вдруг остановиться, сказать: "Нет, этого не будет! Я не пойду наверх. Пусть оседлают мне лошадь, пусть приготовят автомобиль!", и всю ночь мчаться неведомо куда, оставляя позади деревни, где тоска задушила бы нас, где мы угадываем ее под каждой дремлющей низкой крышей, но мы проносимся мимо на полной скорости, не узнанные ею, не досягаемые для нее».

Марсель Пруст

АВТОМОБИЛЬ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ ПУТНИКА

Глава двадцать шестая

Крестовская застава

Итак, мы простились с путешественником времен николаевского «бездорожья». Под звон бубенцов и причитания валдайских красавиц он умчался в туман минувшего.

Но и в нашем нынешнем «бездорожье», когда, пользуясь метафорами Герцена, «государственная фура... заехала по ступицу в снег», когда не желающие быть послушными овцами у самозваных пастырей люди «стали думать», — путешествие по России вновь становится лекарством для душевного здоровья.

Выражаясь метафизически, можно сказать, что «возвращение в Россию» необходимо для *самоидентификации* личности и общества, для ясного понимания того, кто ты, откуда пришел и куда идешь.

А потому отправимся в путь немедля.

Современные дороги не оставляют места для пешехода. Входной билет в это царство скорости — как минимум два колеса. Впрочем, два шатких колеса — это мимолетная причуда оригиналов. А для серьезных людей речь идет, конечно, о четырех.

Но и четыре колеса могут выглядеть по-разному. Тут, как говорится, «возможны варианты». Я бы, например, с удовольствием воспользовался скрипучей бричкой Павла Ивановича Чичикова. Ведь из нее так хорошо видна Россия. Но Чичиков давно не ездит в бричке. А потому единственным средством передвижения будет автомобиль.

Сегодня, когда все только и делают, что смотрят, кто на чем ездит, тотчас всплывает вопрос: о каком, собственно, автомобиле идет речь? На чем вы приглашаете нас ехать, уважаемый автор?

Уклоняясь от скользкой автомобильно-номенклатурной темы, отвечу скромно, но с достоинством: мы поедем на автомобиле, который, безусловно, довезет нас до цели. Более того: он не даст нам оснований как для пролетарской зависти, так и для буржуазного высокомерия. Вот он стоит там, у тротуара, поблескивая своими раскосыми стеклянными глазами и всем своим видом выражая готовность и мчаться, закусив удила, и терпеливо ждать под окнами гостиницы.

В нашем путешествии мы освобождаемся от всякой предвзятости или, как любят выражаться независимые журналисты, *ангажированности*. Мы не станем подобно Радищеву обличать бесправие крестьян (хотя и нам нашлось бы, что сказать на эту тему) или по примеру Андрея Муравьева служить молебен в каждой придорожной часовне (хотя и мы не чужды обычаям отцов и дедов). И уж конечно мы не станем состязаться с авторами путеводителей, чья потрясающая осведомленность в мелочах скрывает смутное представление о целом.

Мы будем поступать так, как, собственно, и поступал путешественник прежних времен. Он рассеянно смотрел на дорогу, предаваясь размышлениям и воспоминаниям. При наличии достойных собеседников он не прочь был порассуждать, пофилософствовать, а потом на станции спросить самовар, достать баул с припасами и открыть заветный «поставец»...

Каждая из дорог имеет свои достопримечательности. И всё же нет вокруг Москвы дороги более интересной, чем Троицкая. Она важна и сама по себе, и как первый участок той великой дороги на север, которую в зависимости от места называют и Троицкой, и Переславской, и Ярославской, и Вологодской, и Архангельской. Эта дорога стара, как сама Русь. Собственно, и Троице-Сергиев монастырь, и Переславль, и сама Москва выросли как грибы на обочине этой былинной дороги, по которой еще Владимир Мономах ходил «сквозь вятичи» из Киева в Ростов.

Но оставим туманную древность. Сегодня эта дорога в культурном отношении прежде всего — путь в обитель Сергия Радонежского, к древним монастырям Переславля-Залесского, к святыням и колоколам Ростова Великого.

О Ростове особый разговор впереди. Признаюсь: я не равнодушен к этому городу. Как выразился один старинный острослов, «для археолога взглянуть на Ростов все равно, что понюхать старую залежавшуюся рукопись: необыкновенно приятное ощущение, лучше лимбургского сыру!» (221, 53). Ну а дорога в Ростов — это двести километров чистой русской истории на фоне левитановской осени или саврасовской весны.

Путешествие по этой дороге всегда было в той или иной мере «богомольем» – поклонением святым местам России. И хотя наша книга – не посох для православного туриста, мы не будем избегать этого старинного, пахнущего медом и ладаном слова. Истинную цену ему знали только люди, волею судьбы оторванные от России, лишенные возможности в час отчаяния разорвать круг повседневности и пуститься с котомкой по ее пыльным дорогам к стенам невидимого града Китежа...

«Богомолье! Вот чудесное слово для обозначения русского духа... Как же не ходить нам по нашим открытым, легким, разметавшимся пространствам, когда они сами, с детства, так вот и зовут нас – оставить привычное и *уйти в необычайное*, сменить ветхое на *обновленное*, оторваться от каменеющего быта и попытаться прорваться к иному, к *светлому и чистому бытию*; отойти странником в новую страну, *где по-новому увидеть Бога* в земном, и в небесах и, вернувшись в свое жилище,

обновить, освятить и его этим новым видением?.. Нам нельзя не странствовать по России: не потому, что мы "кочевники" и что оседлость нам "не дается"; а потому, что сама Россия требует, чтобы мы обозрели ее, и ее чудеса, и красоты, и через это постигли ее единство, ее единый лик, ее органическую цельность; и более того: чтобы мы научились, *созерцая ее, видеть Бога* — и в ее природе, и в ее истории, и в осевших гнездах ее праведности (от Киевской Лавры до Китежа, от Соловков до гор Кавказа)» (65, 390).

Так писал в изгнании философ Иван Ильин.

Русский паломник

Путешествие к святым местам присутствует в любой мировой религии, в том числе и в той специфической форме религии, которую принято называть культурой. И чем сильнее жизненная сила религии — тем больше людей отправляются в далекий путь, чтобы своими глазами увидеть ее святые места, пройти по дорогам святых. Наши экскурсии «по пушкинским местам», «по местам боев» или просто задумчивая прогулка по старому школьному двору не есть ли тоже в основе своей «паломничество к святым местам»?

В христианской традиции отношение к паломничеству всегда было двойственным. С одной стороны, оно приветствовалось как проявление горячего благочестия, а с другой — осуждалось как некий формальный, внешний акт, которым нерадивые пытаются подменить непрерывную внутреннюю работу по самоусовершенствованию. Моральная коллизия переплеталась здесь с хозяйственными расчетами. Чрезмерное увлечение людей паломничеством к святым местам создавало угрозу нормальной производственной деятельности, подрывало социальные связи.

И всё же притяжение святых мест было непреодолимо. Считалось, что молитва, произнесенная в святом месте (в монастыре, у гробницы святого), более «доходчива» до адресата. Равным образом верили, что душа человека, погребенного в монастыре и принявшего перед кончиной монашеский постриг, скорее попадет в рай.

И чем острее была необходимость в помощи небесных сил, тем сильнее был порыв к святыне. Нередко паломничество было исполнением обета, принесенного в тяжелых обстоятельствах.

Впрочем, паломниками становились не только люди, обделенные судьбой или испытавшие потрясение. Потребность лично прикоснуться к святыне, войти в мир, в котором жили Спаситель и его ученики, возникала из самого переживания Священной истории как литургической реальности. «Хотех святая места видети, идеже Христос своима стопама ходил и святии апостоли последоваху ему», — бесхитростно признавался троицкий дьякон Зосима в своих записках о паломничестве в Святую землю (107, 296).

Главной, заветной целью христианских паломников всего мира были Святая земля и город Иерусалим. Трудно даже представить себе то чувство бесконечного счастья, которое испытывал средневековый паломник, прикасаясь губами к камню, с которого вознесся Иисус, или, припадая к источнику, водой которого утолял жажду Спаситель.

Для русских паломников необычайно притягательными были Константинополь с его бесчисленными святынями и «удел Богоматери» — Святая гора Афон.

Грамотный и способный к литературному труду паломник считал своим религиозным долгом оставить описание своего путешествия с точным указанием местонахождения различных святынь. Так возникало «хождение» (в старом написании — *хожение*) — своего рода словесная икона. Читая «хождение», человек, не имевший возможности лично посетить святые места, как бы сопутствовал автору и разделял его переживания.

Первое из сохранившихся до наших дней русских «Хождений в Святую землю» написал игумен Даниил в начале XII века. Во вводной части своего труда он считает необходимым оправдаться от возможных упреков в гордости, объяснить мотивы своего путешествия, а также своего литературного труда. Он идет в Святую землю не ради снискания похвал за сам факт далекого и трудного путешествия с благочестивой целью, но «любви ради святых мест сих». Он пишет

отчет о своем путешествии, желая разделить с ближними эту великую радость — прикосновение к святыням христианства.

«..Да си исписах путь си и места сии святаа, не возносяся ни величаяся путем сим, яко что добро створив на пути сем, не буди то: ничто же бо добра створих на пути сем; но любве ради святых мест сих, исписах все, еже видех очима своима...» (131, 24).

Рассказ Даниила прост и ясен — «яко же видех очима своима, тако и написах» (131, 104). Он умалчивает о своих личных переживаниях при посещении святых мест, предоставляя читателю самому ощутить величие открывшегося в зримых и осязаемых образах Священного Писания. И только однажды, рассказывая о посещении Святого Гроба — главной святыни всего христианского мира, не удерживается от умиления.

«Аз же тогда, поставив кандило на Гробе Святем, и поклонився честному Гробу тому, и облобызав место то святое с любовию и с слезами, иде же лежало тело Господа нашего Иисуса Христа, изидох из Гроба святаго с радостию великою и идох в келию свою» (131, 108).

При этом Даниил все же считает своим долгом дать читателю и будущему паломнику несколько полезных советов. Первый совет — не спешить, посещая святые места. «А сего пути нелзе въскоре створити...» (131, 26). Второй совет — найти знающего проводника и щедро платить за его услуги. «Невозможно бо без вожа добра и без языка испытати и видети всех святых мест. И что имея в руку моею худаго моего добыточка, то от того все подавах ведущим добре вся свята места в граде и вне града, да быша ми указали всё добре...» (131, 26).

Чтобы попасть туда, куда вход для посторонних был закрыт, Даниил успешно применял «золотой ключик». Желая своими руками поставить лампаду «от всея Русьскыя земли» на Гроб Господень, он посулил ключнику мзду, и тот отворил ему дверь к Святому Гробу.

«Хождение» игумена Даниила в Святую землю стало классикой древнерусской литературы. Оно распространялось во многих списках и питало паломнические настроения на протяжении нескольких веков.

Наряду с трудом игумена Даниила в «золотую пя-

терку» русских «хождений» входят паломничества в Царьград боярина Добрыни Ядрейковича (позднее — новгородского архиепископа Антония) (1200), Стефана Новгородца (1348—1349) и Игнатия Смольнянина (1389), путешествие иеродьякона Троице-Сергиева монастыря Зосимы в Царьград, на Афон и в Палестину (1419—1422).

В целом придерживаясь заданного Даниилом сдержанного повествовательного тона, они различаются в оттенках повествования и, разумеется, в перечне упомянутых святынь. Есть и запоминающиеся путевые заметки. Стефан Новгородец в конце рассказа не удержался от вздоха на тему «всё покупается и всё продается». Даже святыни веры недоступны для бедняка. «А в Царьград аки в дубраву велику внити: без добра вожа не возможно ходити, скупо или убого не можеши видети ни целовати ни единого святого...» (131, 258).

Посещение святых мест предусматривало соблюдение определенных правил. Главное моральное требование состояло в добродетельной жизни, соблюдении христианских нравственных императивов во время паломничества. В ритуальном отношении следовало соблюдать пост, удерживаться от пьянства и чревоугодия.

Подходя к Иерусалиму и впервые увидев с горы святой город, паломники слезали с коней, кланялись, осеняли себя крестом и в знак смирения шли дальше пешком. Это была своего рода Поклонная гора, от которой пошли «поклонные горы», известные в любом старом русском городе.

«И ту есть гора равъна (пологая. — *Н. Б.*) о пути близь града Иерусалима яко версты дале; на той горе сседают с конь вси людие и поставляють крестьци (осеняют себя крестом. — *Н. Б.*) ту и покланяются святому Въскресению на дозоре граду... И идуть вси пеши с радостию великою к граду Иерусалиму» (131, 32).

Паломничество в Святую землю требовало не только немалых денежных средств, но и личного мужества. Первой опасностью был грабеж на русских дорогах — обычное явление в период удельной раздробленности.

В записках Игнатия Смольнянина, сопровождавшего митрополита Пимена в Царьград в 1389 году, сообщается, что гостеприимный князь Олег Рязанский, провожая митрополичий караван, «отпусти с нами боярина своего Станислава с доволною дружиною и воинством, и повеле ны (нас. — *Н. Б.*) проводити до реки до Дона с великим опасением разбоя деля» (107, 278).

Далее путников подстерегал шторм, который мог настичь корабль с паломниками на любом этапе их морского пути. Троицкий дьякон Зосима, направлявшийся в Константинополь, сел на корабль в устье Днестра. «И наняхом себе корабль, поидохом на морие и быхом на морие 3 недель. Едва с нужею доидохом устья цареградскаго, тогда бывает футрина (сильный ветер. — *Н. Б.*) великая и валове страшнии пред Филиповым заговеньем (14 ноября. — *Н. Б.*)» (107, 311).

В Эгейском море и у побережья Малой Азии бесчинствовали пираты. Они нападали на торговые корабли, перевозившие паломников, и грабили их до последней рубашки. Жертвой пиратов стал игумен Даниил на обратном пути из Святой земли. Троицкий дьякон Зосима, возвращаясь из Святой земли, также испытал на себе насилие флибустьеров. «И на среди пути найде на нас корабль каталански (поднявшие мятеж каталонские наемники, нанятые византийским императором для войны с турками. — *Н. Б.*), разбоиници и разбиша наш корабль пушками и въскакаша на наш корабль, аки звери дивии. И разсекоша нашего корабленика на части и ввергоша в море и взяше, яже в нашем корабли. Мене жъ убогаго удариша копеиным ратовищем в груди и глаголющее ми: калугере, поне дуката кърса, еже зовется деньга золотая. Аз же заклинахся Богом вышним, что нет у мене. Они же взяша мшелец мои весь, мене же убогаго во едином сукманце оставиша. И скачющи по кораблю, аки звери диви, блистающи копии своими и мечи и саблями и топоры широкими немецкими. Мню аз грешный Зосима, яко въздуху устрашитися от них. Паки взыдоша на свои корабль и отидоша в море. Мы же пристахом ко острову Митилину. Ту быхомь не мало дни и оттоле поидохомь в Костянтин град» (107, 307).

Но главной опасностью были всё же не пираты, а

грабившие и убивавшие беззащитных паломников кочевники-арабы, жившие в окрестностях Иерусалима. Игумен Даниил говорит, что не смог посетить место, где стоял библейский город Содом, «боязни ради поганых» (131, 74). Такие же переживания испытал он и во многих других местах за пределами города.

Три века спустя в тех же самых местах нападения арабов опасался и дьякон Зосима. От побережья он с большим риском добрался до Иерусалима «злых ради арапов». Отправившись к реке Иордан, он всё же не избежал опасного приключения. «И поидох възле Мертвое море и наидоша на ны злые арапове и возложиша на мя раны доволно и оставиша мя вь полумертва, отидоша въсвояси» (107, 301, 305).

По мере распространения христианства на Руси возрастало и стремление к поклонению собственным, русским святым местам. В отличие от далекого паломничества в Палестину (в знак которого приносили пальмовую ветвь, давшую название самому явлению) путешествие к святым местам Руси скорее можно называть богомольем.

Средоточием русского благочестия был Киев. Здесь, в Десятинной церкви, находилась гробница «крестителя Руси» Владимира Святого. А на горе возвышалась многоглавая киевская София — кафедральный собор главы Русской церкви митрополита Киевского.

Древнейшим центром русского богомолья был Вышгород, небольшой городок близ Киева, где находился храм Святых Бориса и Глеба и хранились их нетленные мощи. Огромный каменный храм Бориса и Глеба был освящен 1 мая 1115 года.

Привлекал паломников и Киево-Печерский монастырь, основатели которого иноки Антоний и Феодосий уже в XII веке почитались как святые.

Очень рано был причислен к лику святых погибший от рук язычников ростовский епископ Леонтий (1071). Его гробница в Успенском соборе в Ростове также стала местом притяжения для многих богомольцев.

В период политической раздробленности (1132 —

конец XV века) каждая земля и каждое княжество чтили собственных святых. Общерусское значение имел только культ киевских святых. Однако по мере возвышения Москвы ее святые — митрополиты Петр и Алексей, игумен Сергий Радонежский — получают признание по всей стране. Но если культ московских святителей имел преимущественно государственное значение, то почитание Сергия Радонежского принимает всеобщий характер. Народная слава святого, главной чертой характера которого была «простота без пестроты», шла рука об руку с официальным прославлением.

В Троицу к Сергию...

Со времен Василия Темного московские великие князья ездят на богомолье в Троицкий монастырь, крестят там своих старших сыновей, делают в обитель богатые вклады. Процесс возвышения Троицкого монастыря как общерусского «богомолья» шел прерывисто, то замедляясь, то ускоряясь в соответствии с настроениями московской знати и переменами политической конъюнктуры. Самым ревностным почитателем преподобного Сергия Радонежского среди всех московских Рюриковичей был Иван Грозный. При нем монастырь процветает, украшается новыми постройками, а его игумен получает сан архимандрита и первое место среди настоятелей русских монастырей. «Троицкие походы», приуроченные к празднику Троицы и дню памяти преподобного Сергия (25 сентября), становятся почти обязательным элементом московского придворного церемониала. Здесь царь встречался с народом и братался с ним в общем порыве покаянной любви к «великому старцу» святому Сергию.

Дорога в Троицу была своего рода сакральным пространством, огромным храмом под открытым небом. «По всей этой дороге видно, что это путь от святыни к святыне, — писал Иван Аксаков в 1849 году в письме отцу, — по всей дороге вы встречаете множество церквей, образов, часовен, святых колодцев и т. п.» (3, 4).

Над дорогой витал образ «игумена земли Русской» святого Сергия Радонежского. Ему посвящены были

престолы в придорожных храмах, его образ запечатлен на иконах и в росписях стен. О нем напоминали часовни и памятные кресты на обочинах дороги.

Троицкая дорога наряду с самой Лаврой была одной из достопримечательностей России. Иностранные наблюдатели русской жизни неизменно отмечали в своих записках своеобразный облик этой дороги и ее особое значение для русского народа. Вот что писал об этом посетивший Москву зимой 1858 года Теофиль Готье.

«При приближении к Троице-Сергиеву монастырю жилища встречаются чаще, чувствуется, что мы подъезжаем к важному населенному пункту. И действительно, к монастырю из дальних мест стекаются паломники. Сюда приходят отовсюду, ибо святой Сергий, основатель этого знаменитого монастыря, является одним из наиболее чтимых святых. Проделанная нами из Москвы дорога — это Ярославская дорога, и летом она, как мне рассказывали, очень оживленна. Нужно проехать через Останкино, где находится татарское поселение, через деревню Ростопчино (Ростокино. — *Н.Б.*), через Алексеевское, в котором несколько лет назад еще можно было увидеть развалины дворца царя Алексея, и, когда зима не покрывает все и вся своим снежным одеялом, время от времени на фоне сельской местности можно разглядеть изящные загородные особняки. Одетые в армяки, обутые в лапти или, из крайней набожности, идущие босиком паломники ранним утром тянутся вереницей по песчаной дороге. Целые семьи едут в кибитках, захватив с собой матрацы, подушки, кухонные принадлежности и самовары, без которых не обойдешься, и все это вместе имеет вид кочующих племен. Но в пору моей экскурсии дорога была совершенно безлюдна» (41, 267).

Отжившая религия возрождается в культуре. Поездка на богомолье в Троицкий монастырь из чисто религиозного дела со временем превратилась в своего рода увлекательную и душеполезную прогулку, на которую москвичи отправлялись целыми семьями, в сопровождении чад и домочадцев. Особенно привержены

были этому обычаю купцы, чиновники, духовенство, словом — люди среднего достатка и устойчивого положения на социальной лестнице. Вот фрагмент из воспоминаний Андрея Достоевского, младшего брата великого писателя.

«К числу летних разнообразий нужно отнести также ежегодные посещения Троицкой лавры. Но это должно быть отнесено к самому раннему моему детству, так как с покупкой родителями в 1831 году своего имения поездки к Троице прекратились. Я помню только одно такое путешествие к Троице, в котором участвовал и я. Эти путешествия были, конечно, для нас важными происшествиями и, так сказать, эпохами в жизни. Ездили обыкновенно на долгих и останавливались по целым часам почти на тех же местах, где ныне поезда жел. дороги останавливаются на 2—3 минуты. У Троицы проводили дня два, посещали все церковные службы и, накупив игрушек, тем же порядком возвращались домой, употребив на все путешествие дней пять-шесть. Отец по служебным занятиям в этих путешествиях не участвовал, а мы ездили только с маменькой и с кем-нибудь из знакомых» (54, 50).

Запах дыма и мазута

Ямщики и жители придорожных сел делили паломников на три категории — *черные* (духовенство), *красные* (простонародье) и *белые* (господа). Для простого богомольца Троицкая дорога была нелегким испытанием. Она льнула к рекам и растекалась проселками, огибала болота и овраги, спотыкалась на переправах. Путника ожидали глубокие колеи и пыльные обочины, переполненные постоялые дворы и тучи комаров. А небо вместо «благорастворения воздухов» посылало то дождь, то стужу...

Все эти препятствия разом устранила железная дорога. За эту услугу она взяла только одно: вместо аромата цветущих лугов богомольцы вдыхали запах дыма и мазута, а вместо пронизанной птичьими трелями лесной тишины их уши наполняли грохот вагонов и свист паровоза...

С постройкой железной дороги от Москвы до Серги-

ева Посада поток богомольцев переместился с грунтовой дороги на рельсы.

Как это часто бывает в истории, большие дела начинались буднично и неприметно. Зачинателем строительства железной дороги до Троицы был московский купец Иван Мамонтов — отец известного предпринимателя и мецената Саввы Ивановича Мамонтова. Вот как со слов Саввы Мамонтова рассказывал о начале железной дороги художник Константин Коровин, дед которого арендовал у казны право на содержание ямской гоньбы по той же самой Троицкой дороге.

«Наш поезд отошел от станции Москва.

— Видите шоссе, — сказал Мамонтов, показывая в окно вагона. — Оно — на Троице-Сергия. Это место памятно мне. Давно, когда еще был мальчишкой, я пришел сюда с отцом. Тут мы с ним сидели у шоссе и считали идущих к Троице-Сергию богомольцев и подводы, идущие с товарами. Каждый день отец заставлял меня приходить сюда по утрам, считать, сколько пройдет и проедет по дороге. Отец хотел узнать, стоит ли строить железную дорогу. Тогда в Пушкине, я помню, не было никаких дач. Глухие леса, иногда по дороге проезжал дормез с господами. Ведь это мой отец виноват, это он разорил невольно вашего деда Михаил Емельяновича. Вам принадлежала дорога до Ярославля и право по тракту "гонять ямщину", как прежде говорили...» (86, 221).

Сам Коровин вспоминал эту историю с большой долей грусти.

«Уже прошла Николаевская железная дорога и окончена была до Троице-Сергия, а также построена была дорога и до Нижнего Новгорода. Так что ямщина была закончена. По этим дорогам уже редко кто ездил на лошадях: ямщина была не нужна... Значит, отец сказал: "Я разорен", потому что дело кончилось. Троицкую железную дорогу провели Мамонтов и Чижов, друзья моего деда...» (86, 26).

Площадь имени креста

Современное название — *Крестовская* — застава получила в XIX веке. В старину она называлась Троицкой, так как отсюда начиналась дорога в Троицкий монастырь.

Происхождение современного названия не связано с Троицким монастырем, хотя и согласуется с его символикой. Эта путаница требует некоторых разъяснений.

В древней Руси принято было отмечать памятные места часовнями. Так называли меленький храм, где за отсутствием престола не совершали литургии, а только читали *часы* — молитвы суточного круга.

Начало Троицкой дороги издавна было отмечено часовней, внутри которой с некоторых пор хранился памятный дубовый крест. Резная надпись на кресте сообщала, что он изготовлен в память о встрече москвичами мощей святого митрополита Филиппа Колычева, принесенных в столицу по распоряжению царя Алексея Михайловича в 1652 году.

На Соловках, на том самом месте, где монахи, рыдая, прощались с дорогой им святыней, мощами святителя Филиппа, была поставлена существующая и ныне «прощальная» Филипповская часовня. Другая часовня была возведена в Москве, на месте торжественной встречи мощей святителя Филиппа. Внутри нее поместили большой дубовый восьмиконечный крест, напоминавший об этом событии.

Крест находился в придорожной часовне до 1929 года. Он-то и дал заставе новое название — Крестовская.

История «филипповского» креста со временем забылась. А сам крест приобрел новое значение. Для множества богомольцев он стал знаком начала пути в Троице-Сергиев монастырь. Его окутали легенды, связанные с именем святого Сергия. «По преданию, именно до этого места провожали преподобного Сергия, когда он шел из Москвы, и здесь он останавливался, направляясь в Москву» (160, 199).

Сегодня уже нет ни заставы, ни часовни, ни креста. Впрочем, крест чудом уцелел и хранится в алтаре Предтеченского придела Знаменской церкви, расположенной неподалеку отсюда, в бывшей Переславской ямской слободе.

Этот раскрашенный в красно-белые цвета храм стоит того, чтобы его посетить. Во времена первых Романовых здесь стояла деревянная церковь в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи. Ее полное именование

в документах той эпохи нельзя произнести на одном дыхании: «Церковь Иоанна Предтечи Усекновения честныя главы, по Переславской дороге, за Устретенскими вороты, в Гонной (ямская гоньба. — *Н. Б.*) слободе» (205, 2). Полагают, что посвящение престола было связано со временами Ивана Грозного, небесным покровителем которого был Иоанн Предтеча.

В 1713 году на смену сгоревшей в пожаре деревянной Ивановской церкви ямщики Переславской слободы поставили новую — в честь иконы Божией Матери «Знамение». В 1757—1766 годах была выстроена существующая ныне каменная церковь. Сравнительно долгий срок строительства говорит о том, что возводилась церковь на приходские деньги, которых часто не хватало. Тогда в строительстве наступал перерыв, и оно возобновлялось с получением новых пожертвований от состоятельных прихожан.

Имя архитектора, проектировавшего Знаменскую церковь, осталось неизвестным. Вероятно, оно бы ничего не сказало историку архитектуры. Ямщики не гнались за роскошью и оригинальностью, не приглашали знаменитых мастеров. Их вполне устраивал один из «типовых проектов» той эпохи. Упрощенные формы барокко выглядят несколько архаично для своего времени. Однако удачно найденная раскраска фасадов придает им нарядность и праздничность. Окружающие храм пристройки и службы выдержаны в том же колорите и соразмерны храму.

Укрытая кронами старых тополей и обнесенная решетчатой оградой, Знаменская церковь напоминает мираж в пустыне. Со всех сторон она окружена асфальтом улиц и бетоном многоэтажек. Но даже циклопическая эстакада Третьего транспортного кольца, уходя в сторону, словно уступает место этому чудесному явлению.

Крестовская застава возникла в 1742 году и была упразднена в 1852 году после открытия Николаевской железной дороги.

Застава встречала путника своими неизменными атрибутами: парой обелисков с двуглавыми орлами, по-

лосатым шлагбаумом, будкой и хмурым солдатом, проверяющим у путников подорожные документы.

Сегодня на суетной Рижской площади нашлось место для всего, что угодно, кроме того, что должно быть здесь в первую очередь: памятного знака (монумента, часовни, скульптуры), отмечающего начало великой русской дороги, святого пути в Троицу.

Впрочем, посреди площади сохранился некий тополиный островок в асфальтовом море. Со всех сторон его омывают автомобильные потоки. Попасть туда без риска для жизни можно только через ответвление подземного перехода. На острове кроме бензоколонки вы найдете полдюжины засиженных скамеек, чахлую травку газонов, кабинки переносных туалетов. Здесь приют бомжей и место криминальных «стрелок». В дальней части островка устроено некое подобие фонтана, в центре которого возвышается вычурный обелиск, увенчанный железным корабликом под парусами. Никаких пояснительных надписей, относящихся к этому сооружению, не наблюдается. Но если вас одолеет любопытство и вы углубитесь в путеводители, то в конце концов узнаете, что этот памятный знак как раз и отмечает начало дороги на север, к Белому морю.

Право, и сама дорога, и далекое Белое море заслуживают лучшего предуведомления...

Железный человек

Итак, ни заставы, ни часовни, ни креста. Вот уж действительно: «Что же это у вас чего ни хватишься, ничего нет!»

Но что-то все-таки должно быть! Чем же сегодня может запомниться путнику Рижская площадь, прямая наследница Крестовской заставы? Чем удивит она нас? Чем порадует?

На первый взгляд всё здесь вполне обычно для современной московской площади «у заставы». Станция метро с людским водоворотом... Сырой и сумрачный подземный переход с ларьками и столиками южных торговцев... Лавины машин, яростно несущихся на-

встречу друг другу... Бензиновый смрад... Чахлый тополиный скверик... Стеклянно-бетонный «торговый центр» на месте «колхозного рынка»... Рижский вокзал, с которого уже никто не едет в Ригу...

Но вот — словно странное видение. Среди людской суеты у метро стоит на постаменте железный человек. (Не будем спорить относительно металла, но назовем его на первый раз железом.) В поднятой вверх правой руке он держит железный шар размером с баскетбольный мяч, облепленный усиками антенн. Так выглядел первый искусственный спутник Земли, запущенный в Советском Союзе 4 октября 1957 года.

Взгляд железного человека устремлен куда-то ввысь, поверх автомобилей и тополей, поверх архангельского обелиска и островерхих крыш вокзала. Всё это не представляет для него никакого интереса. Он смотрит выше, в черное ночное небо, куда и предполагает закинуть свой железный шар. Что и говорить, оригинальная фигура...

Балетную позу железного человека дополняет довольно странный наряд. Широченные штаны и съехавший куда-то набок фартук металлурга, едва заметная майка-борцовка на могучей груди...

Однако войдем в положение скульптора, исполнявшего ответственный заказ. Советский рабочий (а это именно он) не мог стоять голым. Но и слишком одетым при таком упражнении, как метание железного ядра, он тоже быть не мог. В итоге был найден компромисс...

Можно посмеяться над этим запоздалым детищем «ленинского плана монументальной пропаганды». Можно закрыть глаза на его странный вид и вспомнить о том, сколько народного труда стоил запуск первого спутника — этот поистине «национальный проект». Но можно и посмотреть на эту фигуру несколько иначе...

Привет тебе, железный человек, осколок другого мира! Как бы ни были смешны твой наряд и твоя поза, но ты, во всяком случае, — человек чести. Ты не продал свой спутник на металлолом и не открыл ларек с гнилыми бананами. Забытый всеми, как пионер на часах, ты всё так же тянешь к небесам свой сомнительный подарок. Ты бережешь то, что всеми уже давно преда-

но и продано. Но я верю, что твоя верность не пропадет даром...

Что еще узрим мы на этой старинной площади?

В сущности, смотреть тут больше не на что. Да и нам давно пора в дорогу.

Путь и проводы

Вот и недавно перестроенный Крестовский путепровод (на современных картах Москвы — Крестовская эстакада) — мост через Николаевскую (в советское время — Октябрьскую) железную дорогу. Первую в России, открытую в далеком 1851 году. Ту самую, трассу которой, как говорят, царь Николай прочертил при помощи линейки и карандаша, ненароком обведя при этом и выступавший за край линейки кончик своего державного перста. Инженеры побоялись уточнить у грозного императора происхождение изгиба на прямой линии. Так и построили дорогу с выступом где-то в районе Валдая...

Старая и сомнительная, но вечно живая байка. Как и сама российская монархия. Много монархии — плохо. Мало монархии — тоже плохо. «Царский путь» — золотая середина. Вот только найти эту середину дано не каждому монарху...

Но мы уже вливаемся в поток, стремящийся на мост.

Мост как мост. Знаменитый разве что своим бесконечным ремонтом и автомобильными пробками. В хорошее время его и не заметишь в изгибе улицы. Но давайте немного задержимся и пройдем по узкой пешеходной дорожке по краю моста.

Внизу — известная, но всегда бередящая русскую душу картина: уходящие вдаль серебряные рельсы, пустые вагоны в «отстойнике», горьковатый угольный дымок и какая-то давняя, щемящая тоска железной дороги.

На гранитной тумбе с чугунной вазой, отмечающей въезд на мост, укреплена памятная доска. «Крестовский путепровод. Построен в 1936—1937 годах по проекту инженера Г. Ф. Вернера и архитекторов К. Н. Яковлева и Ю. Н. Яковлева».

Итак, 1936—1937 годы. Крестовский путепровод. Путь, проводы, кресты... Очень русское название, а в со-

четании с датами — целый мемориал. Ведь дорога-то эта ведет, между прочим, не только на родину Ломоносова. Но также на вологодский и архангельский лесоповалы, в бездонные шахты Инты и Воркуты... Такой вот путь и проводы получаются...

Но полно. «Всюду жизнь», как справедливо отметил художник Н. А. Ярошенко. Вот взять хотя бы чугунную ограду путепровода. Какой красивый рисунок: бесконечно вьющийся стебель с молодыми листьями. Где-то я уже видел этот мотив. Ну да, конечно, это же из старопечатных орнаментов или из росписей церкви Ильи Пророка в Ярославле. В оригинале, конечно, лучше. Но и на том спасибо. Эти изогнутые в порыве жизни пышные стебли — самое художественное из всего, чем может оправдаться Крестовская застава. С ними и перспектива путепровода уже не кажется такой угрюмой, а чугунные вазы на гранитных тумбах — такими безысходными.

Глава двадцать седьмая

Пятницкое кладбище

Справа за Крестовским путепроводом белеет в зелени Троицкая церковь на Пятницком кладбище. Ее стройные ампирные формы создают настроение возвышенной отрешенности, вполне соответствующее характеру места. Венчающая колокольню хрупкая ротонда кажется явлением из другого мира среди угрюмых каменных громад проспекта Мира.

Но нет в России такой красоты, посреди которой какой-нибудь самодовольный обыватель не повесил бы свой гамак.

Вид на эту архитектурную драгоценность почти закрыт поставленным прямо перед церковью кирпичным офисным зданием с характерной для нынешней московской застройки нелепой стеклянной пирамидкой на крыше. Нет нужды говорить о вкусах нуворишей. Но о чем думали чиновники архитектурного надзора, когда разрешали строить здесь это здание? Вопрос, конечно, риторический...

Пятницкое кладбище относится к числу старых, но отнюдь не аристократических. Первые захоронения здесь, за городской чертой, связаны были с эпидемией чумы, посетившей столицу в 1771 году. С тех пор кладбище (которое нередко называли Крестовским) разрослось, обзавелось собственным храмом. Сначала была поставлена деревянная церковь во имя святой Параскевы Сербской. Параскева по-гречески означает «пятница», день недели. Отсюда возникло народное имя этой святой — Параскева Пятница. Так кладбище у церкви стало называться Пятницким.

В 1827 году начался сбор пожертвований на строительство каменной церкви. С этой целью возле Троицкой дороги поставили часовню, где все желающие могли жертвовать на храм. Однако народных медяков как всегда оказалось недостаточно. Благодаря пожертвованиям состоятельных москвичей (среди которых был и владелец соседнего Останкина граф Д. Н. Шереметев), а также поддержке московского митрополита Филарета (Дроздова), мать которого была похоронена на этом кладбище, необходимая сумма была собрана. В 1830 году мастера приступили к строительству существующего ныне каменного храма.

Согласно памятной доске, установленной на стене храма, автором проекта был выдающийся московский архитектор А. Г. Григорьев. Однако в современных описаниях храма сообщается, что его строили не менее известные московские архитекторы В. А. Балашов и Ф. М. Шестаков (204, 8). Последнее подтверждается изысканиями в архивах. В апреле 1829 года Шестаков вместе со своим учителем В. А. Балашовым «составил проект (плана и фасада) церкви Параскевы с колокольней и четырьмя приделами на Пятницком кладбище за Крестом» (57, 212).

Со временем Пятницкую церковь по одному из ее приделов стали называть Троицкой. Это название привлекало многочисленных паломников, проходивших мимо храма в Свято-Троицкую Сергиеву лавру. Помимо престола во имя Живоначальной Троицы в трапезной были устроены приделы Сергия Радонежского (северный) и Параскевы Сербской (южный).

Пятницкое кладбище поражает своими размерами и запутанностью тропинок. Высоко над головой, словно готические своды, смыкаются кроны огромных деревьев. Под их зеленым шатром жарким летом царят сумрак и прохлада. Но город мертвых расположен посреди города живых. Через глухие заборы равнодушно глядят серые стекла каких-то институтов и цехов. Рядом — школа из красного кирпича. Окна классов выходят прямо на кладбище...

Не будучи аристократическим, здешний некрополь имеет всё же своих знаменитостей. На главной аллее кладбища находится небольшая, сложенная из красного кирпича церковь во имя святого Симеона Персидского (1916). У алтаря этого храма — семейное захоронение Ростопчиных. Самый известный среди них — любимец Павла I граф Федор Васильевич Ростопчин (1763—1826). Он был московским губернатором в 1812 году. Ходили упорные слухи, что именно Ростопчин устроил пожар Москвы после вступления в город войск Наполеона. Помимо «пожарной» легенды, он прославился своими «афишами» — написанными простонародным языком листовками, призывавшими с борьбе с французами. После отставки в 1814 году Ростопчин жил за границей и писал воспоминания.

Рядом со знаменитым поджигателем — его дети и сноха, известная поэтесса Е. П. Ростопчина (1811—1858). Возле южной стены Троицкой церкви — герой другого рода: производитель знаменитой водки предприимчивый ярославский крестьянин Петр Арсеньевич Смирнов (1831—1898).

Не пожалейте времени, чтобы навестить расположенную в дальнем углу кладбища «университетскую слободку» (участок № 22). Здесь, на небольшой поляне, собрались для последней беседы представители той ученой, философствующей и вольнодумствующей Москвы, которую Герцен воспел в «Былом и думах». В центре — обелиск над могилой историка Тимофея Николаевича Грановского. На его лекции по истории европейского Средневековья собиралась вся просвещенная Москва. Университетские власти не любили либерального профессора и всячески притесняли его. Похороны Гра-

новского в октябре 1855 года всколыхнули московское студенчество и стали «первой ласточкой» александровской «оттепели». Вот что рассказывает об этом в своих воспоминаниях профессор О. М. Бодянский.

«Ничья смерть так сильно не поражала университета с незапамятного времени, как смерть его: все без исключения были под гнетом ее; с утра до поздней ночи двери жилища его не затворялись, как от университетских, так и вообще московского общества. Только на 3-й день вынесли его в университетскую церковь: торжественность была полная; но и того полнее была она на следующий день, когда хоронили его. После обедни, совершенной ректором семинарии Леонидом, и панихиды профессора Историко-филологического факультета при помощи некоторых из других, а также и самого попечителя вынесли гроб его из церкви до сенных дверей и сдали студентам, которые и понесли гроб его на своих руках через весь город на Пятницкое кладбище за Крестовской заставой, расстоянием верст 6. Путь был усыпан цветами и лавровыми листьями. С 10-ти утра до 3-х пополудни продолжалась вся эта торжественность. Профессора были в мундирах, равно как и студенты; провожающих видимо-невидимо, и большей частью все почти шли пешком от самой церкви до могилы, в том числе множество дам; поезд же тянулся больше чем на версту. Давно уже столица наша не видела подобных похорон, давно никого она так славно, так единодушно не чтила» (14, 183).

Образ Грановского занимает одно из главных мест в воспоминаниях А. И. Герцена. При всем различии взглядов, судеб и темпераментов эти два великих человека с огромным уважением относились друг к другу. «Удастся ли мне когда-нибудь одному, вдали от всех посетить его могилу — она скрыла так много сил, будущего, дум, любви, жизни...» (32, 368).

Вокруг — родные и друзья Грановского. Вот Николай Кетчер (1809—1886), врач по профессии, но при этом поэт, переводчик Шиллера и Шекспира. «Он одним появлением своим наводил уныние и тревогу на всякого консерватора. Высокий ростом, с волосами странно разбросанными, без всякого единства прически, с резким лицом, напоминающим ряд членов Конвента 93 года, а

всего более Мара, с тем же большим ртом, с тою же резкою чертой пренебрежения на губах и с тем же грустно и озлобленно печальным выражением; к этому следует прибавить очки, шляпу с широкими полями, чрезвычайную раздражительность, громкий голос, непривычку себя сдерживать и способность, по мере негодования, поднимать брови всё выше и выше» (32, 260).

Спасенный от забвения золотым пером Герцена, беспокойный Кетчер вот уже 120 лет спокойно спит под серым камнем в виде аналоя...

Рядом — великий актер Михаил Семенович Щепкин (1788—1863) в окружении членов его семейства. Поодаль — родственники близкого друга Грановского, редактора «Московских ведомостей» Евгения Федоровича Корша (1810—1897).

В черной чугунной ограде этого последнего московского салона нашлось место и профессору Владимиру Ивановичу Герье (1837—1919) — создателю московских Высших женских курсов. Через дорожку от «университетских» могил высятся черные строгие надгробия двух декабристов — Ивана Дмитриевича Якушкина (1795—1857) и Николая Васильевича Басаргина (1799—1861). Список известных лиц можно продолжить. Это цвет московской либеральной интеллигенции середины и второй половины XIX века.

Пожалуй, кроме Пятницкого кладбища нельзя придумать другое место, где могила Герцена была бы более «среди своих». Но, увы. Прах изгнанника покоится на кладбище в далекой Ницце.

По «университетской слободке» на Пятницком кладбище прокатилось нашествие современных варваров. На старых надгробиях сбиты кресты. Надписи на памятниках уже почти не видны под слоем пыли и грязи. Ленивая коса тщетно спорит здесь с торжествующим бурьяном. Ни цветка, ни лампадки, ни таблички с памятной надписью...

Отправляясь на кладбище, чтобы положить цветы на могилу родственника или постоять в задумчивости у надгробия великого человека, вы незаметно попадае-

те под странное очарование этого печального места. И вместо того, чтобы поскорее покинуть город мертвых и нырнуть в привычную суету повседневности, вы вдруг начинаете задумчиво бродить по пустынным дорожкам, скользя взором по бесконечным шеренгам памятников, всматриваясь в застывшие на камне лица заведомо незнакомых вам людей. Вас охватывает сложное чувство, в котором смешаны печаль и радость, покой и тревога.

Не в силах разобраться в себе, вы просто отдаетесь случайной прихоти тропинок и так глубоко погружаетесь в задумчиво-отрешенное состояние, что даже окрик цивилизации — сигнал мобильного телефона не сразу возвращает вас к действительности...

Тонкий и беспощадный анализ этой пограничной ситуации дал итальянский писатель и философ Элиас Канетти. Вывод его глубоко пессимистичен. Грубая, животная радость *выжившего*, пережившего весь сонм уже ушедших в мир иной людей и таким образом как бы победившего их — вот лейтмотив переживаний человека, пришедшего в город мертвых.

Но из темноты безысходности человек бросает вызов судьбе. Творческая личность и после смерти живет в своих творениях...

Об атмосфере кладбища

«Кладбища обладают притягательной силой, их посещают, даже если там не лежит никто из близких. В чужих городах они — место паломничества, где бродят не торопясь и с чувством, будто для этого они и существуют. Даже в чужих местах привлекает не всегда только могила великого человека. Но даже если прежде всего она, все равно из посещения рождается нечто большее. На кладбище человек скоро впадает в совершенно особое настроение. Есть благочестивый обычай обманывать себя относительно его природы. Ибо печаль, которую человек чувствует и выставляет на вид, скрывает тайное удовлетворение.

Что, собственно, делает посетитель, находясь на кладбище? Как он продвигается и чем занят? Он не торопясь бродит между могилами, сворачивает туда-сю-

да, медлит перед одним, потом другим камнем, читает имена, привлекшие его внимание. Потом его начинает интересовать, что стоит под именами. Здесь пара, они долго прожили вместе и теперь, как водится, покоятся рядом. Здесь ребенок, умерший совсем маленьким. Здесь юная девушка, только-только достигшая восемнадцатилетия. Все больше посетителя начинают интересовать временные отрезки. Они освобождаются от трогательных деталей и становятся важны как таковые.

Этот вот дожил до тридцати двух, а там лежит умерший в 45 лет. Посетитель уже гораздо старше, чем они, а они, как говорится, сошли с дистанции. Оказывается, много таких, что не дожили до его нынешнего возраста, и, если они не умерли особенно молодыми, их судьба не вызывает никакого сожаления. Но есть и такие, что сумели его превзойти. Некоторым было за 70, а лежащему вон там исполнилось 80 лет. Но он еще может этого достичь. Они зовут сравняться с ними. Ведь для него все открыто. Неопределенность собственной еще незавершенной жизни — это его важнейшее преимущество, и при некотором напряжении сил он мог бы даже их превзойти. Они уже достигли финиша. С кем бы из них он ни вступил в заочное соперничество, сила на его стороне. Ибо там сил уже нет, а есть лишь состоявшийся финиш. С ними покончено, и этот факт наполняет его желанием навсегда стать *больше,* чем они. Лежащий вон там 89-летний — это мощный стимул. Что мешает *ему* достичь девяноста?

Но это не единственный род расчетов, которым предаются посреди могил. Можно проследить, как долго некоторые здесь лежат. Время, протекшее со дня их смерти, рождает удовлетворение: вот насколько дольше я живу. Кладбища, где есть старые могилы, сохранившиеся с XVIII или даже XVII века, особенно торжественны. Человек стоит перед стершейся от времени надписью, пока не разберет ее до конца. Расчет времени, к которому обычно прибегают лишь с практической целью, здесь вдруг наполняется глубокой жизненностью. Все столетия, которые я знаю, мне принадлежат...» (71, 299).

Глава двадцать восьмая

Тусклое золото ВДНХ

За Крестовским путепроводом проспект Мира окончательно превращается в мистическую «дорогу, ведущую к храму» — храму Коммунизма. Именно такая идейная сверхзадача была усвоена открытой в 1939 году Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ), переименованной в 1959 году в Выставку достижений народного хозяйства СССР (ВДНХ). Формула — «достижения народного хозяйства» — не вызывает сегодня ничего, кроме иронической улыбки. И потому плечистая аббревиатура ВДНХ съежилась до ВВЦ — Всероссийский выставочный центр. Безупречность этой формулы очевидна: выставить можно все, что ни есть на свете...

Посещение ВДНХ требует некоторого предуведомления. Ведь храм давно заброшен, светильники погасли, а священнослужители разбежались кто куда.

На каждом входном билете на территорию бывшей ВДНХ бывшего СССР следовало бы написать слова одного из умнейших людей минувшего века, историка Марка Блока. «Можно ли считать, что среди явлений, отошедших в прошлое, именно те, которые как будто перестали управлять настоящим, — исчезнувшие без следа верования, неудавшиеся социальные формы, отмершая техника — бесполезны для понимания настоящего? Это означало бы забыть, что нет истинного познания без шкалы сравнения» (13, 27).

Опустевший храм коммунизма быстро ветшает. Позолота осыпается со скульптур и куполов. Новые хозяева жизни не любят вспоминать о своих клятвах на низвергнутых алтарях. Храм коммунизма обречен на разрушение. И только использование его нефов, капелл и галерей в качестве лавок, чуланов или ярмарочных площадок продлевает агонию. «В наш расчетливый век руинам даруют пощаду лишь при условии, что они еще могут на что-то сгодиться», — заметил Теофиль Готье (41, 22). В наш еще более расчетливый век эта гипотеза превратилась в аксиому.

Глядя на огромный памятник Ленину, стоящий на площади перед главным павильоном, мне всегда хочется представить себе, какой эффект он мог бы произвести, если бы вдруг спрыгнул с пьедестала и двинулся по направлению к лоткам и киоскам «торгующих во храме»... Как говорится, Кинг-Конг отдыхает... Но это уже из области галлюцинаций...

Для россиян из «поколенья пепси» советские времена загадочны, как древняя Месопотамия. А между тем ВДНХ представляет собой, быть может, самое яркое воплощение советской мифологии. Заметим, что без мифологии как совокупности идей и чувств, обеспечивающих единство социальной группы, ее нацеленность на решение мобилизационных задач, не обходится ни одно общество (44, 81).

Величественный храм коммунизма состоял из собственно зданий, павильонов Выставки, и широких пространств между ними, расчерченных аллеями и заполненных скульптурами, цветочными клумбами, скамейками и фонтанами. Он призван был вселять в посетивших его советских людей уверенность в правоте своего дела, гордость своей страной, чувство своей личной причастности к «строительству коммунизма». Всем иностранцам, посещавшим Москву, показывали Выставку как неоспоримое доказательство экономических и политических успехов СССР.

В архитектуре павильонов Выставки идеология помыкает эстетикой. Коммунизм — рай для бедных. К нему стремится «весь мир голодных и рабов». Соответственно, главным атрибутом коммунизма является изобилие всего материального, и в первую очередь — еды. На это нацеливала каждого, кто «хотел быть в первых рядах строителей коммунизма», и хрущевская программа партии. Задача номер один — «создание материально-технической базы коммунизма». То есть, в сущности, то же умножение еды...

В архитектуре ВДНХ идея изобилия материальных благ выражена с наивной прямолинейностью. Увешанные пышными снопами и тучными гроздьями фасады

павильонов напоминают витрину Елисеевского магазина в пору его расцвета. Рог изобилия извергает всё, чего только могла пожелать душа «простого советского человека».

Но если в убранстве павильонов ликует материальное начало, то в общей планировке Выставки, в упорядоченности и размахе ее пространств угадывается иное, духовное послание. Эти магические ритмы должны подчинять себе стихию народных масс. Личность теряется в этих просторах, как песчинка на морском берегу. Но при этом она обретает чувство сопричастности неизмеримым массам себе подобных. Канетти нашел бы здесь богатый материал для еще одной главы своей знаменитой книги...

Храм коммунизма наполняли и одушевляли мифы о «стране рабочих и крестьян», о «братской семье народов» и «первом в мире социалистическом государстве». Без этих мифов ВДНХ как исторический памятник имеет не больше смысла, чем скорлупа от яйца.

Здесь, как на развалинах Дельфийского оракула, каждая постройка, каждая стена должны сопровождаться пояснительным текстом. Но их, увы, нет. И если вы решили обойтись без путеводителя и не желаете раскошеливаться на квалифицированного экскурсовода (впрочем, ни того ни другого вы здесь при всем желании не найдете), то позвольте предложить вам для ориентировки хотя бы краткую схему, наподобие тех, что выдают посетителям в сторожке при входе на старые парижские кладбища.

Согласно учению Маркса и Энгельса, на основе которого строил свои политические схемы их русский последователь Ульянов-Ленин, коммунизм — осуществление вековой мечты о социальной справедливости, «светлое будущее всего человечества». Социализмом называли некое переходное состояние общества между двумя общественно-экономическими формациями — капитализмом и коммунизмом. Подобно чистилищу,

социализм необходимо предшествовал коммунизму — подлинному раю на земле.

Российский коммунизм — последнее великое религиозное движение Средневековья. Уже самый источник российского коммунизма — европейский социализм — Бакунин называл «новой религией народа» (51, 230).

Но старая Европа к концу XVIII столетия уже исчерпала свой религиозный потенциал. Она разучилась верить и жертвовать всем ради своих убеждений. Условность всех истин — печальная мудрость старости — делала ее духовную жизнь бесплодной. Осмеянная просветителями и растоптанная якобинцами христианская доктрина быстро растворялась в культуре и повседневной морали. И только на далеких окраинах европейской цивилизации — в Соединенных Штатах Америки и в России — в силу обычного для культурных процессов «провинциального запоздания» еще возможны были сильные духовные движения, горячая вера и готовность к самопожертвованию.

В Америке сын бедного фермера из штата Вермонт Джозеф Смит (1805—1844) стал основателем движения мормонов. Спасаясь от гонений, он и его последователи прошли всю страну с востока на запад и обосновались в диких горах вокруг Соленого озера. Там они создали уникальную теократическую общину, ныне известную под названием Церковь Иисуса Христа святых последнего дня.

Для людей среднего образования мормоны известны главным образом тем, что между ними было принято многоженство. Действительно, слишком прямолинейное следование нормам Ветхого Завета, а также насущная проблема — гибель большинства мужчин мормонской общины во время их героического марша на Дикий Запад толкнули основателей движения к восстановлению библейской полигамии. В конце XIX столетия территория, занятая мормонами, вошла в состав США на правах нового штата Юта. Обязательным условием вхождения федеральные власти поставили отмену многоженства. Руководители общины фактически не имели выбора: в противном случае им пришлось бы иметь дело с правительственными войсками.

Со временем мормоны интегрировались в американское общество и стали его добропорядочными и преуспевающими членами. Однако и доныне эти странные христиане, не признающие креста и уверенные в том, что Спаситель после проповеди в Палестине посещал Америку, устраивают в храмах роскошно убранный зал, изображающий «рай на земле». Мормоны приходят сюда по определенному графику со своими семьями, облачаются в белые одежды и ведут в этой райской зале благочестивые беседы.

Постижимой целью этого странного для посторонних обычая служит духовное очищение, непостижимой — страстная мечта хоть на минуту почувствовать себя в земном раю. Вполне рационально относясь к окружающей действительности, мормоны при этом сохраняют удивительную непосредственность при определении грани между «земным» и «небесным». В восточной стене некоторых мормонских храмов можно увидеть неприметную и, судя по виду, никогда не используемую дверь. Они верят, что через эту дверь в день Страшного суда в храм «святых последнего дня» может войти сам Спаситель...

Желание хоть одним глазом увидеть рай на земле заложено в природе всех мировых религий. И все они так или иначе (и вопреки прямым указаниям канонических текстов) давали своим приверженцам шанс осуществить эту мечту. Современник Ивана Калиты новгородский архиепископ Василий Калика рассказывал своему другу тверскому владыке Феодору, что далеко на севере, в Студеном море, есть остров, где поют ангелы и сияет на скалах «Деисус лазоревый». Там — вход в рай. Примерно такое же значение, как для мормонов райская зала, а для средневековых новгородцев — остров ангелов, имела для советских людей Выставка с ее невероятно красивыми павильонами, покрытыми асфальтом широкими площадями, вечно цветущими садами, шумящими фонтанами и благоухающими клумбами. Для выросших в бедности и мало что видевших в жизни советских людей это и был земной рай. Такой

будет и вся Советская страна, весь мир после «победы коммунизма».

(Излишняя конкретизация губит прекрасную мечту. Этой истины не мог понять своим крестьянским умом Никита Хрущев, составивший график движения к коммунизму, словно расписание пригородной электрички.)

Сходство между обычаями мормонов и коммунистов (при всем очевидном различии этих учений) не случайно. Методика сохранения идентичности и воспитания молодежи в духе преданности своей религиозной (или социальной) группе повсюду примерно одинакова. Она предусматривает регулярные собрания и богослужения, бесплатную «общественную работу» на благо общины, взаимопомощь, систему льгот и привилегий для единоверцев в сфере образования и здравоохранения, соблюдение пищевых запретов, отличия в одежде и поведении и т. д. В этом ряду и возможность, оставаясь в настоящем, заглянуть в будущую жизнь, увидеть хотя бы малую часть тех материальных или духовных благ, которые она готовит для правоверных.

Мечта о новой «земле обетованной» укрепляла мормонов в их скитаниях. Близкое по сути, но несравненно более крупное по размаху и значимое по последствиям движение всколыхнуло Россию в начале XX столетия.

В патриархальной России вера в обетованный коммунизм, своего рода «царство Божье на земле», приняла характер новой религии. Поэт и философ Максимилиан Волошин выразил эту мысль своей афористичной строкой:

> Вся наша революция была
> Комком религиозной истерии... (24, 204)

Религия коммунизма прошла все необходимые стадии своего развития. Дух первых марксистских кружков был сродни духу раннехристианских общин с их катакомбными собраниями, братскими трапезами и жертвенным мужеством. Оживленная подвигом муче-

ников за веру, религия вступила в следующую стадию. Началось время ожесточенных догматических споров, которые при всей их внешней мелочности были необходимы для выработки универсальной и многоуровневой доктрины, отвечавшей запросам людей разного социального и культурного уровня. Наконец доктрина стала государственной религией и в этом качестве пополнилась целым набором эффективных средств воздействия на народные массы. Это и многолюдные шествия, и проникнутая идеологией архитектура, и развитая символика.

Установленные съездами-соборами догматы религии не подлежали дальнейшему обсуждению. Те, кто не понял этой перемены, подверглись гонению. Государство приобретало все более теократический характер. Прежде император был главой церкви. Теперь лидер партии, то есть духовный вождь, стал реальным главой советской империи.

Любая религия подразумевает наличие Бога на небесах и его наместника, «земного бога». Мормоны избирали свое «правительство» и в соответствии с духом общины называли его «*кворумом двенадцати апостолов*». Во главе этого «политбюро» находился *президент церкви*.

Для социальной религии российского коммунизма Всевышним поначалу был Карл Маркс. Позднее сложилась своего рода «святая Троица», глядевшая с каждого первомайского плаката, — Маркс, Энгельс и Ленин.

(Четырехгранная пирамида — древнейший образ незыблемой власти, популярный в советской символике 1920-х годов — требовала четырех героев-вождей. Четвертым поначалу был Троцкий. Но вскоре его место занял Сталин.)

Воспитанник духовной семинарии, Сталин выступил в роли «земного бога». Он понял, о чем мечтает русский крестьянин — истинный заказчик грандиозного проекта Земного рая.

Бесконечные споры о достоинствах и пороках Сталина удивительно напоминают индийскую сказку о трех слепых, которые решили выяснить, на кого похож слон. Один взял слона за хобот и сказал: «Слон похож на

питона...» Другой обхватил слона за ногу и воскликнул: «Слон похож на дерево!» Третий потянул слона за хвост и определил: «Слон похож на змею...»

Сталин отличался необычайно тонким политическим чутьем. В этом — источник его триумфов, его побед над политическими противниками. Он раньше всех почувствовал неизбежность возникновения нового правящего класса, который позднее назовут *номенклатурой*. Создатель и вождь номенклатуры, он был поднят ею к вершинам власти.

Сталин первым понял, что консолидация и структуризация общества, необходимые в условиях надвигавшейся Второй мировой войны, возможны только на путях возрождения монархических инстинктов русского крестьянства. Политический антагонист Сталина кадет и эмигрант Павел Милюков, внимательно следивший за ходом дел в России, в 1939 году говорил: «Сталин является гениальным политиком, поскольку он почувствовал одну важнейшую вещь для любого политика: он вернул Россию в русло традиционного общества» (69, 463).

Но что такое в данном случае «традиционное общество»? Это основанное на патриархальных представлениях и неискоренимом фатализме крестьянства русское *самодержавие*.

Всякое историческое явление эволюционирует. Свирепое самодержавие Ивана Грозного со временем подобрело. Начался процесс самоограничения верховной власти. Правительство и правящий класс европеизировались гораздо быстрее, чем население страны. Возникшая в эпоху «великих реформ» либеральная интеллигенция оказывала смягчающее влияние на внутреннюю политику правительства. Вынужденное двуличие и «двуязычие» верховной власти вызывали возмущение народных масс. В экстремальной ситуации Первой мировой войны власть не сумела сохранить контроль над обществом и армией.

Захватившие власть большевики неизбежно должны были в новом облачении восстановить самодержавие, укрепив его новой религией коммунизма и слегка закамуфлировав атрибутами европейской политической системы. Они учились на ошибках якобинцев, парижс-

ких коммунаров и последних Романовых. Так возникла советская (сталинская) система, застывшую форму которой называют «тоталитарным режимом».

Эта система позволила России добиться многого на сцене мировой истории. (Вопрос о цене этих достижений и целесообразности уплаты этой цены в данном случае выносится за скобки.) Однако, как и любая политическая система, она имела ограниченный ресурс. Созданная из столь разнородных элементов как немецкий марксизм и общинный коллективизм, азиатское презрение к личности и американский энтузиазм великого эксперимента, новейшие военные технологии и российская безответственность, система была эклектична по самой своей природе. Ее «ахиллесовой пятой» (как и у любой абсолютной монархии) была личность государя, его деловые и человеческие качества. Но еще более, чем бездарность правителя, советскую систему обрекал на гибель эгоизм правящего класса, его инстинктивное стремление укрепить свое господство, соединив власть кресла с властью денег. Запретный плод собственности манил советскую знать вопреки всем проклятиям и запретам «верных ленинцев».

Не обошлось и без скрытого вмешательства извне. Внимательно наблюдая за тем, что происходит в Советском Союзе, его геополитические соперники способствовали развитию деструктивных процессов.

Чрезвычайные обстоятельства, угрожавшие самому существованию России как государства (Вторая мировая война и последовавшая за ней холодная война), продлили существование советской системы с ее огромными мобилизационными возможностями. Однако состояние осажденного лагеря не могло продолжаться вечно. Не найдя в себе сил для обновления и приспособления к новым историческим реалиям, советская система в одночасье рухнула, похоронив под своими развалинами и созданную трудом и подвигом многих поколений Российскую державу. Наследники великих самодержцев занялись дележом уцелевшего имущества...

Все ушло — но все осталось.

«Нет, то, что сделано, сделано навеки, брошено в беско-

нечность времени и должно, видимое или скрытое от наших глаз, действовать в нем, должно расти как новый, несокрушимый элемент в бесконечности вещей» (75, 245).

Но мы, кажется, увлеклись рассуждениями о еще горячем в нашей памяти недавнем прошлом. А между тем долгая прогулка по ВДНХ не входит в наши планы. Да и приедается быстро всё это кондитерское великолепие, все эти бесконечные елисейско-елисеевские поля. Не забудем, что мы — путники, едущие в Ростов по старой Троицкой дороге. Поэтому впредь будем ограничиваться тем, что прямо связано с дорогой.

Но и тут картина в своем роде уникальная. Огромные дома по сторонам широкого, как Волга, проспекта исполнены тяжелого азиатского величия. В них жили, конечно, не простые люди. Партийные секретари, чиновники из министерств, офицеры с красным околышем, «творческая интеллигенция»...

Отдельная квартира со всеми удобствами в таком доме значила в то время примерно то же, что при старом режиме — особняк на Пречистенке или Воздвиженке. Внимательный читатель Макиавелли, Сталин знал, как строить отношения со своим двором. Кнутом репрессий и пряником привилегий он держал новых «дворян» в узде, гнал в гору «великих свершений».

От прямоты и широты проспекта Мира веет имперским Петербургом. Но всё же это далеко не Петербург. Все дворцы Северной столицы этим гигантам не выше, чем по колено. Впрочем, дело не только в размерах. Дух европейского порядка, витающий над водами Невы, и дух, парящий над болотами Яузы, — лишь очень дальние ро́дственники.

Петербург — слегка обрусевшая Европа. То, что ожидает нас за Крестовской заставой, — отнюдь не Европа. Из узких, как крепостные бойницы, окон сталинских многоэтажек глядит восставший из своих песков древний Вавилон. Цвет этих стен напоминает о пустынях Месопотамии.

Впрочем, Вавилон как символ восточного деспотизма — это общее впечатление. А в деталях, куда ни глянь, царит эклектика, смешение эпох и стилей. Бескрайние фасады увешаны разнообразными архитектурными драпировками. Здесь и глубокий руст со стен палаццо Медичи — Рикарди, и огромные, как козырьки грузинских кепок, флорентийские карнизы, и лепные регалии в духе николаевского ампира...

Древние цари, воспитанные в рамках устойчивых политических и культурных традиций, даже не обладая личным художественным вкусом, могли выступать заказчиками великолепных сооружений. Выходцы из низов, политические нувориши, диктаторы XX века были маргиналами и часто страдали манией величия. Свидетельством тому стали построенные по их заказу сооружения.

Топографический изъян проекта Выставки заключался в том, что ее огромная территория и циклопическая колоннада главного входа оказались в стороне от проспекта Мира. Едва коснувшись наземного вестибюля станции метро «ВДНХ», дорога уходила как бы в никуда — в ростокинские болота и медведковские овраги. Последние каменные гиганты с недоумением остановились на краю болотистой низины, по которой несет свои мелкие воды равнодушная ко всем империям Яуза.

Замысел «дороги царей» остался незавершенным. Застроить весь проспект Мира в стиле сталинского ампира попросту не успели. После кончины Сталина новые правители начали борьбу с «архитектурными излишествами». И вот среди облаченных в тяжелые имперские доспехи исполинов появились здания такого же гигантского роста — но без доспехов. Замешавшись в сталинском строю, они производят довольно странное впечатление. Словно в ряду стоят те же легионеры, но — голые, только что выбравшиеся из реки забвения.

Бесцеремонный Хрущев решил по-своему распорядиться выставочным наследием. В строго размеренное сакральное пространство сталинского храма коммунизма он буквально втиснул новый мемориальный

проект, призванный увековечить великие достижения СССР под его скипетром. К этим достижениям за исключением анекдотической кукурузы, унылых пятиэтажек и развеянной степным ветром казахстанской целины можно было отнести только одно — «освоение космоса». Оно-то и стало темой хрущевской инсталляции.

Отвергнув имперскую атрибутику, «хрущевская оттепель» не создала собственного «высокого стиля». На этом перепутье и родился незатейливый замысел космического мемориала. В перспективе проспекта Мира Хрущев поставил не пирамиду или храм-мавзолей «отца народов», не стоэтажный Дворец Советов или гигантскую скульптуру, а всего лишь сверкающую жестяным блеском выгнутую мачту с веретеном-ракетой на вершине.

Космический мемориал по своей сути не далеко ушел от школьных наглядных пособий. Ракета над Циолковским, Циолковский под ракетой, музей под Циолковским... «Аллея космонавтов», где памятники ученым и первым космонавтам похожи на надгробия с Новодевичьего кладбища...

Новое сакральное субпространство «освоение космоса», расширяясь, порождало и новые сооружения с соответствующими названиями. Рядом с ракетой, на косогоре, построили кинотеатр «Космос»... На соседней улице открыли дом-музей создателя первых советских ракет С. П. Королева. А на другой стороне проспекта Мира поднялась огромная гостиница. Нетрудно догадаться, что имя ей дали, соответствующее месту, — «Космос».

Все улицы в округе получили названия, так или иначе связанные с темой «освоения космоса». Улица Королева, Кибальчича, Цандера, Звездный бульвар и даже Ракетный бульвар... Недоставало только небольшого космодрома...

Прошли времена «достижений народного хозяйства». Дух отлетел. Сакральное пространство распалось. И на его руинах стало произрастать всё то, что кому-то вздумалось посадить. Перед гостиницей «Космос», вероятно, вспомнив о ее всеми забытом французс-

ком происхождении, поставили памятник генералу де Голлю. Почему де Голлю, а, скажем, не Вольтеру? Или Иосипу Броз Тито? Ведь строили эту гигантскую подкову нанятые французами югославские рабочие... Или космонавту Нейлу Армстронгу, наконец? Бог весть... Поставили — и ладно. Время абсурда — не время вопросов.

Так и стоит долговязый генерал-президент перед гостиницей, в которой никогда не жил, и, вытянув шею, смотрит в сторону Выставки, на которой никогда не бывал...

А над всем этим, словно хвост гигантской рептилии, изгибается бетонное русло, по которому с ревом несется апокалипсический поток...

Глава двадцать девятая

Алексеевское

Словно желая ободрить путника после гнетущих впечатлений заброшенного храма коммунизма, на другой стороне дороги вдруг открывается прекрасная старинная церковь. Она гордо и даже несколько вызывающе стоит на возвышенности, открытая всем угрозам и безумствам мира сего.

Каким чудом она уцелела здесь, по соседству с богоборческими монументами, среди хрущевских слепорожденных близнецов?! Можно увидеть в этом игру случая, а можно — милость Божью.

Но как бы там ни было — перед нами Тихвинская церковь села Алексеевского, один из лучших храмов допетровской Москвы.

Трудно передать словами то сложное и отрадное чувство, которое испытываешь при виде старинного православного храма. Эти стены излучают не только красоту, но и надежду. Значит, не все еще потеряно, украдено, забыто... Вот что говорил об этом в начале XX века один из самых тонких ценителей русской старины Г. К. Лукомский.

«Большое счастье любоваться художественностью архитектуры прежних времен, ощущать всю необхо-

димость ее в укладе нашей жизни; радостно увидеть волшебно выделяющиеся на темном фоне усыпанного звездами неба стройные силуэты колоколен, приземистые шатры звонниц, мерцающие золотом главы, белеющие колонны портиков и арки стареньких крылечек...

...Бывают, конечно, моменты, когда и в наше время с особенной силой можно почувствовать необходимость этой красоты строительства. И мы знаем об этой необходимости, мы не можем себе представить, что было бы, если бы от нас отняли всю эту, созданную веками и предшественниками, строительную красоту, но мы бессознательно, и потому неблагодарно пользуемся, однако, ею и при том мы не создаем ничего приближающегося по художественной ценности к образцам старины, да едва ли и будем в состоянии когда-нибудь создать что-либо подобное.

В повседневной жизни мы начинаем уже терять и это чувство необходимости художественного зодчества. Мы относимся всё равнодушнее и к ново-воздвигаемому и к порче старинного. И вот мы застраиваем, надстраиваем, совсем рушим образцы огромной ценности и красоты и воздвигаем полные кошмарного безвкусия новые здания» (103, 11—13).

Как и подобает древнему храму, Тихвинская церковь окружена аурой исторических воспоминаний.

Издавна здесь, среди густого леса, на высоком берегу речки Копытовки стояло село Копытово. В 1621 году оно было пожаловано князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому. Потомок литовского князя Ольгерда и сын московского боярина, Трубецкой был одним из главных деятелей Смутного времени. В 1610—1612 годах ему подчинялись отряды казаков, стоявшие к югу от Москвы.

Это был отважный и быстрый, но коварный и честолюбивый воевода. Вместе с Прокопием Ляпуновым и Иваном Заруцким он возглавлял первое (неудачное) выступление против поляков в Москве весной 1611 года. Осенью 1612 года Трубецкой после некоторых колебаний поддержал ополчение Минина и Пожарского. В

период между изгнанием поляков из Москвы и избранием нового царя Михаила Романова он был фактическим главой государства. На Земском соборе 1613 года кандидатура Трубецкого наряду с Дмитрием Пожарским и Иваном Голицыным рассматривалась в качестве претендента на престол. Однако избрание Михаила Романова 21 февраля 1613 года закрыло ему путь к трону. В качестве утешения Трубецкому был присвоен титул «Спасителя Отечества». За заслуги в борьбе с интервентами Земский собор в начале 1613 года пожаловал Трубецкому огромную волость Вагу в бассейне Северной Двины (133, 333). Несколько лет спустя Трубецкой успешно действовал против шведов, захвативших Новгородскую землю.

Прославившийся военачальник при дворе самодержца нередко повторяет судьбу Велизария — опала, ссылка, угроза расправы. Царь Михаил Федорович (а скорее его отец и соправитель, искушенный в дворцовых нравах патриарх Филарет) не хотел держать Трубецкого в Москве и отправил его в почетную ссылку — наместником в Сибирь. Там он и скончался в 1625 году. Тело князя было привезено для погребения в Троице-Сергиев монастырь, где находилась родовая усыпальница Трубецких.

Когда царь Алексей Михайлович построил у села Копытова «путевой дворец», вдова князя Трубецкого возвела близ дворца каменную церковь во имя «ангела-хранителя» царя — преподобного Алексия, человека Божия. С тех пор село получило новое название — Алексеевское. После кончины княгини за отсутствием прямых наследников село перешло к двоюродному брату Д. Т. Трубецкого — известному воеводе князю Алексею Никитичу Трубецкому. Любимец царя, А. Н. Трубецкой был одним из руководителей русской армии во время войны с Польшей (1654—1667) и войны со Швецией (1656—1661). За боевые заслуги он получил во владение древние вотчины своих предков — город Трубчевск с округой, а также почетный титул «Державца Трубчевского».

Но и этот Трубецкой имел пятно на репутации — разгром возглавляемой им московской армии казаками

гетмана Ивана Выговского в битве под Конотопом весной 1659 года.

После бездетной кончины Трубецкого в 1680 году село Алексеевское отошло «на государя».

Краткое, но содержательное описание села Алексеевского оставил историк Г. Ф. Миллер, путешествовавший из Москвы в Троицкий монастырь в 1789 году. «*Село Алексеевское* — первое примечания достойное место по сей дороге, разстоянием от заставы в пяти верстах. Здесь находятся остатки прежде бывшаго деревянного царскаго дворца, во многих комнатах состоявшаго, где государь царь Алексей Михайлович иногда имел пребывание, а особливо, когда ездил молиться в Троицкий монастырь, на возвратном своем пути обыкновенно тут делал приуготовления для въезду в город. Две большие каменные церкви придают сему месту прекрасный вид. Деревня *Алексеевка,* из 30 дворов крестьянских состоящая, отделяется от дворца маленькою речкою, которая течет в Яузу. Как село, так и дворец состоят под ведением Дворцовой канцелярии» (113, 241).

Любивший природу и сельский покой царь Алексей Михайлович часто жил в подмосковных дворцовых селах — Коломенском, Преображенском, Семеновском, Измайлове, Воробьеве. И повсюду он устраивался основательно, с удобствами и развлечениями. Загородные царские дворцы представляли собой целое селение со множеством больших и малых построек, соединенных переходами. При этом у каждого из дворцов были свои достоинства. Дворец в Алексеевском славился хорошо устроенными банями. Царевны ездили в алексеевские «мыленки» даже зимой.

В сентябре 1675 года 46-летний царь Алексей Михайлович предпринял самый пышный из своих «троицких походов». По дороге в Троицу в сентябре 1675 года царь два дня стоял в Алексеевском. Здесь он провел смотр войск, которых собрано было около 14 тысяч

(166, 185). Вероятно, именно тогда царь отдал распоряжение о постройке в Алексеевском каменной церкви.

В ту осень он был на вершине своей славы. Турки и крымчаки увязли в войне с Польшей. Правобережная Украина склонялась к союзу с Москвой. Россия поднималась на юге во весь свой богатырский рост...

Но никто не знает приговора судьбы. В начале января 1676 года царь сильно простудился. Болезнь осложнилась неудачным лечением (166, 195). 29 января 1676 года самый «тишайший» из московских царей тихо скончался...

В 1676 —1680 годах рядом с дворцом была построена Тихвинская церковь с приделом во имя преподобного Алексия, человека Божия. Она сохранилась до наших дней, а обветшалый храм княгини Трубецкой был разобран в 1824 году (182, 754).

Тихвинская церковь была освящена в воскресенье, 31 октября 1680 года в присутствии молодого царя Федора Алексеевича. Ее главной святыней стала древняя икона Тихвинской Божьей Матери.

Выкрашенная в темно-вишневый цвет с белыми наличниками, церковь стоит на небольшом холме, у основания которого протекала засыпанная ныне речка Копытовка. Восточный склон холма занимает старое кладбище, западный плавно спускается в сторону проспекта Мира. Прежде «церковная горка» утопала в зелени старых деревьев. Ныне почти все они вырублены. В результате кладбище выглядит каким-то до неприличия обнаженным, а западный склон напоминает излюбленную нечистой силой Лысую гору.

(О, эта казарменная привычка расчищать любое пространство до пустоты армейского плаца! Где вековые деревья, так украшавшие старые московские дворы? Где маленькие речки, сшивавшие живую ткань городского пространства? Где холмы и овраги, пруды и родники? Всё сравняли с землей и закатали в асфальт. Причина одна: так проще следить за порядком. Или плац — или свалка, гоголевский «забор». Третьего, кажется, не дано русскому человеку...)

До странности растянутая вверх в каком-то надрыве традиционного московского стиля, церковь с трех сторон окружена широкой открытой галереей. С легкой руки итальянских мастеров Ивана III окружающие дворец или храм галереи (как сводчатые, арочные, так и открытые, типа гульбища) стали вечным соблазном для московских зодчих. Красивые по форме, они были очень непрактичны в русском климате. Их заносило снегом и заливало дождем. Поэтому от них быстро отказывались и наглухо закладывали аркады, а то и вовсе их разрушали. И только «нарышкинское барокко» с его дворцовым обликом храмов возвращается к идее открытых гульбищ, окружающих храм с трех или всех четырех сторон.

Однако в Алексеевском эта галерея (недавно восстановленная) в сочетании со старомосковскими «кокошниками» и «освященным пятиглавием» выглядит несколько неожиданно. Впрочем, строитель, конечно, представил свой замысел державному заказчику — царю Алексею Михайловичу. И царь не побоялся смелой новизны...

Редкий древнерусский храм не испытал варварских переделок в XVIII или XIX веке. Вход в Тихвинскую церковь находится под низенькой колокольней классического облика. О ней саркастически отзывался уже один из первых «москвоведов» И. М. Снегирев. «Вместо старинной звонницы над входом в трапезу пристроена каким-то костоправом каменная колокольня, не соответствующая своим странным видом стилю храма» (170, 45).

Лестница с желтыми, как старая кость, ступенями ведет к украшенному тосканскими колоннами с антаблементом порталу — ровеснику колокольни. Дальше — широкая *трапезная* с балконами-хорами по трем стенам. Богатырская мощь несущих хоры сводов — подлинная черта средневековья. Не зная точных расчетов, старые зодчие строили с огромным запасом прочности.

На хорах храма была дверь, за которой начиналась галерея-переход к путевому дворцу, находившемуся поблизости от храма. Дворец этот, уже заброшенный и

обветшавший, видел еще Карамзин во время своих поездок по Подмосковью в первые годы XIX века.

В *трапезной* устроены два придела. Слева — придел во имя Николая Мирликийского, который, согласно легенде, чудесным образом явился вместе с Божьей Матерью на месте обретения Тихвинской иконы; справа — придел во имя Алексея Божьего человека, небесного покровителя царя Алексея Михайловича. Государь родился в день памяти этого святого — 19 марта 1629 года.

Летний «холодный» Тихвинский храм сейчас открыт и зимой. Два яруса высоких и узких окон, смыкающийся где-то в темной вышине свод, вызолоченный пятиярусный иконостас... Во всем интерьере разлит какой-то необычный, «готический» дух. Его усиливают цветные стекла, кое-где вставленные в окна.

Справа, в углу, виднеется круглая печь, облицованная разноцветными изразцами. Стены покрыты неоднократно поновлявшейся масляной живописью. Композиции на темы Священного Писания заключены в огромные фигурные рамы. Близ иконостаса сияет золотом оклада Тихвинская икона Божией Матери — дар на освящение храма от царя Федора Алексеевича.

Старая, «намоленная» Тихвинская пленяет каким-то особым теплом и покоем. И с этим древним образом, со всем извечным строем богослужения приходит надежда и отступает страх перед завтрашним днем...

Глава тридцатая

Забытая река

Трудно оторвать взор от живого тела земли. Художники лучше других знают, как хороши эти не искаженные присутствием человека ландшафты. Похожее на морские волны плавное чередование холмов и долин, естественные террасы на горных склонах, прорытые реками овраги и каньоны, внезапно вырастающие посреди цветущих равнин скалы... Вся эта величественная симфония земли находит отзвук в душе человека, наполняет ее восхищением и благодарностью Творцу.

В природе нет двух абсолютно одинаковых ланд-

шафтов. Однако есть пейзажи типичные, есть редкие по красоте и есть уникальные. Восхищаясь видами далеких земель, мы всё же близко к сердцу принимаем те, среди которых прошло наше беззаботное детство.

Человек искажает первобытную красоту земли, приспосабливает ландшафт под свои повседневные нужды. Закованный в асфальт природный рельеф московских районов сегодня почти незаметен. Его нивелировкой занимались целые армии строителей и колонны дорожных машин. Да и кому какое дело, что лежит там, под ногами торопливых пешеходов и колесами автомобилей, — пригорок, ложбина или засыпанный строительным мусором родник...

Одна из почти исчезнувших впадин на теле Москвы — ростокинская пойма.

Ростокино

Ростокино — название одного из микрорайонов на северо-востоке Москвы. Оно происходит от старинного села, которое, в свою очередь, обязано этим текучим названием реке Яузе, широко растекавшейся весной по окрестным низинам.

Сегодня Ростокино не примечательно ничем особенным, кроме разве что гигантского торгового центра «Золотой Вавилон». Но вавилонскими магазинами сегодня уже никого не удивишь...

И только прикосновение истории возвышает эту заурядную местность. Оказывается, что здесь когда-то происходили важные события и жили люди, достойные памяти потомков.

Первые известия о существовании Ростокина относятся ко временам московского князя Василия Темного (1425—1462). Владельцем села был тогда воевода Михаил Борисович Плещеев. Его отваге и находчивости Василий обязан был своим возвращением на московский престол в феврале 1447 года. С небольшим отрядом Плещеев хитростью проник в захваченную сторонниками удельного князя Дмитрия Шемяки Москву и привел город к покорности законному государю.

Плещеевы — старинный московский род. Его пред-

ставители отличались воинским искусством и благочестием. Один из них — святитель Алексий, митрополит Киевский и всея Руси, был одним из отцов-основателей Московского государства.

Бояре Плещеевы часто делали вклады в монастыри и в конце жизни принимали иноческий постриг. Их любимой обителью был монастырь преподобного Сергия. Около 1447 года М. Б. Плещеев дал село Ростокино Троице-Сергиеву монастырю в качестве «вклада по душе» своей рано умершей жены Соломониды. А лет двадцать спустя он и сам постригся у Троицы под именем старца Мисаила (124, 30).

Власти Троицкого монастыря были довольны приобретением Ростокина и выстроили здесь деревянную церковь во имя преподобного Сергия Радонежского. Она существовала до конца XVIII столетия, когда за ветхостью была разобрана (170, 48).

Село стояло на Троицкой дороге. Протекавшая рядом Яуза давала возможности для различных хозяйственных начинаний. Монахи поставили в Ростокине мельницу и стали собирать мзду за перевоз путников через разливавшуюся по весне реку.

Старинное придорожное село, Ростокино видело многое и многих. Для путника, едущего с севера, отсюда начиналась «Большая Москва»: дорога уходила в сторону от Яузы и вытягивалась к центру города. Здесь путники отдыхали и готовились к въезду в столицу.

Осенью 1552 года в Ростокине москвичи встречали Ивана Грозного, возвращавшегося из победного Казанского похода. Это был один из самых радостных дней за всю историю Москвы. Долгожданное взятие Казани русские люди воспринимали не только как историческое возмездие за два века ордынского господства, но и как торжество христианства над мусульманством. Царя Ивана сравнивали с римским императором Константином Великим, победившим врагов «силою Честного Креста».

«Встретоша же его московстии людие на Всполье по Переславской дороге, многое множество безчислено лю-

дей вопияху, глаголющее вси: радуйся православный царю наш, победителю врагом, новый Костянтин!» (137, 315).

Отсюда и до самого Кремля Иван ехал через живой коридор людей.

«Того же месяца прииде государь к царствующему своему граду Москве, и стречаху государя множество народа. И толико множество народа, — и поля не вмещаху их: от реки от Яузы и до посаду и по самой град по обе страны пути бесчислено народа, стари и унии, велиими гласы вопиющи; ничто же ино слышати, токмо: "Многа лета царю благочестивому, победителю варварьскому и избавителю христьяньскому!"» (138, 518).

Село Ростокино часто упоминается в путевых записках иностранных послов. В сентябре 1604 года здесь останавливался на ночлег перед торжественным въездом в Москву английский посол Томас Смит, прибывший в Россию морским путем через Архангельск. В рассказе об этом посольстве Ростокину посвящена краткая, но хвалебная запись. Из Троицы послы направились «на Братовщину и Ростокино, лежащее в пяти верстах от престольного города Москвы; здесь посол и прочая свита расположились на ночлег в домах, замечательно хорошо устроенных для такой небольшой деревни» (68, 194).

(Очевидно, в Ростокине помимо крестьянских изб существовал и обширный постоялый двор, предназначенный для приема путников.)

В августе 1606 года в Ростокине останавливалась на ночлег печальная процессия: сосланная в Ярославль вдова Лжедмитрия I Марина Мнишек со свитой, челядью и родней, под охраной трех сотен стрельцов. В дневнике путешествия появилась запись: «Ночевали мы в Ростоки́не над рекой Яузой, в миле от Москвы (они считают в миле 5 верст)» (53, 73).

Об особом, пограничном значении Ростокина свидетельствует и знаменитое монастырское предание о трех всадниках, трех бесплотных ангелах, посланных небесным покровителем монастыря преподобным Сергием в Москву во время осады Троицы польско-ли-

товскими отрядами Сапеги и Лисовского в 1608—1610 годах. Изумленные поляки «видеша, яко выехавшим из монастыря трем старцом, под единем лошадь сера, а под другим ворона, и под третьим гнеда, и поехаша по Московской дороге мимо Сапегиных табар. Сапега же их повеле поимати. Многие же литовские люди, седша на лошади, начаша за ними гоняти и гоняху за ними до Яузы от Москвы за пять верст. Они же у них из очей не утекаху, а не могоша их догнати» (139, 95).

Осенью 1612 года в Ростокине располагались на ночлег Минин и Пожарский, приближавшиеся с ополчением из Троице-Сергиева монастыря к Москве. Возможно, сам троицкий архимандрит Дионисий посоветовал Пожарскому остановиться в монастырском селе, где ополченцев ожидал хороший прием.

«И пришед под Москву и сташа на Яузе за пять верст и послаша к Арбатцким воротам розъезжати, где бы стати... И нача туто на Яузе ночевати, а не пошел для того, что пришли поздно... На утрие же с реки Яузы поидоша под Москву» (139, 124).

Принадлежность села Троицкому монастырю способствовала зажиточности и благочестию крестьян. Известно, что они делали в обитель значительные вклады. В самом селе весело звонила колоколами деревянная церковь Воскресения Словущего (160, 665).

В то время как одни ростокинские крестьяне пели на клиросе и жертвовали на добрые дела, другие стояли на Троицкой дороге с кистенем, поджидая припоздневшихся путников. В середине XVIII века здешние места пользовались дурной славой по причине частых разбоев и грабежей, вообще весьма распространенных на Троицкой дороге (170, 48).

Другие времена — другие воспоминания. В Ростокине жил и умер замечательный русский художник Алексей Кондратьевич Саврасов (1830—1897). «Жизнь Саврасова кончается трагически, — пишет историк русской живописи. — Он уходит в 1882 году на пенсию, пишет на продажу яркие картинки, живет полуслепой в страшной нужде и умирает в 1897 году. Ученики его любили и хранили его заветы» (79, 132).

А вот как вспоминает об этом один из любимых учеников Саврасова Константин Коровин.

«Говорят, Алексей Кондратьевич Саврасов умер, — сказал я как-то Поленову, — в Ростокине под Москвой. Один. Это мне рассказал швейцар училища Плаксин. Он был на похоронах и был Павел Михайлович Третьяков, больше никого. Говорят, что его покровителем был какой-то человек, который давал ему холсты, краски, кисти и ставил водку. И он писал бесконечно какие-то картины.

— Прекрасный художник был, — сказал Поленов. — Я познакомился с ним и говорил, но он как-то застенчиво отклонялся, и видно было, что он был болен...» (86, 130).

Старая Троицкая дорога полна видений. Впрочем, из уважения к атеистам мы готовы назвать их и галлюцинациями. Вот и возле Ростокина нас ждет новая галлюцинация. Над болотистой долиной Яузы взлетает... стройный римский акведук. Мерный ритм высоких арок, благородная белизна тесаного известняка...

Ростокинской акведук имеет длину 150 саженей (около 320 метров) и опирается на 21 арку (170, 47). Он представляет собой часть «мытищинского водопровода», который подарила Москве императрица Екатерина II. Строили акведук немцы — военные инженеры Ф. В. Баур и И. К. Герард. Окончен он был в 1784 году. Императрица считала его «самой лучшей постройкой в Москве» (160, 664).

В своих Записках о поездке из Москвы в Троицу в 1802 году Н. М. Карамзин, рассуждая об этом сооружении (которое он на русский манер именовал «водоводом»), не преминул помянуть добром великую Екатерину.

«...Но я увидел недалеко от дороги прекрасный водовод, оставил сравнения и пошел смотреть его. Вот один из монументов Екатерининой благодетельности! Она любила во многом следовать примеру римлян, которые не жалели ничего для пользы иметь в городах хорошую воду, столь необходимую для здоровья людей, необходимее самых аптек. Издержки для общественного блага составляют роскошь, достойную великих монархов, роскошь, которая питает самую любовь к отечеству,

нераздельному с правлением. Народ видит, что об нем пекутся, и любит своих благотворителей. Москва вообще не имеет хорошей воды; едва ли двадцатая часть жителей пользуется трехгорною и Преображенскою, за которою надобно посылать далеко. Екатерина хотела, чтобы всякий бедный человек находил близ своего дому колодезь свежей, здоровой воды, и поручила генералу Бауеру привести ее трубами из ключей мытищинских, теперь она уже в городе: остается сделать каналы внутри его. Работа долговременна и трудна, но благодеяние превосходит труды; и время открытия народных колодезей будет важною эпохою для московских жителей, то есть небогатых, следственно, для большого числа. Водовод идет мостом через низкую долину, на каменных арках, и длиною будет сажен сто. Я уверен, что всякий иностранный путешественник с удовольствием взглянет на сие дело общественной пользы» (74, 339).

Под арками акведука журчит торопливая Яуза. Кажется, здесь одно из немногих мест, где можно подойти к ней поближе и, присев на корточки, опустить руки в ее пока еще чистые воды.

Странная и печальная судьба у этой светлой подмосковной реки, берущей свое начало из мытищинских родников. Казалось бы: вторая река столицы, древняя дорога на северо-восток, кормилица и поилица многих поколений москвичей, она заслуживает почета и уважения. Но нет. Яуза — река-изгой. В черте Москвы ее загнали куда-то на задворки, на заводские дворы и пустыри. К ней нет подходов, нет спусков. На ее берегах нет застывших с удочкой рыбаков или бросающих камешки детей. По ней не плавают лодки. И уж конечно никому не придет в голову искупаться в ее мертвых водах.

В современном облике Яузы есть что-то зловещее. Помню, как в детстве мы ходили с компанией сверстников, обитателей дворов по улице Казакова, «погулять на Яузу». Река всегда манит уже одним своим необычным, текучим состоянием. Глядя на желтовато-коричневую воду, покрытую нефтяными пятнами, мы со страхом и любопытством всматривались в непонятные предметы, всплывавшие по

тихому течению. В каждом из них нам мерещился утопленник. Безлюдность места и странный вид похожих на средневековые башни шлюзов дополняли впечатление...

Отделенная от домов ревущим потоком машин, набережная Яузы совершенно непригодна для прогулок. Узкая пешеходная дорожка, проложенная по ее берегам, обычно пуста. Да и странно было бы гулять здесь, вдыхая густой настой выхлопных газов и поглядывая на мутно-желтые воды Яузы. Ее давно уже превратили в сточную канаву для многочисленных фабрик, заводов и мастерских, расположенных по ее берегам.

Это загадочное угро-финское название в русском исполнении звучит как-то надрывно, петлисто. «Я — уза», «я — узка» — словно жалуется обиженная людьми бедная речка. Впрочем, все относительно. Мы, русские, — известные пессимисты. Один американец, с которым мы ехали по Москве, услышав название реки, встрепенулся и сказал: «Это похоже на то, как говорят чернокожие в Нью-Йорке — "йаа зза", то есть "иесс, сэр"»...

Но вернемся к ростокинскому акведуку и пройдем немного по течению реки вдоль левого берега Яузы. (Правый берег не доставит нам этого удовольствия: он зарос кустарником и хмуро смотрит из-под нависших над самой водой заборов.)

Светлая мысль хоть немного облагородить Яузу уже посетила московских управителей. В результате после долгих трудов в ростокинской пойме Яузы был устроен... сквер не сквер, парк не парк... Скорее «зона отдыха» с асфальтированными дорожками, торфяными газонами, наспех посаженными деревцами и чугунными скамейками, которые трудно сломать и нельзя украсть.

Всё это можно только приветствовать. И для воодушевления московских властей на новые подвиги по спасению протухшей реки мы дарим им рассуждение английского философа и историка искусства Джона Рёскина.

«Нельзя придумать для здорового воспитания лучшего средства, чем сохранить каждый ручей на возможно

большем протяжении чистым, полным рыбы и легко доступным для детей. Лет тридцать назад существовала небольшая и неглубокая речка Вандель, струившаяся через проезжую дорогу под мостом для пешеходов у подошвы последнего мелового холма возле Кройдона. Увы, приходили, уходили люди — и речка *исчезла* навсегда. Местные власти давно уже выстлали кирпичами русло, по которому она протекала. А между тем этот поток с водившимися в нем пескарями имел для воспитательных целей больше значения, чем тысячи фунтов, которые ежегодно тратятся на приходские школы; этот поток принес бы большую пользу даже в том случае, если бы каждый грош из этих тысяч вы употребили на то, чтобы заставить молодежь изучить свойства кислорода и водорода, вызубрить названия и скорость течения всех азиатских и американских рек» (158, 193).

Перекинутый через Яузу Ростокинский акведук нёс свои воды в одну сторону, Яуза — в другую. Этот перекресток двух течений имел какую-то философическую привлекательность. И пусть акведук давно не используется по назначению, место это по-прежнему сокровенное. В нем есть что-то важное не только по виду, но и по самой сути. Здесь слышно, как неумолчно струится вода бытия. «Тогда забудешь горе: как о воде протекшей, будешь вспоминать о нем» (Иов, 11, 16).

Живая река в городе... Пожалуй, она и правда стоит дюжины аптек.

В древности Троицкая дорога от Ростокина и до Мытищ шла вдоль берега реки. На этом участке на голубую нитку Яузы нанизано было много старинных сел, достойных упоминания в истории. Пройдем по этому археологическому каталогу.

Свиблово

В нескольких километрах от Ростокина, выше по течению реки, располагались села Свиблово и Медведково. Это были старые вотчины московской знати, близ-

кие к столице, связанные с ней рекой и дорогой. Отсюда хозяева получали всё необходимое (продовольствие, дрова, сено) для своих московских усадеб.

Свиблово — как глубокий колодец в прошлое. Оно получило свое название от имени владельца — боярина Федора Андреевича по прозвищу Свибл. Он верой и правдой служил Дмитрию Донскому, строил по его указанию одну из башен Московского кремля, до сих пор сохранившую его имя — Свиблова башня.

Позднее Свиблово перешло к Плещеевым, затем к Нарышкиным. Первым из них селом владел Кирилл Алексеевич Нарышкин — дальний родственник царя Петра I. (Дед К. А. Нарышкина и дед матери Петра Натальи Кирилловны Нарышкиной были родными братьями.) В Северную войну К. А. Нарышкин был комендантом Нарвы и Дерпта. Он отличался свирепостью и алчностью. В качестве трофеев он вывез из Лифляндии не только множество ценных вещей, но и пленных шведов, владевших различными ремеслами. Они были поселены в свибловской вотчине Нарышкина и построили ему здесь роскошный по тем временам двухэтажный дом (160, 670).

Благодаря Бога за свое преуспеяние, А. К. Нарышкин (вероятно, руками все тех же пленных шведов) возвел в Свиблове и церковь во имя Троицы, освященную в 1708 году.

(Любопытно было бы составить перечень того, что сделано было в России руками пленников разных войн, от Ливонской до Второй мировой.)

После кончины А. К. Нарышкина, дослужившегося до поста московского губернатора, вотчина вернулась к Плещеевым. От них Свиблово (в просторечии — Свирлово) перешло к Голицыным.

В Свиблове бывали многие искавшие дачного покоя известные люди России. Карамзин жил здесь в летние месяцы в 1801—1803 годах. Здесь он пережил тяжелую семейную драму — кончину горячо любимой жены. Отсюда историк отправлялся в поездки по Подмосковью, описание которых он публиковал потом в своем журнале «Вестник Европы». С этих экскурсий и началось серьезное увлечение Карамзина родной стариной, плодом

которого стала знаменитая «История Государства Российского» (119, 344).

Женившись в январе 1804 года вторым браком на дочери екатерининского вельможи князя А. И. Вяземского, Карамзин навсегда покинул Свиблово. Теперь его летней резиденцией стала большая подмосковная усадьба князя Вяземского Остафьево.

В полном соответствии с историей чеховского «вишневого сада» имение Свиблово в конце концов приобрел купец, устроивший там суконную фабрику...

Медведково

Медведково издавна принадлежало древнему роду князей Пожарских. Рюриковичи, потомки Всеволода Большое Гнездо, Пожарские, однако, не занимали высоких постов на московской службе. Придворной суете они предпочитали сельский покой и тишину. Возможно, за эту нелюдимость один из них, князь Василий Федорович Пожарский, даже получил от современников прозвище Медведь. Он-то и был первым владельцем села, которое стало носить его имя — Медведево. Со временем таинственные законы разговорного языка превратили Медведево в Медведково.

Герой Смутного времени князь Дмитрий Пожарский прожил долгую по меркам своего времени жизнь. Родившись 1 ноября 1578 года, он скончался 20 апреля 1642 года. В конце жизни он много размышлял о Боге и о своей судьбе. Ему хотелось отблагодарить Всевышнего за милость. Будучи человеком состоятельным, Пожарский в 1634—1635 годах выстроил в Медведкове каменную церковь в честь Покрова Божьей Матери с приделами Девяти мучеников Кизических и преподобного Сергия Радонежского. Этот великолепный шатровый храм и доныне красуется на высоком берегу Яузы. Он окружен могилами старого сельского кладбища.

Древняя Русь не знала конных памятников и надгробных скульптур. Потребность увековечить память о важном событии выражалась в постройке храмов, которые и своим посвящением, и своими архитектурными формами были так или иначе связаны с этим событием.

Завершение храма шатром придавало ему сходство со свечой. Такой тип храмов всегда имел мемориальный характер.

Композиция Покровской церкви с многочисленными, расположенными на разных уровнях главками перекликается с образом одноименного храма-памятника — собора Покрова на Рву (Василия Блаженного). Василий Блаженный строился как памятник победы России над «басурманами» — Казанским ханством. Покровская церковь в Медведкове призвана была стать памятником в честь победы над «латинянами» и одновременно — поминовением всех павших в эту тяжкую годину. Поминальный характер Покровской церкви имел и личные мотивы. В 1633 году скончался любимый сын Пожарского — Федор.

Трудно найти старинную церковь, не испорченную каким-нибудь благочестивым варваром. Покровская церковь обезображена неуклюжей классической колокольней над западным входом.

Внутреннее убранство храма не блещет оригинальностью и относится к XIX веку.

Подарив России великого человека, род Пожарских исчерпал свои возможности. Потомки героя Смуты были люди незаметные. С кончиной Юрия Ивановича Пожарского, внука воеводы, пресеклась мужская линия рода. Это произошло в 1685 году (67, 439). Выморочная вотчина была отписана «на государей». Таковыми в ту пору номинально являлись сводные братья Иван и Петр.

Вершившая тогда всеми делами царевна Софья передала вотчину Пожарских своему фавориту князю Василию Васильевичу Голицыну. Поводом послужили весьма отдаленные родственные связи Пожарских с Голицыными. Новый хозяин отстроил в Медведкове роскошную усадьбу с парком, прудами и садком для свежей рыбы. Он позаботился и о благолепии церкви, украсив ее новым иконостасом и колоколами.

Правление Софьи закончилось ее заточением в Новодевичий монастырь. В сентябре 1689 года Голицын был взят под стражу и сослан далеко на север, в село Кологоры на Пинеге. Только заступничество влиятельных родственников спасло его от казни.

Оставшееся без хозяина, Медведково было вновь «отписано на государей», но уже в 1691 году передано Федору Кирилловичу Нарышкину — дяде царя Петра по линии матери. После его кончины в 1698 году владельцем села стал другой брат царицы Натальи — Лев Кириллович Нарышкин. До 1809 года Медведково оставалось во владении Нарышкиных, а затем перешло к нескольким помещикам, имена которых не заслужили места в истории.

В советское время усадебные постройки были снесены, а старый липовый парк вырублен. От прежней роскоши и достатка осталась лишь одиноко стоящая над рекой Покровская церковь.

Старинное село с красивым названием *Раево* находилось там, где сейчас тянется застроенная типовыми многоэтажками *Сухонская улица*. (Спросите, знает ли хоть один ее житель, где было село Раево и где протекает река Сухона?) Ныне от старого села осталось только *Раевское кладбище* на левом берегу Яузы (160, 667). Нет следов и от располагавшегося по соседству сельца Раево-Мыза, возникшего в Петровскую эпоху. А между тем с ним связаны некоторые страницы из биографии Екатерины Великой...

Владелица сельца Раево-Мыза, жена Петра Великого Екатерина, построила здесь небольшую усадьбу, в которой останавливалась во время путешествий в Троицкий монастырь. Императрица Елизавета подарила сельцо своей двоюродной сестре Марии Чоглоковой (в девичестве — Гендриковой). Ее отец, Симон Леонтьевич Гендриков, доводился императрице Елизавете родным дядей по линии матери. В день коронации Елизаветы весь род Гендриковых получил графский титул. В 1746 году 24-летней Марии Чоглоковой поручено было опекать молодую великую княгиню Екатерину Алексеевну — будущую императрицу Екатерину Великую.

Императрица Елизавета любила Москву и подолгу жила здесь. Во время пребывания в Москве летом 1749 года Елизавета предприняла путешествие в Троице-Сергиев монастырь. Оно заняло несколько недель. В то время как сама государыня жила то в своем дворце

в селе Покровском на Яузе, то в путевых дворцах в Тайнинском и Братовщине, то в Царских чертогах в Троицком монастыре, — «молодой двор» (великая княгиня Екатерина Алексеевна и наследник престола великий князь Петр Федорович с приближенными) обосновался в Раево-Мызе. Сельцо находилось на правом берегу Яузы в четырех верстах ниже Тайнинского. Таким образом, скромный усадебный дом Чоглоковой на время превратился в своего рода «путевой дворец».

Живые картины этой «райской жизни» на берегах Яузы оставила сама Екатерина в своих знаменитых «Записках».

«...Мы поселились на этом пути, в одиннадцати верстах от Москвы, на очень маленькой даче, принадлежавшей Чоглоковой и называвшейся Раево. Все помещение состояло из маленького зала среди дома с двумя маленькими комнатами по бокам; разбили палатки вокруг дома, где разместилась вся наша свита. У великого князя была одна [палатка], я занимала одну маленькую комнату, Владиславова другую; Чоглоковы были в остальных [палатках]; обитали мы в зале. Императрица делала пешком три-четыре версты, потом отдыхала несколько дней. Это путешествие продолжалось почти все лето. Мы ежедневно ходили на охоту после обеда. Когда императрица дошла до Тайнинского, которое находилось почти насупротив Раева, по ту сторону большой дороги в Троицкий монастырь, гетман граф Разумовский, младший брат фаворита, живший на своей даче в Петровском, на Петербургской дороге, по другую сторону Москвы, вздумал приезжать каждый день к нам в Раево.

...Около Петрова дня императрица велела нам сказать, чтобы мы ехали к ней в Братовщину. Мы тотчас же туда отправились. Так как всю весну и часть лета я была на охоте или постоянно на воздухе, потому что раевский дом был так мал, что мы проводили большую часть дня в окружавшем его лесу, то я приехала в Братовщину чрезвычайно красной и загоревшей. Императрица, увидев меня, ужаснулась моей красноте и сказала мне, что пришлет умывание, чтобы снять загар.

...Мы провели Петров день (29 июня. — *Н. Б.*) в Троицком монастыре, и так как в этот день после обеда ве-

ликому князю нечем было заняться, он придумал дать бал у себя в комнате, где, однако, были только он, два его камердинера и две женщины, которые были со мной и одной из которых было за пятьдесят. Из монастыря императрица поехала в Тайнинское, а мы снова в Раево, где вели тот же образ жизни. Мы оставались там до половины августа...» (59, 109).

Места, где стояли старые села по Яузе, сейчас находятся в стороне от Троицкой дороги. А потому, чтобы продолжить путь в Ростов, вернемся в Ростокино.

За Ростокином дорога, напружинившись, взлетает на путепровод через *Ярославскую железную дорогу*. Ее строительство началось в 1859 году, и в августе 1863 года первые поезда пошли от Москвы до Сергиева Посада.

С началом движения поездов Троицкая дорога как бы раздвоилась. Прежнюю шоссейную дорогу в народе стали именовать «каменкой», а новую — «железкой» или «чугункой».

За Северянинским путепроводом (названным по расположенной поблизости платформе Северянин Ярославской железной дороги) современная Троицкая дорога (Ярославское шоссе) пролегает среди ничем не примечательной застройки «спальных районов». Единственной отрадой для глаз может послужить мелькнувшая слева у дороги красно-белая церковь Святых Адриана и Натальи, построенная в 1917 году для жителей дачного поселка Лосиноостровская (160, 666). Автор проекта архитектор С. М. Ильинский, используя простые крупные объемы, сумел придать скромному облику храма некоторое величие и сходство с памятниками Византии и домонгольской Руси.

Глава тридцать первая

Памятник тайне

Старая дорога в Троицкий монастырь проходила через село Тайнинское. От этого названия веет подземельями, кладами, тайнами... Однако историки находят

всему прозаическое объяснение. Название села, говорят они, имеет «речное» происхождение. В древности Яуза была запружена здесь мельничными плотинами и заполняла глубокие омуты, по-старому — «тони». Вот от этих-то *тоней* село и стало называться — *Тонинское* или, в соответствии с московским «аканьем», — *Танинское* или Тайнинское.

Табличка над обрывом

У любого города, села, даже дома есть история. Знающие люди расскажут вам о том, что было на этом месте десять, сто, пятьсот лет назад. И многозначительно поднимут палец: тут жил такой-то, а там похоронен такой-то...

А в сущности, какое нам дело до того, кто тут жил, кому все это когда-то принадлежало? Да и жил ли, право? И точно ли принадлежало? Имеются некоторые сомнения. Нет, не в смысле исторической достоверности. Справочки, конечно, прилагаются. Должно быть, и правда жил, работал, владел... Да только нам-то что с этого? Наследство ли нам его получать? Лучше сказали бы, куда всё это девается после второй, последней даты...

Но не скажут, потому что — не знают.

Знание того, что не имеет значения, на фоне незнания того, что имеет значение... Неловко получается. А впрочем — забавно. Примерно как если бы на краю пропасти поставили табличку с полезными сведениями: глубина, скорость падения, время полета до дна...

Но мы привыкли к этим милым справкам «жил — был», и без них уже не обойтись. Видно, что-то полезное в этом все же есть. А если так — быть по сему. Поставим и мы справочную табличку...

Село Тайнинское существовало задолго до открытия Америки, изобретения книгопечатания и падения Византии. В завещании князя Владимира Андреевича Серпуховского, написанном в 1401—1402 годах, читаем: «А Танинское село с Скореевым сыну, князю Василью» (56, 48).

Состоятельные люди средневековой Руси относились к своим вотчинам примерно так же, как современные

богачи — к своим квартирам и коттеджам. Их строили, перестраивали, покупали, получали и передавали по наследству, обменивали, дарили детям на свадьбу и отдавали в заклад. Динамика этих процессов зависела от многих факторов: продвижения по службе, прибавления семейства, удачных коммерческих предприятий и т. д.

Устроение вотчины было любимым предметом размышлений аристократа. Он жил этим, видел в этом оправдание своим трудам и лишениям. Сухие строки поземельных актов звучали для него небесной музыкой. Однако для человека, не имеющего в этом никакой личной заинтересованности, и более того — живущего несколько веков спустя, вся эта поземельная археология не представляет особого интереса. Поначалу его охватывает философическая скука, а затем — непреодолимая тяга ко сну. Единственное спасение состоит в том, чтобы отправиться на место и увидеть за этими мертвыми грамотами среднерусские пейзажи и давно отсутствующих людей...

Седьмой сын многодетного Владимира, князь Василий родился в 1395 году, вступил в обладание собственным уделом после кончины отца в 1410 году и умер от чумы в 1427 году. Село Тайнинское перешло в распоряжение его матери, княгини Елены Ольгердовны, которая, в свою очередь, завещала его вдове князя Василия Ульяне. Позднее селом владел великий князь Василий Темный, который в завещании передал его своему младшему сыну Андрею Меньшому Вологодскому (56, 195). Этот «добрый и ласковый», по выражению летописца, князь вел разгульный образ жизни и умер в возрасте двадцати девяти лет, не имея ни жены, ни детей. Свой удел вместе с многочисленными долгами он завещал Ивану III, а село Тайнинское — княжичу Василию, старшему сыну Ивана в браке с Софьей Палеолог (56, 276). В 1505 году Василий стал великим князем Московским, и село влилось в состав дворцовых вотчин.

Дворец, который был...

Первое упоминание о царском *путевом дворце* в Тайнинском относится к осени 1552 года. Возвращаясь в Москву из Казанского похода, царь Иван IV из Влади-

мира через Юрьев-Польской направился в Троицкий монастырь, чтобы совершить благодарственный молебен. Из Троицы он поехал в Москву, где его ожидала торжественная встреча.

«И поиде государь к Москве и ночевал в селе в своем в Таниньском; и тут его встретил брат его государев князь Юрьи Василиевич и здравъствовал государю на царстве на Казаньском...» (138, 518).

Летописный рассказ не вполне достоверен. Младший брат царя Ивана Юрий не мог «здравствовать», то есть поздравлять его с победой, так как был от рождения глухонемым. Однако участвовать в ритуале торжественной встречи он был обязан.

Оба сына Василия III переночевали в тайнинском дворце, а на другое утро двинулись в Москву.

В летописном тексте прямо не говорится о путевом дворце. Но ясно, что царь-триумфатор и его брат, а также их свита не могли ночевать в крестьянских избах. Кроме того, известно, что с детских лет Иван Грозный имел обыкновение два раза в год (на Троицу и на Сергиев день) совершать богомолье в обитель преподобного Сергия. И хотя царь ездил быстро, остановки в пути для отдыха, трапезы и смены лошадей были необходимы. Этому и служил путевой дворец — вероятно, тогда еще достаточно скромное сооружение.

В Тайнинском Иван Грозный 29 сентября 1556 года, возвращаясь из Троицкого похода, принял гонцов с вестью об успешных действиях московских воевод против крымских татар (140, 576).

Лжедмитрий I достиг в Тайнинском вершины своего лицедейства. 18 июля 1605 года мнимый «царевич» устроил здесь торжественную встречу своей мнимой матери, Марии (в монашестве — Марфы) Нагой, возвращавшейся из северной ссылки, куда отправил ее Борис Годунов. Самозванец предварительно послал к ней для переговоров своих доверенных людей, потом сам долго беседовал с Марфой наедине в шатре, раскинутом у дороги, после чего она публично признала его своим сыном (139, 67). От Тайнинского до самой Москвы Лжедмитрий I шел пешком за каретой своей мнимой матери, вызывая слезы умиления у собравшегося народа.

Три года спустя, летом 1608 года, новый самозванец Лжедмитрий II и его соратник гетман Рожинский попытались разбить свой лагерь в Тайнинском, чтобы перерезать дорогу из Москвы в северные районы страны. Однако московские воеводы разгадали его маневр и приняли ответные меры.

«И с Тушина пошед, ста в Тонинском. И в Тонинском ему бысть от московских людей утеснение, на дорогах их многих нача побивати, и з запасы к ним не пропущаху. Они же видя над собой тесноту, отойде назад в Тушино, и нача ту таборы ставити» (142, 152).

В XVII—XVIII веках Тайнинское было центром обширной волости, в которую входило полтора десятка деревень. Царь Алексей Михайлович, бывая в Тайнинском, предавался здесь своему любимому развлечению — соколиной охоте (84, 516). Он выстроил тут новый деревянный путевой дворец (34, 13). В 1727 году этот дворец был уничтожен пожаром.

Сыновья Тишайшего царевичи Иван и Петр летом 1682 года побывали здесь отнюдь не для развлечения. Вспыхнувший в столице первый стрелецкий мятеж заставил их удалиться в село Коломенское. Оттуда они по решению царевны Софьи окольным путем, вокруг Москвы, поехали в Троице-Сергиев монастырь. «И того ради нестроения великие государи из села Коломенскаго отъидоша во обитель живоначалныя Троицы в Сергиев монастырь странным (страннический. — *Н. Б.*) путем чрез село Хорошово и Тушино, и Тонинское» (142, 201).

Царь Петр отверг древний обычай Троицких богомолий. Иначе относилась к традиции его дочь императрица Елизавета. Уже первая ее поездка в Троицу (1728) оказалась незабываемой. Для девятнадцатилетней царевны, за три года потерявшей самых близких ей людей — отца, мать и старшую сестру, — мудрые троицкие старцы стали утешителями и наставниками. Позднее, при подготовке дворцового переворота, она дала обет: в каждый свой приезд в Москву совершать пешее богомолье в Троицкий монастырь, которому она присвоила почетный титул лавры.

Во время длительного пребывания Елизаветы в Москве в 1749 году в Тайнинском рядом с руинами дворца Алексея Михайловича был построен новый путевой дворец. Он представлял собой огромную усадьбу с фруктовым садом, оранжереей, скотным двором и другими службами (40, 230). Вот как можно представить внешний вид главного здания.

«Дворец, выстроенный, вероятно, по проекту архитектора А. П. Евлашева, стоял у места впадения речки Сукромли в Яузу. Он представлял собой вытянутое одноэтажное здание длиной 44 метра. Лишь в центральной части и по краям располагались вторые этажи, используемые только летом. Эти надстройки заканчивались высокими шатрами, а центральная часть — восьмериком, увенчанным золоченым яблоком и флюгером. Стены дворца были выкрашены желтой краской, наличники — белой. Здание было перекрыто высокой тесовой кровлей. Внутри дворца находилось 18 помещений, украшенных синими изразцовыми печами, зеркалами в золоченых рамах, картинами» (88, 5).

Екатерина II была последней из царствующих особ, пользовавшихся тайнинским дворцом. 21 апреля 1767 года она праздновала здесь свой день рождения. После этого дворец утратил свое «путевое» предназначение (78, 11—13). В 1779 году Екатерина поселила в заброшенном дворце руководителя строительства Мытищинского водопровода генерал-поручика Ф. В. Баура и его подчиненных.

Елизаветинский дворец еще застал и описал Карамзин, посетивший эти места в 1802 году. Не откажем себе в удовольствии послушать изысканную, как старинный клавесин, речь автора «Бедной Лизы».

«Место уединенное и приятное! Тут запруженная Яуза кажется большой рекою и со всех сторон обтекает дворец Елисаветы Петровны, которая (любя следы великого ее деда) построила его близ развалин дворца Алексея Михайловича. Он также разрушается и, как мне сказывали, продается на своз. Я осмотрел его: есть большие комнаты, и видно, что некоторые были хорошо

отделаны. Госпожа Радклиф могла бы воспользоваться сим дворцом и сочинить на него ужасный роман; тут есть всё нужное для ее мастерства: пустые залы, коридоры, высокие лестницы, остатки богатых украшений и (что всего важнее) ветер воет в трубах, свистит в разбитые окончины и хлопает дверьми, с которых валится позолота. Я же ходил по гнилым его лестницам при страшном громе и блеске молнии: это в самом деле могло сильно действовать на воображение. Жаль, что такое приятное место, окруженное водою и густо осененное старыми деревьями, которые могли бы закрыть и самое огромное здание, теперь остается дикою пустынею. Везде трава в пояс; крапива и полынь растут на свободе. Сонные воды Яузы оделись тиною. Мосты сгнили, так что я с великим трудом мог через один из них перебраться» (74, 340).

После экскурсии Карамзина дворец простоял еще два десятилетия. Забытый и заброшенный всеми, он сгорел в 1824 году (78, 13).

Белая церковь

Место, где находился путевой дворец, — на самом краю современной Тайнинки, дачного поселка, быстро перерастающего в городской район. Мы не нашли ни одного дорожного указателя к историческому месту. Русские дороги вообще, как известно, не богаты полезными для путешественников сведениями. Принцип «чужие здесь не ездят» избавляет местные власти от этой докуки.

Вдоволь поплутав по тесным улочкам, среди трехоконных домиков за пыльными заборами, ржавых гаражей и похожих на сундуки кирпичных коттеджей, мы находим, наконец, верный путь. И вот уже за крутым поворотом дороги открывается Благовещенская церковь. Одиноко стоящая на широкой луговине, она напоминает поставленную на стол изящную безделушку из слоновой кости. Построенная в 1675—1677 годах, Благовещенская церковь имеет явные черты сходства с Тихвинской церковью в Алексеевском. Вероятно, царь Алексей Михайлович дал распоряжение неизвестному

зодчему о постройке этих двух церквей после своего Троицкого похода в сентябре 1675 года.

Но родные сестры — не близнецы. Церковь в Тайнинском не имеет открытой галереи, но зато отличается необычайно красивым и сложным по композиции западным крыльцом. Основу крыльца составляет лестница, по которой царь со свитой поднимался на хоры.

Новейшая история храма полна невероятных превращений, после которых можно только удивляться, что он вообще уцелел. «В 1929 году храм закрыли. В советское время в нем размещался клуб, потом хлебный магазин, фабрика декоративной игрушки, столярная мастерская. В 1989 году храм передали Православной Церкви» (135, 348).

Недавно Благовещенская церковь открыла свои двери для прихожан. И как это часто бывает, вид только что отреставрированного храма вызывает сложное чувство. С одной стороны, храм «помолодел», приобрел свежий и здоровый вид. С другой...

Вопросы реставрации

Осуждать реставраторов так же банально, как и прославлять их почти бескорыстный труд. И всё же здесь, в Тайнинском, мы не удержимся от некоторых рассуждений на сей счет.

Для начала — небольшой экскурс в историю. Теофиль Готье, посетивший Россию в 1858 году, был сильно разочарован тем впечатлением грубоватого «новодела», которое производил Московский кремль. Умение сохранить патину старины, неповторимую фактуру старых стен в Европе уже осознавалось как важнейшая цель реставраторов. В России задачи исторической достоверности и художественной ценности реставрации еще не стали первостепенными. Да и само понятие научной реставрации отсутствовало. Его место занимали обычный ремонт и благочестивое «поновление». Выше всего ставилось удобство здания для практических нужд и его «благолепие», то есть яркость красок, пышность деталей, обилие серебра и позолоты.

Но послушаем суждения самого Теофиля Готье —

тонкого ценителя старины, человека, объездившего полмира в поисках красоты и оригинальности.

«Кремль так и представляется почерневшим от времени, закопченным, того темного тона, перед которым у нас благоговеют и который считают воплощением красоты старых памятников. Этот вопрос настолько разработан во Франции, что на новые здания у нас специально наносится патина из разведенной водою сажи, чтобы избавить их от яркой белизны камня и привести в гармонию с более старыми постройками. Надо дойти до крайней цивилизованности, чтобы проникнуться этим чувством, уметь ценить следы веков, оставленные на эпидерме храмов, дворцов и крепостей. Русские же любят всё новое или по крайней мере то, что имеет облик нового, и думают, что проявляют уважение к памятнику, обновляя окраску его стен, как только она облупится или потрескается. Это самые великие маляры в мире. Когда им кажется, что краски потемнели, они переписывают даже старые росписи византийского стиля, украшающие церкви внутри и часто снаружи. Таким образом, эти росписи, с виду традиционно-древние, восходящие к примитивно-варварским временам, иногда покрыты красками буквально накануне. Нередко случается видеть, как маляр, пристроившись на шатающихся лесах, с самоуверенностью монаха-художника с Афона подновляет лик Богоматери, заполняет свежими красками суровые контуры, которые являются как раз неизменным шаблоном. Нужно с чрезвычайной осторожностью относиться к этой живописи, которая была древней, если можно так выразиться, но в которой всё — современно, несмотря на ее строгость и величественность, идущие от древних эпох.

Эта небольшая преамбула имеет целью подготовить читателя к белизне и яркости вместо потемневшего, меланхолически-сурового облика зданий, о котором, исходя из своих западных понятий, он, вероятно, мечтает» (41, 235).

Реставрация памятников старины в России в последнее время ведется без тщательного архитектурного надзора, зачастую разумением священника и щедрос-

тью состоятельных прихожан. Не знаю, кто и как учит уважению к красоте священников, но точно знаю, что никто не учит этому состоятельных прихожан. Возможно поэтому оплаченная ими реставрация нередко несет на себе отпечаток вульгарного «благолепия». Мнением специалистов пренебрегают или его вообще не спрашивают. И кирпичные и отделочные работы выполняются кое-как. Все грехи каменщиков покрываются толстым слоем побелки...

Государственная система реставрации памятников истории и культуры рухнула, лучшие мастера занялись отделкой особняков. Чиновники архитектурного надзора и разного рода департаментов по охране памятников заботятся о том, о чем всегда заботятся чиновники, оставшиеся без зоркого «ока государева». При таком положении дел у России скоро не останется подлинных памятников древней архитектуры. Свобода слова делает этот факт общеизвестным, но свобода дела не позволяет исправить положение.

Густая побелка покрывает Благовещенскую церковь от фундамента до куполов. Кажется, что ее выдернули из земли, словно морковку из грядки, и, держа за купола, окунули в огромное ведро с известью. Вся эта мертвенная белизна хорошо смотрится разве что издалека. Вблизи она утомляет глаз, скрывает тонкие узоры лекального кирпича и нивелирует сложные профили карнизов.

Храмы XVII века, как правило, были радужными. Их декоративные элементы (наличники, кокошники, угловые полуколонки, архивольты порталов, пояса висячих арок) были выделены цветом. Да и сами стены далеко не всегда оставались белыми. Взгляните на билибинские иллюстрации к русским сказкам — и вы поймете, о чем, собственно, идет речь. Правильное воссоздание этой палитры — трудная задача, как для авторов проекта реставрации, так и для его исполнителей. Тотальная побелка снимает эту проблему. А заодно и иссушает еще один источник древней красоты.

Ценителю старинной архитектуры остается одно: ждать, пока время и дожди смоют с древних стен пласты побелки. И тогда нашему взору откроются старин-

ные кирпичи, темно-красные, как спелая вишня. Прочность этих гигантов вызывает изумление. Кажется, что само время обломало о них свои острые зубы. Кирпичи скреплены толстым слоем белой, как сметана, и прочной, как камень, известью, которую годами вымачивали в особых ямах, смешивали с яичным белком и еще бог знает какими добавками. И каждый кирпич строители укладывали в стену с благоговением и молитвой.

Стыдно признаться, но я люблю смотреть на полуразрушенные памятники XVII столетия. В этих развалинах драма борьбы духа и плоти предстает с необычайной наглядностью. *Крестчатые* столбы, *коробовые* и *лотковые* своды, *полуциркульные* и *ползучие* арки, *распалубки* над окнами — всё это рукотворное многообразие цепляется за жизнь с упорством растущей на скале сосны. Можно долго бродить в этих развалинах, протискиваясь в узкие проемы выбитых окон и вспугивая диких голубей. Вид осквернённого и заброшенного храма рождает в душе меланхолическое чувство. В нем и шатобриановская печаль руин, и наша российская чаадаевская безысходность...

«Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя...» (163, 124).

Отдельная тема — венец храма, пятиглавие. Его высота должна соответствовать общим пропорциям храма. Но при этом важно точно знать, на каком уровне находилась древняя кровля, и сохранить эту отметку. Пятиглавие должно быть хорошо «собрано». Главы должны стоять не слишком далеко, но и не слишком близко друг к другу.

Наконец, сами «луковицы». Это, может быть, самый ответственный момент. Здесь недопустима малейшая ошибка. Они должны быть не слишком большими, но и не слишком маленькими. Их форма должна точно соответствовать общей логике развития архитектурных масс вверх. Стоит чуть отпустить линию контура

вниз — и будет неуклюжая «репа». Достаточно слегка перетянуть линию вверх — и «луковица» будет выглядеть глупым «огурцом».

Впрочем, «луковица» — это, конечно, условное и слишком натуралистичное название. Удачные очертания глав напоминают изменчивое, трепетное пламя свечи — древнего образа молитвы, восходящей к небесам.

Искусствоведы любят сравнивать здание с человеческим телом. Пользуясь этим приемом, можно сказать, что красивое, хорошо поставленное пятиглавие — такая же редкость, как красивая голова и правильные черты лица.

Купола быстро ветшали от времени, погибали от пожаров, становились жертвой урагана. Их неоднократно заменяли на новые, при этом часто искажая первоначальную форму. Реставратор должен точно воссоздать не только форму куполов, но и их покрытие. Ведь и оно менялось вместе со сменой куполов. В богатых храмах купола покрывали разноцветной черепицей. В сельских церквах (да и в древних каменных храмах) главки крыли чешуйчатым осиновым «лемехом». Обивка куполов кровельным железом, а также каркас купола из железных прутьев «журавцов» до начала XIX века считались роскошью и встречались редко...

Партия на черной доске

Конечно, храм — это прежде всего дом молитвы. И здесь любые комментарии неуместны. Но мы — искатели художественных впечатлений. Мы пришли сюда после богослужения, когда храм опустел. Тетушка возится за стойкой свечной лавки, временами зорко поглядывая в нашу сторону: люди незнакомые...

Тетушку можно понять. Сегодня много говорят о возвращении икон из музеев в те храмы и монастыри, из которых они происходят. Священники знают правила игры и строго требуют: верните Церкви незаконно изъятое безбожной властью... Но уверяю вас, что в глубине души они думают совершенно иначе. Во всей России не найдется, пожалуй, и одного храма, который бы не гра-

били по нескольку раз. Многие церкви и монастыри не имеют никакой сигнализации и находятся в десяти верстах от ближайшего отделения милиции. Священники беззащитны перед бандой грабителей. Они мечтают избавиться от древних икон, заменив их копеечным «новоделом», чтобы не привлекать внимания «церковных татей».

(Заметим, что процесс «вымывания» древних икон из православных храмов начался задолго до большевистского погрома и антикварного разбоя. Первопроходцами здесь стали старообрядцы, для которых обладание древней, «дониконовской» иконой было делом принципа. Они раньше искусствоведов научились точно определять время создания иконы. Заметив в храме древнюю икону, старообрядцы предлагали священнику за хорошее вознаграждение поменять ее на точную копию. Производство таких искусственно состаренных копий было налажено в старообрядческих иконописных мастерских. Измученные нищетой сельские священники нередко соглашались на такую операцию. Ведь в случае проверки имущества церкви по инвентарным книгам заметить подмену мог только опытный глаз.)

Когда в храмах появятся древние иконы из музеев, волна грабежей поднимется с новой силой. Спрос определяет предложение. Заказчиками станут всё те же церковные спонсоры — «благочестивые разбойники». Да и то сказать: круто иметь в своей домашней молельне икону, скажем, Дионисия... Или, на худой конец, Симона Ушакова. Круто...

Кто будет обеспечивать безопасность возвращенных икон в храмах? Кто и как ответит за их пропажу? Уверяю вас: никто. Мы уже не говорим об опасностях, которые грозят иконам от нарушения правил хранения: температурного режима, влажности и т. п.

Это прекрасно понимают и церковные люди, посвятившие свою жизнь писанию и изучению икон.

«Очень важно вернуть иконы Церкви, — говорит известный иконописец архимандрит Зинон. — Но для этого, конечно, нужно сначала иметь гарантии, что они будут там храниться в должных условиях. Я думаю, что

очень древние иконы уже не могут находиться в храме — должны быть особые помещения для их хранения, и только в праздники они могут выноситься для богослужения, для молитвы» (61, 33). К этому остается добавить, что «должные условия» едва ли создадут и наши внуки, а «особым помещением для хранения» и является по сути своей музей.

Но если все же отрешиться от проблемы безопасности в храмах, то возникают и другие мысли. Вот, скажем, молится обычный, рядовой верующий в храме перед иконой Николая Угодника. Много ли он думает о том, какого века эта икона, старше ли она патриарха Никона или младше? Думаю, ничего подобного ему и в голову не приходит. Есть икона святого и сам святой, который, может быть, услышит молитву и донесет ее до Господа. И Господь, из расположения к святому, может быть, исполнит просьбу. Вот и весь сказ.

И нет нужды в музейных «черных досках», чтобы действовала эта вечная линия.

Конечно, у людей с развитым художественным вкусом поделки палехских богомазов XIX века, а тем более лоснящиеся сусальным золотом изделия софринского завода вызывают раздражение.

«Всякие механические способы воспроизведения икон Церковью не одобряются. Но, очевидно, теперь обстоятельства заставляют... Это принимает иногда чрезвычайно уродливые формы, и в наших иконных лавках продаются такие иконы, которые не имеют права на существование. Та продукция, которую выпускают мастерские патриархии, далеко не всегда соответствует требованиям, предъявляемым Церковью к своему искусству. Это очень тревожный симптом.

По сути, икона — это постижение Духа, а у нас в храмах люди молятся перед чем угодно, храмы заполнены иконами самыми неожиданными и чуждыми. Многие иконы и даже целые иконостасы написаны так, что мешают молитве. Но всякий человек должен молиться благодаря иконе, благодаря пению, а не вопреки им» (61, 31).

Примитивное оформление интерьеров храмов (не говоря уже об их архитектуре) — ахиллесова пята современного православия.

«Сейчас многие образованные люди, не нашедшие Истины и Красоты на перепутьях мира, приходят в Церковь и ищут в Ней эту Красоту. Они очень тонко чувствуют всякую фальшь, всякое безобразие, уродство, особенно художники и музыканты. И, если они увидят в храме безобразные росписи, услышат вместо простого уставного поддельное концертное пение, — никто не убедит их в том, что христиане — свидетели Небесной Красоты» (61, 48).

Верное наблюдение тонкого наблюдателя. Ну, так за чем же дело встало? Возьмите из запасников музеев одну-две иконы XVII века (их там немерено!) и поставьте в храме для особо утонченных натур. А еще лучше — поменяйте профиль софринского завода так, чтобы он из производителя православного китча превратился в крупный художественный центр с современными иконописными мастерскими, музеем, специальным учебным заведением для будущих иконописцев. Раскопайте иссохший родник живой иконописной традиции — и не нужно будет просить хороших икон в музеях. Пусть в музеях учатся уважать православие и постигают красоту иконы люди, далекие от церкви. Глядишь, и в храм придут со временем.

Словом, не надо никаких передач древних икон из музеев в церкви. Это никому не нужно, кроме воров, которые уже потирают руки от предвкушения добычи...

Но поскольку воры сегодня — «в законе», то скоро, вероятно, будет принят соответствующий закон и приватизация древних святынь пойдет полным ходом. Быть так. А я напоследок порадуюсь тому, что мне в этой жизни всё же повезло: много лет я мог, придя в Третьяковку, оказаться лицом к лицу с Владимирской в полупустом зале древнерусской живописи. Вот она, передо мной, на расстоянии вытянутой руки, подлинная Владимирская, неподвижная и чуткая, как бабочка на рукаве...

На скрипучем паркете Загорского музея я мог подолгу стоять перед келейными иконами святого Сергия, которые глядели на меня с тем же строгим участием, с каким глядели и на него... Вот всё понимающая, но милостивая Одигитрия... Вот строгий судья совести, архиепископ Николай Мирликийский...

Где ныне эти иконы? В каких настоятельских кельях обитают? Не знаю...

И снова Тайнинское. Внутри стены храма покрыты какой-то серой цементной обмазкой. Удержимся от комментариев. Лучше обойдем вокруг Благовещенской церкви. Сколько прекрасных деталей, неожиданных ракурсов, мерцающей игры света и тени... Хочется повторить обход, то удаляясь, то приближаясь ко храму.

Мы внимательно осмотрели храм и теперь оглянемся по сторонам. Лужайка, травка, дорожки... Под мостом журчит юная Яуза, а рядом — ее приток, речушка Сукромка. Приятная сельская картина. Но вот беда: всё как-то голо, однообразно. Ни дерева, ни куста, ни даже забытого пня. Кажется, будто храм стоит посреди футбольного поля. И это, увы, не случайно...

Старина любит красоваться в оправе вековых деревьев. Трудно представить древний храм или обитель без этого торжественного обрамления. «Развесистые медовые липы поднимаются над стенами ограды монастырей, и для общего вида их всегда столь типична именно эта заросль, пушистая весной, сочная летом, багряная осенью и покрытая волшебно-красивой пеленой инея зимою» (104, 66).

Недавно в Ростове Великом, в Авраамиевом монастыре, я с ужасом обнаружил отсутствие старых лип вокруг собора и вдоль давно разрушенных стен. Построенный Иваном Грозным собор без своего привычного окружения выглядел каким-то одиноким, ветхим и бесстыдно обнаженным. Кто велел срубить деревья, почти ставшие уже памятниками истории? Знающие люди сказали: игуменья монастыря, матушка...

Не верю, ну хоть убейте — не верю... Но как бы там ни было, я уже вряд ли скоро опять поеду в Авраамиев монастырь. Как говорит один мой знакомый, «для печени вредно»...

В погоне за «благолепием», а может быть, и по иным соображениям, «поновление» храмов часто сопровождается вырубкой стоящих вокруг старых деревьев. Вот и здесь, в Тайнинском, вокруг Благовещенской церкви, уже нет тех огромных ветвистых деревьев, которыми любовался Карамзин, тех деревьев, которые красовались тут еще сравнительно недавно и без которых

храм — словно картина без рамы. Эта война с деревьями, превращающая окрестность храма в подобие армейского плаца, как болезнь, распространилась по обителям и приходам Святой Руси.

Распорядителям этой вырубки следует вспомнить хотя бы те три березки, что растут от одного корня у самых Святых ворот Троице-Сергиевой лавры. Право, они стоят иной церкви.

Памятник

И все же в Тайнинском не обойтись без тайн или, по меньшей мере, необычайных явлений. Одно из них странным черным столбом возвышается на пустыре к югу от Благовещенской церкви.

Присмотримся. Да это памятник! Кому? Не угадаете... Екатерине Великой? Нет, это не она... Елизавете? Опять не угадали... Сдаетесь? Так вот: это... памятник Николаю II. На высоком постаменте в форме колокола — «хозяин земли Русской», как он определил род своих занятий в анкете Первой Всероссийской переписи населения. Памятник представляет императора в торжественный момент коронации: в короне, мантии и с царскими регалиями — державой и скипетром. Таким образом, это не только реальный человек, но и собирательный образ Русского Царя, самодержца, помазанника Божьего.

Как, какими судьбами попал сюда этот монумент?

В середине 90-х годов прошлого века идея установки памятника Николаю II вызвала немалый шум. Для одних последний император — невинная жертва красного террора, царь-мученик, пострадавший за Россию. Для других — Николай Кровавый, безвольный и бездарный правитель, приведший страну к катастрофе. Тогда же развернулась эпопея с обретением и перенесением в Петербург останков Николая и его близких. (В подлинности останков и необходимости их торжественного перенесения многие сомневались.) Трагическая кончина последнего российского самодержца и его семьи стала материалом для пиар-кампаний разного рода временщиков. Русская православная церковь заняла в этом вопросе осторожно-выжидательную позицию.

Почитатели памяти Николая хотели установить отлитый скульптором В. М. Клыковым памятник царю в центре столицы. Но московские власти отказали апологетам последнего монарха. Не получив московской регистрации, бронзовый император подвергся принудительной высылке из столицы. В конце концов ему нашли место здесь, на пустыре, на окраине Тайнинки. Возможно, сыграл свою роль тот факт, что мастерская Клыкова находилась в селе Талицы, на старой Троицкой дороге, в 40 километрах от Москвы. Большой любитель и знаток русской старины, скульптор часто ездил по Троицкой дороге и, несомненно, бывал в Тайнинском, знал историю села.

Впрочем, памятник и здесь не оставили в покое. Однажды ночью какие-то оголтелые радикалы свалили его динамитом. Но создатели памятника подняли скульптуру и поставили на место...

Диктатура совести

Памятник Николаю II стоит почти на том самом месте, где когда-то пировал со своими опричниками Иван Грозный. Рассказывают, будто он устроил в подземелье в Тайнинском некую «содомову палату», где предавался всем разновидностям греха...

Итак, в Тайнинском удивительным образом встретились два русских царя: первый и последний. При личной встрече им было бы о чем поговорить. Трагическая судьба Николая II была результатом краха той системы власти, которую построил Иван Грозный. Эта система — *самодержавие*.

В качестве главы церкви и воплощения высшей справедливости в глазах народа самодержец является абсолютным нравственным авторитетом. Это сочетание политического и нравственного начал в самодержавии позволило Владимиру Соловьеву назвать его «диктатурой совести».

Не следует путать два вопроса: об исторической целесообразности самодержавия и о том, насколько удачно тот или другой самодержец справлялся со своей ролью. Мог ли Иван Грозный добиться тех же результатов

(ослабление крупной аристократии, быстрое развитие поместного землевладения) без приемов восточного деспотизма, без кровавого террора опричнины? Действительно ли сопротивление его политике было столь сильным и ожесточенным, что для его подавления потребовались крайние средства? На этот вопрос историки не дают окончательного ответа (201, 397). Здесь начинается область чисто эмоциональных или политически конъюнктурных оценок, которыми пользуются ангажированные публицисты.

Обеспокоенный тенденцией, которая могла, по его мнению, привести к тяжелым последствиям для страны, Карамзин провозглашает свой знаменитый тезис: «Самодержавие есть палладиум России».

Паладин самодержавия, Николай I спас страну от гражданской войны решительной и жестокой расправой с декабристами. Он стремился модернизировать российскую экономику и по возможности не допустить технического отставания от Запада. Однако эта задача требовала перестройки всей общественно-политической системы и в первую очередь — отмены крепостного права. Решению этой проблемы посвятил свое царствование сын и наследник Николая император Александр II.

Вызванное «великими реформами» общественное движение породило не только либералов и консерваторов, но также крайних радикалов, пытавшихся поднять крестьян на революцию. Жертвой их террористических методов борьбы стал сам Царь-освободитель.

Испуганное разгулом левого радикализма общество отшатнулось вправо. Мыслители консервативного направления (Победоносцев, Катков, Леонтьев) разрабатывают апологию самодержавия.

Российская империя была чрезвычайно сложной и «взрывоопасной» страной. Количество социальных, национальных и религиозных противоречий — а вместе с ними и количество людей, недовольных существующим положением — было очень велико. Стремящиеся к власти политические демагоги всех видов представляли самодержавие как главную и единственную причину всех несчастий. В этой сложнейшей ситуации царь

Николай II пошел на уступки либеральному лагерю и 17 октября 1905 года подписал Манифест, положивший начало превращению самодержавия в конституционную монархию.

Слабая социальная база либерального движения в России, наличие огромного количества политических маргиналов (главным образом крестьян, недавно перебравшихся в города), низкий уровень жизни населения, порождавший постоянное политическое брожение, наконец, нежелание европеизированной власти прибегать к «восточным» методам борьбы с оппозицией создавали условия для политического кризиса. Быстрое распространение революционных идей в армии на фоне трагических неудач Первой мировой войны лишило Николая II последней опоры в борьбе с надвигавшимся крахом.

Личность монарха, его человеческие и деловые качества — ахиллесова пята всякой монархии. Последний русский царь не нашел в себе сил для решительных действий. С безразличием обреченного он смотрел на то, как закипает революционный котел. Одни видят в этом святую покорность Бориса и Глеба, другие — клиническую анемию воли.

«Полковник из хорошей семьи...»

Тяжелое, тревожное чувство оставляет этот памятник. Еще одно действующее лицо в театре абсурда — современной российской действительности. Там — гигантский Петр, выплывающий на своем корабле из ворот... кондитерской фабрики. Тут — «хозяин земли Русской», сосланный на задворки подмосковного поселка... Эта коронация на пустыре, эти опоздавшие на сто лет бомбисты, атакующие царя — бронзового...

Кажется, Витте в своих мемуарах сказал, что царь Николай обходительностью и мягкими манерами производил впечатление полковника из хорошей семьи. А как обаятелен он в своей домашней куртке на знаменитом портрете кисти В. А. Серова...

Глядя на эти лучистые голубые глаза, трудно поверить, что это о нем сказал К. Бальмонт:

Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима,
Наш царь — кровавое пятно,
Зловонье пороха и дыма,
В котором разуму темно.

Наш царь — убожество слепое,
Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
Царь-висельник, тем низкий вдвое,
Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,
Но будет, — час расплаты ждет.
Кто начал царствовать — Ходынкой,
Тот кончит — встав на эшафот (10, 120).

Проклятый и канонизированный, по-прежнему загадочный, как сфинкс, последний царь смотрит со своего пьедестала куда-то вдаль, туда, где над пустырями медленно встает по утрам тяжелое русское солнце.

А вокруг памятника — высокая чугунная решетка с калиткой на замке...

Глава тридцать вторая

Мытищи

Последними километрами своего извилистого русла Яуза приводит в Мытищи. Тут ее родина, ее истоки.

Известно, что в древней Руси главными торговыми дорогами были реки. Из Москвы во Владимир, например, добирались главным образом по Клязьме: летом на легких судах, а зимой — на санях, по замерзшему руслу реки. В свою очередь, до Клязьмы удобнее всего было добраться, поднявшись вверх по течению Яузы — левого притока Москвы-реки. Яуза впадает в Москву-реку почти в самом центре города.

Верхняя пристань на Яузе находилась в районе современных Мытищ, там, где в Яузу впадает небольшая речка Работня. Отсюда товары и легкие суда тащили волоком 7—8 верст до Клязьмы. На этом оживленном торговом пути московские власти поставили «мытную избу», где собирали со всех провозимых товаров особую дорожную пошлину — «мыт». А северный, клязьминский конец волока стерегла небольшая крепость — «городок».

Именно этим путем, по Яузе и Клязьме, прошло от Москвы до Владимира войско Батыя зимой 1237/38 года.

Со временем Яуза совсем обмелела, и торговое движение по этому пути прекратилось. Мытная изба закрылась, а само место получило название «Мытище», то есть «старый, заброшенный мыт». Равным образом и заброшенный «городок» стал называться «городище». Место с таким названием сохранилось на берегу Клязьмы и до наших дней.

Впрочем, в литературе высказывалось и другое мнение, согласно которому название произошло не от торговой пошлины, а от характера местности. В старину «словом *мытище* обозначались местности мочевинистые, ключевистые» (39, 389).

На все местности были свои шутливые присказки. Про Мытищи говорили так: «Не видал грязищи — поезжай в Мытищи». Здешние сырые, болотистые места вполне оправдывали эту старую поговорку.

Село Мытищи на Переяславской дороге впервые упоминается в переписных книгах под 1631—1633 годами. Половина села принадлежала государю, а половина — Троице-Сергиеву монастырю (40, 228). С конца XVIII века село стало именоваться *Большими Мытищами* в отличие от деревни *Малые Мытищи*, находившейся ближе к Москве.

Синяя церковь

В конце XVII века Мытищи перешли во владение Нарышкиных (88, 8). Благодаря родству с царем Петром этот род был тогда одним из самых богатых и влиятельных в России. При Нарышкиных в 1713 году и была построена на берегу Яузы каменная церковь типа «восьмерик на четверике», освященная в честь иконы Владимирской Божьей Матери. Она украшена с использованием приемов «нарышкинского барокко».

В 1818—1819 годах первоначальную трапезную и колокольню разобрали и заменили на новые. Позднее к храму были пристроены два придела — во имя святителя Николая и преподобного Сергия Радонежского (135, 344).

Сложный и как бы расплывающийся силуэт храма с многочисленными пристройками объединяется вертикалью колокольни. Она построена в первой половине XIX века и разрушена до нижнего яруса в 1941 году «из опасений, что она может послужить ориентиром для немецких летчиков» (117, 30). Главным достоинством колокольни была ее высота. «Верст за 10 видна новая высокая колокольня старой мытищинской церкви во имя Владимирской Божией Матери», — отмечал один путешественник в 1856 году (170, 64).

Недавно колокольня восстановлена. Она примечательна не столько своими художественными достоинствами, сколько огромными размерами и необычным завершением в виде высокого цилиндра с яйцевидным куполом. По необычному виду этой колокольни путник издалека узнавал о приближении к Мытищам.

Владимирской церкви не повезло на соседство. Рядом с ней недавно проложена многополосная магистраль Ярославского шоссе. Исчезли окружавшие храм деревенские дома с яблоневыми садами, срезан бульдозерами склон придорожного холма. Церковь стоит прямо над отвесной бетонной стеной, ограждающей магистраль.

В Мытищах, как и в Тайнинском, храм сияет свежей окраской стен. Но лучше бы маляры занялись чем-нибудь другим... Владимирская церковь выкрашена в ярко-синий цвет с белой прорисовкой деталей. Эту бьющую в глаза синьку можно увидеть на рекламных щитах или дорожных указателях. Для церкви, прежде сиявшей классической белизной, она абсолютно неуместна.

Вызывает сомнения и комплекс построек, выросших вокруг храма и зрительно принизивших его. Не знаю, существовали ли раньше эти корпуса или выстроены заново. Но все это требует историко-художественной экспертизы. Проводилась ли она здесь?

В любом деле важно поддерживать традицию. Напомню некоторые факты из прошлого.

В конце XIX — начале XX века для любой перестройки или ремонта древних церквей требовалось согласие

Московского археологического общества (МАО). В случае необходимости строительных работ местный священник или архиерей делал запрос в МАО. Оттуда высылали на место инспектора, который подготавливал заключение о возможности и целесообразности задуманных работ. Руководителем Общества многие годы была графиня Прасковья Сергеевна Уварова (урожденная Щербатова). Вдова знаменитого археолога, основателя Исторического музея в Москве, Алексея Сергеевича Уварова, Прасковья Сергеевна благодаря своему происхождению и родственным связям могла лично решать вопросы охраны памятников на уровне высокопоставленных чиновников Синода, губернаторов и министров. Общество публиковало знаменитые сборники «Вопросы реставрации», в которых печатались материалы по памятникам архитектуры в различных губерниях страны.

В советские времена энтузиасты ВООПИиК (забыли? подскажу: Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры) упорно сражались не только за спасение памятников, но и против возведения рядом с древним храмом многоэтажного дома или заводского корпуса. Чаще, конечно, терпели поражение, но иногда и побеждали. Во всяком случае, хоть как-то следили за антихудожественным произволом власть имущих.

Большие Мытищи вошли в историю династии Романовых благодаря случайному эпизоду. Местная крестьянка Авдотья Гавриловна Карцева, отличавшаяся отменным здоровьем, в 1818 году была взята ко двору в качестве кормилицы младенца-наследника, будущего императора Александра II. Исполнив поручение, она была щедро награждена и отпущена домой.

Александр помнил о своей кормилице. Известно, что во время поездок из Москвы в Троицу он не раз посещал ее в Мытищах (170, 59). Дом Карцевой был самым богатым в селе. Ее могила возле церкви была отмечена красивым каменным надгробием.

Большие Мытищи встречаются и на страницах русской классической литературы. Один из центральных

эпизодов «Войны и мира» — встреча Наташи Ростовой с тяжело раненным князем Андреем происходит именно здесь, в Больших Мытищах. Отсюда же Ростовы наблюдали ночное зарево разгоравшегося пожара Москвы.

Эти места долго сохраняли свой деревенский облик. Известный русский художник Константин Коровин (1861—1939), детские годы которого прошли здесь, вспоминал их на склоне лет.

«Погоди, — сказал отец, — скоро мы поедем в деревню Мытищи, там будем жить. Вот там я тебе дам пороху и дробь, ты будешь стрелять дичь.

Долго ждал я этого счастья. Прошло лето, зима, и вот в один прекрасный день, когда только распустились березки, отец поехал со мной по железной дороге. Какая красота. Что видно в окно — леса, поля — всё в весне. И приехали в Большие Мытищи. С краю был дом — изба большая. Нам ее показала какая-то женщина и с ней мальчик Игнатка. До чего хорошо в избе: две деревянные комнаты, потом печка, двор, на дворе стоят две коровы и лошадь, маленькая собачка, замечательная — всё время лает. А как вышел на крыльцо, видишь большой синий лес. Блестят на солнце луга. Лес — Лосиный остров, огромный. То есть так хорошо, как я никогда не видел. Вся Москва никуда не годится, такая красота...

Через неделю мы переехали туда. Отец где-то получил службу на фабрике недалеко. Но что это такое за Мытищи? Там есть речка — Яуза, и идет она из большого леса до Лосиного острова» (86, 28).

Чаепитие в Мытищах

В XIX веке все, кто направлялся из Москвы в Троицу, обычно делали первую остановку в Мытищах. Это способствовало быстрому развитию «сферы обслуживания». Местные жители предлагали паломникам свои услуги. Перед каждым домом стояли длинные столы, на которых красовались блины, грибы, ягоды и прочая постная закуска. Посреди этого съестного изобилия царил кипящий самовар. Трудно было удержаться от соблазна после утомительной дороги выпить несколько чашек чая, заваренного знаменитой мытищинской

водой. Лучшей в *Большом Мытище* (так произносили в старину название села) считалась вода из отмеченного особой часовней Святого (Громового) ключа. По преданию, он возник чудесным образом — от удара молнии.

В Мытищах делают остановку для обязательного чаепития и герои повести Ивана Шмелева «Богомолье».

«А вот и Мытищи, тянет дымком, навозом. По дороге навоз валяется: возят в поля, на пар. По деревне дымки синеют. Анюта кричит:

— Матушки... самоварчики-то золотенькие по улице, как тумбочки!..

Далеко по деревне, по сторонам дороги, перед каждым как будто домом, стоят самоварчики на солнце, играют блеском, и над каждым дымок синеет. И далеко так видно — по обе стороны — синие столбики дымков.

— Ну, как тут чайку не попить!.. — говорит Горкин весело, — уж больно парадно принимают... самоварчики-то стоят, будто солдатики» (218, 76).

Мытищинские чаепития были общедоступным удовольствием. В конце XIX века за самовар хозяйки просили гривенник, а за право наливать чай из общего самовара — всего две копейки. Обстановка при этом была весьма патриархальная. Под столами бродили куры и терлись о ноги бродячие собаки.

Впрочем, и такая малая роскошь, как чаепитие, была доступна не всем богомольцам. Иные отдыхали прямо на траве, на берегу Яузы, перекусывая краюхой хлеба из котомки.

«Богомольцы лежат у воды, крестятся, пьют из речки пригоршнями, мочат сухие корочки. Бедный народ всё больше: в сермягах, в кафтанишках, есть даже в полушубках, с заплатками — захватила жара в дороге, в лаптях и в чунях, есть и совсем босые. Перематывают онучи, чистятся, спят в лопухах у моста, настегивают крапивой ноги, чтобы пошли ходчей. На мосту сидят с деревянными чашками убогие и причитают...» (218, 67).

Среди богомольцев встречались люди со всех концов России. Здесь можно было увидеть самые разные человеческие типы. В этом отношении Мытищи были прекрасной «натурой» для художников-реалистов. Василий Григорьевич Перов подсмотрел здесь сюжет для

известной картины «Чаепитие в Мытищах». Картина оказалась так хороша, что ее тотчас купил для своей галереи П. М. Третьяков. Дача Третьякова, кстати сказать, находилась неподалеку от Мытищ, близ станции Тарасовская. Там и жил Перов в период работы над картиной. Художник был очарован разнообразием сцен и типажей на Троицкой дороге и сам прошел пешком весь путь до монастыря (88, 7).

Суриков искал в Мытищах типажи для своей картины «Боярыня Морозова». Вот что рассказывал об этом он сам.

«Самую картину я начал в 1885 году писать; в Мытищах жил — последняя избушка с краю. И тут я штрихи ловил. Помните, посох-то, что у странника в руках. Это богомолка одна проходила мимо с этим посохом. Я схватил акварель да за ней. А она уже отошла. Кричу ей: "Бабушка! Бабушка! Дай посох!" Она и посох-то бросила — думала, разбойник я» (58, 92).

В советское время Мытищи быстро утратили свою живописность и оригинальность. Как на дрожжах стала расти промышленность. Мытищи как бы втянули в себя несколько окрестных сел, деревень и фабричных поселков. Возникший конгломерат в 1925 году был объявлен городом. Тем же путем, поглощая соседние поселения, возникли и соседние города — Калининград (современный Королев), Пушкино, Красноармейск.

В запале революционного энтузиазма Мытищи хотели переименовать в Пролетарск, но вовремя одумались.

Глава тридцать третья

Кто срубил вишневый сад?

Покинув Мытищи, отправимся через древний волок — на Клязьму, в Тарасовку. Это село существовало еще во времена Ивана Грозного и упоминается в писцовых книгах под именем *Тарасово* (146, 508).

Академик Миллер, путешествуя из Москвы в Троицу в 1789 году, в своих записках отметил: «На полуденном берегу Клязьмы лежит деревня Тарасова, под ведением Коллегии экономии» (113, 241).

В середине XIX века здесь была почтовая станция, где путники меняли лошадей. В мае 1849 года через Тарасовку проезжал Иван Аксаков, направлявшийся по делам службы из Москвы в Ярославль. В письме отцу он так описал свое путешествие до Троицы: «Я выехал, как Вы помните, 19 мая, поздно вечером. Тарантас мой оказался чрезвычайно покойным, по крайней мере, для меня. В Тарасовке и Талицах переменил лошадей; везли довольно плохо и долго держали на переменах, так что в Троицу я приехал часу в шестом утра...» (3, 4).

Дачный рай

Живописные берега верхнего течения Клязьмы издавна привлекали внимание московской знати. В старину здесь располагались подмосковные вотчины многих боярских фамилий — Салтыковых, Трубецких, Куракиных, Голицыных. Имея село или несколько деревень вблизи Москвы, вотчинник всегда мог получать свежие продукты и все необходимое для своего московского дома. В то же время подмосковная деревня была и прекрасным местом для отдыха, охоты, разгульной пирушки. Ну а близость реки дополняла удовольствия обильным рыбным столом, прелестями летнего купания и банного дела.

Судьба всегда была переменчивой. Одни дворянские роды возвышались, другие мельчали и разорялись, третьи пресекались за неимением наследников мужского пола. Соответственно, и дворянские усадьбы довольно часто переходили от одних хозяев к другим. И каждый новый хозяин норовил переделать всё по своему вкусу...

Во второй половине XIX столетия подмосковные усадьбы быстро превращаются в дачи. Они переходят от дворян к новым «хозяевам жизни» — купцам, промышленникам, успешным представителям «свободных профессий». Одновременно в Подмосковье расцветает и весьма прибыльный «бизнес» — скупка земельных участков и строений для последующей их перепродажи или сдачи в аренду под дачи.

В начале XX века по берегам Клязьмы стояли десятки роскошных дач. В большинстве своем они были

выстроены в стиле русского «деревянного модерна». Многие из этих дач связаны с именами живших здесь выдающихся людей своего времени.

После революции дачи оказались заброшенными. Одни были разграблены и вскоре сгорели, другие превратились в общежития для местного пролетариата. Быстрый рост подмосковных «городов-спутников» с их могучими предприятиями военно-промышленного комплекса практически не оставил дачным теремкам никаких шансов уцелеть.

Порой мы с удивлением обнаруживаем хрупкий и как бы «нездешний» усадебный дом или флигель посреди огромного хмурого города. Обсаженный елочками и окруженный забором, он похож на библейского Иону во чреве кита. Но судьба его едва ли будет столь благополучной, как судьба Ионы. Своим существованием он, скорее всего, обязан какой-то исторической случайности. Возможно, здесь пару дней провел В. И. Ленин, отдыхая на природе от трудов по управлению Советским государством. (Так уцелели превращенные в музей усадьбы Костино и Лесные Поляны в черте города Королёва.)

Впрочем, сегодня имя Ленина уже не дает никаких гарантий...

В Тарасовке располагались дачи Общества бывших ссыльных и политкаторжан. Эта организация, объединявшая старых революционеров, существовала до начала 30-х годов. Здесь жила в летнее время знаменитая революционерка, автор мемуаров «Запечатленный труд» Вера Фигнер.

Старые липы Любимовки

Особый поклон — усадьбе *Любимовка*. Она расположена на левом берегу Клязьмы, в полукилометре справа от Ярославского шоссе.

Любимовка поменяла немало хозяев. С 1869 года ее владельцами стали фабрикант С. В. Алексеев и его сестра В. В. Сапожникова. В 1873 году они разделили усадьбу на два самостоятельных владения, которые вплоть до 1917 года принадлежали их наследникам (210, 127).

Здесь для увлекавшихся театром детей хозяйка дома, мать К. С. Станиславского, выстроила двухэтажное деревянное здание театра. Первый спектакль в нем состоялся летом 1877 года.

Со временем Любимовка стала владением сына С. В. Алексеева — актера и режиссера К. С. Станиславского. Здесь он в 1897 году обсуждал с В. И. Немировичем-Данченко идею создания Художественного театра.

В Любимовке не раз гостил А. П. Чехов. Здесь у него родился замысел знаменитой пьесы «Вишневый сад». Конечно, в усадьбе был тогда и настоящий, сверкающий весенней белизной вишневый сад.

В свое время много было разговоров и публикаций в печати относительно устройства в Любимовке Музея истории театра. Дело двигалось медленно. А между тем случилось то, что должно было случиться. «Деревянные главный дом Алексеевых и "Белая дача" Сапожниковых, построенная по проекту архитектора А. А. Никифорова, сгорели в 1990-х гг.» (88, 19).

На территории усадьбы в полуразрушенном или «недовосстановленном» состоянии сохранились несколько деревянных построек 1870-х годов. Это гостевой дом, двухэтажный деревянный жилой дом, «Театральный» флигель. Привлекает внимание «Музыкальный салон» — павильон фабрики Алексеева на Всероссийской промышленно-художественной выставке 1882 года (архитектор Д. Н. Чичагов). Восстанавливается в кирпиче (?) и разрушенная деревянная Покровская церковь.

Видевшие Чехова и Шаляпина старые липы Любимовки глухо шелестят своими густыми кронами. Они пока еще не разделили судьбу исчезнувшего вишневого сада. Тихо струится под невысоким берегом заросшая осокой Клязьма. Уголок сельского покоя и задумчивости...

Но странное, тревожное впечатление оставляет Любимовка. Словно какой-то наспех начатый и неоконченный проект. Территория усадьбы обнесена забором из железных прутьев. Ни вывески, ни справочной таблички, ни даже сторожа у ворот. За забором — никакого движения. Деревянные постройки выглядят заброшенно и неуютно. Лужайки и дорожки заросли бурьяном.

А через узкую дачную улицу глядят на святыню русского театра богатырских размеров особняки из красного кирпича...

Время покупать камни

За Тарасовкой вдоль Ярославского шоссе начинаются бесконечные павильоны рынка строительных материалов. Всякому известно, что по правой стороне больших дорог, расходящихся из Москвы во все стороны, тянется бесконечный строительный рынок. Вероятно, такого причудливого рынка нет ни в одной развитой стране. Здесь можно найти всё, от дверного крючка до огромных камней-валунов, которыми украшают лужайку перед домом.

Рынок живет под девизом — всё для всех. Измученные безумным ритмом жизни столицы, задыхающиеся в выхлопе миллионов автомобилей, москвичи хотят во что бы то ни стало соорудить себе жилище где-то «на природе». В идеале исполнение этого желания должна взять на себя строительная фирма. Заказчик лишь определяет, какой проект ему более по душе и по карману, присматривает за ходом работ и получает ключи от новенького коттеджа.

Однако наши люди обычно не имеют достаточно средств для заказа «под ключ», не верят в хорошее качество исполнения работ, не доверяют честности фирмы и в конечном счете предпочитают лично участвовать в строительстве. Кроме того, многие летом живут в построенных еще в брежневские и горбачевские времена фанерных домиках на шести сотках. Эти смиренные «фазенды» требуют непрерывного ремонта и подновления. Вот этих-то героев-тружеников дачного фронта и обслуживают раскинувшиеся на бывших колхозных полях рынки-муравейники.

Зайдем в широко раскрытые врата этого мелкотоварного царства.

В каждом крошечном закутке сидит обложенный ящиками и коробками со всякой строительной ерундой продавец. Иногда — «славянской внешности», чаще — «лицо кавказской национальности». Нередко в

роли продавца выступает закутанная в видавший виды «пуховик» изможденная женщина.

В старой России рыночной торговлей занимались в основном мужчины. Советская эпоха сделала торговлю, да и вообще «сферу услуг», чисто женским делом. Исключение составляли мясники и чистильщики сапог. В постсоветской России мужчины «славянской внешности» постепенно вернулись за прилавок и присоединились к своим южным коллегам, для которых торговля всегда была достойным занятием уважающего себя мужчины.

По-разному относясь к своему положению, рыночные торговцы едины в одном. Все они изнемогают от скуки в молчаливом обществе шурупов и гвоздей. Единственное развлечение — посудачить с соседом и выпить стакан обжигающего чая в зыбком пластмассовом стаканчике.

Печальная и скучная картина.

Не станем выносить поспешных суждений по поводу этого явления. Заметим лишь, что, как говорил Екклесиаст, «нет ничего нового под солнцем». И обратимся к истории, которая не дает ответов, но подсказывает место, где их следует искать.

Строительные лихорадки уже бывали в России. Вспомнить хотя бы времена царя Федора Алексеевича (1676—1682) и царевны Софьи (1682—1689). По всем русским городам в ту пору как грибы после дождя росли... нет, не особняки с золотым петушком на спице, а каменные храмы. Страна жила тихо, почти не воевала, особенно не переустраивалась. Города процветали. Купцы и ремесленники богатели, отстраивали себе каменные палаты или узорчатые терема. Но тогдашние «деловые люди» понимали, что долго держать нажитые деньги в руках опасно. Затишье вот-вот могло смениться новыми потрясениями. А главное — за тугим кошельком охотились и сборщики государевых податей, и местные воеводы, и лихие люди с большой дороги. И у всех у них было много способов отнять заветную кубышку.

Возникла тяжкая проблема: как истратить большие деньги? В современной огласовке это вопрос: как выгодно и надежно вложить капитал?

Понятно, что русские предприниматели допетровского времени не мыслили себе жизни вне России и не занимались вывозом капитала за рубеж.

Вероятно, они согласились бы пустить нажитые деньги в новый оборот и приумножить богатство. Но узость внутреннего рынка, низкая платежеспособность населения, слабое развитие отечественной промышленности не позволяли этого сделать. Всякий «бизнес» быстро достигал своего предела.

В такой ситуации единственным более или менее разумным способом вложения капитала было строительство церквей. Это благочестивое предприятие прославляло строителя в этом мире и повышало шансы на хороший прием в мире ином. Церквей стало куда больше, чем нужно. Случалось, купец строил «дом Божий» в буквальном смысле у себя на огороде. И посещали этот громадный храм только он сам да его домочадцы.

Буквально так, у себя на огороде, построил ярославский купец Скрипин, торговавший пушниной и драгоценными камнями, церковь Ильи пророка (1650). Она считается одним из лучших храмов допетровской Руси.

И по сей день стоят по старым русским городам нарядные церкви второй половины XVII столетия. Среди них нет и двух одинаковых. Каждая прекрасна по-своему. Все отмечены прелестью ручной работы. Мы любуемся ими, не думая о том, что эти храмы — равно как и наполнявшие их шедевры иконописи, шитья, ювелирного дела — обязаны своим появлением на свет нашей извечной экономической отсталости.

А когда засвистел над страной петровский кнут, всё это строительное благочестие быстро прекратилось. Модернизация промышленности, участие в которой было «почетной обязанностью» каждого состоятельного гражданина, не оставила у людей лишних денег.

Вот так, или примерно так, будущий историк станет рассуждать и перед воротами бесчисленных подмосковных особняков.

Впрочем, ему придется сделать особую оговорку относительно разницы в художественных достоинствах старинных церквей и этих претенциозных памятников эпохи первоначального накопления...

Современное шоссе

У Крестовской Заставы

Обгон запрещен

Железные кони...

...и их неторопливый предшественник

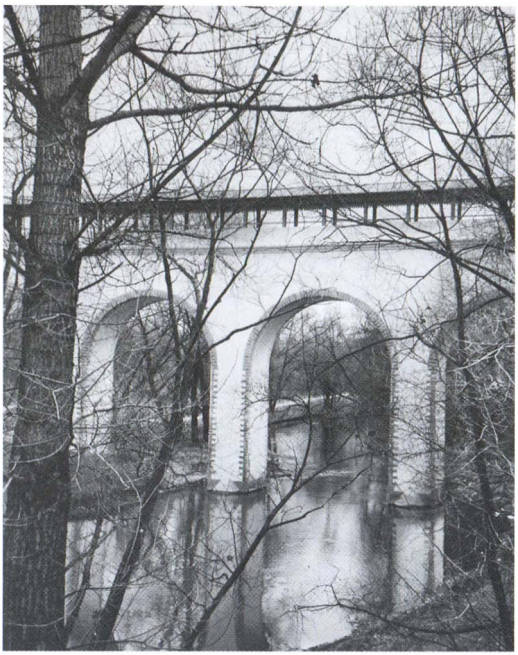

Осенняя даль

Образцовая остановка

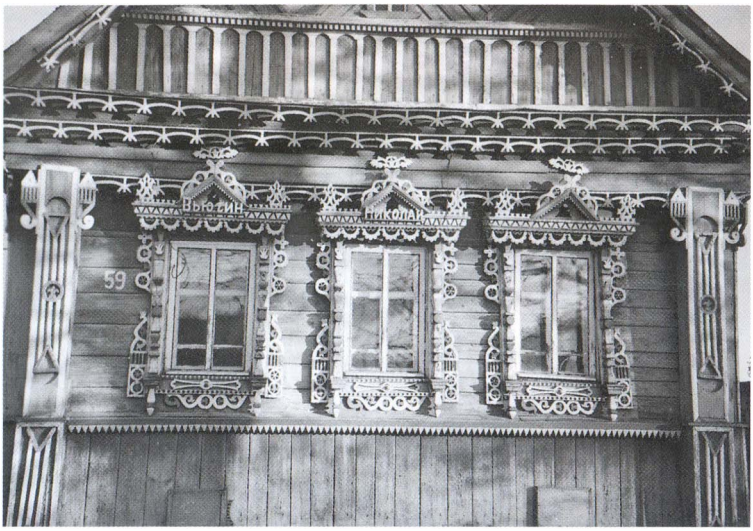

Река Яуза
и Ростокинский
акведук

Придорожные
удовольствия

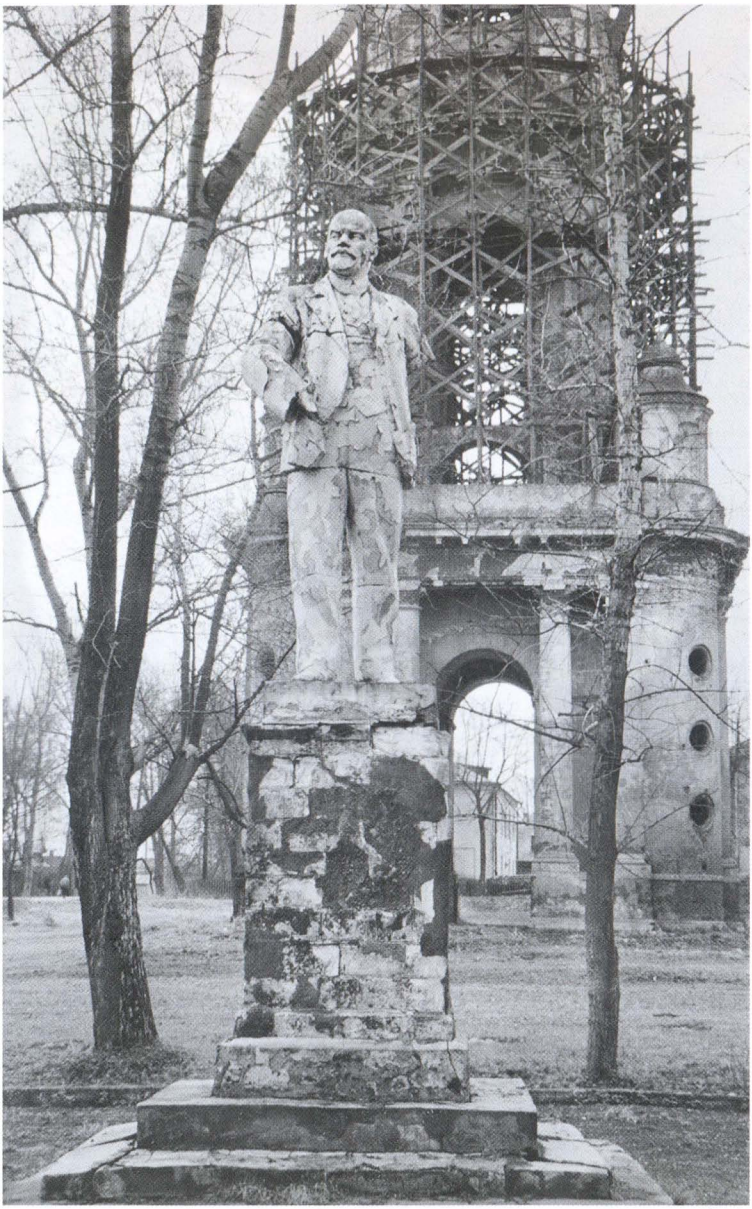
Дом Вьюгина

Дом, который помнит времена ямщиков

Памятник Николаю II в селе Тайнинском

Памятник В. И. Ульянову (Ленину) в селе Поречье Ростовского района Ярославской области

Провинциальная альтернатива

То самое бездорожье

Воздвиженская церковь в селе Воздвиженском. *1840-е гг.*

Тоже дорога

Тихая родина

Гладиатор российских дорог

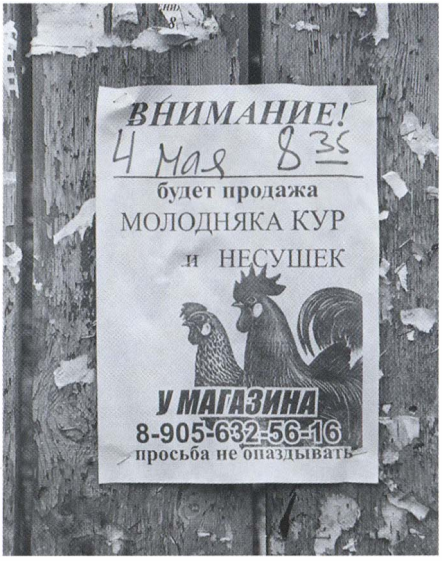
Пионерская Венера

Придорожная торговля

Испить водицы...

В ногу со временем

Районная гостиница

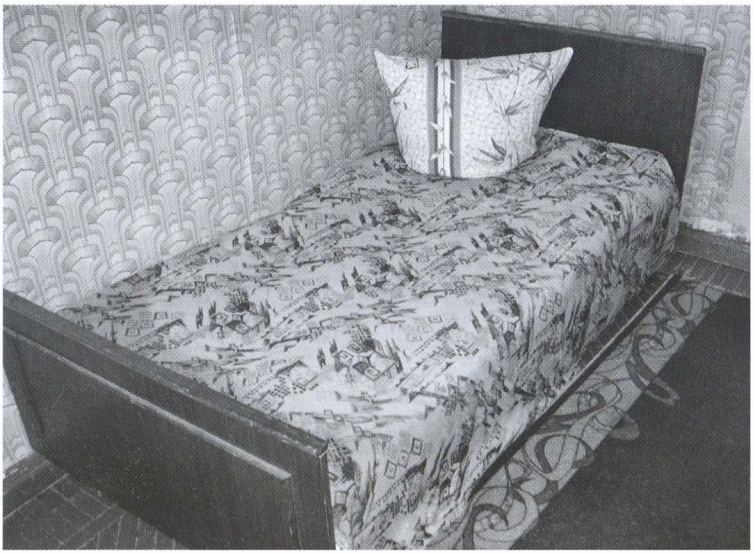
Паломничество к Годеновскому кресту

Гостиничный коридорчик

Кровать стандартная. Не люкс...

Ростов. Собор Авраамиева монастыря

Глава тридцать четвертая

Пушкино

Старинное село Пушкино красиво раскинулось на высоком правом берегу реки Учи. Дорога, словно стрелка компаса, указывает на пятиглавый храм, сверкающий все той же алебастровой чистотой недавно выбеленных стен. Название села, естественно, наводит на мысль о великом поэте. Однако он никогда здесь не бывал. Лишь его далекие предки владели землями в этих местах, что, вероятно, и определило название села (40, 321).

Уже в конце XV века село Пушкино принадлежало московскому митрополичьему дому. «Между Тайнинским и Братовщиной находится село Пушкино, но оно не царское, а патриаршее. Патриархи имели в нем свой двор с хоромами, в которых и останавливались во время своих походов к Троице» (39, 389).

Впрочем, в Пушкине останавливались не только патриархи, но и самые разные люди, путешествовавшие по дороге.

Наблюдательный голландец

До постройки Петербурга и выхода России на Балтику торговля с Англией и Голландией шла главным образом через Архангельск. Тем же северным путем ехали в Москву и дипломатические миссии этих стран. Из Архангельска послы добирались по Северной Двине и Сухоне до Вологды, а оттуда на Ярославль, Ростов, Переславль-Залесский и Троицкий монастырь — к Москве.

Летом 1676 года голландский посол Кунраад фан Кленк со свитой возвращался из Москвы в Архангельск, чтобы оттуда на корабле вернуться на родину. Один из дворян его свиты вел путевой журнал, в котором отметил и дорожные впечатления.

«Ночью в 12 часов мы прибыли к реке Яузе в семи верстах от Москвы, где устроен был табор для ночлега и разбиты были многие палатки. Здесь мы невдалеке увидели й другие палатки, разбитые русскими, шедшими на войну и к шведской границе. (Местом этого ночлега, несомненно, было Ростокино. — *Н. Б.*)

В понедельник 22 июня, утром, мы снова пустились в путь и в пять часов вышли на дорогу, ведшую большею частью через очень приятные рощи. Мы здесь встретили много всадников, хорошо снаряженных, которые ехали к границе. В этот день прибыли мы в Пушкинское, в 28 или 30 верстах от Москвы, красивое прелестное село на высокой горе, под которой течет прекрасная река с приятным ровным лугом на берегу. Мы здесь расположились и в первый раз пообедали в поле под палатками. Пробыв тут часа 3, мы отправились далее через веселые места и около семи прибыли в Талицы, в 15 верстах, приблизительно, от названного села, на красивой речонке того же имени, как и деревня, и с превосходными лугами по сторонам.

Во вторник 23 июня, утром в 5 часов, мы выехали из Талиц и направили путь свой через приятные рощи. Проехав дальше около 20 верст, или 4 миль, мы прибыли в прекрасную дачу его царского величества, однако из дерева, у села Воздвиженское. А оттуда мы направились через много великолепных местностей и, проехав еще около 20 верст, прибыли в Троицу, большой монастырь в 15—16 милях от Москвы, где находятся более 300 монахов. Он так богат, что во время тяжелой войны с Польшею в течение шести лет снарядил и содержал до 80 000 вооруженных, да и ежегодно еще содержит большое количество военного люда на службе его царского величества, так как государи и вельможи снабжали и до сих пор снабжают его большими доходами. Вельможи и купцы, проезжающие мимо и имеющие средства, дают богатую милостыню этой братии, чтобы они молились за души их и охраняли их от всякого несчастья. Его царское величество со знатнейшими князьями ежегодно два раза отправляется сюда, раз — в день Святой Троицы, другой раз — в день святого Михаила. (Праздник Чуда Архангела Михаила иже в Хонех — 6 сентября. Царь ездил к Троице на Сергиев день — 25 сентября. — *Н. Б.*) Не доезжая полумили до монастыря, он со всеми своими провожатыми идет пешком и остается несколько дней на богомолье. В это время игумен монастыря должен доставлять припасы его величеству и всем, кто с ним, а также корм для лошадей. Так как местность здесь

красива и здесь много находится дичи, то его царское величество со свитою приезжает сюда иногда и для того, чтобы позабавиться охотою» (145, 549).

В духовном ведомстве (митрополичьем — патриаршем — синодальном) село Пушкино оставалось вплоть до 1764 года, когда вместе с другими церковными землями было взято в казну.

«Село Пушкино, как говорят, славится своими хороводами», — заметил проезжавший здесь в 1847 году историк С. П. Шевырев (214, 12). Однако молва оказалась ложной. Крестьяне уже отказались от патриархальных привычек и превратились в рабочих текстильной фабрики.

Француз первой гильдии

В эпоху Александра I патриархальный облик Подмосковья начинает меняться. Низкое плодородие почвы, многочисленность крестьянского населения, близость столицы, развитая дорожная сеть — все эти факторы способствовали быстрому развитию в подмосковных селах промышленности (и прежде всего — текстильной). Этот процесс можно наблюдать и на примере села Пушкино. В 1812 году здесь уже существовал небольшой заводик по производству изделий из меди, в 1840-е годы работала шерстоткацкая фабрика, владельцем которой в 1850-е годы стал француз по происхождению купец первой гильдии Евгений Арманд. Он повел дело так, что предприятие быстро стало расти. В конце XIX века «на предприятиях Арманда, оснащенных восемью паровыми машинами общей мощностью в 273 л. с., работало уже 1200 человек, оборот капитала составлял 900 тысяч рублей» (40, 322).

И все же в русскую историю фамилия Арманд вошла вовсе не благодаря деловой хватке купца первой гильдии...

Каких только исторических теней не встретишь на Троицкой дороге! В Пушкине жила когда-то знаменитая Инесса Арманд — одна из самых оригинальных фигур русской революции, подруга Ленина, женщина поистине фантастической судьбы.

В 1893 году сын Евгения Арманда Александр обвенчался в церкви села Пушкина с девятнадцатилетней домашней учительницей Инессой Теодоровной Стефан — красавицей-француженкой, дочерью парижского оперного певца. Рано оставшись без родителей и без средств к существованию, она вместе с теткой в поисках удачи приехала в Россию. Здесь судьба приготовила для нее немало приключений.

С юности Инесса отличалась сильным характером и разнообразными дарованиями. Не довольствуясь ролью хозяйки богатого дома, счастливой матери многодетного семейства, она ищет иного смысла жизни. Увлекшись революционными идеями, Инесса Арманд в 1904 году вступила в РСДРП. Она участвовала в нелегальной работе, в распространении марксистской литературы среди рабочих пушкинских фабрик. Ее личная жизнь также делает резкий зигзаг: она разошлась с мужем и стала женой его младшего брата...

В 1907 году за участие в революционном движении Арманд была сослана на Север, в глухой городок Мезень. Младший Арманд последовал за ней в ссылку, где получил обострение туберкулеза и вскоре умер.

В 1908 году Инесса совершает побег из ссылки, нелегально приезжает в Петербург, а оттуда уезжает за границу. В 1912 году она вновь тайно приезжает в Россию, ведет революционную работу, попадает в тюрьму, а на следующий год опять уезжает за границу.

В 1909 году в Париже Арманд познакомилась с В. И. Лениным. Между ними возникают близкие, доверительные отношения, в которых трудно понять, где кончается область идей и начинается область чувств.

После Февральской революции Арманд возвращается в Россию из Швейцарии вместе с Лениным и другими большевиками в знаменитом «запломбированном вагоне» (22, 219). Она с головой окунается в революционную стихию, выполняет различные ответственные поручения. Среди всего этого она не забывает приехать в Пушкино, чтобы помочь установлению здесь советской власти.

В годы Гражданской войны Ленин изредка выезжал в подмосковные леса для отдыха и охоты. В одну из та-

ких поездок, в августе 1920 года, он провел несколько дней в окрестностях Пушкина, в бывшем поместье семейства Арманд в селе Ельдигине. Вернувшись, Ленин в очередном письме Инессе не без юмора рассказывал: «Отдыхал я чудесно, загорел, ни строчки не видел, ни одного звонка. Охота раньше была хорошая, теперь всё разорили. Везде слышал Вашу фамилию: "Вот при них был порядок" и т. д.» (23, 295).

Конец бурной жизни Инессы Арманд был внезапным и трагическим. 24 сентября 1920 года она скончалась от холеры в Кисловодске. Ее тело привезли в Москву и похоронили у Кремлевской стены (23, 293)...

Свидетель всех времен

Последний осколок старого села — Никольская церковь, построенная в 1694 году. Она словно держит круговую оборону на крутом холме над речкой. С одной стороны добрый кусок холма уже отрезала новая автострада, с другой — наступают новостройки современного Пушкина.

Церковь помнит всё и всех. Ведь она уже три века стоит у самой дороги в Троицу. Сотни тысяч, миллионы богомольцев — страждущих и обремененных — прошли под ее стенами.

По своей архитектуре церковь непритязательна. Она построена, как говорили в старину, «кораблем». Все ее объемы — алтарная апсида, четверик летнего храма, трапезная и колокольня — вытянуты вдоль оси восток—запад. Это придает ей стройность и некоторое сходство с плывущим по волнам кораблем. Образ корабля — не только художественный. В нем сокрыто глубокое богословское содержание: храм — корабль веры, корабль спасения, плывущий по «многомутному морю житейскому».

Двухсветный кубический объем летнего храма перекрыт сомкнутым сводом и увенчан широко расставленным пятиглавием. С запада к четверику примыкает широкая низкая трапезная, где служили зимой. Над входом в трапезную поднимается шатровая колокольня. Боковые приделы и колокольня построены в 1870-х годах на средства «благотворителей» и при участии двух святи-

телей — московских митрополитов Филарета (Дроздова) и Иннокентия (Вениаминова). Последний и освятил перестроенную церковь в 1876 году.

Никольскую церковь строили по образу и подобию московских посадских храмов второй половины XVII столетия. Верх храма был увенчан ярусами «кокошников» и выглядел гораздо более живописно, чем современная четырехскатная кровля. На картинах Рябушкина вы найдете эти нежно-розовые церквушки, окутанные серебристым сиянием морозного московского утра. Такой была и Никольская церковь.

Заказчиком храма был патриарх Адриан, известный главным образом тем, что после его кончины в 1700 году Петр не стал назначать нового патриарха, а перешел к синодальному управлению. Адриан сам утвердил проект, выбрал место для строительства и освятил церковь.

Для своего времени Никольская церковь выглядит довольно архаично. В эти годы московская знать предпочитает новый стиль — «нарышкинское барокко». Стройные, как свеча, башнеобразные храмы один за другим поднимаются на берегах Москвы-реки и ее притоков. Спасская церковь в Уборах, церковь Покрова в Филях, Знаменская церковь в Дубровицах... Здесь, на крутом берегу Учи, ярусный храм стал бы украшением всей Троицкой дороги...

Но патриарх Адриан был не такой человек, чтобы спешить за переменчивой модой. «Он был уроженец Москвы (род. в 1637 или 1639 г.). При патриархе Иоакиме он был Чудовским архимандритом, а с 1686 года был уже митрополитом Казанским, — писал историк русской церкви А. В. Карташев. — Консерватор, глубоко враждебный новому европейскому духу, он пользовался покровительством благочестивой старой царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной, матери юного Петра, и ею же, главным образом, продвинут был, по смерти Иоакима, для занятия патриаршего трона, вопреки желанию юного Петра. Если Иоаким был самоучкой, то Адриан в сравнении с ним был просто неучем. Внутренно горячий и вдохновенный в своем старорусском благочестии, Адриан внешне был

малоактивен и почти не от мира сего. Своего отрицания нового духа в правительстве, в школе и в литературе он не скрывал и в нужных случаях его формулировал, но не был создан для активных выступлений» (77, 255).

Впрочем, в соответствии с новыми архитектурными вкусами характерное для XVII века «дивное узорочье» на стенах Никольской церкви уже выстраивается в симметричном порядке. Дыхание Петровской эпохи ощутимо и в характерных для «московского барокко» вычурных наличниках на больших, тяжелых апсидах.

Как это обычно бывает, облик древнего храма исказили поздние переделки и пристройки. Глядя на них, вспоминаются горькие слова русского художника В. В. Верещагина. «Нельзя не пожалеть, что в семинариях и особенно в духовных академиях не проходят хоть краткой истории изящных искусств: если священники, принимающие в свое ведение старинные постройки, не щадят их, бесцеремонно переделывают и разламывают, то чего же ждать от полуграмотных церковных старост, конечно готовых пожертвовать всякою деревянною, старинною — новой аляповатой каменной постройке с раззолоченными выкрутасами» (20, 20).

Древние вещи и иконы храма были расхищены в период между 1940 и 1947 годами, когда он был закрыт и разграблен (135, 466). Ныне в храме привлекает внимание красивый кипарисовый иконостас с классическими колонками и карнизами и старый пол из метлахской плитки. В церковной ограде сохранился островок старины: огромные липы, замшелые надгробия, ветхий деревянный дом времен последних Романовых. Живописность картины дополняют известные русские атрибуты: белье на веревке, какие-то почерневшие сараи, беспорядочно разбросанные стройматериалы...

Печаль Карамзина

Среди наблюдений, сделанных Карамзиным во время поездки в Троицкий монастырь в 1802 году, есть и такие строки.

«Здесь замечу только, что многие крестьяне села Пушкина живут не в избах, а в красивых домиках, не хуже самых богатых поселян в Англии и в других европейских землях. Вот действие усердия московских жителей к святому Сергию! Троицкая дорога ни в какое время года не бывает пуста, и живущие в ней крестьяне всякий день угощают проезжих с большою для себя выгодою. Они все могли бы разбогатеть, если бы гибельная страсть к вину не разоряла многих, страсть, которая в России, особливо вокруг Москвы, делает, по крайней мере, столько же зла, как в Северной Америке между дикими народами. Я всегда радуюсь успехам промышленности, встречая на улицах в торговые дни миловидных крестьянок с ягодами, цветами, травами для аптек; но как отцы и мужья их употребляют деньги? Не только нищета и болезни, но и самые злодейства бывают следствием сего ужасного порока. Русский человек добродушен: ему надобно впасть в некоторое беспамятство, чтобы поднять руку на ближнего... Но что говорить о таком зле, которое всем известно!» (74, 340).

Печаль Карамзина сегодня актуальна, как и двести лет назад. А что до искушения «зеленого змия», то с этим вопросов нет. В Пушкине теперь работает мощный ликеро-водочный завод «Топаз»...

Глава тридцать пятая

Братовщина

Едва коснувшись окраины современного города Пушкина, автострада стрелой несется в сторону Кощейкова. Но не будем спешить. Вот слева вдалеке показалась Братовщина. Считалось, что здесь — половина пути из Москвы до Троицы.

В наш век, привыкший устремляться ко всему кратчайшим путем и на максимальных скоростях, свернуть с большой дороги на проселок — это уже подвиг. Но, право, только там, на извилистых, как реки, сельских дорогах, можно испытать радость первооткрывателя. Я уже не говорю о том, что только там вы по-

чувствуете себя не пленником, а хозяином дороги, а ваше авто из верблюда в караване превратится в гордого скакуна.

А потому, не раздумывая, поворачивайте с магистрали вправо, затем руль влево — и смело ныряйте под мост, несущий на себе тяжкое бремя Ярославского шоссе со всеми его *карами* и *фурами*. И вот уже скромная однорядка выводит на старую Троицкую дорогу. Еще один поворот — и мы в селе Братовщине.

Сельская хроника

Как и другие старые села на Троицкой дороге, Братовщина имеет свою историческую хронику. На ее первой странице — Иван Грозный.

24 мая 1571 года — одна из самых страшных дат в истории Москвы. Орды крымского хана Девлет-Гирея стремительным набегом подошли к Москве. Царь Иван, оставив столицу на попечение воевод, уехал в Ростов Великий. Татары подожгли окраины столицы. Внезапно поднявшийся сильный ветер перебросил огонь на центр города. Начался страшный пожар, который за три часа испепелил весь Кремль и Китай-город. В огне погибло множество людей, сбежавшихся в Москву, спасаясь от татар. Среди них был и главнокомандующий московской армией князь И. Д. Бельский.

Вскоре татары ушли обратно в степи, уводя с собой десятки тысяч пленных. Царь Иван вернулся в Москву, но жить на смрадном пепелище не захотел и удалился в свои подмосковные владения. Лучше уцелели села, находившиеся к северу от Москвы. В их числе была и Братовщина. Вероятно, уже тогда здесь был деревянный путевой дворец. В Братовщине и нашли царя Ивана послы от Девлет-Гирея...

«15 июня 1571 года в селе Братошине (Братовщине. — *Н. Б.*) Иван IV принял крымских гонцов, передавших ему ханское послание и нож вместо обычных подарков. Переговоры в Братошине с самого начала приобрели крайне драматический характер, это породило впоследствии немало слухов и легенд. Передавали, что крымские гонцы явились к царю в грубых

овчинах и вели себя крайне дерзко. Несколько иначе об этом же эпизоде рассказывает поздний летописец: гонцы потребовали у царя дань ("выход"), тогда тот будто бы "нарядился в сермягу, бусырь (старая, грязная одежда. — *Н. Б.*) да в шубу боранью, и бояря. И послом отказал: 'видишь де меня, в чем я? Так де меня царь (хан. — *Н. Б.*) зделал! Все де мое царство выпленил и казну пожег, дати мне нечево царю!' ". Девлет-Гирей требовал от России уступки мусульманских юртов, Казани и Астрахани. Послание хана было составлено в дерзких и оскорбительных выражениях. Он писал Грозному: "Жгу и пустошу, то все для Казани и для Астрахани... был б в тебе срам и дородство, и ты пришел бы против нас"» (168, 427).

История с переодеванием похожа на правду. Грозный любил такого рода «театральные эффекты». Ну а до восстановления татарского ига над Русью дело, к счастью, не дошло. На следующий год хан повторил нашествие, но на этот раз московская армия оказалась на высоте. 2 августа 1572 года в кровопролитной битве у села Молоди (45 километров к югу от Москвы) крымская орда потерпела сокрушительное поражение.

Во времена Ивана Грозного в Братовщине существовал небольшой монастырь. «Монастырь Никола на Братошине упоминается около 1509 года; под 1552 годом упоминается Кирилл игумен Браташинский, то есть монастыря в селе Братовщине» (39, 389).

В сентябре 1604 года в Братовщине останавливался английский посол Томас Смит, ехавший из Архангельска в Москву (68, 194). Здесь же полгода спустя он ночевал и на обратном пути из Москвы в Архангельск и простился с провожавшими его до первого стана московскими соотечественниками (68, 215).

Видела Братовщина и ликующие толпы. 1 мая 1613 года избранный царь Михаил Романов, ехавший в Москву из Костромы, был встречен здесь представителями Земского собора — ростовским митрополитом Кириллом и боярином князем И. М. Воротынским, «а с ними околничие и столники и дворяне, и всех чинов многие

люди» (167, 236). От Братовщины и до самой Москвы вдоль дороги стояли толпы людей всех чинов и званий, радостно, с хлебом-солью приветствовавших юного царя, с которым народ связывал надежду на восстановление мирной жизни.

С тех пор царь Михаил полюбил это село. Осенью 1623 года по его приказу здесь был выстроен деревянный путевой дворец (170, 65).

Сын и наследник Михаила жизнелюбивый царь Алексей Михайлович нашел в Братовщине свое удовольствие. Рассказывают, что он любил подниматься на высокую башню дворца и там, на ветерке, почивать на пуховых перинах (214, 4).

Другой жизнелюб, патриарх Никон, любил это место за отменную рыбалку в здешних прудах. Яростный реформатор Русской церкви часами просиживал тут с удочкой, подкарауливая жадного окунька или глупую плотву...

Справка Миллера

В 1789 году историк академик Г. Миллер совершал познавательную поездку из Москвы в Троице-Сергиеву лавру. Братовщина заняла достойное место в его путевых заметках.

«*Братовщина*, или *село Братовщино*, лежит на половине дороги от Москвы до Троицкого монастыря. Оно есть большое селение под ведением Дворцовой канцелярии. По северной стороне оного протекает маленькая речка *Скауба,* коя при Пушкине впадает в Учу. В сем месте находится почтовый стан, по обыкновению о осьми лошадях. Крестьянских там дворов около 50. До моровой язвы 1771 году было оных гораздо более. Простой народ, бегущий из Москвы и отчасти уже зараженный или несущий заразу в платье и в других вещах, распространил мор по большим дорогам, а особливо по сей, по всем местам, где зараженные ни приставали. В одной Братовщине погребено обоего пола до семисот человек, четыре только двора остались от заражения свободны. После того прозорливым правительства учреждением переведены сюда новыя поселенцы из

других мест, где больше народа, нежели земли было, а особливо из Володимерского уезда. Сие самое учинено и в Пушкине, и в Тарасове. Оставшиеся впусте вымершие дворы после разломаны.

Сие место пред прочими примечания достойно по старому деревянному дворцу, где прежние цари, когда обыкновенные для богомолья к Троицкому монастырю путешествия предпринимали, для отдохновения останавливались. Чего ради там находится и деревянная старая церковь. Оной дворец и церковь стоят на северном конце деревни, близ начинающейся недалеко оттуда речки *Скаубы,* которая помощию плотины до нарочитой широты возрастает, так что оная уподобляется почти продолговатому озеру. Августейшая монархиня, имев в 1775 году путешествие в Троицкой монастырь, по приятному положению сего места приказать соизволила новой императорской дворец и церковь на том месте построить каменные, чему, может быть, в будущем году, поелику уже довольное множество кирпича навезено, начало будет сделано. Для осмотрения старого строения должно при выезде из села поворотить налево и ехать чрез усаженную по обе стороны в два ряда молодыми березками аллею, которая прямо ведет к самой средине строения. Идучи оттуда от села в расстоянии около полуверсты — озеро, от речки Скаубы сделавшееся, по левую сторону дороги в виду, а по правую находится дом для нынешнего надзирателя. Такая же аллея насажена и в правую руку от дворца даже до следующей большой дороги, так что, если новой дворец, как надеяться можно, займет место старого, то обе аллеи, сомкнувшись при средине будущего дворца, равно как и озеро речки Скаубы, приятной вид показывать будут. Сказывают, что преж сего озеро насажено было рыбою, которая, однакож, за неимением довольного присмотра и за редким туда двора приездом вся почти из оного пропала.

Я прибыл в Братовщину при захождении солнца, осведомился о старом дворце, пошел с одним из тамошних жителей для смотрения онаго и, переночевавши в оном селе, продолжал в следующий день при возхождении солнца мою поездку» (113, 242).

Можно позавидовать Миллеру и Карамзину, которые видели путевые дворцы своими глазами. Сегодня мы можем представить их облик только в архитектурных реконструкциях и описаниях.

«Усадебный комплекс XVIII века, состоящий из деревянной постройки и сада, был очень живописен. От старой царской усадьбы сохранялись две высокие деревянные повалуши (башни. — *Н. Б.*) с шатровыми кровлями. Одну из них, называемую в народе "царской вышкой", еще застал в 1802 году Н. М. Карамзин. По его мнению, в ней размещалась царская спальня. Неподалеку от повалуш находилась построенная в 1637 году деревянная церковь Николая Чудотворца с лемеховыми главами и шатровая колокольня. Кровли, шатры и стены дворца были обшиты тесом и выкрашены. Служебные и жилые постройки имели яркие красные кровли. В 1750 году перед дворцом был разбит большой сад, расположенный на трех уровнях над рекой Скалбой. Для сада была характерна регулярная планировка аллей и боскетов. По его периметру располагались крытые дороги, в центре — яркие цветники. Вдоль реки проходила крытая галерея, а по бокам сада — красивые беседки. В отделке интерьеров широко использовались деревянные расписные панели и обои всевозможных цветов, чаще всего — травчатые. Украшали дворец вишневые изразцовые печи. В нем было 27 помещений. Кроме дворца и церкви в усадьбе находились мыльня, садовничья изба, управительский двор, погреба, сараи и пруд с рыбой» (89, 6).

Елизаветинский дворец с его шатрами и башнями был разобран в 1819 году. Тогда же были сломаны и все окружавшие его хозяйственные постройки, вырублен фруктовый сад. Екатерина Великая, не разделявшая художественные вкусы Елизаветы, в 1775 году распорядилась начать постройку нового дворца, но дальше фундаментов дело так и не пошло. Равным образом не выстроили и каменную церковь, о которой распорядилась императрица...

Посетивший Братовщину в 50-е годы XIX века историк И. М. Снегирев уже не нашел здесь ничего, кроме руин. «Теперь на этом месте (дворца и сада. — *Н. Б.*) за-

росший травою пустырь, где едва можно найти следы церкви, дворцов, жилых строений и сада, которые стоили стольких трудов и издержек...» (170, 66).

Колокольчик под дугою

В XIX столетии Братовщина была известна главным образом своей *почтовой станцией*, расположенной на половине пути из Москвы в Троицу. Здесь останавливались почти все путники, следовавшие по Троицкой дороге.

Но лишь немногие из них оставили описание своих впечатлений от этой заурядной почтовой станции, каких множество было рассеяно по российским почтовым трактам. Среди этих немногих — французский писатель Теофиль Готье, посетивший Москву зимой 1858/59 года. Интерес к художественной старине звал его в Троицу, а острый глаз бывалого путешественника и журналиста подмечал характерные черты повседневности.

«Мы прибыли на место смены лошадей, название которого я запамятовал. Это был деревянный дом, его двор загромождали довольно неказистого вида телеги и сани. В низкой комнате мужики в грязных тулупах, со светлыми бородами, красными лицами, на которых светились полярно-голубые глаза, собрались вокруг медного сосуда и пили чай, другие в это время спали на скамьях у печи. Некоторые, наиболее зябкие, даже залегли на печку» (41, 267).

Каких только проезжих не видела за свою долгую историю почтовая станция в Братовщине. Здесь останавливалась шестнадцатилетняя дочь придворного медика Соня Берс, путешествовавшая с родственниками на богомолье в Лавру летом 1860 года. По дороге она вела незатейливый путевой дневник. Вероятно, никто и никогда не проявил бы интереса к этим записям, если бы не одно важное обстоятельство. Через два года Соня Берс станет женой великого человека — писателя Льва Николаевича Толстого...

Записки Сони Берс, помимо всего прочего, представляют распорядок однодневного путешествия в Троицу: выезд из Москвы ранним утром, «по холодку», перегон до Братовщины, длительный отдых здесь и вечерний перегон до Троицы.

«1860 июнь 14. Выехали мы в четыре часа утра, в дурном расположении духа и сонные. Люба и я сели в шарабан, мама на козлы, а Лизы две и Саша в телеге. Всю дорогу мы молчали и дремали. Только раз монотонность дороги прервана была хохотом в телеге, возбужденным Сашей. В Мытищах, по обыкновению, напали на нас бабы с предложениями напиться чайку под березками, в холодочке, уверяя, что нельзя не напиться мытищинской водицы.

В Братовщину мы прибыли в 9 часов утра, как и предполагали, и остановились в лучшем постоялом дворе. Только что приехали, расположились с съестными припасами и съели целый пирог с грибами в одно мгновение. Затем принесли самовар. Я стала покуда разглядывать картины, развешанные по стенам. Они изображали портрет государя и государыни и митрополита. Кроме того, были две картины с французскими надписями и две духовного содержания. Саша лежит и читает Забавный календарь. Лиза петербургская и Люба хлопочут по хозяйственной части, мама моет посуду, а Лиза наша всем мешает, блажит, просит есть и покушается украсть из мешка карамели. Напившись чаю, я и Люба отправились спрашивать у мужика, по какому случаю стоит здесь часовня. Он взошел в избу и стал рассказывать целую историю, как в 12-м году перенесли с этого места церковь на другое, как потом хотели на этом месте строить трактир, но священник и церковный староста донесли владыке, т. е. митрополиту. Владыка запретил и велел на том месте, где был престол, поставить часовню. Мы схлопотали себе купанье. Нас сведет на речку Скалду дочь хозяина, 17-летняя девушка, по поводу которой отец ее, очень словоохотливый крестьянин, вел длинный философический разговор. Как трудно выдавать дочерей замуж, как не узнаешь людей и как люди обманывают. Судил он верно и по-русски. Он говорил, что у них обычай платить отцу за жену и что отец, в свою

очередь, должен давать приданое. Теперь мы пойдем отдыхать, вероятно, не заснем. Потом выкупаемся, пообедаем и поедем в 4 часа. Я всё время ждала и желала соседей. Мое желание исполнилось. Через тоненькую деревянную стенку пьют чай какие-то господа. Толстый господин, госпожа такого же объема, старушка и сухопарая, белокурая дочка. У них как-то ужасно тихо. Соседи не веселые. Я забавлялась, глядя, как они высаживались из брички. Им подставили скамейку, и они один за другим, хромая и охая, выгружались из экипажа. Мне здесь надоело, пора в дорогу. Да что-то вообще тяжело на душе. Ничто особенно не веселит, как бывало. (Нет действия без причины.) Стараешься забыться, да гадкие мысли так и лезут в голову.

Как предполагали, так и сделали. В 4 часа мы выехали из Братовщины. В телегу села Люба, я и Саша, а остальные поместились в шарабане. Дорогой мы вели довольно веселый, или, вернее сказать, приятный разговор...

Прибыли к Троице в 9 часов вечера...» (192, 471).

Переночевав в гостинице, семейство Берсов провело в Троице следующий день и около четырех часов пополудни отправилось в обратный путь. На этот раз они решили остановиться в Братовщине на ночлег. Вечерние впечатления от села сильно отличались от утренних.

«...Когда мы приехали в Братовщину, к нашим прежним хозяевам, мы созвали огромное количество мальчишек и девчонок и заставили их петь.

Много было смеху с ними, так что и меня рассмешили. Одно только жалко, что мальчишки сейчас же с деньгами, которые мы им дали, пошли играть в орлянку. Слишком рано развивается у них страсть к игре. После нас заставил их петь какой-то джентльмен, постоялец, наш сосед. Он стоит в ближайшем постоялом дворе.

После чаю мы пошли с Любой прогуливаться по дороге. Всего наглядишься в деревне. Приехал около нас, на постоялый двор, зять хозяина, совсем пьяный. Сам хозяин, также мертвецки пьяный, прохаживается около дома, бранится, шатается и болтает всякий вздор. Бабы только жалуются да плачут. А другие, постарше, так привыкли, что молчат и терпеливо сносят всё.

Сноха хозяина нашего дома говорит, что теперь ред-

ко найдешь не пьяных мужей. Что у них и кабак и трактир и что поневоле идешь, как есть поощрение. Я всё с ней говорила за воротами, на лавочке, и возилась с ее дочкой Таней, прехорошенькой, белокурой четырехлетней девочкой. Она очень умненькая и бойкая, и я всё заставляла ее говорить французские слова, что выходило очень смешно. Теперь я пойду спать, Лиза, мама, Люба и другая Лиза уже все лежат. Теперь 10 часов, а в 2 утра, или, вернее, ночи, мы выйдем. За стеной слышно храпение Саши, которому завидует мама, Люба тоже заснула. Мы себе втроем, т. е. я, Люба и Лиза петербургская, постелили на пол сена, покрыли ковром и простынями и на этом будем спать.

В Мытищах, по дороге домой, будем пить чай, а дома очутимся не прежде 8 или 9 часов утра...» (192, 473).

Часовня, свечка, кладбище...

Считается, что Благовещенская церковь в Братовщине построена в 1808 году (66, 17). Однако в литературе встречается и другая дата: строительство началось в 1815 году (135, 456). Впрочем, если верить приведенному выше свидетельству местного крестьянина, то церковь «на новом месте» начали строить в 1812 году. Сбивчивость хронологии вполне понятна: сельские приходские церкви из-за нехватки средств обычно строились долго, с перерывами между возведением отдельных частей здания.

Силуэт белой церкви — скорее эскиз, чем оконченная картина. Он четко рисуется на возвышенности над речкой Скалбой. Старая дорога проходит рядом с церковной оградой. Это верный признак древней топографии. У дороги — похожая на пасхальный кулич часовня, где можно поставить свечку святому Сергию, прежде чем вступить на вторую половину пути к его обители.

Желая придать храму стройный вид (а может быть, выполняя волю заказчика или следуя формам прежнего храма), неизвестный архитектор воспользовался архаичной для своего времени композиционной схемой «восьмерик на четверике». Она была характерна для «московского барокко», расцвет которого приходится

на конец XVII столетия. Однако присущий «московскому барокко» декор никак не вязался с классическими портиками нижнего яруса храма. Возможно, именно это противоречие и заставило строителей вообще отказаться от отделки восьмерика. В итоге храм получил довольно странный архитектурный облик. Впрочем, такая «смесь французского с нижегородским» — довольно обычное дело для провинциальных храмов времен Александра I.

Автор первого и, кажется, единственного историко-архитектурного путеводителя по Троицкой дороге М. А. Ильин о Благовещенской церкви говорит без восхищения: «Формы всех частей храма далеки от изящества, они словно вытесаны топором из огромных кусков какого-то материала непритязательным мастером, возможно, впервые взявшимся за столь ответственное дело» (66, 17).

Однако задача автора любого путеводителя отчасти сходна с задачей купца: всячески хвалить, а не бранить свой «товар». И потому Ильин спешит перейти к достоинствам храма, которые он видит в его типичности, в «обнаженности» как замысла, так и форм. Он замечает, что Благовещенская церковь может служить наглядным примером известного в истории русской архитектуры явления — так называемого «провинциального запоздания».

Увы, Ильин здесь абсолютно прав. Заурядность гораздо более типична, чем оригинальность. И «провинциальное запоздание» входит в тот милый нашему сыновнему сердцу набор нелепостей, которым украшен любой провинциальный русский город...

Внутри Благовещенской церкви — четырехстолпная трапезная с низкими сводами и высокий светлый летний храм. В трапезной устроены приделы: в честь Покрова Богородицы и во имя святителя Николая.

Стены покрыты толстым слоем масляной живописи. Росписи выполнены в 1947 году в связи с возобновлением богослужения в храме, закрытом в 1939 году (135, 456). Качество этой живописи оставляем без комментариев.

В ограде храма, близ алтаря, — позеленевшие от времени белокаменные надгробия. Возле ворот приюти-

лась старая часовня. К югу от храма темнеют кроны лип и берез. Под деревьями — сельское кладбище с ржавыми оградками, покосившимися крестами и шелухой пасхальных яиц...

На противоположной от церкви стороне дороги — рассевшийся от старости каменный дом с рустованным фасадом. Еще недавно здесь была почта. Вероятно, это и есть старая почтовая станция (или ее часть), видавшая в своих стенах едва ли не весь сонм великих людей императорской России.

Русский Йорик

В Братовщине жил и умер один из трагических персонажей русской истории XVIII века — князь Михаил Алексеевич Голицын по прозвищу Квасник. Внук знаменитого фаворита царевны Софьи Василия Голицына, он родился в 1697 году, когда семья находилась в ссылке на Севере. После кончины Василия Голицына в 1714 году семья была возвращена ко двору. Юный Михаил Голицын был послан Петром Великим за наукой в Европу. Он учился в Сорбонне, жил в Италии, тайно женился на итальянке и даже принял католичество.

Императрица Анна Иоанновна, не любившая Голицыных как главных организаторов неудавшейся попытки ограничить ее самодержавную власть («заговор верховников» 1730 года), вызвала его из Италии, разлучила с женой-итальянкой и назначила придворным шутом. Начавший терять рассудок от столь крутых перемен своей судьбы, Голицын не нашел сил сопротивляться. В 1739 году Анна женила его на своей шутихе-калмычке Евдокии Ивановне Буженинovой. Потешная свадьба была сыграна в знаменитом «ледяном доме». В этом браке у Голицына был сын Андрей.

После смерти императрицы Анны Голицын был отпущен от двора и жил до глубокой старости в родовом имении — селе Братовщине. Умер Голицын-Квасник в 1775 году. Калмычка Голицына-Буженинова скончалась гораздо ранее — в 1742 году.

Местные старожилы рассказывают, что могила Голицына была не рядом с Благовещенской церковью, а

несколько в стороне, на старом кладбище, которое в советское время было ликвидировано. Должно быть, где-то там находилась и усадьба князей Голицыных...

Глава тридцать шестая

Талицы

Вскоре за Братовщиной старая Троицкая дорога вновь сливается с новой автомагистралью. Машины прибавляют скорость.

Вот промелькнула слева островерхая крыша ресторана «Сказка», построенного еще в 70-е годы в модном тогда «теремковом» стиле. Такую же псевдорусскую бутафорию возвели тогда и на реке Киржач, на полпути между Москвой и Владимиром. В том же духе был построен и ресторан «Бурлацкая слобода» на берегу Волги в Нижнем Новгороде...

Обильно залитые медовым лаком столы и балки перекрытий. Резные панели по стенам... Крыша в виде клина... На фоне унылых пятиэтажек эти незатейливые проекты и правда выглядели сказочными теремами.

Рядом с рестораном — деревня Кощейково. За ней темной стеной встает хвойный лес — бедный наследник некогда дремучих лесов вдоль Троицкой дороги. Двести лет назад, глядя на поредевшие леса в окрестностях Троице-Сергиевой лавры, Карамзин рассуждал так:

«Где размножаются люди, там (особливо в северных землях) исчезают леса, некоторые боятся того, думая, что потомкам нашим со временем нечем будет согревать домов своих: страх напрасный! Во-первых, по мере истребления лесов, иссушения болот и других успехов гражданской деятельности климат становится теплее; во-вторых, дерева растут у нас скоро; наконец, в случае нужды, неистощимые слои земляных угольев ожидают в России только заступа, чтобы пылать в наших печах и каминах» (74, 342).

Предсказание великого историка сбылось с необычайной точностью. И пылающий в топках уголь, и иссушение болот, и даже пресловутое «потепление климата»...

Но вернемся в деревню Кощейково. Странное название вызывает в памяти отрицательного героя русских сказок Кощея Бессмертного. «Кащеем» («кощеем», от «кость») в просторечии часто называли и обычного скрягу, скупого человека. А в древности автор «Слова о полку Игореве» использовал слово «кощей» как синоним слова «раб».

Впрочем, деревня Кощейково не отличалась особой скупостью своих жителей, и уж тем более не занимались в ней работорговлей. Ее глухая слава связана была с разбойниками, которые издавна водились в лесах вдоль Троицкой дороги. В Смутное время разбойники настолько размножились и распоясались, что даже царь Михаил Федорович весной 1613 года боялся ехать из Троицы в Москву. «А ныне учинилися грабежи великие по дорогам и от Москвы до Живоначалные Троицы, которые гонцы от государя гоняют... и тех гонцов на дороге грабят и лошади отнимают» (50, 1201).

Московское государство окрепло и навело порядок на святой дороге. Но питавшийся слухами страх остался. Многие поколения богомольцев, проходивших по Троицкой дороге, окружали каждое мало-мальски примечательное место на своем пути фантастическими рассказами. Сказочно-жутковатое название деревни Кощейково ассоциировалось с какой-то опасностью. Эти страхи испытывали и герои повести Ивана Шмелева «Богомолье».

«Подходит Домна Панферовна, еле передыхает, вся мокрая. Рассказывает, что зашли в Братовщине в лавочку кваску попить, вся душа истомилась, дышать нечем... а там прохожий и говорит — зарезали человека-щепетильника, с коробами-то ходят, с крестиками, иголками вот торгуют, пуговками... Впереди деревушка будет. Кащеевка, глухое место... будто вчера зарезали паренька, в кустиках лежит, и мухи всего обсели... такая страсть!..

— Почитай каждый день кого-нибудь да зарежут, говорит. Опасайтесь...» (218, 97).

И хотя вскоре выясняется, что никаких зарезанных путников в Кащеевке нет, — призрак разбойников и дальше витает над Троицкой дорогой, сгущаясь и почти материализуясь в ее сумрачных теснинах...

Всякого рода страхи и «гиблые места» были необходимым атрибутом любой большой дороги. Вот что говорит об этом наука этнография, ныне нарицаемая этнологией.

«В тревожном пространстве дороги выделялись места, имевшие устойчивую репутацию "страшных". Иногда она находит отражение в топонимии: зафиксировано немало топонимов, образованных от лексем *страх*, *пугать*, *бояться*.

Репутация "страшных" мест связана в народном представлении с активностью разнообразной нежити: здесь пугает и манит путника нечистая сила, теряются люди, скот и транспортные средства. Как правило, такие места располагаются на перекрестках, переправах, у развилок, поворотов, мостов, на подъеме и спуске с горы — в узловых точках дорожной сети...» (216, 245).

Советская топонимика

В Кощейкове от шоссе отходит дорога в сторону станции Зеленоградская и поселка Зеленоградский. В этих бодрых названиях звучат фанфары «полной и окончательной победы социализма». Всё это великое множество селений под названием Первомайское, Октябрьское, Юбилейное, Комсомольское — словно печать эпохи на карте России.

Но история у нас одна, и советский период — ее неотъемлемая часть. А потому послушаем рассказ краеведа. В нем и поэзия, и проза советского времени.

«*Станция Зеленоградская.* Остановочный пункт открыт в 1897 году как платформа Спасская, по названию села Спасское. В 1931 году переименована в Зеленоградскую по названию создававшейся тогда зоны отдыха *Зеленый город*.

Дачный поселок Зеленоградский. В 1929 году был выдвинут проект строительства вдоль Ярославского направления железной дороги ряда рабочих здравниц и дач, доступных по цене для рабочих семей, под обобщенным названием *Зеленый город*. Проект был реализован только в начальной его стадии, и от него осталось лишь название дачного поселка *Зеленоградский*» (89, 28).

Итак, советская эпоха запечатлелась на Троицкой дороге не только разрушением старины и появлением

совсем закрытых или полузакрытых «городов-спутников». Помимо этого, она оставила и мощный топонимический пласт.

Вот возникший в 1930-е годы дачный поселок *Заветы Ильича,* рядом с которым был одноименный совхоз. А вот рабочий поселок *Правдинский*, названный так в 1941 году в честь газеты «Правда». Вот станция *Правда*, возникшая в 1898 году и до 1931 года носившая вполне естественное название Братовщина — по имени соседнего села.

Понятно, что связь этого поселка с газетой «Правда» была столь же отдаленной, как и с заветами Ильича. Впрочем, для простодушной ассоциации достаточно было и самого малого повода. Возможно, он состоял в том, что интенсивное дачное строительство вдоль Ярославской железной дороги было начато по инициативе газеты «Правда» (89, 29).

И снова мы не удержимся от соблазна уйти с фарватера большой дороги в неизвестность деревень, чтобы вслед за царями и нищими пройти по настоящей, древней Троицкой дороге.

Сразу за Кощейковом узкая дорога уходит влево, в сторону деревни Талица. До секуляризации церковных вотчин в 1764 году она принадлежала одному из костромских монастырей.

Название этой деревни происходит от речки Талицы (притока Вори). В свою очередь название реки произошло от слова «тальник» — кустарник (кустарная ива, верба), растущий по берегам небольших рек, наполняющихся водой только в период таяния снега. На дорожных картах России можно найти множество селений и рек с этим названием.

В Талицах в XIX веке была почтовая станция, где можно было отдохнуть и переночевать, пообедать и сменить лошадей.

Слева от дороги на берегу Талицы возвышается большой каменный дом, выстроенный в 1870 году. Перед домом — небольшой липовый парк. Это усадьба лесо-

торговцев Аигиных (210, 128). Наружная отделка дома выполнена в духе эклектики, с преобладанием псевдорусского стиля.

В доме размещалась мастерская известного российского скульптора В. М. Клыкова, автора памятников маршалу Г. К. Жукову, святым Кириллу и Мефодию, преподобному Сергию Радонежскому и многих других.

Гений места

Латинская пословица гласит: «Nullus enim locus sine genio est» — «Нет ни одного места без гения (духа-покровителя)». Для Талиц таким «гением места» стал монах Антоний, служивший в придорожной часовне Троицкого Стефано-Махрищского монастыря. Следуя примеру своего великого тезки преподобного Антония Печерского, он в течение девяти лет копал и в 1818 году окончил длинные пещеры в возвышающемся над дорогой холме (84, 520). Рядом с пещерой был устроен колодец. В этом труде Антонию помогал ученик — монах по имени Симеон.

Монахов-подвижников похоронили под полом часовни, в которой они служили, а выкопанные ими пещеры стали показывать богомольцам как достопримечательность. Рядом с часовней, на бойком месте, предприимчивый крестьянин устроил блинную.

Ныне все эти постройки (кроме блинной) восстановлены, при часовне живут монашки, а на лугу под березками поставлены скульптуры Сергия Радонежского и великой княгини Елизаветы Федоровны из мастерской скульптора В. М. Клыкова.

Исторический взгляд

Столь необычное занятие монаха Антония, променявшего спокойную службу при свечах и кружке с пожертвованиями на адский труд в сумраке пещеры, на постоянный риск быть заживо погребенным в рухнувшей толще земли, у современного человека не может вызвать ничего, кроме глубокого недоумения. Зачем???

Этот странный «монашеский подвиг» требует исто-

рического и этнографического комментария. Первый состоит в указании на то, что основатели русского монашества Антоний и Феодосий Печерские поначалу жили в пещерах, выкопанных в высоком берегу Днепра. Это необычное жилище привлекало их полной тишиной и отрешенностью от внешнего мира. Здесь они могли в полной мере сосредоточиться на благочестивых размышлениях и молитве. Однако из-за быстрого роста Киево-Печерского монастыря подземный образ жизни вскоре стал невозможным для иноков. В пещере остался жить только непреклонный отшельник Антоний. Даже его ближайший ученик Феодосий Печерский уходил в пещеру для молитвы только на 40 дней Великого поста.

Климат и природные условия Руси не способствовали пещерному образу жизни. Русские монахи очень редко обращались к этой древней традиции. Исключением был знаменитый Псково-Печерский монастырь. Однако и там пещеры служили не кельями, а кладбищем для почивших иноков. На поверхности земли жили монахи и в Нижегородском Печерском монастыре.

Одним из немногих подвижников, хранивших традицию пещерного жития, и был подвизавшийся в Талицах монах Антоний — тезка и подражатель преподобного Антония Печерского. Возможно, к устройству пещеры его подтолкнуло не только желание уподобиться древним киевским святым, но и еще одно историческое воспоминание: основатель Троицкого Махрищского монастыря преподобный Стефан был воспитанником Киево-Печерской обители.

Таков исторический комментарий. Его можно дополнить комментарием этнографа. «..Жительство старцев-подвижников в пещерах весьма характерно (где не было пещер, они сами рыли себе "норки" и землянки). Именно благодаря подвижникам, пещеры становились центрами притяжения богомольцев, шедших к ним за советом и благословением в трудных и просто важных жизненных ситуациях. Характерно местоположение священных пещер у дорог, в излучинах или устьях рек...

Ритуал почитания провальных ям и пещер связан с символикой погружения в отверстие и прохождения через землю (могилу или материнское чрево). Палом-

ники спускались в пещеры — приложиться к святым могилам, поговорить с живущим в пещере отшельником и вернуться как бы заново рожденными..» (216, 284).

Женский взгляд

На всякое явление жизни можно смотреть с самых разных точек зрения. Возможно, это многообразие и делает мир вечно молодым.

В написанных летом 1860 года записках о поездке в Троицу юной Сони Берс (в будущем — жены Л. Н. Толстого) упомянуты и талицкие достопримечательности. «Остановились у часовни, где ели блины. Мы болтали с деревенскими девушками, которые в огромном количестве окружили нас. Спрашивали, как мы приходимся сродни, есть ли между нами замужние, когда воротимся, и проводили нас с благословениями и всевозможными добрыми желаниями, говоря, что редко встретишь таких негордых господ» (192, 472).

На обратном пути любознательные барышни семейства Берс заглянули и в талицкие пещеры. «В пещерах около села Талицы мы остановились прогуляться по этим пещерам. Там сыро, холодно, какие-то низенькие своды, так что я несколько раз раскаивалась, что пошла» (192, 473).

Детский взгляд

В народной фантазии пещеры неизменно ассоциируются с демонами, разбойниками и спрятанными сокровищами. И талицкие пещеры вскоре становятся темой для страшных историй. Герои шмелевского «Богомолья» спускаются в их темные недра в сопровождении монаха-экскурсовода.

«Смотрим пещерки, со свечками. Сыро, как в погребе, и скользко. И ничего не видно. Монах говорит, что жил в горе разбойник со своей шайкой, много людей губил. И пришел монашек Антоний, и велел уходить разбойнику. А тот ударил его ножом, а нож попал в камень и сломался, по воле Господа. И испугался разбойник, и сказал: “Никогда не промахивался, по тебе только промахнулся”. И оставил его в покое. А тот монашек стал

вкапываться в гору, и ушел от разбойника в глубину, и там пребывал в молитве и посте. А разбойник в тот же год растерял всю свою шайку и вернулся раз в вертеп свой, весь избитый. И узнал про сие тот монашек, и сказал разбойнику: "Покайся, завтра помрешь". И тот покаялся. И замуровал его монашек в дальней келие, в горе, а где — неведомо. И с того просветилось место. Сорок лет прожил монашек Антоний один в горе и отошел в селения праведных. А копал девять лет, приняв такой труд для испытания плоти» (218, 102).

Филемон и Бавкида

Итак, символика пещеры, как ни смотри, напоминает о могильном мраке. Печальная, хотя и назидательная с христианской точки зрения тема. И видно, есть в Талицах что-то такое, что наводит на эти вечные мысли.

В то время, когда Карамзин совершал свое путешествие из Москвы в Троицу (1802), придорожная часовня уже стояла, но монах Антоний еще не приступал к своему подземному делу. И всё же именно здесь, в Талицах, Карамзин предается размышлениям о жизни и смерти, о благах земных и небесных.

«Маленькая деревня Талица, в 9 верстах от Братовщины, замечена мною по любопытной встрече. Я шел пешком, увидел старика с сумою и проговорил с ним долее часу. Ему около ста лет; но он едва начинает седеть и тверд на ногах, как человек лет в 50; только худо видит. Жена у него еще старее (двумя или тремя годами) и живет с ним в хижине, как Бавкида с Филемоном. У них было 12 детей, которые все померли во младенчестве. Я зашел к ним в гости. Они питаются милостынею и дома не пекут хлеба, однако ж варят щи. Муж приносит воду и дрова, а жена затопляет печь; он имеет более сил, а она лучше видит. Какая редкая судьба! жить вместе 80 лет! Может быть, на всем земном шаре нет другого супружества столь долговременного! Я хотел знать, любят ли они друг друга? — "Как не любить! муж да жена больше, чем брат да сестра". — Боитесь ли вы смерти? — "Чего бояться? Мы, слава Богу, пожили. Смерть не беда". —Тебе не жаль будет старушки? — "Чего жалеть! Кому-нибудь

надобно умереть прежде". — А если она переживает тебя? — "Ну что же? в свете не без добрых людей; дадут ей уголок". Таким образом, лета служат самым лучшим приготовлением к смерти, и Натура себя оправдывает! По ее закону мы должны любить жизнь, когда она еще сильно действует в крови и в нервах; силы изнуряются, и благодетельное равнодушие заступает место сей, некогда пламенной любви; утружденный старец видит для себя в могиле место отдохновения. К удовольствию всех страстных охотников до здешнего света, заметим, что едва ли в какой-нибудь земле люди живут так долго, как у нас: не в городах, разумеется, а в деревнях. Всякий год (как известно по ведомостям разных губерний, вносимым в газеты) умирает в России множество стариков за сто лет. Вот благословение северных земель и трудолюбивой жизни! а мы нередко браним климат свой и боимся работы; хотим богатства, чтобы иметь всё без труда, то есть хотим преждевременной смерти!» (74, 342).

В усадьбе Салтыковых

В Талицах можно повернуть на запад, по дороге, ведущей в Мураново. Здесь не место пересказывать богатую историю этой превращенной в литературный музей усадьбы. Тем более что до нее еще довольно далеко. Но не хотелось бы упустить то, что находится совсем рядом. Свернув по указателю на Мураново, вскоре слева за оврагом открывается старый парк. Над густыми кронами огромных лип поднимается церковная главка. Это старинное село Сафарино (ныне — *Софрино*).

(Неискушенный путешественник легко может ошибиться и, следуя дорожным указателям, вместо села Софрина заехать в поселок Софрино, расположенный около одноименной железнодорожной станции. Но там ничего примечательного, кроме знаменитого завода по производству церковной утвари, любитель истории не найдет. А потому будьте внимательны и ищите дорогу на Мураново. Она, и только она, приведет вас в настоящее, древнее Софрино.)

Старинное название села Сафарино происходит от

фамилии богатых московских купцов, а затем и бояр Сафариных. Согласно легенде, родоначальник Сафариных итальянец Стефан перебрался из Сурожа в Москву еще во времена Дмитрия Донского.

В Софрине сохранилась редкая по красоте церковь в честь *Смоленской иконы Божией Матери*. Она построена в 1691—1694 годах и представляет собой вариацию на тему «московского барокко». Этот роскошный стиль был популярен среди московской аристократии той поры. К ее высшему слою относился и заказчик храма «ближний боярин» Федор Петрович Салтыков (умер 2 февраля 1697 года). Его дочь Прасковья в 1684 году вышла замуж за царя Ивана Алексеевича — сводного брата и соправителя Петра Великого. В связи с этим браком богатое дворцовое село Сафарино и было пожаловано в вотчину отцу «царской невесты».

Царица Прасковья Федоровна надолго пережила своего болезненного мужа и скончалась в 1723 году в возрасте 59 лет. В браке с царем Иваном она родила пять дочерей, одна из которых со временем стала императрицей (Анна Иоанновна), а другая — матерью правительницы Анны Леопольдовны (Екатерина Иоанновна).

В Сафарине Салтыков построил не только вотчинную церковь, в нижнем этаже которой предполагалось устроить усыпальницу, но и каменный двухэтажный дом, разобранный за ветхостью в 1840-е годы. Он примыкал к северо-западному углу церкви. Был также посажен обширный сад, устроены теплицы, а запруженная речка Талица образовала большой пруд.

Часто совершая богомолье в Троицкий монастырь, где у восточной стены Троицкого собора находилось родовое захоронение Салтыковых, царица Прасковья с дочерьми всегда останавливалась в Сафарине. В церкви хранилась подаренная ею драгоценная чаша. Бывал здесь и Петр Великий с дочерью Елизаветой.

В первой половине XVIII века усадьбой владел вице-канцлер М. Г. Головкин (210, 128). Расцвет усадьбы Сафарино пришелся на вторую половину XVIII века. Закат наступил с кончиной последней владелицы, Варвары Николаевны Ягужинской, в 1843 году.

Изысканный облик сафаринского храма портят

неуклюжие дополнения. В 1860-е годы к храму были пристроены трапезная и колокольня, материалом для которой послужили кирпич и камень из разобранного усадебного дома. Тогда же исчезли широкие лестницы, поднимавшиеся к порталам. В начале XX века у юго-западного угла Смоленской церкви появился придел в честь святителя Николая.

В 1930-е годы сафаринский храм был закрыт, а его внутреннее убранство уничтожено или расхищено. Часть иконостаса уцелела в запасниках музея в Коломенском. С 1994 года в храме возобновилось богослужение. Иконостас восстановлен в прежних формах, а росписи стен отреставрированы.

Помимо древнего храма и живописного ландшафта Софрино привлекает и своим заброшенным парком. Полагают, что он устроен еще в начале XVIII века и является одним из старейших усадебных парков Подмосковья (66, 22).

Софринский парк — истинная отрады для романтической души. Здесь всегда безлюдно и жутковато. Трава и бурьян встают по пояс. Огромные липы причудливо изгибаются и разветвляются, словно застыв в каком-то фантастическом танце. Иные из них от старости покосились, точно колодезные журавли. Летом в парке даже в солнечный день сумрачно и сыро. Деревья закрывают небо своими разросшимися кронами. Кое-где угадываются линии заросших аллей. Заросли бурьяна дополняют меланхолическую картину...

Глава тридцать седьмая

Рахманово

Вернувшись из Софрина на старую Троицкую дорогу, едем (а хотелось бы написать: идем) в сторону Рахманова. До него уже рукой подать.

Село Рахманово в старину называлось Рахманцевым. На карте Московской губернии 1860 года оно значится как Рохманово.

Происхождение этого восточного на слух названия довольно загадочно. Словарь Даля не столько проясня-

ет, сколько затемняет дело. Слово «рахман» он не знает вообще, а прилагательному «рахманный» дает двоякое значение: в местностях к югу от Москвы оно означает «вялый», «смирный», «простоватый»; в северных и восточных районах оно имеет противоположное значение — «веселый», «разгульный», «хлебосольный» (48, 86).

Учитывая северное положение села, можно предположить, что его название происходило от веселого и склонного к разгулу характера здешних жителей...

Однако самым простым и, увы, самым убедительным можно все же считать восточное происхождение названия села. Имя Рахман является сокращенным вариантом распространенного на востоке имени Абдуррахман (11, 170). Притяжательная форма этого имени как раз и дала название села.

Батальная сцена

Село Рахманово появляется на страницах истории уже в Смутное время. Летом 1608 года Лжедмитрий II (более известный как Тушинский вор) предпринял неудачную попытку захватить Москву. Войскам Василия Шуйского удалось отбросить самозванца обратно в Тушино. Силы сторон были примерно равны. Отряды самозванца разбрелись по стране с целью захвата важнейших городов и монастырей. Царь Василий Шуйский, как мог, препятствовал им в этом, посылая наперерез врагу свои полки.

Один из больших отрядов самозванца под предводительством литовского авантюриста Яна Сапеги направился к Троице-Сергиеву монастырю. В случае захвата знаменитой обители «тушинцы» не только получали большую добычу, но и устанавливали полный контроль над Троицкой дорогой, по которой из северных районов страны поступали в Москву подкрепления и продовольствие.

Узнав об этом, Василий Шуйский отправил для защиты Троицы войско во главе со своим младшим братом Иваном Ивановичем Шуйским. 23 сентября 1608 года московские и польско-литовские полки встретились у деревни Рахманцево...

О том, что было дальше, кратко рассказывает старинная «Повесть достоверная о победах Московского государства» (1620-е годы).

«И тогда полския и литовския люди поидоша к Живоначалной Троице под Сергиев монастырь осадити. И тогда послал государь с Москвы к живоначалной Троицы боярина своего и воеводу князя Ивана Ивановича Шуйскаго против полских и литовских людей. И сошлися полки в Рахманцове, и бысть бой велик. И государевы люди полских и литовских людей побили, и языки побрали, и к Москве возвратиша, не ведущее многаго их собрания. И собрашася множество полских и литовских людей, и государевых людей многих побили, и полки разгоняли» (196, 417).

Во все времена сообщения о поражениях своей армии выглядят почти как известие о победе. Из патетического рассказа «Повести» не сразу ясен даже итог сражения: московское войско было разбито «тушинцами».

Более подробный и внятный рассказ «о бою под Рахманцовым» содержит так называемый «Новый летописец» (около 1630 года). Приводим этот рассказ, для удобства читателя разделяя текст на абзацы.

«Прииде в Тушино полковник Сопега и иные с ним полковники и рохмисты и приидоша под Москву. И бою бывшу под Москвою велию с ними, они же отидоша в Тушино, и собрався в Тушине поидоша под Троицкой Сергиев монастырь. Царь же Василей посла за ними бояр своих, князя Ивана Ивановича Шуйскова с товарыщи. Литовские же люди, пришед, сташа в селе Воздвиженском о Троицы за десять верст, а бояре приидоша на речку на Талицу. Литовские ж люди, видя, что идут за ними Московские ратные люди, и всретоша их в деревне Рахманцове. И бывшу ту бою велику, многих Литовских людей побиша и поимаша. Последним же напуском тако их побили, яко и наряд у них поимали.

Той же полковник Сапега с последними людми з двема ротами напусти на Московских людей.

Московские же люди от них отхожаху, не чаяху себе помочи ис полков.

Грех же ради наших сторожевому полку Федору Го-

ловину со всем полком дрогнувшу, яко и болшово полку половину смял.

Литовские же люди, видя над православными християны гнев Божий, начаша их побивати и побиша многих людей и живых поимаша.

На том же бою многих храбрость и дородство показал боярин и воевода передововоо полку князь Григорей Петрович Ромодановской. Туто же у нево и сына убиша, князь Ондрея.

Бояре ж приидоша к Москве не с великими людьми, а ратные люди к Москве не пошли, разыдошася вси по своим домом» (196, 433).

Три монашки и корова

Ныне в Рахманове нет ни поляков, ни шведов. Это вполне заурядное придорожное село, окруженное заброшенными полями и оврагами. Его единственной достопримечательностью служит Вознесенская церковь, выстроенная в 1802 году. Она имеет два боковых придела — во имя святителя Николая и великомученика Дмитрия Солунского. Существует устойчивое мнение, что церковь Дмитрия Солунского была здесь еще во времена Дмитрия Донского, который считал этого святого своим небесным покровителем.

Вознесенская церковь удачно поставлена на возвышенности над изгибом уходящей дальше на север дороги. При этом ее собственные архитектурные достоинства невелики. Историк русского искусства М. А. Ильин определяет их со сдержанной вежливостью: «Краснокирпичный сельский храм украшен скромными по качеству и количеству классическими деталями... Здесь, в Рахманове, мы вновь встречаемся с ярким образцом провинциального отставания стиля, пожалуй, более отчетливого, чем в соседней Братовщине... При всей своей внешней простоте и незатейливости церковь села Рахманова представляет определенный интерес» (66, 23).

И самая незатейливая церковь поднимается к облакам на крыльях возвышенной легенды. Своя легенда есть и у церкви в Рахманове. Рассказывают, что во времена гонений, в 1930-е годы, местные власти хотели за-

крыть храм. Они уже сбросили колокола с колокольни и теперь посягнули на само богослужение. Но три монахини, жившие при храме, рискуя жизнью, не допустили святотатства. Звали их Стефанида, Ангелина и Екатерина (135, 467).

В другой раз храм решили закрыть во время войны. Поводом послужила неуплата обедневшей церковной общиной государственного налога. Тогда один из прихожан, чтобы спасти храм, продал самое ценное, что имел, — корову. Налог был уплачен, и богослужение возобновилось... (135, 467).

Как бы там ни было, но храм счастливо избежал закрытия и, соответственно, полного разгрома. Благодаря этому в темном и тесном интерьере и сегодня радует глаз пол из метлахской плитки и старинный иконостас, созданный именно для этого храма.

К северу от Вознесенской церкви — сельское кладбище с несколькими старыми белокаменными надгробиями, надписи на которых полностью стерты.

Глава тридцать восьмая

Воздвиженское

За Рахмановом слева от дороги мелькают примечательные картины. Сначала — хмурый сосновый и еловый лес; потом — болотистая низина и, наконец, — окаймленный сиротливыми березками огромный песчаный карьер — глубокая рана на теле и без того израненной подмосковной природы. Строители дороги, обрадованные близостью желанного песка, вгрызлись в мягкую почву всей мощью своих бульдозеров и экскаваторов. То, что я хотел бы сказать по адресу этих строителей и всех, причастных к подобному надругательству над природой, читатель и сам повторит с той или иной модуляцией.

На спуске в долину Вори — деревня Голыгино, известная по источникам еще в XVII столетии. Прежде она прилежала к мосту через Ворю, ныне совсем незаметную под стремительной полосой магистрали. А впере-

ди, на горе, уже вырисовался странный силуэт, похожий на школьные упражнения по геометрии: куб, на нем цилиндр, на цилиндре — полусфера купола.

Это храм знаменитого своей драматической историей села Воздвиженского...

Дворец и храм

Красиво расположенное на краю речной долины село Воздвиженское — украшение Троицкой дороги. Полагают, что оно возникло во второй половине XIV века, когда владельцем этих земель был князь Владимир Андреевич Серпуховской (209, 428). Вместе со всей округой Воздвиженское входило в состав владений удельных князей серпуховского дома. После пресечения этого рода во второй половине XV века село перешло к московским великим князьям. Здесь они останавливались на богомолье перед последним переходом до Троицкого монастыря.

Воздвиженское упоминается в источниках в связи с троицкими походами государей уже в 1540 году.

«Того же месяца 21 (21 сентября 1540 года. — *Н. Б.*), во вторник, выехал князь великый Иван Васильевич всеа Руси с Москвы к Живоначальной Троицы в Сергиев монастырь к чюдотворцове памяти помолитися, а с ним брат его князь Юрьи Васильевич, да с ним бояре князь Иван Федорович Бельской, да князь Иван Васильевич Шуйский, да князь Михайло Иванович Кубенской, и многие князи и дети боярские; и слушав князь великы у чюдотворца всенощнаго и заутреней и молебна и литоргии, и пировал в трапезе с братом и с боляры; и приехал в свое село Воздвиженское, а на Москву приехал того же месяца 29, в среду» (140, 455).

Согласно древней традиции в Воздвиженском царя-богомольца с хлебом-солью и чудотворными иконами встречали власти Троицкого монастыря. Обычно это происходило 24 сентября — в канун Сергиева дня. Монахи приглашали государя провести этот день вместе с ними. Государь с благодарностью соглашался, угощал монастырских старцев трапезой в путевом дворце и на другой день они все вместе отбывали в монастырь.

Последний на пути к монастырю путевой дворец стоял где-то здесь, рядом с церковью во имя Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Камни из фундамента дворца были использованы при ее постройке во второй четверти XIX века. В храме есть два древних по происхождению придела — Святого Алексея человека Божьего (небесного покровителя царя Алексея Михайловича) и Святого Николая Мирликийского.

Село Воздвиженское было на особом счету у первого государя из династии Романовых. 26 сентября 1613 года Михаил Федорович останавливался здесь на пути из Троицы в Москву. В 1614 году он ходил к Троице дважды: весной и осенью. Во время осеннего похода царь останавливался в Воздвиженском и пировал здесь с боярами. Дворцовые разряды свидетельствуют о том, что троицкие походы совершались государем и в 1615-м, и в 1616 годах (50, 115, 132, 159).

Ритуал троицких походов предусматривал и застолья с боярами в путевых дворцах. Старый дворец в Воздвиженском был тесен для новых нужд. Царь Михаил Федорович выстроил в Воздвиженском новый дворец, в котором и справил новоселье в сентябре 1623 года (170, 76).

Дворец перестраивался и менял свой облик. В 1730 году построили новый деревянный дворец для императрицы Анны Иоанновны, но уже в 1750 году его сменил дворец во вкусе императрицы Елизаветы. В начале XIX века в связи с прекращением троицких походов дворец был заброшен и вскоре разобран.

Историк Троицкого монастыря Е. Е. Голубинский замечает: «Когда в продолжение XVIII, а может быть — уже и XIX века окончил свое существование здешний дворец Михаила Федоровича, не имеем сведений (говорят, что оставшийся от дворца и долго стоявший так фундамент употреблен был на построение нынешней каменной церкви села, которая позднейшим владельцем села А. И. Мухановым складена в 1845 году)» (39, 389).

Сохранившаяся до наших дней Воздвиженская церковь еще сравнительно недавно находилась в аварийном состоянии. Однако кропотливая реставрация

вернула ей первоначальные формы. Строгая простота и благородство форм свидетельствуют о работе незаурядного мастера. Удачно найденные пропорции придают зданию необычайную монументальность. Оно органично вписывается в широкий, богатырский пейзаж окрестных холмов и долин.

В качестве своего рода «справки с печатью» прилагаем оценку храма специалистами-реставраторами.

«Церковь Воздвиженская построена по заказу владельца села А. И. Муханова в 1845 году. По ясности замысла, прекрасным пропорциям и деталям она может быть причислена к наиболее совершенным произведениям ампира. Предполагаемый автор — архитектор Ф. Шестаков» (130, 158).

Напомним, что именно Ф. М. Шестаков был наиболее вероятным автором проекта изящной Троицкой церкви на Пятницком кладбище в Москве. Таким образом, и начало, и конец Троицкой дороги были обозначены сходными по стилю и выдающимися по красоте сооружениями.

В композиционном решении обоих храмов есть немало общего. Идея завершения основного четверика (в Воздвиженском) или колокольни (Троицкая церковь) изящной сквозной ротондой была удачно найдена и не менее удачно реализована. Расположенная на самой высокой точке ландшафта Воздвиженская церковь благодаря этому решению выглядела монументальной при взгляде издалека и легкой, воздушной — при ближайшем рассмотрении.

Хованщина

«В России жертвы произвола могил не имеют», — утверждал известный критик русских порядков маркиз де Кюстин (92, 17). И хотя мы далеко не в восторге от едких парадоксов насмешливого француза, — некоторые из них, увы, подтверждаются примерами из нашей истории. Таким подтверждением может служить и трагическая участь князей Хованских — отца и двух сыновей...

В сентябре 1682 года царевна Софья с братьями Ива-

ном и Петром уехала из Москвы в Троицкий монастырь. Однако богомолье было лишь прикрытием для заговора с целью подавить начавшийся в столице стрелецкий мятеж. В Троицу стараниями князя Василия Васильевича Голицына были стянуты верные войска. Одновременно было собрано дворянское ополчение в Переславле-Залесском, Рязани, Коломне. Стрельцы в Москве, по существу, оказались на осадном положении. После этого именем царей Ивана и Петра в село Воздвиженское, где в путевом дворце расположился московский двор, были вызваны предводители стрельцов князья Хованские, отец и сын. Поводом для вызова послужили именины царевны Софьи (17 сентября).

Это был точно рассчитанный капкан. Хованские не решились ослушаться приказа обоих царей. Не посмели они и двинуть на Троицу верные им стрелецкие полки, что означало бы явный мятеж и начало гражданской войны. Единственное, что они могли сделать, — это взять с собой несколько десятков вооруженных людей. Предчувствуя недоброе, Хованские с тяжелым сердцем отправились в свой последний троицкий поход...

Предоставим слово современному событиям историческому источнику — так называемому «Мазуринскому летописцу». Для удобства читателя мы разделяем летописный текст на абзацы.

«Лета 7191-го (здесь древнерусское летосчисление от Сотворения мира, то есть 1682-й год от Рождества Христова. — *Н. Б.*) сентября в 16 день по указу великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев указано быти с Москвы в поход в Воздвиженское боярину князь Ивану Андреевичю Хованскому да сыну ево боярину князь Андрею Ивановичю.

И боярин князь Иван Андреевич и сын ево князь Андрей Иванович в поход в Воздвиженское поехали, а с ними поехали всякова люду человек с семдесят.

А на дороге стал боярин князь Иван Андреевич на стану в селе Пушкине у крестьянина на гумне, а сын ево боярин князь Андрей Иванович поехал в деревню свою, от села Пушкина версты з две.

И приехали от великих государей ис села Воздви-

женского боярин князь Михайла Иванович Лыков, а с ним многие люди служивые, в село Пушкина и боярина князь Ивана Андреевича Хованского взяли и, свезав, посадя на лошадь, поехали в деревню их за сыном ево за боярином за князем Андреем Ивановичем.

И в деревне ево взяв, связали и посадили на лошадь и повезли в село Воздвиженское, отца ево и ево, князь Андрея, к великим государем.

А людей их, которые с ними были, ружье у них побрали и, всех перевезав, оставили в Пушкине, приказали старцу их беречь, которому в Пушкине приказано.

А то село Пушкино... (пропуск трех слов в тексте. — *Н.Б.*).

А в то время сын ево боярской князь Иван Иванович был в походе у великих государей в Воздвиженском, и неведомо из бояр хто ему сказал, что по отца ево и по брата великие государи послали и хотят казнить. И он, князь Иван, из Воздвиженского ушол не дорогою, болотами и лесами к Москве.

А бояр князь Ивана Андреевича и сына ево боярина князь Андрея Ивановича привезли в село Воздвиженское. И, не водя их на дворец к государем, вышли все бояре, которые были с великими государи в походе, вынесши, чли им, боярину князь Ивану Андреевичу и сыну ево боярину князю Андрею Ивановичю, наказ. А в наказе написано, что он, боярин князь Иван Андреевич и сын ево князь Андрей Иванович великим государем изменили: приговорил он, боярин князь Иван Андреевич, к себе ис стрельцов и ис посадцких людей девять человек, а говорил им, чтоб они всех стрельцов и салдатов наговаривали, и хотел с стрельцами и с салдаты Московскаго государства Белый город запереть и рубить бояр Черкасских, Одоевских, Милославских, Голицыных и иные роды боярские. А сам он хотел на Московском государстве быть царем, а сына своего боярина князь Андрея Ивановича хотел женить на царевне Софье. А великих государей царей хотел известь, а цариц и царевен казнить. А стрельцом давать иным боярство, иным окольничество, иным думное дворянство и хотел жаловать иных в стольники, иных в стряпчия, иных во дворяне московския,

иных в жильцы. А доводили на нево, боярина, из ево же приговору.

И прочитчи им наказ, за вороты ответчи под гору недалеко, тут и казнили боярина князь Ивана Андреевича и сына ево князь Андрея Ивановича Хованских, головы им отсекли, а тела их велели схоронить на Городце. (Село Городок (Радонеж) находится в двух километрах к северо-западу от Воздвиженского. — *Н. Б.*)

А сын ево, боярина князь Ивана Андреевича, князь Иван Иванович приехал к Москве в ночи с воскресенья на понедельник сентября во 18 числе в шестом часу ночи и учинил тое весть на Москве стрельцом, что отца ево боярина князь Ивана Андреевича и брата ево боярина князь Андрея Ивановича в селе Воздвиженском казнили.

И стрельцы по ево вестям велели бить в набат у Спасских ворот в семом часу ночи. И взволновалися стрельцы, все приказы, хотели итить в село Воздвиженское с нарядом, с пушками и с мушкеты, и с копьи, и з бердыши на великих государей. И думы были у стрельцов по всем приказам и раздумали, не пошли, итить поблюлися» (142, 178).

Итак, отец и сын князья Хованские были казнены практически без суда и следствия.

Отказав им в последнем причастии, подручные Софьи, исполняя ее приказ, лишили Хованских христианского погребения и бросили их тела в Голыгинскую гать — болото, находившееся у подножия холма... (34, 62).

Встревоженная слухами о возможном походе стрельцов на Воздвиженское, царская фамилия перебралась под защиту могучих стен Троице-Сергиева монастыря. Между тем чаша весов окончательно качнулась в пользу правительства. Последний из Хованских, князь Иван Иванович, был арестован, привезен к Троице, а отсюда отправлен в ссылку в Сибирь. Ту же участь разделила и его жена: на простой телеге, «под серой полостью», боярыню повезли в далекую ссылку.

Убедившись в том, что мятеж затих, царская семья переехала из Троицы поближе к Москве, в село Алексеевское. Там в путевом дворце их посетил патриарх

Иоаким, который сообщил юным государям, что «на Московском государстве все, дал Бог, смирно и тихо» (142, 179).

3 ноября 1682 года братья-соправители в сопровождении войск торжественно въехали в Москву. Переменчивая народная стихия отхлынула. Стрельцы клялись в верности и в знак искренности своего раскаяния добровольно клали головы на поставленные вдоль дороги плахи...

Возможно, последним отзвуком этих событий стал сильный пожар 26 ноября 1682 года, испепеливший царский дворец в Кремле. Пожары часто бывали способом мести и сведéния политических счетов. Впрочем, деревянные хоромы легко могли вспыхнуть и без злого умысла...

Драгоценный камень прошлого всегда предстает перед потомками в медной оправе исторических комментариев. Расправа с Иваном Хованским и его сыновьями с точки зрения обычной морали была черной неблагодарностью со стороны Софьи. Ведь именно князь Иван поднял стрельцов на защиту прав Милославских в мае 1682 года. Именно ему Софья была обязана небывалой системой «соправительства» царевичей Ивана и Петра, а значит, и своей собственной властью в качестве реальной правительницы государства.

Однако «оказанная услуга не стоит ни гроша». Хованский сделал свое дело и стал досадным препятствием для новых властителей. Повторялась старая как мир схема устранения «лишних людей» в борьбе за верховную власть.

Для скорой и жестокой расправы с Хованскими нужно было обвинить их в каком-то страшном преступлении. Таковым со времен Ивана Грозного считалось посягательство на власть и жизнь законного монарха.

Лишенные последнего причастия, Хованские не удостоились и христианского погребения. Пышные похороны, которые могли устроить им родственники и единомышленники, отнюдь не входили в планы царевны Софьи. Летопись говорит, что тела были погребены на Городце. Но это скорее официальное сооб-

щение, чем действительность. О могилах Хованских на Городце данных нет. Утопив тела Хованских в болоте и пустив слух о том, что их предали земле в Городце, Софья радикально решила проблему. Хованских следовало вычеркнуть не только из жизни, но также из памяти современников.

Заметим, что самой Софье в эти дни было 25 лет.

Уже один из первых русских историков Герард Миллер усомнился в виновности Хованского. «Старый и, как мне кажется, безвинный князь Хованский вместе с сыном своим, князем Андреем Ивановичем, привезены были в Воздвиженское и по повелению царевны Софьи Алексеевны с наивозможнейшей скоростию 17 числа сентября казнены смертию» (113, 243).

Кем же на самом деле был человек, прах которого лежит где-то здесь, может быть, под асфальтом Ярославского шоссе? Злодеем или невинной жертвой злодейства? Увы, мы этого точно никогда не узнаем.

Глава тридцать девятая

Долина отрока Варфоломея

Путешествуя по старой Троицкой дороге, нельзя не заехать в Радонеж — места, где прошла юность преподобного Сергия Радонежского. Попасть туда удобнее всего через Воздвиженское. Уже почти на выезде из села дорога на Радонеж уходит резко влево, ныряет в проезд под Ярославским шоссе и, словно облегченно вздохнув, вырывается на сельское раздолье.

Вот и Радонеж: шеренга деревянных домов вдоль единственной сельской улицы, один конец которой растворяется в полях, а другой указывает на церковь с колокольней, фронтоном и плоским куполом.

Красивое старинное название села происходит от имени — Радонег. Радонеж — принадлежащий Радонегу. Кто был этот Радонег и когда он жил — история умалчивает. Впрочем, возможно и другое объяснение названия села — от Радоницы, дня поминовения усопших (209, 422).

До начала XVII века дорога из Москвы в Троицу проходила через Радонеж, а село Воздвиженское находи-

лось в стороне от нее. Радонеж был одним из узловых поселений в этой части Подмосковья (176, 2). В лучшие времена от него во все стороны веером расходились дороги.

Впрочем, вопрос о том, как проходила Троицкая дорога в тот или иной период, вызывает разногласия среди знатоков. Есть мнение, что в XV столетии Радонеж находился не на большаке, а напротив, несколько в стороне от торной дороги (18, 6).

Туманность этого вопроса лишний раз свидетельствует о том, что русские дороги живут своей таинственной жизнью. Они то наполняются движением, как река в паводок, то мелеют, высыхают и совсем исчезают из глаз. Проявляя невероятную настойчивость, дороги преодолевали препятствия, о существовании которых мы сегодня и не подозреваем. На первый взгляд их траектории кажутся необъяснимыми. И как тут не вспомнить великого Гоголя: «...дороги расползались во все стороны, как пойманные раки, когда их высыплют из мешка» (35, 56).

В загадочных письменах русских дорог Ключевский видел отражение русского национального характера. Помните его знаменитое рассуждение на эту тему в конце семнадцатой лекции «Курса»? «Великоросс мыслит и действует, как ходит. Кажется, что можно придумать кривее и извилистее великорусского проселка? Точно змея проползла. А попробуйте пройти прямее: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу» (82, 317).

Уйти, чтобы остаться...

Над Радонежем витает тень «великого старца» — преподобного Сергия Радонежского. В округе едва ли не каждое примечательное место как-то связывалось с именем святого Сергия.

Святой прудик, вырытый самим преподобным Сергием...

Колодец, прозванный Святым, так как его ископал сам Сергий...

Урочище Белые боги, в котором Сергий сокрушил идолов...

Древний дуб, под которым ему явился ангел в образе старца...

Придорожный крест, возле которого монахи встречали Сергия, когда он возвращался из Москвы...

В Радонеже преподобный Сергий — тогда еще отрок Варфоломей — провел свои юные годы. Отсюда после кончины родителей (около 1337 года) ушел в соседнее село Хотьково. Там в Покровском монастыре жил его старший брат Стефан. В этой обители были похоронены родители Варфоломея — ростовский боярин Кирилл и его жена Мария.

Острая впечатлительность была общей чертой братьев Кирилловичей. Вероятно, они унаследовали ее от отца. Отъезд Кирилла из Ростова в неизвестность, в радонежскую глушь, был эмоциональным порывом, ответом гордого аристократа на унизительную действительность тогдашнего Ростова. Епифаний Премудрый рассказывает, что Стефан постригся в монахи после внезапной кончины жены. Поступок не менее эмоциональный, в основе которого все тот же мотив — уход от невыносимой реальности в некий новый мир. Этим уходом человек пытается спасти от разрушения свое «я», сохранить себя как личность.

Уступая просьбам Варфоломея, мечтавшего о жизни отшельника, Стефан отправился вместе с ним в лес, помог отыскать подходящее место для кельи и прожил там несколько месяцев. Наскучив однообразием отшельнической жизни, Стефан оставил Варфоломея одного, а сам перебрался в один из московских монастырей.

Все эти события происходили под шум сосновых лесов, которыми славилось в ту пору Радонежье...

Не станем пересказывать читателю Житие Сергия Радонежского. Одним оно давно известно, а другим — неинтересно. Но вот на что хотелось бы обратить внимание. Жизнь преподобного Сергия в том виде, в каком она представлена в его Житии, можно рассматривать с разных точек зрения. Это и светлый источник для верующего, и темный омут для профессора истории. Но, кажется, никто еще не пытался посмотреть на историю преподобного Сергия как на обычную жизнь необычного человека. Забыта простая истина: Сергий был та-

ким же слабым, грешным, смертным человеком, как и все мы. Но в отличие от большинства людей он понял себя, научился управлять собой и неуклонно следовать тем путем, который он считал правильным.

Выше всего он ценил верность голосу своего сердца. «Внемлите себе, братия», — учил он своих иноков. «Слушайте голос своего сердца...» В этом — весь Сергий, все его бесхитростное учение.

Благодаря множеству случайностей, которые можно назвать и Божьим промыслом, эта верность голосу сердца привела его не в темницу или на русскую Голгофу, а к вершинам мирской славы и почета, которые, впрочем, не много значили для него. Он твердо и спокойно шел по жизни, никому не завидуя и никого не осуждая. И в итоге стал золотой легендой России.

Палитра заката

Во все времена редко встречались люди с таким потенциалом внутренней свободы, каким обладал преподобный Сергий. Во всю свою жизнь я встречал только одного человека, который жил с такой же абсолютной верностью себе, с какой жил и святой Сергий. (Разумеется, речь идет только о сходстве одной черты характера и ни о чем более.)

Был он человек незаметный, не стяжавший ни славы, ни почестей. Звали его Вячеслав Клименков. Но суть, конечно, не в имени, а в том, что он *был*, жил среди нас и одним своим присутствием оживлял однообразный ландшафт повседневности.

Увы, всего лишь *был*, поскольку не так давно мы проводили его к последнему приюту под старыми кленами Пятницкого кладбища.

Его внезапная кончина больно ударила по нервам всех, кто знал этого необычного человека. Он всегда был искренен, и потому говорить о нем можно только абсолютно искренне, без фальши и умолчаний казенных некрологов.

Прежде всего это был художник — и по натуре, и по семейному ремеслу. Все помнят его великолепные фотографии, для которых он находил редкий ракурс и

необычную точку зрения. Однако, будучи от природы несколько ленив, он рисовал мало и неохотно. Его картины — скорее свидетельство тяги к живописи, к творческому восприятию мира, нежели достижения профессионального художника. При этом он все же писал одну уникальную и, безусловно, талантливую картину: свою собственную жизнь.

Коренной москвич, искусствовед с университетским дипломом, он тяготился Москвой с ее паутиной обязанностей и суетой самоутверждения. Большую часть времени он проводил на Соловках.

Образ его жизни здесь был несколько неопределенный. По большей части он выполнял самые различные работы — от художника до водолаза — в Товариществе Северного мореходства, с основателями которого был связан давними дружескими отношениями. Но при этом он всегда готов был прийти на помощь своим многочисленным знакомым соловчанам. Он перебирал автомобили, писал вывески, ремонтировал катер, а однажды вытащил утонувший в торфяном озере трактор. О его разнообразных талантах ходили легенды.

Последнее время он был матросом на каком-то местном судне, где кроме него был только один член команды — капитан. Судно ходило от Соловков до Кеми и обратно, и он был совершенно счастлив, забрасывая канат на причал, копаясь в старом дизеле или любуясь феерическим закатом над Белым морем.

Глядя на него, соловецкие обыватели пожимали плечами и крутили пальцем у виска. А он просто жил, как хотел: на краю моря, среди простых людей и простых вещей, в мире с собой и окружающими.

Это был человек необыкновенно надежный. Он мог быть до неприличия необязателен в мелочах, даже в денежных долгах, о которых он умел как-то органично забывать, — но он был надежен как скала в том высшем смысле, где, собственно, и начинается настоящий спрос с человека. Думаю, что все, кто близко знал его, могли повторить простую и строгую формулу: «С ним я бы пошел в разведку...»

Больше всего на свете он любил дарить подарки и устраивать праздник для своих друзей или для тех, кого он по неискоренимой склонности к мифологизации

реальности считал таковыми. На эти цели он радостно и стремительно тратил свои редкие гонорары.

Он, не задумываясь, готов был отдать ближнему последнюю рубашку. Но даже лучшие из нас делают это только после некоторого размышления.

«Время слуг своих поставляет», — говорили в древней Руси. Он был гордым человеком и не хотел быть в услужении у времени. За эту гордость он платил свою цену. Его обманывали, оскорбляли, обносили чашей на пиру. Даже для друзей всегда было загадкой, чем он, собственно, живет. Глядя на него, вспоминалась притча Спасителя о птицах небесных.

Родись он в другие времена, из него мог бы выйти строгий аскет, собеседник ангелов, ученик святых. Он мог бы найти себя в рамках той великой традиции, которая сводит все числители к единому знаменателю. Но век не выбирают. И потому, подобно многим людям своего уклада, он не ходил, а захаживал в храм. Как в силу своей принадлежности к атеистическому поколенью, так и по свойству беспокойной души художника, он не искал покоя за стенами монастыря.

Созданный из остатков той глины, из которой Бог создавал своих святых, он предчувствовал свой уход. И скончался во сне, словно и правда ушел куда-то по срочному вызову, оставив нам заботу о своей бренной оболочке.

Он ушел так же внезапно и необъяснимо, как и другой соловецкий романтик, его близкий друг и учитель Сергей Морозов. Вероятно, в этом есть какая-то закономерность. Можно сказать, что Соловки отравили их обоих змеиным ядом своего безвременья. А можно сказать — спасли, дали годы и годы душевного покоя и радости жизни.

С уходом таких людей возникает тоскливая пустота, заполнить которую невозможно. Нам остается только вспоминать о нем и надеяться, что там, где сойдутся все пути, мы еще увидимся и поговорим о свойствах дизельных двигателей или о палитре заката на Соловках...

Истертая монета

История Радонежа напоминает старинную монету, на которой от долгого употребления почти стерлась надпись и расплылся чеканный профиль правителя. И

все же очевидно одно: это селение отмечено особой метой. Здесь жили герои, мученики и святые.

Село Радонежское упоминается уже в духовной грамоте Ивана Калиты. «Собиратель земли Русской» завещал его своей второй жене княгине Ульяне. После ее кончины (не позже 1374 года) село с округой перешло во владение серпуховского князя Владимира Храброго. Согласно завещанию куликовского героя, первым радонежским удельным князем стал его пятый сын Андрей. «А благословил есмь сына, князя Андрея, дал есмь ему Радонеж с тамгою и с мыты» (56, 46). Сбор «тамги» (торговой пошлины) указывает на хозяйственное значение Радонежа, а сбор «мыта» (пошлины с провозимых транзитом товаров) — на его важную роль в тогдашней дорожной системе.

Князь Андрей стал править в Радонеже после кончины отца в 1410 году и скончался в 1425 году. Полагают, что именно он выстроил в Радонеже крепость — «град». Тогда и возникло двойное название — «городок Радонеж».

Серпуховские князья, владельцы этих мест, были люди особого закала. Их родовые черты — доблесть и благочестие. Они высоко чтили преподобного Сергия Радонежского, способствовали его прославлению как нового святого (189, 58). Примечательно, что белый камень для строительства Троицкого собора над гробом преподобного Сергия Радонежского добывали в мячковских каменоломнях, во владениях серпуховских князей (81, 17).

Многолюдный серпуховской княжеский дом был почти полностью уничтожен эпидемией чумы, свирепствовавшей на Руси в 1420-е годы. Жертвой «черной смерти» стал и радонежский князь Андрей. Под 6934 (1425/26) годом летопись сообщает: «Мор бысть велик во Пскове, и в Новегороде Великом, и в Торжьку, и во Твери, и на Волоку, и в Дмитрове, и на Москве, и въ всех градех русских и селах. Тое же осени (1425 года. — *Н. Б.*) преставися князь Андрей Володимеровичь и князь Семен Володимеровичь, нареченный в черньцех Сава, а положен у Троицы в Сергиеве монастыре. Тое же осени князь Ярослав Володимерович преставися, а положен в Архангеле на Москве» (141, 184).

Согласно древней традиции всех князей московского дома хоронили в Архангельском соборе Московского кремля. Погребение Андрея Радонежского в соборе Троицкого монастыря противоречило обычаю и, скорее всего, объяснялось его завещанием. Князь хотел быть погребенным у мощей преподобного Сергия, в стенах нового каменного собора, в строительстве которого он принимал участие. В правление Ивана Грозного (между 1565 и 1573 годами) останки Андрея Радонежского были перенесены из Троицкого монастыря в Архангельский собор Московского кремля (80, 27).

В начале 1411 года князь Андрей женился. Княгиня Елена Ивановна, дочь московского боярина Ивана Дмитриевича Всеволожа, после кончины мужа давала поминальные вклады в Троицкий монастырь. Впрочем, она не надолго пережила его и скончалась между 1428 и 1432 годами (122, 51). В браке с Андреем Радонежским княгиня Елена родила дочь (имя ее источники не сохранили), которая осенью 1432 года вышла замуж за галицкого мятежника князя Василия Юрьевича Косого.

«Сам князь Андрей предоставил обители щедрые податные льготы, а в конце жизни завещал три села, расположенные в непосредственной близости от монастыря — Княже, Афонасьево и Клементьево» (81, 17). Этим вкладом Андрей фактически дал монастырю независимость от удельных властей и превратил его в собственника тех земель, на которых он стоял.

Городок Радонеж вошел в историю в связи с событиями московской династической смуты второй четверти XV века. В феврале 1446 года удельный князь Дмитрий Шемяка поднял мятеж и внезапным набегом захватил Москву. Он послал своего порученца князя Ивана Андреевича Можайского с отрядом в Троицкий монастырь, где находился тогда на богомолье великий князь Василий Васильевич. Предупрежденный о намерениях мятежников, но не вполне поверивший этим известиям, Василий ограничился тем, что «посла сторожи к Радонежю», то есть выслал в сторону Радонежа заставу (137, 173). Глубокие сугробы не позволяли Ивану Можайс-

кому объехать заставу стороной. Издали заметив вооруженных людей, он приказал своим воинам спрятать оружие в санях и представить отряд обычным крестьянским обозом. Захваченные врасплох сторожа были перебиты, а мятежники внезапно нагрянули в Троицкий монастырь, где захватили в плен беспечного великого князя Василия. Он был доставлен в Москву, ослеплен и сослан в Углич...

Последний серпуховской князь Василий Ярославич, верой и правдой служивший Василию Темному, в 1456 году по неизвестным причинам был взят под стражу и осужден на пожизненное заключение. Спасаясь от гнева великого князя, жена и сын опального бежали в Литву. Радонеж и округа вошли в состав владений великого князя Московского.

При Иване III «городок Радонеж» стал центром большого уезда, земли которого находились в верхнем и среднем течении реки Вори. Сюда в 1492 году Иван III перевел «торг» (ярмарку), который прежде собирался у стен Троицкого монастыря. Свидетельством расцвета Радонежа стало устройство здесь в 1530-е годы постоялого двора («яма»), где путники могли отдохнуть, а ямщики — сменить лошадей.

Менялась административно-территориальная принадлежность Радонежа. Созданный в 1470-е годы Радонежский уезд в 1560-е был включен в состав Московского уезда (213, 91).

Социально-экономический кризис, охвативший центральные уезды России в последней четверти XVI столетия, затронул и Радонеж. Торговля заглохла, а ямщики разбежались, спасаясь от нищеты. Ярмарка перебралась в село Клементьево близ Троицкого монастыря. Бедствия Смутного времени довершили упадок Радонежа.

Правительство Михаила Романова искало дружбы с влиятельным Троицким монастырем. 5 ноября 1616 года монастырь получил жалованную грамоту, согласно которой Радонеж и прилежащие к нему земли были переданы из казны в собственность обители. Одновременно было проведено размежевание с землями сосед-

него казенного села Воздвиженского. Благочестивый жест имел прагматичную подоплеку: Троицкий монастырь был хорошим хозяином и мог быстро вывести из упадка радонежские земли.

Смута разрушила систему ямской гоньбы, остро необходимую для такой обширной страны, как Россия. Ее восстановление было актуальной проблемой для правительства Михаила Романова. Поэтому в царской грамоте властям Троицкого монастыря от 5 ноября 1616 года не забыты были и ямщики. За службу им полагалось определенное вознаграждение.

«А в памяти из Ямского приказу, какова прислана в Приказ Большого дворца в нынешнем в 125 (1616) году за приписью диака нашего Данила Яковлева, написано: До Московского разорения был ям на городке Радонеже, а охотников устроено было на нем сорок человек. А пашни дано было двесте чети: о пяти чети человеку в поле, а в дву потомуж; сена — четыреста копен: по десяти копен человеку. Да приказчику дано было пашни десеть чети в поле, а в дву потому; сена — дватцать копен» (187, 41). Теперь все это предстояло устраивать новому хозяину — Троицкому монастырю.

Достопримечательности

Говорят, что в лучшие времена в Радонеже было семь церквей и два монастыря (209, 427). Глядя на главный ряд домов современного села, трудно представить, где могли разместиться все эти алтари. Впрочем, из всего этого благочестия ныне уцелел один-единственный дом Божий...

На краю села, на кромке высокого берега речки Пажи высится построенная в 1836—1842 годах и выбеленная прямо по кирпичу Спасо-Преображенская церковь. В некоторых описаниях ее называют «одним из лучших памятников стиля ампир в Подмосковье» (89, 29). Пожалуй, это слишком сильный комплимент. Церковь как церковь. Не хуже, но и не лучше множества ей подобных сельских церквей. Печать ремесленной работы провинциального архитектора. Тяжеловатые пропорции колокольни, неуклюжие и массивные колонны портиков, нелепый руст под самую крышу...

В таком месте можно было бы ожидать и чего-то более впечатляющего. Впрочем, спасибо, что и эту не взорвали в лихие времена...

Неподалеку от церкви на небольшом насыпном кургане — высокая фигура старца в монашеском клобуке. Это памятник («памятный знак») преподобному Сергию Радонежскому, поставленный скульптором В. М. Клыковым весной 1988 года. Сам Сергий представлен в образе отрока в нимбе, держащего в руках икону «Троица». Композиция напоминает об одном сюжете из Жития преподобного Сергия Радонежского — чудесной встрече отрока Варфоломея, искавшего в лесу потерявшихся лошадей, с ангелом в образе старца. Старец благословил отрока и дал ему съесть просфору, после чего он легко научился грамоте и способностями далеко превзошел всех своих сверстников.

Этот сюжет, изображенный на знаменитой картине М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею», в реальности мог быть где-то здесь, в окрестностях Радонежа. Впрочем, в селе Варницы близ Ростова Великого также показывают место, где произошла эта знаменательная встреча. Для историка нет ничего более сомнительного, чем встреча легенды с географией. Но та зачарованная поляна в лесу, которую Нестеров изобразил на своей картине, существует до сих пор рядом с усадьбой Абрамцево. На туристических схемах окрестностей усадьбы она именуется «долиной отрока Варфоломея».

Но вернемся в Радонеж, к памятнику святому Сергию. «История — это политика, опрокинутая в прошлое», — говорил создатель марксистской схемы русской истории М. Н. Покровский. Установка этого монумента стала первым ядром, выпущенным по бастионам «научного атеизма» и «воинствующего материализма». Помню, какой переполох вызвало тогда у местных властей торжественное открытие памятника, поддержанное шумными акциями и шествиями членов общества «Память»...

За памятником открывается глубокая долина реки Пажи. Она полна воздухом и тишиной. Весной здесь бывает море черемухи и открывается всемирный конкурс соловьев.

Вниз тропа ведет к деревянной часовне-купели над водой. Правее — поросший деревьями холм старого городища, обращенного в сельское кладбище. Здесь не раз закладывали свои шурфы археологи, выуживая из земли довольно скудный улов в виде битых горшков, сломанных замков, рассыпавшихся бус и прочей мелкой рыбешки из реки времени.

Древний Радонеж спит, укрывшись тишиной веков...

И только где-то далеко, за полями и оврагами, за соловьями и археологами слышен тяжелый гул. Это работает день и ночь фабрика по переработке пустоты — Ярославское шоссе...

Памятник путнику

Паровоз упразднил пешехода... И с этой переменой что-то важное, необходимое умерло в душе человека. Одним из тех, кто оплакивал добрую старую дорогу, был английский мыслитель Джон Рёскин.

«В давние дни путешествовали по-иному — расстояния можно было преодолевать лишь тяжким трудом, но труд этот вознаграждался: отчасти удовольствием увидеть те земли, через которые пролегал путь, отчасти радостью, которую испытывал путник в вечерний час, когда с вершины крутого холма видел тихую деревушку, раскинувшуюся среди лугов возле равнинной речки, сулящую мирный отдых; когда за долгожданным поворотом пыльного тракта ему вдруг представали башни прославленного города, тающие в закатных лучах; путешествие подразумевало долгие часы тихого, вдумчивого блаженства, которое имеет очень мало общего со спешкой и суетой железнодорожного вокзала...» (159, 47).

Великое искусство путешествовать наполовину состоит из умения не спешить.

Не торопитесь покидать берега Пажи. Помимо исторической ауры и прекрасных пейзажей, это одно из немногих мест на нашем пути до Ростова, где вы можете вспомнить в себе путника. Вот выходит из села проселочная дорога через поле к ближнему лесу. Это та самая дорога, по которой ходил когда-то святой Сергий. По сторонам — родная бесхозяйственность, ржавеющие

в поле плуги, запутанная сеть тропинок. Но как славно идти, — не мчаться в гремящем вагоне или гудящем авто, а просто идти, — ощущая под ногами землю.

Идите, идите туда, к лесу, где день и ночь изливается родник преподобного Сергия, где под дубом таинственный старец легко решает проблему плохой успеваемости, а потерявшаяся лошадь сама выходит вам навстречу из белесого вечернего тумана...

И отчего бы не поставить здесь, на окраине Радонежа, на этой теряющейся в полях древней дороге, памятник Путнику — русскому путнику с дорожным посохом и котомкой за плечами. Так и стояли бы они на двух концах села, как альфа и омега русской жизни, памятник великому святому — и памятник безымянному страннику, взыскующему того, чего, наверное, и нет на земле...

Глава сороковая

Рязанцы

Деревня Рязанцы расположена в трех верстах от Воздвиженского в сторону лавры. Название заставляет искать здесь следы каких-то переселенцев из Рязани. Однако это лишь еще один пример обманчивости и изменчивости топонимов. Во времена Ивана Грозного деревня называлась Резанцево, что, скорее всего, указывает на какие-то отрезки или прирезки земли. И лишь в XIX веке название деревни приняло современный вид.

Подобно многим окрестным селам и деревням, Рязанцы входили в состав обширных вотчин Троице-Сергиева монастыря.

Немного не доходя до Рязанцев, справа от дороги находилась построенная в XVII веке часовня Крест, иначе называемая Стефановой часовней. Это было небольшое квадратное в плане сооружение с килевидными арками в оформлении фасадов. Под каменным шатром часовни хранился вырезанный из дуба и обшитый липовыми досками огромный деревянный крест. На одной стороне креста представлено было Распятие, на другой — преподобный Сергий Радонежский.

Устройство часовни связано со старинной монас-

тырской легендой. Знаменитый проповедник и миссионер, просветитель Великой Перми, епископ Стефан Пермский однажды проезжал в этих местах, но не имел времени посетить Троицкий монастырь. В ту пору Переславская дорога обходила монастырь стороной и ближе всего подходила к обители именно здесь, на этом холме (209, 423).

Высоко почитая «великого старца» Сергия, Стефан остановил свою повозку, обратился в сторону обители и отдал низкий поклон. В это время Сергий сидел с братьями за трапезой. Внезапно он поднялся, повернулся в сторону Переславской дороги и также отвесил поклон. Изумленные монахи стали спрашивать игумена, что означает этот безмолвный знак уважения. Сергий ответил, что в эту минуту их издалека приветствовал владыка Стефан. Монахи расспросили местных жителей, и те подтвердили слова Преподобного. В память об этом чудесном общении двух святых у дороги был поставлен поклонный крест, позднее укрытый часовней.

Стефанова часовня (разрушенная в 1932—1935 годах) была приметной вехой на пути к Троице. На праздник Воздвижения Животворящего Креста (14 сентября) троицкие монахи совершали крестный ход от часовни Крест до церкви села Воздвиженское (206, 56). Здесь, у Креста, власти Троице-Сергиевой лавры в октябре 1762 года встречали императрицу Екатерину II (170, 79). При часовне стояли два принадлежавших Лавре дома: каменный для иноков и деревянный — для имущества. Здесь же действовала церковно-приходская школа (190, 121).

Но пища духовная не заменит пищи телесной. И рядом со Стефановой часовней приветливо дымилась труба блинной. Эта вкусная и недорогая трапеза не только подкрепляла силы богомольцев, но также имела ритуальное значение. Блинами на Руси издавна поминали усопших родителей.

От Рязанцев дорога вела в подмонастырское село *Клементьево*, которое в XIX веке стало окраиной Сергиева Посада. Там путники готовились к последнему переходу до Лавры. Впереди их ожидала знаменитая

Красная гора — последний торжественный подъем на холм Маковец, где красовалась долгожданная обитель преподобного Сергия.

Глава сорок первая

Троице-Сергиева лавра

Вот мы и в Сергиевом Посаде. Душа этого города — Троице-Сергиев монастырь. Основанный около 1337 года преподобным Сергием Радонежским, монастырь с 1744 года носит титул лавры.

Для неторопливой прогулки по монастырю не нужно обращаться к услугам экскурсоводов. Гораздо приятнее и полезнее делать собственные открытия, спрашивать ответов у собственной памяти. Ведь святой Сергий живет в каждом из нас. А история Лавры — история России.

Загадка великого старца

Со всех концов России идут люди к преподобному Сергию. Он — живая душа этого, научно выражаясь «локуса», а попросту говоря — места.

О преподобном Сергии Радонежском написано немало и в агиографическом, и в историко-художественном, и в научно-исследовательском жанре.

Однако человек этот по-прежнему остается великой загадкой русской истории. Время сделало свое дело. Жизнь превратилась в житие, а портрет — в образ. Взгляните на современную икону святого Сергия Радонежского, сверкающую сусальным золотом софринского оклада, и сравните ее с тем ликом, который по великой милости Божьей сохранил древний покров на гробницу святого — и вы, как говорится, «почувствуете разницу».

Биография святого Сергия прозрачна, как рисунок японской тушью. Все даты его жизни определяются лишь предположительно. До нас не дошло ни единой буквы, написанной его рукой, ни строчки живых воспоминаний о нем современников. И все же он стал глав-

ным русским святым, именем которого русские люди клялись уже во времена Василия Темного ...

Много лет занимаясь историей тех далеких веков, я постоянно возвращался к вопросу: почему именно он, Варфоломей из Радонежа, поднял Русь, вернул ей мужество и достоинство? Почему он далеко обошел по своей известности всех современных ему подвижников, своих соратников и собеседников — Стефана Махрищского, Иоанна Высокопетровского, Дионисия Суздальского, Дмитрия Прилуцкого?

В последнее время много говорится о выборочности и предопределенности исторических воспоминаний, об особом «искусстве памяти». В прежние годы не меньше было сказано о слабой исторической достоверности агиографических произведений, авторы которых строго придерживались «литературного этикета» и следовали определенным образцам.

Все это так. Но образ преподобного Сергия давно вырос из исторического контекста и стал самостоятельным явлением в духовном пространстве русского этноса. Каким был этот человек на самом деле — в сущности, мало кого интересует. Возможно — именно таким, каким рисует его золотая легенда. А может быть — совершенно иным.

Не имея безусловного ответа на этот вопрос, я могу высказать лишь некоторые предположения, основанные на размышлениях и документах той эпохи.

Во-первых, во все времена, и чем раньше, тем сильнее, на жизненный путь человека влияло его происхождение. Люди, имевшие власть и собственность, стремились передать и то и другое своим детям. По происхождению Варфоломей принадлежал к старой ростовской знати. Территориальная корпоративность была обычным явлением в те времена. Выходцы из Ростова составляли своего рода землячество при московском дворе. Они знали друг друга, помогали своим, собирались на общие торжества и трапезы. Не случайно старший брат Сергия Стефан был принят иноком в привилегированный Богоявленский монастырь.

Уход в монахи двух из трех сыновей Кирилла горячо обсуждался в этом кругу, был предметом всеобщего

внимания. Так обсуждали когда-то сородичи уход в монастырь Феодосия Печерского и черниговского князя Николая Святоши.

В этой среде действовал принцип «своих не бросаем». Даже если «свои» избирали необычный жизненный путь. Аристократическое происхождение облегчало Сергию не только первые шаги по дороге подвижничества, но и управление возникшей со временем монашеской общиной. Почтение к «голубой крови» со стороны простолюдинов, а с другой стороны, врожденная уверенность боярского сына в своем праве повелевать — факторы, которые сыграли немалую роль в биографии святого. Не случайно большинство выдающихся организаторов русского монашества происходили из более или менее знатных семей. Это и Кирилл Белозерский, и Пафнутий Боровский, и Иосиф Волоцкий, и Корнилий Комельский, и Нил Сорский, и Иннокентий Охлябинин.

Во-вторых, Сергий Радонежский был не только религиозным, но и политическим деятелем своего времени. Известно, что он был тесно связан с могущественным серпуховским княжеским домом и его главой Владимиром Храбрым. Сергиев монастырь не позднее 1374 года оказался в их владениях. В постоянной глухой борьбе великого князя с удельными братьями и племянниками — и прежде всего серпуховским домом — Сергий был авторитетным посредником. В этом качестве он нужен был тем и другим. В сложных конфликтных ситуациях он проявлял незаурядные дипломатические способности. Прочный союз с серпуховским домом был одним из устоев московской политики времен Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича. Имя Сергия было символом этого союза.

В-третьих, огромную роль в жизни Сергия сыграла поддержка митрополита Алексея. Духовная близость этих людей простиралась настолько, что святитель, как известно, предполагал поставить Сергия у кормила великого корабля Русской православной церкви, то есть по существу доверить ему дело всей своей жизни. Истоки этой близости — тайна для историка.

Назовем и еще один момент, который способствовал

возвышению Троицкого монастыря как главного московского богомолья. Монастырь был расположен на очень удачном — не слишком большом, но и не слишком малом — удалении от Москвы. Паломничество как процесс, духовную сущность которого составляет размышление и покаяние, требует значительного времени. Оно предполагает как бы выпадение из повседневности, труд преодоления значительного расстояния. Однако далекие многодневные паломничества в северные монастыри были уделом немногих. Троица, расположенная в 65 верстах от столицы, в этом отношении была идеальным «средним путем». Пешком, без особого напряжения, туда можно было добраться из Москвы за два дня, остановившись на ночлег где-то в районе Братовщины. День-два провести в монастыре и за те же два дня добраться обратно в Москву — таков был оптимальный для средней руки москвича график паломничества.

О том, какую большую роль в выборе места для совершения паломничества играло расстояние, говорят признания самих паломников, записанные этнографами (216, 306).

Следует обратить внимание и на само имя — Сергий Радонежский. В этом имени заложен воспринимаемый на уровне подсознания мощный заряд положительных эмоций. Название Радонеж — притяжательная форма от имени Радонег. Составляющие его два слова, два понятия — радость и нега — никого не могут оставить равнодушным. «Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность», — говорил Павел Флоренский (200, 26). Имя Сергий Радонежский удивительно хорошо легло на русский слух и русскую речь. Оно быстро вытеснило менее звучное имя — Сергий Маковецкий, «живущий на Маковце», которое видимо, было первоначальным, аутентичным.

Лавра

Это звучное слово — как гость из далеких веков. Смысл его непонятен современному человеку. А потому обратимся за справкой к старому церковному словарю.

«*Лавра* — (широкий, многолюдный) общежительная

обитель. У нас в России лавр четыре: Троице-Сергиева, Киево-Печерская, Александро-Невская и Почаевская. Лавра — древнее ионическое слово, означающее собственно городскую улицу, квартал. Далее, по свидетельству Епифания, лаврою назывались в Александрии те улицы, где была построена какая-нибудь церковь. Впоследствии это же название стали прилагать и к тем местам, куда уединялись пустынники и где мало-помалу устроялись обширные монашеские обители. Таким образом, имя лавры как на востоке, так и у нас в России, усвоялось обыкновенно тем обителям, которые отличались множеством зданий и многолюдством» (143, 1505).

В наших рассказах под словом *Лавра* мы разумеем Свято-Троицкую Сергиеву лавру. В просторечии имеет хождение и другое краткое и емкое название монастыря — *Троица*.

В Лавре каждый русский человек испытывает сложное чувство, похожее на воспоминания детства. Всё это — глубоко личное, неповторимое. Каждый, кто был здесь, хранит в душе свою *Лавру*.

При знакомстве с Лаврой главное — не торопиться. Ведь вокруг столько интересного, значительного. Созерцание и размышление требуют тишины. Поэтому лучше отправиться в Сергиев Посад в будний день, переночевать в гостинице, посетить монастырь утром и вечером, днем и ночью.

Вот зашипели и открылись двери электрички. Сергиев Посад. Народ заполнил перрон. Смотрим вокруг. Пока все обыденно: неказистое здание вокзала, крикливая суета привокзальной площади...

Но пройдем немного в сторону по дорожке, обсаженной липами, — и вот вдалеке вспыхнула золотом свеча колокольни. Да, это она, «троицкая свеча», самая красивая колокольня России. Она царит над городом и округой, повсюду сопровождая странника, одобрительно поглядывая на него со своей высоты.

Теперь пора сменить мерную поступь странника на осторожный шаг охотника, подкрадывающегося к добыче. Не будем смущаться этого сравнения. Ведь здесь, у Троицы, мы и вправду охотники за духовной добычей.

Прежде чем идти в Лавру, остановимся на огороженной балюстрадой и выложенной камнем площадке. На жаргоне экскурсоводов это место называется Панорама. Отсюда Лавра открывается как на ладони. Она раскинулась на склоне холма, во времена преподобного Сергия называвшегося *Маковец*. У подножия холма в зарослях тальника петляет речка Вондига. На ее берегу белеет часовня над святым колодцем, ископанным, по преданию, самим преподобным Сергием.

Поставив туристов на Панораме, экскурсоводы, перечислив памятники, заводят речь о том, какой замечательный «архитектурный ансамбль» создали наши старые мастера. Но не следует понимать этого слишком буквально. Все эти постройки шести веков очень отличаются по цвету, стилю и образу . В них не больше единства, чем в текстах Хрестоматии по древнерусской литературе. Но каждый текст хорош и интересен сам по себе. Взятые вместе, здания Лавры составляют не столько архитектурный ансамбль, сколько единое сакральное и художественное пространство.

Через Вондигу перекинут старинный каменный мост. А за мостом сверкают белизной стен и золотом глав Пятницкая и Введенская церкви. Одна похожая на утку, другая — на лебедя. Столь разные по очертаниям, они ровесницы. Обе построены в год начала Московского царства — 1547-й.

(Давно ли это было? Что значат эти даты во всемирной истории? В этом году умерли два великих монарха — Генрих VIII Тюдор, король Англии, и Франциск I, король Франции. В этом году родились Эль Греко и Мигель Сервантес. В этом году Микеланджело был назначен архитектором собора Святого Петра в Риме. В этом году московский великий князь Иван IV торжественно принял царский титул.)

Обе церкви служили храмами маленького Пятницко-

го монастыря «на подоле» (у подножия холма). Монастырь возле Пятницкой башни, у входа в Лавру, начиная с 1682 года был исправительно-трудовым заведением для монахов-бродяг. Не лучшие пропилеи для святыни русского православия... Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. К тому же в монастырь долгое время входили через западные ворота, ведущие прямо к Троицкому собору.

Присмотревшись к Пятницкому монастырю, переводим взор на Лавру.

Всякий, кто ощущает свое духовное родство с Россией, смотрит на Лавру с каким-то особым, сыновним чувством. Писатель и паломник по святым местам Андрей Николаевич Муравьев выразил это чувство в цветистом, но одушевленном суждении. «Кто выразит все тайные чувства, волнующие грудь посреди подобной древности, подобной святыни? Они прирастают к сердцу и не идут с языка! Часто немеет он и для выражения одного великого подвига; а здесь пять славных веков подавляют душу грузом своих событий...» (118, 3).

Павел Флоренский сказал о том же проще и афористичнее: «Здесь Россия ощущается как целое» (60, 274).

Мы — собиратели художественных образов и реставраторы воспоминаний. В нашем взгляде на Лавру нет ни системы, ни цели. Наши суждения — странички из записной книжки постоянного посетителя и почитателя этого святого места. Мы чувствуем себя в Лавре как дома. Прожив жизнь в России и прожив ее так, как живет огромное большинство ее граждан, мы не ждем от этого никаких привилегий, кроме одной, — права судить обо всем, что есть в России, права говорить — «у нас...».

Троице-Сергиева лавра — старая нянька Московского государства. По своей неповторимой атмосфере она во многом близка Московскому кремлю. Но Кремль с его атрибутами правительственной резиденции давно стал холодным, высокомерным и отчужденным от простых людей. Здесь нигде не укрыться от подозрительного взгляда охранника и стеклянного глаза телекамеры.

И в Лавре есть привкус официального высокомерия. Здесь тоже теснят в воротах перепуганный народ черные лимузины, а в будках у железных калиток сидят хмурые привратники. Но все это как-то вскользь, патриархально, беззлобно. Кремль — огромная декорация. Лавра — живой организм. Здесь неистребим дух преподобного Сергия — дух любви и милосердия.

Лавра — столица нищих. Одних поставила в этот печальный ряд трагедия, других — алчность и лень. Так было всегда. Нищие — хроническая болезнь Троицы, или, скорее, ее родимое пятно. Об этих назойливых и безобразных побирушках с горечью вспоминали многие посетители монастыря. В середине XIX века нищенством зарабатывал себе на жизнь каждый четвертый из примерно двух тысяч жителей Сергиева Посада (220, 9).

В 1830 году юный Лермонтов, наслушавшись жалобных рассказов троицких нищих, написал здесь одно из самых известных своих стихотворений. Вот как рассказывает об этом в своих воспоминаниях тогдашняя муза поэта Е. Сушкова.

«На четвертый день мы пришли в Лавру изнуренные и голодные. В трактире мы переменили запыленные платья, умылись и поспешили в монастырь отслужить молебен. На паперти встретили мы слепого нищего. Он дряхлою дрожащею рукою поднес нам свою деревянную чашечку, все мы надавали ему мелких денег; услыша звук монет, бедняк крестился, стал нас благодарить, приговаривая: "Пошли вам Бог счастие, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков. Бог с ними!"

Помолясь святым угодникам, мы поспешно возвратились домой, чтоб пообедать и отдохнуть. Все мы суетились около стола, в нетерпеливом ожидании обеда, один Лермонтов не принимал участия в наших хлопотах; он стоял на коленях перед стулом, карандаш его быстро бегал по клочку серой бумаги, и он как будто не замечал нас, не слышал, как мы шумели, усаживаясь

за обед и принимаясь за ботвинью. Окончив писать, он вскочил, тряхнул головой, сел на оставшийся стул против меня и передал мне нововышедшие из-под его карандаша стихи:

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья,
Бессильный, бледный и худой,
От глада, жажды и страданья.
Куска лишь хлеба он просил
И взор являл живую муку... »(101, 86—102).

Лавра — огромное кладбище. Здешние могилы — как старые квартиры — видели не одно поколение «жильцов». Надгробия со стершимися надписями шли на фундаменты храмов и дорожки монастырского двора, а на их место ложились новые. Если бы все надгробия и кресты вдруг встали на свои места — от их плотных рядов невозможно было бы войти в монастырь.

Троицкий некрополь — прямой предшественник современного Новодевичьего или Троекуровского кладбища. Здесь получали место для упокоения за большие заслуги или за большие деньги. Считалось, что тот, кто похоронен в Троицком монастыре, может рассчитывать на лучшую участь в загробном мире. Предусмотрительный кандидат в покойники (а кто может назвать себя иначе?) загодя бронировал себе место на Троицком кладбище щедрой «милостыней» в монастырскую казну. Существовали особый прейскурант за место на этом почетном кладбище и заупокойные молитвы троицких иноков. Для родственников умершего это был вопрос семейного престижа.

В Лавре похоронены представители многих известных фамилий допетровской России. Одоевские и Трубецкие, Голицыны и Ржевские, Горбатые и Бахтеяровы-Ростовские, Глинские и Басмановы, Салтыковы и Оболенские... Из самых известных захоронений в Лавре назовем знаменитого церковного писателя Максима Грека и царя Бориса Годунова, героев борьбы с польскими интервентами Дмитрия Трубецкого и Прокопия Ляпунова, мать царевича Дмитрия Марфу Нагую, вдову царя Василия Шуйского инокиню Анисью. Здесь же на-

шли последний покой и многие выдающиеся иерархи Русской церкви: митрополиты Филарет (Дроздов), Макарий (Булгаков), Иннокентий (Вениаминов).

Лавра — это своего рода «Академия Генштаба» Русской православной церкви. Из стен Троицы вышли десятки иерархов, оставивших след в истории. С 1814 года в Лавре размещается Московская духовная академия — старейшее высшее учебное заведение Русской православной церкви. Подобно тому как Московский университет стал, по словам Герцена, «средоточием русского образования», так и Лавра — средоточием русского духовного образования.

В Лавре наука встречается с религией, причем обе стороны не проявляют особой радости от этой встречи. Сначала безбожная советская власть изгнала из Лавры монахов и открыла здесь музей. Потом многобожная постсоветская власть, идя навстречу пожеланиям монахов, изгнала из Лавры музей. У каждой из сторон — свои аргументы. Но жизнь требует сотрудничества, дипломатических отношений. И вот уже монахи и музейщики сидят в одном зале и выступают на научных конференциях.

Лавра — многоэтажное здание. На каждом этаже — своя жизнь, и между этажами практически нет сообщения. На одном этаже — туристы, на другом — семинаристы, на третьем — монашествующие, на четвертом — знатные посетители, бесцеремонно въезжающие прямо в ворота Лавры, на пятом — странницы с котомками, жующие корочку хлеба на лавочке, на шестом — еще оставшиеся в монастыре музейные сотрудники, на седьмом — всякого рода «обслуживающий персонал»...

Старая российская дилемма: грязь и хамство... И Лавра не сумела смыть этого позорного клейма русской цивилизации. Достаточно заглянуть в общественный

туалет при воротах или вступить в спор с буфетчицей в кафе или просто достать фотоаппарат — и вы сразу поймете, что это — Россия.

Лавра это, кроме всего прочего, и состоящий из множества киосков и лавочек торговый центр. Оно и понятно: каждый хочет унести на память что-то кроме монастырского хлеба и бутылки с водой из святого источника. Но, увы и увы! Над всем здешним товаром — от софринских икон до самодельных матрешек — витает дух церковного или псевдорусского ширпотреба.

Но кто же держит за руки местных мастеров прикладного искусства? Отчего так однообразны эти слишком ярко раскрашенные блюда, ложки и матрешки... Отчего так скучны эти богородские мужики и медведи... Все эти поделки уже в XIX столетии были безнадежно вторичны (52, 90). Все они — не более чем «седьмая вода на киселе» по отношению к древним русским игрушкам. Уйдя от простых и глубинных образов народного искусства, их создатели не пришли к оригинальному творчеству и остановились на каком-то тоскливом распутье.

Впрочем, не блещут оригинальностью не только изготовители ширпотреба. Недалеко ушел от них и автор памятника преподобному Сергию на площади перед Лаврой. В памятнике этом есть что-то от официозных монументов советского времени...

Троицкий собор

Лавра — краткая история русской архитектуры. Каждый век оставил здесь свой «автограф». Но главный памятник Лавры — вот этот вросший в землю Троицкий собор. Построенный в 1422—1423 годах, он — уходящий глубоко в века корень, от которого произросло всё остальное в монастырских стенах.

Как и положено корню, он равнодушен к симметрии и геометрии.

Из четырех фасадов собора два (восточный и северный) открыты снизу доверху, два других до половины высоты закрыты поздними пристройками.

Восточный фасад с тремя высокими апсидами и пламенеющими закомарами увенчан мощным барабаном с удачной по силуэту главкой и огромным крестом. На сегодняшний день это, несомненно, лучший вид Троицкого собора.

Северный фасад обращен к монастырской площади. Когда-то главным входом в Троицкий собор был западный портал. К нему вела поднимавшаяся по склону холма дорога от древних Святых ворот. А самое святое место монастыря, где стояла келья преподобного Сергия, находилось у южной стены собора. Но время распорядилось по-своему. Сегодня главный фасад собора — северный. Впрочем, врата северного портала открывают лишь по особым случаям. А по будням посетитель входит в собор как бы зигзагообразно: сначала через оснащенную мощной пружиной узенькую дверь он попадает с залитой светом площади в темную, как пещера, паперть. И уже здесь, оглядевшись и запасшись свечками под равнодушным взглядом усталого инока за конторкой, посетитель оказывается перед старинными коваными дверями западного портала собора.

Вот мы и в храме. Но здесь не место для разговоров. Только два слова у входа. Вглядитесь в эти дымчато-синие сумерки, пронизанные огненными стрелами свечей. Только в этой атмосфере раскрывается двуединая природа иконы — как предмета поклонения и как художественного произведения. Здесь, в этом странном освещении, качество живописи почти теряет всякое значение. В иконе просыпается какая-то сокровенная энергия, и она начинает излучать волны любви и покоя.

В дальнем углу Троицкого собора — огромная серебряная сень над ракой с мощами преподобного Сергия Радонежского. Это — самое сердце Троицы. Ради этих укрытых в серебро святых мощей, обладающих чудодейственной силой, идут в Троицу богомольцы. Культ святых мощей — великая тайна церкви. Полагают, что даже их маленькая частица способна уберечь от беды.

Троицкий собор невелик по размерам, но монументален, как египетская пирамида... Это впечатление достигается не только общими пропорциями здания, но и легким наклоном стен внутрь. Нет, стены стоят, конечно, прямо. Но они сужаются кверху, что и дает необходимый зрительный эффект. Старый, но верный прием древнерусских зодчих.

Каменное строительство на Руси находилось под мощным воздействием эстетических норм деревянного зодчества. Напряженная линия и острый силуэт ценились здесь гораздо выше, чем сложная игра пластических форм.

И если владимирские зодчие времен Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо под влиянием приглашенных на Русь романских мастеров начали преодолевать этот «деревянный» подход, — то уже их ученики, строившие собор в Юрьеве-Польском (1234), опять вернулись к имитации в камне плоского рельефа деревянной резьбы.

Вся эта наследственная «деревянность» только усилилась в XIII и XIV веках, когда едва дышавшая под тяжестью монгольского ига архитектура Северо-Восточной Руси была практически лишена творческих контактов с Западом.

Северный фасад Троицкого собора своей монотонной плоскостью, слегка оживленной бойницами узких окон, напоминает крепостную стену. А идущие поверху килевидные закомары похожи на зубцы этой крепостной стены.

Хрупкие аркатурно-колончатые пояса владимирских храмов совершенно неуместны на крепостной стене. Их место занял широкий пояс плоской орнаментальной резьбы, протянутый по всему периметру собора.

Возможно, что в трех орнаментальных ярусах этого пояса как бы зашифрована некая сакральная информация.

На северном фасаде собора отчетливо заметны и тяжкие раздумья мастеров над одной из самых сложных художественных проблем каменного зодчества древней Руси — проблемой симметрии. Вкратце суть дела сводилась к следующему. Проведя ось симметрии

ровно посреди северной и южной стены четверика и поставив на этой оси центральную главу, зодчий получал стройную и уравновешенную композицию фасада. Однако вид северного и южного фасадов усложняли обращенные к востоку алтарные апсиды. Они заставляли сдвинуть ось симметрии фасада, а вместе с ней и центральную главу, к востоку. Но такое решение тянуло за собой новую проблему. Вместе с центральной главой к западу смещались и несущие ее четыре столба. Это, в свою очередь, заставляло двигать к востоку и широкие лопатки, снаружи делящие стену на три «прясла». Ведь эти лопатки, согласно традиционной логике архитектурного мышления, служили как бы проекцией столбов на стену как с внутренней, так и со внешней стороны. Помимо чисто декоративного значения лопатки усиливали стену именно там, где перекинутые со столбов на стены арки создавали наибольший распор.

В итоге все три прясла северной и южной стены получались разными по ширине. Это была довольно неприглядная картина.

Выход из положения одни мастера находили в отказе от принципа соответствия внутренних и внешних членений здания, другие — в максимальном «вдавливании» апсид в тело храма и выведении их под самую крышу, третьи — в отказе от общей симметрии фасада и заменой ее на симметрию отдельных элементов его композиции.

Этот третий путь — по сути, наиболее простой — и предпочли строители Троицкого собора.

Троицкий собор недавно в очередной раз отреставрирован. Его стены выбелены, верх сияет золотыми бликами... Несомненно, монастырские власти заботливо отнеслись к своей святыне. Но спросим в который раз: а где же ощущение подлинности? Где патина веков, которую берегут реставраторы? Где тронутый временем серебристый лемех главы и кровли? Увы, увы, увы...

А кстати... Сколько лет Троицкому собору? И кто был его строителем? Ответа нет. Возраст собора — неразрешимая загадка. И пункт обвинения нашим «ленивым и

нелюбопытным» предкам. Удивительно, но факт. Постройка собора над гробом «великого старца» Сергия Радонежского — событие среди событий, памятник среди памятников — но, как ни странно, ни один известный нам летописец той эпохи не отметил этих трудов. Одни историки полагают, что виной тому — княжеские интриги и зависть, другие ссылаются на гибель множества древних рукописей в войнах и пожарах... Но как бы там ни было, только косвенные свидетельства и умозаключения позволяют думать, что собор был построен в 1422—1423 годах. В эти годы страну опустошала небывалая по свирепости эпидемия чумы. Вымирали целые города. Пресекались многолюдные княжеские династии. Но те, кто еще не умер, преодолевая страх, собрались вместе и начали строить собор...

Богатство нищих

Содержание огромного монастыря требует немалых средств. И было бы лицемерием, рассуждая о духовной жизни Лавры, делать вид, будто здесь питаются одним только духом святым. Лавра была и остается мощным экономическим организмом. Деловитость, сметливость, ответственность — вот качества, отличавшие троицких иноков как организаторов и предпринимателей. Одухотворение общего труда — секрет хозяйственных успехов Троицы и других русских монастырей со времен преподобного Сергия.

Отвечая на упреки в стяжательстве, Иосиф Волоцкий в одном из посланий говорил: «В нашем монастыре обычай: сколько Бог пошлеть, столько и разаидется» (144, 182). Рост доходов монашеской общины позволял увеличить расходы на украшение храмов, строительство, благотворительность и вовсе не означал личного обогащения иноков.

Среди разнообразных источников доходов Троицкого монастыря на первое место принято ставить оброки крестьян, живших в обширных вотчинах обители, разбросанных по всей стране.

Здесь уместно дать слово цифрам.

«Троице-Сергиева лавра к середине XVIII века явля-

лась крупнейшим душе- и землевладельцем. Ее огромные земельные угодья располагались в 43 уездах России и насчитывали 200 000 десятин. (Десятина равна 1,09 гектара. — *Н.Б.*) Она владела 170 дворами со всеми строениями и землями в 45 городах; 104 939 душами крепостных крестьян, 13 приписными монастырями» (217, 101). (При душевом исчислении в расчет шли только крестьяне мужского пола.)

Для сравнения можно сказать, что самый богатый помещик России граф Шереметев имел в то время 64 тысячи крестьянских душ, а главный монастырь Петербурга Александро-Невская лавра владела 23 тысячами душ.

В 1764 году Лавра имела 700 лошадей, и еще 600 — у приписанных к ней монастырей (198, 114).

В 1764 году Екатерина II подписала указ о секуляризации (передаче государству) церковных земель. От этой реформы пострадали в первую очередь монастыри, потерявшие свои вотчины. Для управления этими вотчинами, население которых составляло около миллиона крестьянских душ, было создано особое государственное учреждение — Коллегия экономии.

Взамен утраченных вотчин монастыри получали содержание от государства, размер которого зависел от статуса монастыря и количества живущих в нем иноков. В свою очередь, численность *штатных* (то есть получающих государственное содержание) иноков была точно определена для каждого монастыря.

Учитывая особую роль Троице-Сергиевой лавры в истории России, ей созданы были наилучшие условия. По Манифесту 1764 года Лавре устанавливался штат монахов — 100 человек. На содержание монастыря ежегодно выделялось 10 070 рублей. Это было в пять раз больше, чем содержание обычного монастыря 1-го класса.

Причитавшиеся Лавре 10 070 рублей растекались по нескольким статьям: на жалованье монахам; на жалованье монастырским служителям; на покупку припасов; прибавочная сумма (остаток от суммы на покупку припасов, который либо оставляли про запас, либо тратился на всякого рода напитки и деликатесы); гостевая сумма (вино и угощение для почетных гостей); на церковные нужды и строительство.

Устанавливая казенное содержание монастырям, Екатерина прекрасно понимала, что только на эти деньги обители едва ли смогут существовать. Власти недвусмысленно давали понять монахам, что отныне им следует проявлять больше предприимчивости и развивать свои собственные статьи доходов. Наиболее значительными были доходы от торговли свечами, иконами, книгами, заказными молебнами, местами на монастырском кладбище и т. п. Широко практиковалась сдача в аренду принадлежащей монастырю недвижимости — домов, лавок, погребов, мельниц, сенокосов.

Глава сорок вторая

Русские качели

Дорога от Москвы до Троице-Сергиевой лавры больше похожа на взлетную полосу аэродрома, чем на дорогу в русском понимании этого слова. Не только пешеходы и велосипедисты, но даже деревни и села предпочитают держаться подальше от этого ревущего и смердящего потока. Продолжением «хайвея» стала объездная дорога вокруг Сергиева Посада, которая, в свою очередь, перетекает в строящуюся новую магистраль до Переславля-Залесского. Всё это — царство скорости и однообразия.

Иное дело — дорога от Лавры до Переславля-Залесского. По существу, это всё та же старая дорога, которой ездили русские люди сто, двести и триста лет назад. Двадцатый век покрыл добротные николаевские насыпи коркой асфальта, прочертил белую линию дорожной разметки, расставил знаки и указатели. Ну и, конечно, заменил удалые тройки автомобилями.

Переславская дорога сохранила какую-то особую душевность, камерность. Смиренные домишки всё так же почтительно кланяются путникам, выстроившись вдоль дороги. Сквозь изгородь палисадников горят гроздья рябины и тянут свои любопытные головы золотые шары. Деревья роняют на дорогу сухие листья — квитанции ушедшего лета.

Писатель М. М. Пришвин, долгое время живший в Пе-

реславле-Залесском и часто ездивший по этой дороге, называл ее «русские качели». С богатырским размахом холмы чередуются с оврагами, крутые спуски — с затяжными подъемами. Темный лес то вплотную подступает к дороге, то расступается, открывая простор и синеву небес. Мы едем по водоразделу, один склон которого спускается к югу, а другой — к северу. То и дело хочется остановить машину и полюбоваться на открывшуюся вдруг многоверстную даль...

Дорога — большой и сложный живой организм. Привыкнув воспринимать ее в целом, мы редко задумываемся об отдельных элементах. А между тем это целая область науки о жизни — *анатомия дороги.*

Обочина

Полоса выровненной земли, идущая вдоль дороги, называется *обочиной.* Выделение обочины как особой части дороги возникло с появлением другого понятия — *дорожное покрытие.* Усыпанное щебнем и утрамбованное дорожное полотно (ныне — покрытие асфальтом) по сторонам переходит в обочину. Она служит для стока воды с дорожного полотна и потому делается несколько наклонной в сторону кюветов.

Обочина не предназначена для движения машин. Они могут съехать на нее только для остановки. Да и стоять на обочине оживленного шоссе, в одном метре от проносящихся мимо автобусов и гигантских фур, — удовольствие ниже среднего.

Современные правила дорожного движения неодобрительно относятся к обочине. На скоростных магистралях стоянка на обочине запрещена. Для длительной остановки отводятся особые *площадки отдыха* в стороне от дороги. Однако расстояния между площадками отдыха так велики, а сами эти площадки так грязны, что шоферы нет-нет да и остановятся на обочине, прельщенные густыми кустиками или напуганные повалившим из-под капота паром...

Останавливаясь на обочине, следует помнить историю Одиссея, любившего делать незапланированные остановки. Неизвестность — всегда опасность...

Строительство дороги всегда было делом государственным, а стало быть, строго регламентированным. Существуют многочисленные инструкции и нормативы, определяющие параметры дороги. Вероятно, есть и нормативы по обочине. Но всем известно, что русские нормативы существуют только на бумаге. Реальная обочина — та, что раскручивается бесконечным соблазном справа от вашего автомобиля, — опасна, как пещера циклопа. Осенью и весной, а также летом после сильного дождя она покрывается толстым слоем скользкой грязи. На вид эта грязь, присыпанная сверху песком, может казаться твердой почвой. Но стоит вашему автомобилю даже на небольшой скорости съехать с асфальта на обочину, как его начинает неудержимо тянуть по уклону обочины в глубокий кювет.

Несомненно, далекие нормативы в столах чиновников представляют обочину Переславской дороги твердой, ровной и широкой. На деле она мягкая, уклончивая и узкая.

На российских «хайвеях» нередко можно наблюдать, как расширение дорожного полотна происходит путем засыпки щебенкой и песком, а потом и покрытия асфальтом все той же многострадальной обочины. В этом случае собственно обочина превращается в чисто символическую узкую полоску земли или исчезает вовсе. Асфальт подходит к самому краю кювета. Таким образом, выбор приходится делать между плохим и очень плохим...

Однако все в этой жизни имеет свои плюсы и минусы. И коварная обочина может дарить проезжающим не только тревоги, но и маленькие радости жизни. Летом и осенью она превращается в бесконечный торговый ряд. Тут выставили корзинки с лисичками, там — банки с черникой, а еще дальше торгуют сушеной рыбой и молодой картошкой. Трехлитровая банка с белой бумагой внутри — знак того, что в соседнем доме можно купить молока. Эта приятная сердцу горожанина картина заставляет с умилением вспоминать босоногое детство, каникулы у бабушки в деревне и прелести сельского досуга. То один, то другой автомобиль сворачивает на обочину и выпускает из своих недр соблазнившихся придорожной снедью путников.

Порой на этой границе мира дороги и мира бездорожья вырастают целые городки торговцев самыми неожиданными товарами: пестрыми полотенцами и посудой местного стеклозавода, камуфляжной формой и тульскими пряниками, пластмассовыми бочками и невероятных размеров плюшевыми зверюшками. Можно только догадываться, какими путями попадает на дорогу все это добро и что стоит за этой «приграничной» торговлей.

Дорожные знаки

Для узкой и холмистой Переславской дороги главный знак — «обгон запрещен». Пренебрежение этим знаком нередко заканчивается крестом или рулевым колесом на холмике возле дороги. Но так досадно тащиться в длинном хвосте машин за едва ползущей в гору неуклюжей фурой... Так заманчиво «дать хвоста» мощному двигателю и ощутить себя быстрым, смелым, ловким...

Другой актуальный знак — «ограничение скорости». Его редко можно встретить на дороге, но часто — в мыслях водителей и их вечных врагов — гаишников. В населенных пунктах скорость, как известно, ограничена 60 километрами в час. Но ни один водитель не станет по доброй воле ползти с этой скоростью через бесконечную безлюдную деревню, когда широкий асфальт так и просит надавить на газ. Но тут-то и подстерегает водителя гаишник, стоящий со своим радаром сразу за поворотом дороги.

Сержант прекрасно понимает, что ехать по деревне со скоростью 60 километров невозможно. Его карательные меры носят абсурдный характер. Но это его ничуть не смущает. Он и не строит царство разума. Он ловит свою рыбу там, где рыба лучше клюет. Вот и вся теория вопроса.

Русская дорога — иррациональное пространство. Среди его феноменов — «зимние» знаки. Вот, например, крутой поворот. Зимой по обледенелому асфальту этот поворот можно пройти без риска улететь в кювет только на скорости до 40 километров в час. И некий умный

человек поставил здесь знак ограничения скорости до 40 километров. Все правильно. Но вот пришла весна, за ней лето. Теперь по сухому асфальту этот поворот без опасения можно проходить и на скорости 60 километров. Но знак висит все тот же, зимний: 40 километров и ни метром больше. По идее этот знак на лето нужно снять в силу его явной абсурдности. А перед зимой снова повесить. Но никто не хочет этим заниматься. Так и висят эти бессмысленные знаки как символ того, что это — русская дорога.

Впрочем, нужно отдать должное гаишникам. Они по-своему честны и не ловят водителей на зимних знаках. Во всяком случае, я этого не видел. Но, может быть, дело тут не только в честности. Или вовсе не в честности. Гаишникам нужны простые и очевидные нарушения, которые не оставляют места для дискуссий. Они, как известно, не любят вдаваться в дискуссии и утруждать себя развернутыми доказательствами. Все просто, заранее предрешено и убийственно однообразно. Профессиональная болезнь этих людей — ипохондрия.

Дорожная информация

Уже наши далекие предки заботились о том, чтобы дать необходимые путнику сведения. Известная надпись на камне: налево пойдешь — коня потеряешь, направо пойдешь — голову потеряешь — была первым примером такого рода. Но мы, современные автомобилисты, далекие потомки васнецовского витязя на распутье, часто не имеем даже таких неоднозначных указателей пути.

В основе дорожной информации лежит уважение к человеку, желание помочь ему найти нужную дорогу. В России, где уважение к человеку никогда не было абсолютной ценностью, с дорожной информацией дело обстоит крайне скверно.

Однако в этом грустном выводе есть зерно оптимизма. Отсутствие чего-то создает перспективу, дает надежду на скорое появление этого чего-то благодаря мудрости и человеколюбию отцов отечества.

Можно, скажем, пронумеровать все российские до-

роги и на каждом перекрестке поставить соответствующие указатели. Снабженный подробной и ясной картой, которую можно купить на любой заправке, водитель быстро находит нужный ему «вей». Так принято в состоящей из одних водителей Америке.

Можно сделать указатели особого цвета (например, коричневого), которые показывают дорогу к памятникам истории и архитектуры. Так делают в гордящейся своими древностями Италии.

Можно, в конце концов, опросить наугад две-три сотни российских автомобилистов и выяснить их потребности в дорожной информации. И по результатам опроса изготовить и поставить соответствующие знаки по всем дорогам России...

Маниловщина... Ну а что мы имеем на сегодняшний день? В городах дорожной информации катастрофически не хватает. Чтобы убедиться в этом, достаточно предложить иногороднему водителю проехать в назначенное место по Третьему транспортному кольцу или МКАД.

В качестве примера расскажу простую историю. Года два или три назад при въезде в Москву со стороны области на всех магистралях установили огромные световые табло. На них разным цветом высвечивались участки МКАД, давая знать «в режиме онлайн», то есть своевременно, о заторах, пробках или свободном проезде. Но недолго радовала автомобилистов эта замечательная система. Спустя несколько месяцев что-то там не заладилось, и огромные щиты один за другим погасли навсегда. Так и стоят они возле дороги как памятники русской цивилизации.

Москва, не говоря уже о провинции, живет по патриархально-хамскому принципу «чужие здесь не ездят». Таблички с номерами домов (по одной на дом) висят далеко не везде, освещаются плохо, и найти их можно, только обойдя весь дом кругом.

Оборотная сторона хамства — холопство. На придорожных столбах развешаны указатели для автомобилистов, где русское название улицы дублируется английским. Делается это с забавной простотой. Так, Федоскинская улица превращается в «Fedoskinskaia

street», проспект Мира в «Mira avenue», а Мурманский проезд в «Murmanskiy passage». Вся эта филологическая чепуха абсолютно никому не нужна. Попробуйте представить себе американца или англичанина, совершенно не владеющего русским языком, сидящего за рулем автомобиля и пробирающегося по темным закоулкам Медведкова или Бибирева при помощи этих столбовых указателей...

Другая картина — за пределами городов, на трассах. Здесь с невероятной педантичностью расставлены указатели с названиями населенных пунктов. Чем объяснить столь странную для России предупредительность? Рискуя прослыть мизантропом, предположу, что человеколюбием здесь и не пахнет. Указатели — забота гаишников, которым по фискальным соображениям принципиально важно, с какой скоростью въезжает машина в населенный пункт. Впрочем, есть и другая сторона медали. Названия сел и деревень — это, так сказать, лицо дороги. На это в первую очередь обращают внимание едущие по дороге власти предержащие.

Но допустим, это сделано для блага едущих. Допустим. Но почему для блага едущих те же филантропы не расставили как следует верстовые столбы? На федеральных трассах они стоят, как гнилой штакетник, — через два на третий. На областных дорогах их еще меньше, а то и нет вовсе. А ведь насколько полезная информация для автомобилиста содержится в этих мелькающих цифрах...

Придорожный комфорт

По дороге несутся железные машины. Но в них сидят и управляют ими живые люди. Они имеют разнообразные потребности, которые настоятельно требуют удовлетворения.

Первая потребность — еда.

В советские времена на всей дороге от Москвы до Ярославля не было ни одного придорожного кафе или столовой. Ресторан «Лесная сказка» между Москвой и Загорском и ресторан «Сказка» у часовни Крест возле Переславля-Залесского — таков был весь дорожный

общепит. Понятно, что цены там отпугивали рядовых путников, а вальяжная медлительность хамоватых официантов превращала обед в бесконечную пытку. Люди, дорожащие своим временем и не склонные бросать деньги на ветер, утоляли голод в городских столовых.

Ныне вдоль дороги выстроились десятки разнокалиберных питательных заведений. В основном это небольшие кафе с зазывными названиями — «Хуторок», «Визит», «Гнездышко» и даже экзотическая «Мулатка». За тяжелой железной дверью обычно открывается известная картина: засаленные деревянные столы со скамейками, стойка бара с сомнительными напитками, засиженная мухами картинка на стене... За стойкой — женщина неопределенных лет с усталым лицом и неустроенной судьбой. Привыкшая к любезностям шоферов, она невозмутимо смотрит сквозь посетителя и являет собой образ равнодушной природы.

Здесь путнику предложат непритязательные, но обычно вполне съедобные кушанья. Конкуренция заставляет хозяев заведения (обычно они целыми днями сидят с калькулятором или нардами где-нибудь в подсобке) заботиться о качестве пищи. Постоянные посетители, шоферы-дальнобойщики и курсирующий по дороге мелкотоварный люд, хорошо знают, где можно быстро и недорого поесть, не рискуя покоем своего желудка.

Напившись и наевшись, человек хочет удовлетворить другую потребность. Ему нужна *restroom*, «комната отдыха», как деликатно называют туалет в культурных странах. Эту потребность можно удовлетворить в каждом придорожном кафе, но с обязательным условием — отведать сначала его кулинарии согласно затянутому в кожу огромному меню. Те, кто предпочитает жевать в кабине автомобиля домашние бутерброды и запивать их чаем из термоса, могут справлять нужду по своему усмотрению.

В прежние времена проблема «зеленого кустика» вырастала порой в настоящую трагедию. Особенно — для пассажиров туристических автобусов. Так называемые «площадки отдыха», на которых останавливались автобусы и грузовики, а также дисциплинированные авто-

мобилисты, не имели конкретного хозяина. Во всяком случае, никто не заботился о том, чтобы завезти туда баки для мусора и регулярно их вывозить. Никто не считал нужным поставить там столы для трапезы проголодавшихся путников, подвести нитку водопровода с заветным краником и, в конце концов, устроить там общественный туалет. В результате «площадка отдыха» превращалась в смердящую свалку мусора, а окрестный лес — в своего рода «минное поле».

Ситуация ухудшалась зимой, когда сугробы сводили на нет возможность найти у дороги заветный «зеленый кустик». Единственным спасением для тех, кто не желал справлять нужду прямо на обочине, становились автобусные остановки — спартанского вида железные или сложенные из железобетонных плит будки, единственным «удобством» которых было укрепленное высоко на столбе расписание местных автобусов. (Впрочем, расписание висело далеко не везде.) Итак, будка становилась своего рода ширмой, за которой отчаявшиеся путники решали свои насущные проблемы...

Что изменилось с тех далеких времен «реального социализма»? Практически — ничего.

Когда-то Василий Розанов сказал, что у России есть только одна беда: она не уважает сама себя...

Пунктир маршрута

Дорога от Лавры до Переславля-Залесского похожа на нитку с мелким речным жемчугом. Деревни и села здесь не так велики и богаты историческими воспоминаниями, как на пути из Москвы в Троицу. Однако они привлекают своей исторической подлинностью. Документы свидетельствуют о том, что они находились на своих местах и сто, и двести, и триста лет тому назад. И повидали они на своем долгом веку немало.

Пунктир старой дороги позволяют восстановить произведенные с немецкой точностью записи в путевом дневнике академика Г. Ф. Миллера, путешествовавшего из Москвы в Переславль-Залесский в 1779 году. В одну сторону Миллер ехал из Троицы на Александрову слободу, а оттуда — в Переславль. Обратно он отправил-

ся по прямой дороге. Этот обратный маршрут и показывает нам старую дорогу из Троицы в Переславль.

«Я пробыл в Переславле-Залесском три дни и собрал толикое число надобных известий, что мне не было тужить, что туда заехал.

9-го числа июля под вечер в 6 часов вступил я в обратной путь к Троицкому монастырю, которой учинил по прямой большой дороге. Ради великаго дневнаго зноя разсудил я ехать ночью; нигде уже не останавливался, разве где ямщики хотели переменить усталых лошадей. Следует роспись лежащим по пути деревням.

Деревня *Щолканка* — в 7 верстах от Переславля.

Село *Глебовское* — в 4 верстах от Щолканки. В нем две деревянные церькви и около 40 дворов. Речка Вышеда течет посреди села, съединяется с речкой Кубом и впадает в реку Нерль. Помещик онаго некто Макаров.

Выползова — слобода в 4 верстах, в оной 40 дворов и деревянная церковь на вышеупомянутой же речке. Она принадлежит двум помещикам — *Трубникову* и *Хвостову,* из коих первый имеет здесь изрядной дом.

Куб — маленькая речка в 2-х верстах.

Село Новое — в 3-х верстах, в нем около 100 дворов и деревянная церковь.

Деревня Овинка — 4 версты, 24 двора.

Василева — дерев[ня], 1 верста, в ней 36 дворов.

Сии три деревни принадлежат Абраму Степановичу Волкову. До сих мест все помещичьи деревни, следуют теперь экономическия.

Саля — речка, а на оной —

Лисава — деревня, 3 версты, в ней 20 дворов. До сей деревни от Переславля щитается 25 верст. По приказу воеводы переславскаго, которой послал для того наперед солдата, приготовлены здесь были перемены лошадей.

Кирибрива — дер[евня], 5 верст, в ней 15 дворов. Сия деревня в дорожных календарях означена почтовым станом, чего там не бывает. Также она за малым числом жителей к перемене лошадей не способна. Здесь щитается половина дороги между Переславлем и Троицким монастырем. Я спрашивал, сколь далеко отсель или от Лисавы до Александровой слободы. Сказали: около 25 верст.

Корело — село в 4 верстах, с деревянною церковью, в оном 25 дворов.

Дубна — речка и деревня, в 3 верстах, в ней 15 дворов. Речка сия втекает в Волгу.

Едриковы горы — 3 версты, деревня, состоящая из 25 дворов.

Душищева — дер[евня] в 4 верстах, 17 дворов, в 17 верстах от Лисавы. ' Здесь в другой раз переменили лошадей...

Рогачова — дер[евня], 4 версты, 17 дворов.

Сватково — село в 3-х верстах, в нем 10 дворов с деревянною церковью. Оное село почитается последним в Переславском уезде по сей дороге.

Зубачева — дерев[ня] в 6 верстах, в ней 20 дворов. Отсюда почитается еще 4 версты до Троицкаго монастыря, всего от Переславля-Залесскаго до Троицкаго монастыря числится 60 верст.

10-го числа июля в 6 часов поутру прибыл я к монастырю» (113, 256).

Так ехал профессор Миллер более двух веков тому назад. Так поедем и мы, поглядывая на версты и развлекаясь причудливой дорожной топонимикой.

Приведенные Миллером названия сел и деревень несколько изменились за протекшие два века. Кроме того, ученый немец не всегда правильно понимал их произношение. С этой оговоркой они тем не менее вполне позволяют проследить линию старой дороги и сравнить ее с современной.

Если ехать по направлению из Троице-Сергиевой лавры в Переславль, то названные Миллером деревни и села, естественно, будут располагаться в обратном порядке. Кроме того, дорога, по которой ехал Миллер, местами несколько отклонялась от современной в сторону Александрова.

Современная дорога идет через населенные пункты Сватково — Рогачево — Верхние Дворики — Тириброво (у Миллера — Кирибрива) — Лисавы (у Миллера — Лисава) — речку Саблю (у Миллера — Саля) — Василёво —

Новосёлку (у Миллера — Овинка, т. е. Новинка?) — село Новое — речку Кубрь (у Миллера — Куб) — Выползову слободу — Глебовское — Щелканку.

Два царя в одном селе

Дорога круто спускается вниз и словно упирается в белую церковь. Много лет она стояла полуразрушенная, почти неузнаваемая, с обломком колокольни у западной стены — немым укором отвергнувшему Бога народу. Ныне Сватково издали радует приятной картиной белых стен восстановленного храма. Как и все придорожные храмы Переславской дороги, церковь прекрасно вписана в ландшафт. Она расположена на краю широкой долины, по которой протекает речка Кунья.

И все бы хорошо, да только заново отстроенная низенькая колокольня получилась настолько нелепой, что уж лучше бы ее пока вообще не ставили...

Село Сватково, принадлежавшее Троице-Сергиеву монастырю, упоминается уже в документах Смутного времени. Здесь когда-то любовался далью первый царь из дома Романовых.

Избранный Земским собором 16-летний царь Михаил Романов весной 1613 года в сопровождении бояр ехал из Костромы в Москву. По дороге он останавливался на станах и отправлял в Москву разного рода предписания. В одном из них сообщалось, что «23 апреля пришли к государю на стан в село Сватково дворяне и дети боярские разных городов, переграблены донага и сечены, в расспросе сказали, что одни из них посланы были к государю с грамотами, другие — по городам сбирать дворян и детей боярским и высылать на службу: и на дороге, на Мытищах и на Клязьме, козаки их перехватали, переграбили, саблями секли и держали у себя в станах два дня, хотели побить, и они у них, ночью развязавшись, убежали; а стоят эти воры на Мытищах, другие — на Клязьме, человек их с 200, конные и пешие. Писали государю из Дмитрова приказные люди, что прибежали к ним из сел и деревень крестьяне, жженные и мученные огнем, жгли их и мучили козаки. 26 апреля эти воры пришли и в Дмитров на посад, на-

чали было его грабить, но в то время случились в Дмитрове дворяне и дети боярские, козаки кормовые и торговые, и они им посада грабить не дали, с ними бились; и от этих воров дмитровцы, покинув город, хотят все брести врознь, а по селам и деревням от воров грабежи и убийства большие. Козаки, посланные в разные места на службу, берут указные кормы, да, сверх кормов, воруют, проезжих всяким людей по дорогам и крестьян по селам и деревням бьют, грабят, пытают, огнем жгут, ломают, до смерти побивают. И 26 апреля государь и его мать у Троицы на соборе говорили всяких чином людям с большим гневом и со слезами, что воры кровь христианскую льют беспрестанно; выбрали его, государя, всем государством, обещались служить и прямить и быть всем в любви и соединении; а теперь на Москве, по городам и по дорогам грабежи и убийства; позабыв добровольное крестное целованье, воры дороги все затворили гонцам, служилых и торговых людей с товарами и ни с какими запасами не пропускают. И государь и мать его, видя такое воровство, из Троицкого монастыря идти не хотят, если всех чинов люди в соединение не придут и кровь христианская литься не перестанет...» (174, 14).

С огромным трудом разоренная страна восстанавливала нормальную жизнь. Михаил Романов правил, опираясь на поддержку Земского собора, который в первые годы его правления заседал почти непрерывно. Однако внешняя угроза по-прежнему оставалась суровой реальностью. Речь Посполитая не признала Михаила законным русским царем, оставляя этот титул за сыном польского короля Сигизмунда III Владиславом. В 1610 году боярское правительство (Семибоярщина) предложило ему на определенных условиях занять московский трон. Однако реальностью это опрометчивое предложение никогда не стало. И все же Владислав в 1617—1618 годах совершил два похода на Москву, надеясь превратить эту политическую утопию в действительность.

Осенью 1618 года отброшенный от Москвы войсками Михаила Романова, Владислав ушел по Ярославской дороге к Троицкому монастырю. Он надеялся захватить обитель, получить ее сокровища и устроить там свой

лагерь для нового похода на Москву. Однако второе нападение поляков на Троицкий монастырь закончилось столь же неудачно, как и первое. Вместо теплых келий Троицкого монастыря воинам Владислава пришлось довольствоваться деревенскими избами и холодными походными шатрами.

Сценой исторических событий на несколько дней стали монастырские села Рогачево, Сватково и Деулино. Вот что рассказывает об этом в своей «Истории России» С. М. Соловьев.

«Королевич, отступя от Москвы, пошел к Троицкому монастырю, но на требования сдачи архимандрит и келарь с братиею велели бить из наряда по польским войскам. Королевич отступил и стал за 12 верст от монастыря в селе Рогачеве. Гетман Сагайдачный (предводитель отряда запорожских казаков. — *Н. Б.*) прямо от Москвы отправился под Калугу и на дороге взял острог в Серпухове, но крепости взять не мог. В Калуге точно так же он успел выжечь острог, но в крепости от него отсиделись. Королевич распустил своих людей в галицкие, костромские, ярославские, пошехонские и белозерские места, но в Белозерском уезде поляки были настигнуты воеводою князем Григорием Тюфякиным и побиты. Между тем уполномоченные (для ведения переговоров с московскими боярами. — *Н. Б.*) — Новодворский, Лев Сапега и Гонсевский занимали Сватково, в 10 верстах от Троицкого монастыря. Приехавши в монастырь, Шереметев (глава московской делегации на переговорах. — *Н.Б.*) послал в Сватково Солового-Протасьева спросить уполномоченных литовских о здоровье и пригласить на съезд...

Дворяне приискали съездное место в троицкой деревне Деулине по Углицкой дороге, от Троицы в трех верстах, от Сваткова в пяти, и 23 ноября был первый съезд...» (174, 106).

Плодом этих переговоров стало знаменитое Деулинское перемирие сроком на четырнадцать с половиной лет между Россией и Речью Посполитой. Этим договором окончательно завершилось трагическое Смутное время. Михаил Романов уступил полякам многие русские земли, но взамен получил мир и фактическое признание в качестве московского царя.

Прикосновение к истории особенно ощутимо там, где она оставила свои зримые следы, где происходили важные события. Подойдите к неприхотливой церкви в Сваткове. Она построена в конце XVIII столетия на месте древней, деревянной. Здесь, по этим оврагам, скакал на своем белом коне честолюбивый Владислав — несостоявшийся русский царь, но вполне состоявшийся польский король. С 1632 по 1648 год он правил Речью Посполитой под именем Владислава IV.

История, как известно, не знает сослагательного наклонения. Ученые не терпят вопросов «а что было бы, если бы...». И с важным видом отвечают: «История только одна — та, которая состоялась».

И все же как хочется иногда хоть на одну пуговицу расстегнуть цеховой мундир и предаться гаданию. Вот, скажем, судьба «польского проекта» — возведения на московский престол королевича Владислава... Он родился в 1595 году. Его отец польский король Сигизмунд III (1587—1632) был сыном шведского короля Иоанна III и королевы Катерины, дочери польского короля Сигизмунда. Таким образом, в случае утверждения Владислава на московском престоле Россия получила бы второе «призвание варягов» и возможность династической унии с Речью Посполитой. Плодом первого «призвания варягов» стало возникновение Древнерусского государства. Плодом второго могла бы стать более быстрая европеизация России. Но слепое упрямство фанатичного католика Сигизмунда III, не позволившего сыну принять православие, как того требовали московские бояре, положило конец этому головокружительному проекту.

Что ожидало бы Москву под скипетром Владислава и Владислава под опекой московской знати? Кто знает... Во всяком случае, он не смирился бы с ролью политической марионетки. В истории Польши Владислав остался незаурядным правителем, питавшим грандиозные, хотя и не всегда реалистические замыслы. Принадлежа по линии матери к династии Ягеллонов, «царь Владислав» мог претендовать не только на шведский, но и на польский престол. Эти перспективы не давали ему покоя. Возможность создания огромного русско-

литовского государства, волновавшая умы еще со времен Ольгерда и Дмитрия Донского, могла стать целью жизни Владислава...

Но оставим туманы далекого прошлого и отправимся дальше по старой Переславской дороге. Вот и 95-й километр, деревня *Верхние Дворики*. Здесь заканчивается Московская область и начинается небольшой «мыс» — северо-западный угол Владимирской области. В старые времена город Переславль-Залесский принадлежал к Владимирской губернии, а Ярославская губерния начиналась далеко за Переславлем. Ныне Владимирская область заканчивается на 117-м километре, за деревней Лисавы, а Переславль — районный центр Ярославской области.

Нужно отъехать от Москвы не менее ста километров, чтобы почувствовать себя свободным от тяжких объятий *мегаполиса*. Перевалив этот рубеж, вы вдруг замечаете, что и магистраль теперь больше похожа на дорогу, и пейзаж утратил индустриальную жесткость, и в номерах машин реже мелькают надменные 97 или 197, да и дышаться стало как-то вольнее, спокойнее. Сбросив скорость, вы можете немного расслабиться, скользнуть взглядом по сторонам, опустить боковое стекло.

На других магистралях эти перемены происходят незаметно, как таяние мартовского снега. На Ярославском шоссе последняя черта московской «сферы влияния» проведена резко и наглядно, словно граница между США и Мексикой.

Широкая объездная дорога вокруг Сергиева Посада, уткнувшись в невидимую границу областей, вдруг мелеет и сужается. От Верхних Двориков до самого Ярославля движение идет преимущественно одним рядом в каждую сторону. Бесконечные спуски и подъемы не позволяют издали увидеть встречного. Суровая сплошная линия напоминает об опасности. Машины выстраиваются в длинный караван, во главе которого ползет задыхающийся под непосильной ношей КамАЗ или неуклюжая фура. Над дорогой висит облако смешанных с выхлопными газами водительских проклятий. А по

сторонам один за другим встают печальные памятники дорожных катастроф.

В Верхних Двориках от Ярославского шоссе вправо уходит дорога в город Александров, а налево — в окрестные деревни. На этом оживленном перекрестке вырос базар. Тут же дымит мангалом придорожная Азия.

Сразу за Верхними Двориками Ярославское шоссе скатывается вниз, в огромный овраг, по дну которого течет едва заметная речка Дубна. Здесь, в двух-трех верстах справа, ее истоки, отмеченные старинным селом Дубна. Когда-то там останавливались все путники, ехавшие по дороге. А сама река играла важную роль в системе водных путей Верхней Волги.

«Дня 28 (август 1606 года. — *Н. Б.*). Ночлег в Дубнах, миль 7, верст 35 (от Троицкого монастыря. — *Н. Б.*)». Запись в путевом дневнике одного из шляхтичей в свите Марины Мнишек, сосланной в Ярославль после гибели первого самозванца (53, 73).

«6-го (января 1676 года. — *Н. Б.*), при рассвете дня, пришли мы в Дубну, после того как было сделано 35 верст, т. е. около 7 миль, по небывало плохой дороге. Отсюда мы выехали утром в 9 часов и поздно вечером прибыли в Рахманово, сделав 40 верст, т. е. около 8 миль, и проехав мимо многих прекрасных поселений и монастырей». Запись в путевом журнале голландского посла Кунраада фан Кленка (145, 371).

Вот и «сотый километр». Хуже места для «площадки отдыха» трудно придумать. С одной стороны залитой мазутом и грязью площадки — глинистый обрыв срезанного бульдозерами холма, с другой — ревущая дорога, где машины на предельной скорости вылетают из-за пригорка. Попытки перейти шоссе нередко заканчивались трагически...

Но мы уже благополучно миновали зловещий «сотый километр». Впереди — Тириброво. Это старинное село упоминается в путевом дневнике голландского художника Корнелия де Брюина, путешествовавшего из Архангельска в Москву в 1701 году:

«...Приехали в Переслав-Залесский, главный город

области того же имени, плохой и расположенный на запад на берегу Переславского моря, или озера. Было 9 часов вечера, когда мы прибыли сюда, а в полночь мы отправились уже далее. Сделав 30 верст, 3-го числа, в 6 часов утра, приехали мы в Тириброво (Tierieberewa). Отсюда до Троицы нужно беспрестанно спускаться и подниматься на небольшие горы на протяжении 30 верст» (155, 411).

Длинная и ничем особо не примечательная деревня Тириброво заканчивается конгломератом низеньких построек, носящим громкое имя — гостиница «Жемчужина». Огромный рекламный щит при въезде в деревню предлагает увлекательный набор возможностей: кафе, сауна, ночлег... Завершается перечень игривым намеком — «рай для влюбленных»...

Прежде это заведение называлось проще и романтичнее — трактир «Надежда». Случайные постояльцы и искатели «рая для влюбленных» обретали здесь если не надежду, то, во всяком случае, — широкую деревянную кровать в темном, как каземат, номере с решеткой на единственном окне.

Улетевшая Чайка

Деревня Лисавы далеко разбежалась по холму. На перевале дороги — шатровая часовня, многие годы служившая автобусной остановкой. Внизу, под горой — речка Сабля, ныне едва заметная, а прежде наводившая ужас на путников своими весенними разливами. Эта низина считалась самым грязным местом на всей Ярославской дороге.

За Лисавами на пригорке виден памятный знак, отмечающий границу Владимирской и Ярославской областей. Прежде символ Ярославской области представлял огромных размеров железную птицу — ту самую чайку, имя которой стало космическим позывным первой в мире женщины-космонавта Валентины Терешковой.

Уроженка деревни Масленниково близ Ярославля, В. В. Терешкова стала гордостью Ярославской земли. Угличский часовой завод выпускал женские часы марки «Чайка». В родных местах Терешковой был построен му-

зей-павильон «Космос», восстановлен заново деревенский дом, в котором она провела детство. В Ярославле ее именем назвали улицу. Каждый приезд Терешковой на родину становился событием для земляков и авралом для городских властей.

Ныне железной чайки простыл и след. Исполненный в виде башни помпезный знак областной границы украшен стилизованной схемой Ярославского шоссе с гербами городов.

Остров милосердия

Вслед за деревней Василёво слева на некотором отдалении от дороги открывается поредевшая аллея старых лип — верная примета заброшенной усадьбы. Свернув на эту аллею у автобусной остановки (на моей памяти она называлась и Гагаринка, и Новосёлка, и Гагаринская Новосёлка, и Новосёлово), мы проедем с полверсты по склону холма. Здесь стоит остановиться и поглядеть вокруг. Широкие поля спускаются в долину, а затем разноцветными коврами поднимаются по склону другого холма, на вершине которого темнеют дома села Новое. В этом сельском пейзаже — тишина, благость, простор...

Аллея приводит к постройкам, которые, несмотря на все искажения и разрушения, нельзя не узнать. Это старинная усадьба князей Гагариных, размеры, а также характер планировки и застройки которой указывают на время ее создания — конец XVIII или начало XIX столетия.

Вот двухэтажный каменный дом с глубокими подвалами, высокими потолками, анфиладой комнат и окнами, глядящими в далекие поля.

Вот круглая церковь, похожая в плане на цветок розы.

Вот длинные корпуса из красного кирпича с рустованными арками и маленькими окнами — бывшие конюшня и псарня.

Вот заглохший старый парк, где так славно по осени сгребать ногами охапки листьев.

Здесь можно открыть томик Шатобриана и прочитать похожие на капли осеннего дождя фразы.

«В каждом человеке живет тайное влечение к руинам. Чувство это проистекает из хрупкости нашей природы: картина разрушения напоминает нам о быстротечности нашего существования. Кроме того, любовь к руинам связана и с утешающей нас в нашем ничтожестве мыслью, что целые народы и люди, некогда столь знаменитые, не задержались на этой земле дольше того недолгого срока, что отпущен всем нам, простым смертным. Таким образом, руины освещают природу ярким светом нравственности; если на картине изображено разрушенное здание, то тщетно пытаемся мы оторвать от него взор. Оно неодолимо притягивает нас. Да и как могут творения рук человеческих не быть преходящими, коль скоро светить вечно не суждено даже солнцу, их озаряющему? Лишь тот, по чьей воле оно сияет в небесах, — единственный властитель, чье царство недоступно разрушению» (212, 214).

Гагаринка — одно из самых поэтичных мест на всей Ярославской дороге. Здесь все ветхое, перелицованное, но — подлинное. Старость этих построек и этого парка не оскорбляют ни жидкие белила реставратора, ни соседство уродливого коттеджа с обязательной башенкой на крыше. Усадьба умирает, лишенная присмотра и заботы. Но умирает тихо и достойно — от старости.

Люди, которые живут в гагаринской усадьбе, не имеют к этой старине никакого отношения и мысленно легко снимаются с картины, как защитная пленка с цейсовской оптики. Думаю, они и сами с великой радостью покинули бы свои каморки под крышей княжеской конюшни или псарни.

В России грани понятий стерты и расплывчаты. Здесь все, от расстояний до нравственных принципов, весьма приблизительно. Удивительная красота легко переходит здесь в какую-то средневековую жуть. В старых усадьбах и древних монастырях в советское время устраивали тюрьмы и психиатрические больницы. Нежнейшая красота соловецкой обители сквозит мраком подземелий.

Задумчивая прелесть старой усадьбы Гагаринка призвана воодушевлять поэтов и художников, историков и музыкантов. Но здесь — интернат для умственно отста-

лых детей. Обездоленные судьбой и оставленные родителями, они бесцельно бродят по двору в компании кошек и кур. За ними присматривают, их кормят и жалеют няньки в белых халатах. Но что будет дальше, когда они повзрослеют и покинут этот окруженный океаном беспощадной жизни остров милосердия?

Безысходность имеет один выход — в никогда. А потому бежим из сумеречного настоящего к светлому прошлому. Ведь Новосёлка знала и лучшие времена. Здесь, на этом печальном холме, когда-то кипела жизнь, бушевали страсти. Сильные мира сего устраивали здесь свои гнезда еще в допетровские времена.

Приключения голландского посла

Случайным гостем хозяина этой усадьбы стал голландский посол Кунраад фан Кленк, возвращавшийся из Москвы в Архангельск летом 1676 года. В описании посольства один из его участников так рассказывает об этом забавном эпизоде.

«Проехав еще 8 верст вперед, мы прибыли в Сватково, где остановились на 3 часа и пообедали. Затем мы прошли еще 14 верст и прибыли в Корелы, где разбили наши палатки и отдохнули ночь.

В среду 24 июня, утром в 3 часа, мы выехали из Корел и через высокие горы и вдоль плодородных земель под хлебом добрались до Новинок, где расположились на красивом поле. Приказчик, или каштелян, этого места тотчас прибыл к его превосх-ву и потребовал, чтобы его превосх-во оставил этот луг или, по крайней мере, не пускал бы на него лошадей. Его превосх-во, раздосадованный требованием, велел увести его, чтобы от него освободиться. Через час или два после этого, когда мы отдыхали, прибыл сам хозяин этого имения, Иов Демидович Голохвастов, со своим сыном и вышеназванным приказчиком, или каштеляном, и еще кое с кем из своих, на лошадях. Придя на место нашей стоянки, он встретил фан Асперена, на которого грубо напустился; тот отвечал ему так же грубо. Оба до того докричались, что господин сам на своей лошади погнал с луга и через реку всех лошадей, в том числе и двух верховых

лошадей его превосх-ва. Мы тем временем проснулись и заметили, что дело неладно. Мы тотчас пошли к его превосх-ву, который немедленно же подошел к этому господину и к реке и в большом гневе стал призывать его к ответу. С обеих сторон стали возвышать голос, а в то же время некоторые из нашей свиты и стрельцы, конвоировавшие нас, чуть не вступили в рукопашную с провожатыми этого господина. На горах, в трех деревнях, лежавших в треугольнике, видны были мужики, вооруженные палками, стоявшие там с женами и детьми. Получилось бы странное зрелище, если бы его превосхво своим авторитетом не уладил дела. Он погрозил, что пошлет эстафету с жалобою в Москву, что посла посмели не только задержать на пути, но даже устроить ему неприятности. Тут этот господин понял свою ошибку и, рассудив, какая опасность ему угрожает, если его превосх-во пожалуется, перешел через реку, извинился и стал всячески заверять о своей дружбе. Его превосх-во, со своей стороны, также заявил, что, конечно, приди он сам раньше, этого недоразумения не было бы; заодно он наказал того, кто грубо ответил этому господину. После этого его вельможность пригласил этого господина с его сыном в свою палатку и угостил их водкою и испанским вином, и они тогда стали добрыми друзьями. Этот господин рассказал его превосх-ву, что он спальник, или камергер, его царского величества, что будет послан воеводою в Астрахань, и что, далее, и брат его также спальник и воеводою в Вологде. Он спросил его превосх-во, что это за люди у него — вооруженные шпагами и пистолетами; его превосх-во отвечал, что это его дворяне. Вскоре затем прибыл из Москвы к нам наш пристав, или попечитель, Иван Порфирьевич Образцов, стольник его царского величества, в сопровождении 10—12 стрельцов. Когда он узнал о случившемся, то сильно испугался, так как и с ним бы обошлось дело плохо: почему он не был вовремя у его превосх-ва! Просидев около часа у его вельможности и выпив несколько рюмок, они простились с просьбою к его превосхву предать случившееся забвению. Они пригласили к обеду нашего пристава, который, поговорив с его превосх-вом о случившемся, направился туда. Около двух

часов после того, как они ушли от нас — в то время как мы обедали, — вышеназванный господин послал своего приказчика, или каштеляна, доставившего его превосх-ву в подарок 5 овец, 5 кур, 5 цыплят, склянку орехового масла, склянку двойной водки, бочонок пива, копченую белорыбицу и еще несколько живых рыб. Он прислал и стрельцам бочку пива, чтобы и они веселились, хотя перед тем они вступили было в бой с его приверженцами, одного из них ранили, а другого привели пленного к его превосх-ву, и хотя и из них один был ранен...

После того как все было улажено, мы отправились в путь и вечером в 6 часов прибыли под Переяславль, в 15 верстах от Новинок, где мы под городом и расположились на прекрасном лугу» (145, 551).

Все географические ориентиры в тексте прямо указывают на Новоселку или соседнее село Новое. Оно и гораздо позднее оставалось владением Голохвастовых (169, 213).

Напавший на свиту голландского посла вотчинник Иов Демидович Голохвастов, как и его брат Иван, был окольничим при Петре Великом. Сын Иова Иван Иевлевич сложил голову в несчастной битве под Нарвой в ноябре 1700 года. Во второй половине XVIII столетия эта ветвь Голохвастовых пресеклась. Вероятно, именно тогда Новосёлка оказалась в руках князей Голицыных, от которых перешла к Гагариным. За ними усадьба и оставалась до самой революции.

На холме, царящем над всей округой, стоит большой пятиглавый храм. Если ехать со стороны Переславля, он появляется далеко впереди и строго по линии дороги. Словно маяк, он как бы мерцает перед глазами, то всплывая над асфальтом, то скрываясь за набежавшим пригорком. Это Троицкая церковь села Новое. Она построена на средства местных жителей и при участии князей Гагариных в 1853—1861 годах. Автор проекта — неизвестный архитектор из круга В. П. Стасова — прекрасно вписал храм в окружающий ландшафт. Строгие монументальные формы здания собирают растекающиеся пространства, придают им осмысленность и цельность.

Стоит не спеша обойти вокруг храма. С дороги он выглядит несколько тяжеловесно. Иное дело — с тыла. Здесь суровая дорика форм смягчается вуалью плакучих берез и соседнего погоста.

Сельское кладбище спускается вниз по склону холма, где чернеют развалины заброшенной фермы. Сто лет назад один путешественник по Ярославской губернии писал: «Кладбище, как и все русские кладбища, содержится очень небрежно, заросло, дорожек нет, могилы раскиданы где попало, кресты и памятники обломаны, много гнилья, сушняку... Заброшено, неприветливо, бесприютно и грустно, грустно» (185, 24). К этому и сегодня трудно что-либо добавить...

К востоку от Троицкой церкви — похожая на капитанский мостик возвышенность, с которой открывается уходящая до самого горизонта даль. Бесконечные поля, луга, полосы перелесков — и никаких признаков деятельности человека. Земля, хранящая свою первобытную красоту и свежесть...

Здесь хочется стоять и смотреть, вдыхая простор.

Новое — самое большое село на дороге от Сергиева Посада до Переславля. По свидетельству Г. Миллера, здесь уже в его времена (1789) было «около 100 дворов и деревянная церковь» (113, 256).

В селе на многих домах можно увидеть резные наличники, которыми когда-то славилась Ярославская губерния. Мода на резные наличники и прочие детали наружного убранства крестьянской избы появилась не ранее времен Екатерины Великой. Путешественники первой половины XIX столетия отмечают красоту такого рода фасадов. Резьба могла быть глухой, «корабельной», и сквозной, «пропильной», похожей на тонкое кружево.

Во второй половине XIX века рост интереса к национальной архитектуре проявился и в моде на деревянные особняки с резными фасадами. Деревянная резьба процветает и в дачном строительстве. В этой области особо прославился архитектор И. П. Петров, вывернувший свою фамилию в псевдоним — Ропет.

В деревнях разбогатевшие на отхожих промыслах крестьяне, стараясь выделиться среди односельчан, украшали свои избы богатым резным декором. Развитие спроса на деревянную резьбу привело к появлению трафаретов и прорисей, по которым любой мастеровитый плотник мог изготовить понравившуюся хозяину дома резьбу.

Необычайно богатым декором отличались деревянные особняки зажиточных горожан. Целые улицы двухэтажных с башенками и шпилями, эркерами и мансардами теремов сохраняли еще недавно Вологда и Рыбинск, Архангельск и Томск.

Но дерево — материал недолговечный. Старая резьба исчезала вместе с домами, а новая не появлялась. Советская эпоха принесла новую стилистику и новые строительные материалы. Колхозная деревня строилась на принципах казарменного единообразия. Богато украшенный дом рассматривался как вызов социализму, а его хозяин — как кулак или подкулачник. Деревянное кружево кануло в прошлое вместе с самоварами, санками, баранками, катаньем на тройках на Масленицу и прочими атрибутами дореволюционного уклада жизни. И только немногие герои осмеливались выделить свой дом из серого ряда однообразных домишек. Одним из них был и житель села Новое Николай Васильевич Вьюгин.

Изба Вьюгина — справа от шоссе, немного не доезжая до Троицкой церкви. В резьбу трех оконных наличников он вплел свое имя — Вьюгин Николай Васильевич. А сами наличники, резное убранство фасада и даже изгородь палисадника раскрасил в желтый, синий, красный и зеленый цвет. Получилось нарядно, празднично и весело. Несколько, правда, наивно и пестро. Ну, так и ярославские фрески поначалу кажутся слишком пестрыми для глаза, воспитанного на полутонах Левитана...

Соседи поухмылялись, почесались, а потом и сами стали делать себе такие же или заказывать Вьюгину. И расцвело село Новое невиданной в советско-колхозное время мелкобуржуазной (или феодальной?) красотой.

В других краях самостоятельно мыслящий Вьюгин,

вероятно, основал бы фирму по производству деревянной резьбы, разбогател бы и, если бы не спился по русскому обыкновению, то стал бы процветающим предпринимателем. Но в том историческом времени и пространстве, в котором он жил, ничего подобного произойти не могло. Как жил Вьюгин в серой избе, так жил и в радужной. Вот только для бесконечного множества разного люда, снующего туда и обратно по Ярославской дороге, село Новое стало памятно не только мрачной громадой заброшенного храма, но и пряничной красотой дома с именем хозяина на фасаде. Так люди царапали когда-то на стене храма памятку небесам: «Господи, помяни грешного раба твоего...»

История творческого прорыва Николая Вьюгина была в свое время увековечена очерком в одной столичной газете. Вот самое начало этого очерка, интересного и как материал к истории села Новое, и как образец той осененной именем Василия Пескова школы советской журналистики, которая умела примирять романтизм и коммунизм.

«Видела его ранним утром, в синих и тихих туманах. Вечером, в тревожном блеске закатывающегося солнца. И сухим летом, когда дорожная пыль серым своим налетом скрывает зелень придорожных лесов, и в мокрую осень, когда ненастье висит над тобой, как несчастье, и мелкий и беспрерывный дождь не дает вольно вздохнуть полной грудью.

Дом на дороге — старая крестьянская изба, что глядится сегодня своими окошками на асфальт, по которому беспрерывным потоком, и все мимо, несутся современные машины и люди.

Но не помню случая — какая бы погода ни стояла на дворе и какие бы думы ни одолевали, — чтоб встреча с этим домом не заставила улыбнуться. И встряхнуться душой, и глянуть окрест умытыми глазами, и увидеть свет и краски там, где ленивый или преждевременно уставший взгляд не замечал их ранее.

Дом на дороге — сам как улыбка. Сказочный терем. Веселая игрушка для взрослых. Расписной русский пряник, протянутый незнакомому путнику чьей-то щедрой, доброй и, конечно же, думалось, счастливой рукой.

Вот он на фотографии, этот дом. А теперь представьте игру, кипение, буйство красок. Белый, красный, оранжевый, голубой — все цвета причудливо-непринужденно и вместе с тем стройно-согласованно живут в затейливых кружевах наличников, ажурном орнаменте причелин, тонком рисунке гребня, любовно убранном окошке светелки. А на фронтоне горит маленькая красная пятиконечная звезда.

Едешь по дороге, медленно остывая от городской сутолоки или торопясь навстречу ей, и все ждешь: вот сейчас, сейчас дорога нырнет вниз, потом выпрямится, и там, на взгорке, дом. Как праздник, как чудо, которого жаждет душа, какой бы привычно-утомительной ни была дорога.

Прошло три года — зрение на дороге, наверное, устает прежде всего, — прошло целых три года, пока глаз не выхватил из тонкой вязи наличников три слова: "Вьюгин Николай Васильевич".

Дом на дороге имел имя! И теперь ты говоришь себе: "Сейчас, сейчас покажется Вьюгин" — нетерпеливо-радостно. Или: "До встречи, Николай Васильевич..." — прощально-грустно. Но кто он, этот Вьюгин? — нет-нет да и возникал и на городской дороге вопрос...» (162, 4).

В итоге оказалось, что резчик Вьюгин — сельский пастух. Ничто в биографии обычного русского крестьянина не предвещало пробуждение художника. Смутная потребность хоть как-то скрасить унылое однообразие будней заставила его заняться живописной отделкой собственного дома.

Ода рулевому колесу

Скатившись с горы под равнодушными взглядами последних изб села Новое, мы устремляемся дальше. Дорога здесь относительно свободна и просторна. «И какой же русский не любит быстрой езды!» Скорость то вжимает в сиденье, то подкидывает к потолку в полете невесомости. Но вот и знаменитый 123-й километр — «трамплин». Прежде здесь был самый крутой спуск на всей Ярославской дороге. Именно на этом спуске асфальт, невзирая на все усилия дорожных служителей,

неизменно проваливался, образуя неприметный, но очень опасный трамплин. Увлекшегося стремительным спуском водителя неожиданно подбрасывало, как на трамплине, а затем роняло на асфальт и уносило на обочину. А сразу за склизкой обочиной таилась коварная бездна — заросший ольхой и орешником глубокий овраг...

За спуском начинался крутой подъем, где наледь или снег заставляли буксовать ползущие в гору тяжелые грузовики. А на обочине лежала скромная горка чего-то невнятного, над которой возвышалась табличка с загадочной надписью — «соленый песок». Горка лежала там всегда, но даже в самый лютый гололед к ней никто не прикасался.

Теперь дорожную насыпь основательно подняли, и ощущение уже не то. Но всё же именно здесь, на незабвенном 123-м километре, — точка скорости.

Здесь, на этих «русских горках», воздвиг свой трон невидимый, но вездесущий дух дороги. Магия автомобильного движения знакома каждому, державшему в руках рулевое колесо. Но попробуем подойти к этой тайне рационалистически. Что хорошего в машине, с равнодушной беспечностью несущей своего хозяина по краю катастрофы?

Скорость? Да, конечно, скорость. Она волнует кровь, разгоняет адреналин, сжимает нервы в комок. Но известно, что в машине скорость ощущается не так остро, как на мотоцикле. Там скорость проникает в мозг через все органы чувств. Поток воздуха давит на плечи, отбрасывая назад. Треск двигателя разрывает слух, напоминая о взлетающем самолете. Стрелка спидометра тяжелой, но такой беспомощной двухколесной машины испуганно вздрагивает от каждой выбоины на асфальте. Для мотоциклиста улетающие в бесконечное «позади» предметы — не тень за стеклом, а встречные кометы, его единокровные братья...

И все же дело не только в скорости. Мотоциклист — герой-одиночка, скорее пилот, чем водитель. Он не едет, а летит над дорогой. Автомобилист — член великого сообщества едущих.

Магия автомашины выражается емким английским

словечком *drive*, недавно получившим прописку в русском языке. В качестве глагола оно означает и вождение автомобиля. То *drive car* — водить машину. Но в качестве существительного оно с художественной расплывчатостью выражает некое движение, напор, натиск, энергию. Управление автомобилем — это драйв. Каждую секунду вы ощущаете преодоление неподвижности. Вот эта береза, эта автобусная остановка, эта грязная лужа, наконец, — они останутся здесь, обреченные на вечную неподвижность. А вы — вы в движении.

Каждую секунду вы празднуете победу над расстоянием.

Но еще больший драйв — обгон. В этом банальном маневре кроются маленькая победа, превосходство, успех. Сколько обгонов делается без всякой практической нужды, перед красным светофором. Этим гонщикам, как говорится, важен не результат, а сам процесс. Их влечет древнее как мир зоологическое «Я его сделал...».

Признайтесь честно: вы любите свой автомобиль еще и за то, что он — само послушание. Он делает ровно то, что вы от него требуете. Вот вы нажали на газ — и машина взвыла от усердия. Дали тормоз — и она встала как вкопанная. Руль вправо, руль влево — любая команда исполняется с немецкой пунктуальностью. Машина не вступает с вами в дискуссию о том, где лучше остановиться или какой поворот приведет к цели. Это беспрекословное послушание наполняет водителя чувством собственного достоинства.

Машина — это защита от агрессии толпы. Уединенный мир авто — ваш второй дом. Он имеет немало преимуществ по сравнению с первым.

А сколько прелести в мелочах комфорта, которыми заботливо снабдили свои детища конструкторы. В салоне (какое романтическое и приятное слово!) автомобиля — в меру мягкие, угодливо повторяющие формы тела сиденья. Каждая деталь отделки — почти произведение искусства. И все расположено как раз там, где нужно. От печки тянет приятным сухим теплом, а за стеклом — холод, холод, холод...

Вы включили мотор — и салон наполнился мягким приглушенным урчанием, вызывающим волну прият-

ных ассоциаций. Так мурлыкает серая кошка, когда хозяин почешет ей за ухом... Или это закипает чайник на горячей плите? Или гудит вентилятор, мягко разгоняющий июльский зной?

Перед вами на щитке засветились зеленоватым или красноватым светом приборы. В темноте кабина автомобиля похожа на ночной аэропорт с его таинственно мерцающими огнями.

Рулевое колесо — великое изобретение. И дело не только в его технической целесообразности. Держать в руках этот надежный круг, смотреть на него, поворачивать его туда и сюда — это подсознательно доставляет человеку огромное удовольствие. Сама форма круга успокаивает сознание, как вода или огонь. Рулевое колесо — это бесконечность дороги и радость возвращения.

Приятно гнать одному по пустому шоссе, отдаваясь соблазну скорости. Но приятно и движение в колонне, когда плотный поток машин ползет, мерцая рубиновыми огнями, медленно и неотвратимо, словно огненная лава из кратера вулкана. Здесь нет нужды следить за дорогой. У вас одна забота — держать дистанцию до заднего бампера передней машины. Но это уже «на автомате». А в остальном — момент умиротворения. Вы ушли в себя и наблюдаете за неторопливым течением собственных мыслей. Или включаете радио, погружаясь в объятия струящихся из темноты звуков...

Кубринский певец

Перед самым роковым 123-м километром, за едва заметным мостом через речку Кубрь, отходит дорога в Выползову Слободу. Прежде это село стояло на самой дороге. Теперь его неброские домики выстроились вдоль слепо уткнувшейся обоими концами в поля деревенской улицы.

В старые времена Выползова Слобода виднелась издалека благодаря огромной каменной церкви в честь иконы Казанской Божьей Матери, в которой и был похоронен владелец села — бездарный, но плодовитый и

тем знаменитый стихотворец граф Дмитрий Иванович Хвостов (1757—1835) (169, 212). Склеп Хвостова под церковью был разграблен крестьянами после революции. Ныне и от самой церкви остались лишь заросшие бурьяном бугры. Но память об анекдотической личности хозяина здешней усадьбы хранят литературоведы и пушкинисты. Неизлечимый графоман, любивший подписывать свои сочинения псевдонимом «Кубринский певец», граф Хвостов служил мишенью для бесконечных насмешек и острот литературного люда. Пушкин обессмертил его в иронических строках поэмы «Медный всадник». Затопившая Петербург вода схлынула, трагедия уже почти забыта, жизнь входит в обычное русло...

...Граф Хвостов
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Графским титулом (граф Сардинского королевства) Хвостов был обязан своему великому родственнику — генералиссимусу Суворову. Женившись на любимой племяннице полководца Аграфене Горчаковой, Хвостов заручился его неизменным покровительством. Получив чин подполковника, он некоторое время состоял при особе Суворова. Вероятно, не без его покровительства получил Хвостов и высокий пост обер-прокурора Священного синода (1797—1803). Впрочем, дело заключалось не только в родственных связях. Императору Павлу понравилась написанная Хвостовым ода в честь его восшествия на престол.

Хвостов умел быть благодарным. Когда вернувшийся в 1800 году в Петербург полководец вновь оказался в опале, Хвостов поселил его в своем доме. Здесь Суворов и скончался 6 мая 1800 года.

По своим человеческим качествам Хвостов вполне заслуживал доброй памяти потомков. Он отличался честностью, добротой, желанием помогать молодым литераторам. Осыпаемый насмешками, он сохранял непоколебимое добродушие и уверенность в своих выдающихся литературных дарованиях...

От Выползовой Слободы асфальтированная дорога ведет к небольшому поселку, расположенному среди старого липового парка. Над деревьями возвышаются увенчанная крестом луковичка главки и шатер колокольни. Издалека все это можно принять за разоренную усадьбу. Однако вблизи открывается совершенно иная картина.

Прежде здесь находилась Алексеевская пустынь — «дочка» переславского Федоровского монастыря. После многих лет разрухи и запустения ее недавно привели в порядок. Усилия состоятельных жертвователей имели благородную цель. На территории Алексеевской пустыни разместилась православная гимназия с общежитием и целым комплексом хозяйственных служб.

Последнее придорожное село перед Переславлем — Глебовское. Оно стоит на берегу речки Выжиги. В старину владельцем этих мест был известный сподвижник Петра I тайный советник, президент Камер-коллегии Алексей Васильевич Макаров (1675—1750) (169, 212). Выходец из низов, Макаров пользовался абсолютным доверием Петра, который поручил ему ведать секретными бумагами своего кабинета. Возможно, один только Макаров знал предсмертную волю Петра относительно престолонаследия. Однако он промолчал и тем открыл дорогу к власти Екатерине I.

Его потомок Алексей Петрович Макаров в 1792 году выстроил в селе каменную церковь в честь страстотерпцев Бориса и Глеба. Красиво расположенная на возвышенности, поднимающейся над самой дорогой, но довольно заурядная по архитектуре, церковь ныне отреставрирована и пополнила обширный реестр местных достопримечательностей. Можно пожалеть об утрате колокольни, возвышавшейся над массивными объемами храма. Любителям красивых пейзажей стоит обойти вокруг церкви и пройти дальше, за ее алтарную апсиду. Там, среди следов старого кладбища, мусорных ям и разросшейся крапивы, можно проложить тропинку к скату холма, с которого открывается прекрасный

вид на луговые дали и темнеющие вдалеке переславские леса.

На подъезде к Переславлю дорога поднимается в гору. Слева на опушке хвойного леса неожиданно возникает странное сооружение из красного кирпича. (Недавно оно подверглось грубой и неуместной побелке, впрочем, уже почти смытой дождями.) Это так называемая часовня Крест. Она отмечает место рождения 31 мая 1557 года царя Федора Иоанновича — последнего Рюриковича на московском троне. Царская семья возвращалась с богомолья из северных монастырей. Внезапно у царицы Анастасии Романовой начались роды. Здесь, в деревне Собилово, в простой крестьянской избе родился будущий правитель России. В память об этом здесь была поставлена деревянная часовня, позднее замененная каменной часовней-сенью, близкой по форме к резной сени над царским местом в московском Успенском соборе. Железный крест с первой часовни был перенесен на каменную.

Прорезанный сквозными арками четверик увенчан низким восьмериком и широким восьмигранным шатром. Некоторые детали сооружения — кувшинообразные несущие столбы, изящные «висячие арки» с «гирькой», плоские валики-гурты на гранях шатра, зеленые изразцы в нишах-ширинках — указывают на его почтенный возраст. Так строили во времена царя Михаила Федоровича.

Первый царь из династии Романовых был в дальнем родстве с последними Рюриковичами. Царь Федор доводился Михаилу Романову двоюродным дядей. Всячески подчеркивая это родство, Михаил и приказал достойно отметить место рождения последнего коронованного Рюриковича.

Глава сорок третья

Переславль-Залесский

Семена городской жизни, брошенные в скудную почву Северо-Восточной Руси бронзовой рукой Юрия Долгорукого, произрастали по-разному. Москва преврати-

лась в столицу единого Русского государства, Кострома осталась на уровне губернско-областного центра, а прочие (Звенигород, Дмитров, Юрьев-Польской, Переславль-Залесский, Городец-на-Волге) не поднялись выше скромного уездно-районного статуса.

Переславль-Залесский в древности имел более звучное название — Переяславль. Этим именем иногда пользуются авторы, пишущие о прошлом города.

Во времена Ивана Калиты и Дмитрия Донского Переяславль был «задним двором» Москвы, поставщиком надежной воинской силы и местом отдохновения от ратных и властных трудов. В эпоху Московского царства он славился своими монастырями и тюрьмами, а во времена последних Романовых — старозаветностью местных купцов, не желавших пустить в город проклятую «чугунку» — строившуюся тогда Ярославскую железную дорогу.

История Переславля в изложении туристического путеводителя похожа на сборник статей к юбилею академика, где каждый пишет о своем, имея целью «засвидетельствовать почтение». Здесь «отметились» Юрий Долгорукий и Александр Невский, Иван Калита и Дмитрий Донской, Иван Грозный и Петр Великий. Но каждый из них был здесь проездом, транзитом, переводя дух перед броском к какой-то дальней цели.

О Переславле упоминали в своих путевых записках и многие иностранцы, проезжавшие из Архангельска в Москву.

Знаменитый своими смелыми предприятиями английский купец Антоний Дженкинсон, посетивший Москву в 1557 году, отмечал, что Переславль — «это большой город, лежащий на берегу прекрасного озера» (8, 96).

Полвека спустя, осенью 1604 года, соотечественник Дженкинсона английский посол Томас Смит ехал из Архангельска в Москву через Переславль. В путевых записках посольства сообщается: «25-го (сентября 1604 года. — *Н. Б.*) мы достигли Переяславля. Это — весь в длину растянувшийся город, ныне находящийся в упадке; здесь посол останавливался в новоотстроенном доме одного богатого купца» (68, 194).

В 1672 году один из спутников голландского посла Куннраада фан Кленка отзывался о городе более скептически. «Переяславль — захолустный город, в котором мало приятного; со стороны Москвы у него имеется небольшое озеро, величиной мили 3 или 4» (145, 370).

Менялись века, как лошади на переславском яме, менялись чины и звания едущих по дороге, а Переславль оставался неизменным на низких берегах своего мелкого, как чайное блюдце, озера.

Как и подобает старинным русским городам, Переславль был переполнен церквами и монастырями. Различаясь голосом своих колоколов, они объединялись в единый хор, возносящий к небесам мольбу о вечной жизни.

В советские времена этот хор стал глуше. Иные голоса совсем замолчали, другие звучали глухо и фальшиво. Листая перечень полутора десятков взорванных переславских храмов, рассматривая фотографии этого архитектурного некрополя, хочется плакать.

Теорема Пифагора

Въезжаем в город по московской дороге. Бесконечная улица, на которую нанизан старый Переславль, перебирает четки деревянных домов. По сторонам — дорожки, обсаженные чахлыми деревцами. Чужие здесь не ходят. Каждого встречного узнают издалека. Кошки жмурятся на воротных столбах, а за серыми, никогда не распахивающимися окнами алеет герань. Знакомая провинциальная картина.

Зеленые горы справа и слева — городские валы. Но нет уже воротной башни, над скрытым в земле основанием которой и проходит шоссе. И вот мы в кольце валов, насыпанных по приказу Юрия Долгорукого. В некотором смысле мы в XII столетии.

Главная достопримечательность Переславля — его *duomo*, городской собор. Он старше Санта-Мария дель Фьоре и Санта-Мария-Новелла. Но не ищите на дороге итальянских указателей с белым контуром церкви на коричневом фоне. Указателей в Переславле нет. А потому внимательно смотрите налево и не пропустите по-

ворот в узенький проулок, через который (с еще одним правым поворотом) вы и доберетесь в конце концов до цели.

И вот уже впереди, над чеховскими мезонинами и гоголевскими заборами, открывается нечто, более всего похожее на корабль под белыми парусами. Но странное дело: корабль не плывет, а стоит на месте. Его паруса раздуты каким-то могучим дуновением, наполняющим их изнутри...

Спасо-Преображенский собор построен в 1152—1157 годах по распоряжению Юрия Долгорукого. Во всем архитектурном разнотравье Переславля-Залесского этот собор выделяется как самый редкий и прекрасный цветок. И подобно тому, как можно ходить в Третьяковскую галерею только ради того, чтобы постоять перед Троицей или Владимирской, так и трехчасовую поездку в Переславль оправдает встреча с собором.

Собор прост, как теорема Пифагора. Он словно собран из геометрических элементов — куба, цилиндра, полуцилиндра, полусферы. Но в этой простоте — почти математическая формула красоты. Перед нами — первоэлемент, клетка, развитие которой произведет храмы Владимира и Суздаля, Юрьева-Польского и Боголюбова. Он похож на гениальный в своей простоте мавзолей Саманидов в Бухаре.

Предполагают, что собор в Переславле-Залесском построили для Юрия мастера из южного Галича, с правителями которого князь был в родственных отношениях. Можно представить себе изумление и восхищение, с которым смотрели на снежно-белый собор обитатели почерневших от дыма лачуг.

Внутри собор кажется тесноватым. Но это придает особое значение каждому метру его площади. Здесь нет ни иконостаса, ни древних фресок (остатки которых были утрачены в конце XIX столетия). Все открыто и очевидно. Каменная мускулатура собора представлена с наглядностью анатомического театра.

Века скручиваются назад, как спидометр в руках автомобильного спекулянта. Собор наполняют герои минувших времен. Там, в углу, — могила великого князя Дмитрия, сына Александра Невского. Он скончался в

изгнании, преследуемый татарами, которых привел его родной брат Андрей. А рядом — последний переяславский князь Иван, болезненный и набожный последыш, завещавший город своему покровителю и дяде Даниилу Московскому — отцу Ивана Калиты.

А сколько великих святых видели эти стены...: На этом престоле совершал литургию митрополит Петр. Полвека спустя Сергий Радонежский крестил здесь младенца — будущего изгоя московского княжеского дома Юрия Звенигородского.

Сложенные из квадров белого камня своды, столбы и стены собора достойны внимательного рассмотрения. Контуры камней радуют глаз той живой неровностью, в которой угадывается пульс каменотеса. Каждый квадр лежит там, где положила его рука, давно обратившаяся в прах.

Просто прогулка...

Переславль переполнен древностями, как антикварная лавка самоварами. Нет нужды пересказывать сведения об истории города, которые читатель найдет в любом путеводителе. Поговорим лучше о впечатлениях и образах, которые остаются в памяти гораздо вернее, чем бесполезные названия и даты.

Город широко рассыпан по склонам огромной котловины, в центре которой сверкает зеркало небес — Плещеево озеро. Он так бесконечно растянут вдоль Ярославской дороги и озерных берегов, что охватить его единым взглядом просто невозможно. Но есть одно место, откуда Переславль открывается как целое. Это место — древнее городище Клещин на безлюдном северо-восточном берегу озера. Дорога туда идет мимо белых стен Никитского монастыря.

Кочковатый и заболоченный берег озера — сомнительная цель. Правда, хороши две-три старые ивы с пышной шарообразной кроной, стоящие у самой воды.

Вдоль озера на некотором отдалении от берега тянется череда зеленых холмов необычных очертаний. В их мягких, словно вылепленных от руки формах есть что-то бесконечно древнее. Вот на таких круглых

холмах и собирались древние племена для совершения своих языческих обрядов. Там, наверху, над озером, жгли они свои весенние костры. Оттуда глядели с восхищением на далекие леса и близкие облака. Такими и представлял их Рерих на своих ранних картинах. Нынешние последователи древних славян, а более всего — любопытные туристы, любят приезжать сюда, чтобы поглядеть на лежащий у самого озера Синий камень. Этот внушительных размеров синевато-серый валун, по преданию, был предметом поклонения язычников.

Один из холмов неподалеку от Синего камня выделяется своими правильными формами и высотой. Это древний Клещин, исторический предшественник Переславля. Он упомянут как город в знаменитом «Списке городов русских дальних и ближних», составленном в XIV—XV веках. Вот что говорит об этом знаток древнерусских городов М. Н. Тихомиров.

«Есть полное основание считать, что существовал особый городок "Клещин", может быть, предшествовавший по времени своего возникновения позднейшему Переяславлю, построенному в 1152 году. Переяславское озеро, как известно, названо в Начальной летописи Клещиным. Следовательно, город Клещин надо искать на этом озере. Действительно, на берегу Переяславского озера расположено село Городище, на месте которого и полагают древний Клещин. По списку населенных мест Владимирской губернии, в этом селе на Александровской горе бывала ярмарка. Здесь поблизости от озера находится довольно обширное городище» (186, 126).

Вот мы и наверху, на валах древнего Клещина. Можно долго сидеть здесь и смотреть туда, где далекий город выплывает из дымки, и белые церкви парят над синими водами.

Ничто в Переславле не может произвести такого сильного впечатления, как озеро. Есть в этой величавой широте природы нечто спасительное, необходимое для человека. «Встреча с озером была счастьем, через это я вернулся к себе и понял, что озеро мне было как икона молящемуся», — писал Пришвин (18, 260).

В Переславле пять больших монастырей — Успенский Горицкий, Федоровский, Троицкий Данилов, Никитский и Никольский. Каждый из них по-своему красив, одухотворен и полон исторических воспоминаний. Все они расположены на окраинах города, заросли деревьями и пленяют подлинной древностью своих построек. Там еще живы одичавшие сады, которые так великолепно вскипают весной белоснежной пеной яблонь и вишен. Это земля обетованная для романтиков, любителей забвения и тишины.

Напуганная гулом машинной цивилизации тишина старого Переславля еще таится в этих отдаленных уголках. Но как глубока была эта тишина сто лет назад, когда сюда приезжал Иван Бунин, запечатлевший красоту города (прямо не называя его) своим золотым пером.

«...Опять весна и опять живу в большой глуши — в тех самых краях, где несколько веков тому назад жил подвижник, про которого сказано:

Ты в пустыню суровую,
В места блатные, непроходимые
Поселился еси...

Городок маленький, деревянный. Основан чуть не в самом начале Руси, стоит на мутной речке, нижний берег которой болотист, серебрится кустами ольхи. Середина города, очень малая часть его, окружена высоким земляным валом с тремя проходами. На валу еще заметно место, где была когда-то сторожевая башня. Вал зарос густой травой, в траве высыпали по весне желтые лилии. За валом древний собор, несколько деревянных домишек, два государственных здания и три березовые аллеи, в которых поют птицы. Некоторое пространство в этом зеленом кремле не застроено и тоже зарастает какими-то цветами. Тут же пруд, отражающий берега и весну. Вода имеет цвет фиалки. Возле пасутся лошади. Полное затишье, ветер сюда не заходит...

Я живу не в городе, а за городом, на горе. Городок с церквами и собором внизу, на широком разлужье. С

горы открывается даль: перевалы, холмы, кое-где покрытые лесом, кое-где — полосами запашек и озимей, идущих вниз как бы холстами: запашки — розовыми, песчаными, озими — ярко-зелеными. Дальше, за холмами, леса все гуще и темнее...

Край этот церковный, монастырский: куда ни глянь, всюду монастырь. Слева от меня, совсем близко, белеет каменной стеной и башнями по углам женский монастырь двенадцатого века. Он наполовину скрыт столетними, уже засыхающими деревьями, весь осел, врос стенами в свои зеленые берега. Вечерами под его тяжелые ворота с золотым крестом над ними идут черные фигуры монахинь. Справа — скат, дальше плоскодонный лог, а за ним невысокий холм, на котором, под старыми деревьями, раскинут старый погост, где козодои, не смолкая ни на минуту, тянут всю ночь напролет всё одну и ту же жужжащую ноту. Птица эта очень идет к скитам. Вылетает она беззвучно из-под самых ног, повьется, повьется над головой, бесшумно трепеща крыльями, и опять упадет на какую-нибудь могильную плиту. Глаза у нее — два красных карбункула. Могильные плиты на погосте мшисты и загажены птицами, мшистые кресты серы, мягки, точно на них фланель. Есть, конечно, развалившийся склеп богатого купца, нелепый и безобразный, из черных окон-дыр которого пахнет нечистотами. А рядом чей-то новый крест, под которым лежат свежие цветы и густо вьются пчелы...

В монастыре есть могилы очень древние. Как-то, возвращаясь с вечерней прогулки, вошел во двор монастыря, прельщенный красным огоньком, горевшим под навесом деревьев монастырского сада. Были уже сумерки — полусвет северной ночи. Во дворе было пусто. Золотой ангел с крыши притвора благословлял двор. В притворе чернели две рясы, белели два капюшона. Одна из монахинь была молода, нежна, тиха. Я попросил ее показать, где на монастырском кладбище самые древние могилы. Она достала из ниши фонарик, зажгла его и повела меня в полумраке сада, среди смешанных весенних запахов — и сладких, и терпких, и каких-то водянистых, травяных. Иногда она останавливалась и освещала могилы. В полусвете фонарика выделялся ее

белый капюшон. Она разыскала могильную плиту, вросшую в землю особенно глубоко, всю во мху, в порах и углублениях, суженную к одному концу. Буквы, насеченные на ней, покрытые мохом, совсем черным, гласили:

"Лета такого-то (шестьсот лет назад) ... схимонах Ферапонт... рода Долгоруких..."

Когда я уходил, монахиня поклонилась мне в пояс. Колокола били часы. Колокола здесь тоже очень старые, есть шестнадцатого века. Среди этой северной ночи их серебряная, певуче дрожащая игра над монастырским садом и городом очаровательна. Особенно поздней ночью, когда все спит. Ночь же здесь прозрачная, бледная. Что-то бледно-лимонное, тонкое освещает небо. Венера стоит высоко, играет каким-то тающим, просветленным блеском. Мохнатая лесная зелень в этом прозрачном свете беловата и кажется мягкой, как лебяжий пух. В полночь светает. Лимонный свет становится ярче, леса — темнее, сырее, бархатней, и запахи цветов, очень сильные ночью, тонут в одном, особенно сильном запахе ландышей...» (17, 343—344).

Глава сорок четвертая

Леса и болота

Вскоре за Троицкой слободой, северной окраиной Переславля, дорога вырывается из плена светофоров и устремляется к своей вездесущей цели. Весь перегон до Ростова (около 70 километров) почти поровну делится на два ландшафта. Один — лесной, болотистый край с редкими маленькими деревнями, другой — усыпанные селениями пологие холмы, огромным амфитеатром спускающиеся к Ростовскому озеру.

Сначала шоссе идет преимущественно лесом. Сегодня эта узкая старая дорога не пробуждает у путника никаких сильных чувств, кроме досады на запрещенный обгон. Но в 1840-е годы Ярославское шоссе вызвало у бывалого путешественника историка С. П. Шевырева неподдельный восторг.

«Чудное шоссе катилось под нами ровной гладью, да мы-то, к сожалению, не могли по нем катиться. Обыва-

тельская тройка тащила нас очень вяло. Вез крестьянин, живущий от Переславля за 50 верст. Он никогда не бывал в этой стороне, и все окружавшее приводило его в такое изумление, что он сам не понимал, где находится. Между тем деятельно убиралась дорога. Мужики скашивали по ней мураву. Рвы выравнивались в ниточку. Почтовые лошади тяжелым, огромным катком укатывали дорогу и крушили свежий щебень.

Новый европейский путь много изменил впечатления, вас окружающие. Мне было тринадцать лет, когда я в первый раз ехал из Переславля в Ростов. Помню, как из одного села мы переезжали в другое. Теперь дорога пуста. Села отошли в сторону. Соображения инженерные требовали таких изменений. Новые деревни, новые села выстроятся по новой дороге. В одном месте шоссе катится по топи непроходимой, где, конечно, никогда не бывала человеческая нога. Это чудо инженерного искусства. Наст шоссе на несколько сажень возвышается над болотами, которых влажные испарения обдавали нас пронзительной сыростью. Нельзя не любоваться этой смелой насыпью. Петровск, заштатный городок, где станция, выиграл много от шоссе. Домики так и подымаются друг за дружкой. Дом станционный очень красив и хорошо убран. Везде смотрители учтивые, предупредительные, с новыми формами цивилизации. Все пришлось по новой дороге» (214, 86).

И вот уже дорога пересекает едва заметную в зарослях камыша и осоки реку Нерль. Это имя напоминает о знаменитой церкви Покрова, построенной Андреем Боголюбским у впадения Нерли в Клязьму. В древности Нерль Клязьминская была судоходной. Вместе со своей тезкой, Нерлью Волжской, которая вытекает из Плещеевского озера и впадает в Волгу возле Калязина, Нерль Клязьминская была частью водной дороги из Тверской земли в стольный Владимир. Этим путем возили белый камень для владимирских храмов, добытый в Старицких каменоломнях.

Выйдя из болот, Нерль становится живой и красивой рекой. Здесь рай для грибников, охотников и рыболо-

вов. На берегах Нерли близ станции Итларь в былые годы имели дачи Константин Коровин и Федор Шаляпин. Их веселая и беззаботная, наполненная творчеством дачная жизнь прекрасно описана в «Воспоминаниях» Коровина.

Еще несколько верст — и дорога круто поворачивает вправо и идет на подъем. А слева, на возвышенности — окруженные старыми липами руины церкви села Рогозинина. Прежде здесь находилась усадьба, в которой родился художник Дмитрий Николаевич Кардовский (1866—1943) (136, 18). Он прославился прежде всего как иллюстратор произведений русской классики. Его стараниями в кельях заброшенного Горицкого монастыря был создан Переславский историко-художественный музей. Там, возле огромного монастырского собора, среди зарослей старой сирени, находится отмеченная красивым надгробием могила художника. Имя Кардовского носят главная улица Переславля, а также расположенный близ музея Дом творчества художников.

Мимолетной тенью мелькает справа от дороги поселок Ивановское, построенный в 1952 году для персонала торфоразработок. Но не будем спешить. Это селение — уникальный памятник истории середины XX века. Поселок представляет собой своего рода социально-архитектурный феномен. Выросший среди лесов и торфяных болот, он автономен, как подводная лодка. Проектировщики предусмотрели всё необходимое для полноценного существования «экипажа»: жилые дома в два этажа, школу, Дом культуры, магазин, почту, детский сад, больницу, элитный жилой дом для руководителей «градообразующего предприятия» — торфоперерабатывающего завода, застывшие черные трубы которого видны в низине за окраиной поселка.

Над домами Ивановского витает дух скромного, но достойного единообразия. Можно думать, что проект поселка разработали весьма квалифицированные архитекторы, знакомые с традицией «образцовых фасадов» первой половины XIX века. Стилистика строга и аскетична. Все постройки — каменные, оштукатуренные и

выкрашенные в белый цвет. Перед общественными зданиями — липовые аллеи, вазоны с цветами, скульптуры пионеров и пионерок и даже фонтан с играющей девочкой посредине. Территория поселка расчерчена пересекающимися под прямым углом широкими асфальтированными улицами с пешеходными дорожками по сторонам.

Разработка «кладовых солнца», как называл М. М. Пришвин здешние торфяные болота, давно прекратилась. Оставшиеся без работы торфяники торгуют мягкими игрушками на обочине Ярославского шоссе. Местные власти из последних сил поддерживают благоустроенный вид поселка. И все же разруха в делах и головах берет свое. Первыми ее жертвами стали выкрашенные серебряной краской скульптуры. Одной отбили нос, другой отломали руку, третью раскрасили масляными красками...

В этом образцовом социалистическом поселке испытываешь странное чувство «выпадения из времени». Это своего рода ВДНХ в миниатюре, несбыточный Город солнца Томмазо Кампанеллы.

Проворный журналист может собрать здесь целую коллекцию реликтов советской эпохи (109, 75). Да, все это было, было, было... И «победивший социализм», и «развитой социализм», и «реальный социализм», и, наконец, «распродажа советской империи». Но была и отчаянная мечта о социализме — спустившемся на землю горнем Иерусалиме, царстве вечной справедливости, где не будет ни больных, ни нищих. Мечта, ради которой люди шли на смерть под красными знаменами революции.

Прошло уже два десятилетия с тех пор, как Россия сошла с вымощенного сталинским булыжником «ленинского пути» и покатилась куда-то вбок по отчаянному бездорожью. Но однорукий пионер все шагает по Городу солнца, зажав книжку Кампанеллы в уцелевшей руке...

Большое село Погост (недавно переименованное в Перелески) далеко растянулось вдоль шоссе, соблазняя проезжающих своим стеклянно-бетонным магазином

во вкусе 70-х годов и разукрашенным «в русском стиле» кафе. Но делать тут, в сущности, нечего. Разве только подивиться странной прихоти местных жителей, пожелавших сменить древнее, как сама Русь, название Погост (место, где собираются «гости» — торговцы, купцы) на безликое название Перелески...

Справа от дороги, на высоком берегу речки Каменки, белеет Никольская церковь (1766). Непритязательные вкусы ее строителей отразились и в упрощенных формах барочных наличников, и в бисерном пятиглавии на вспухших сводах, и в тяжелом, расплывающемся в пристройках силуэте. Но все эти недостатки отступают перед тихим очарованием старых берез, длинные ветки которых свисают почти до самой земли. Подобно тому как врастает в ствол дерева железный гвоздь, так и Никольская церковь за два с половиной века своего существования прочно вросла в этот левитановский пейзаж.

За Слободкой — деревня Кулаково, которая упоминается в истории Смутного времени. Здесь был ночлег Марины Мнишек и ее свиты, направлявшихся из Ярославля в Москву в ноябре 1608 года (53, 128).

Впереди — старая граница Владимирской и Ярославской губерний. Здесь еще недавно стоял старый пограничный знак — каменный столб, украшенный гербами губерний: ярославским медведем с секирой и владимирским львом.

Итак, отсюда мы едем по Ярославской губернии в ее исторических границах. А потому имеет смысл коснуться душевных (или, как сейчас говорят, *ментальных*) особенностях ее жителей. Вот несколько суждений на сей счет ярославских писателей и краеведов.

«Коренные ярославцы — народ красивый, среднего роста, отличается ловкостью, предприимчивостью, проворством и живостью движений; ярославец не боится труда и работы, охотно берется за все и во всем выказывает сметливость» (91, 50).

«Крестьянина ярославского вообще можно назвать сметливым, рассудительным, предприимчивым в отыскании труда, не разбирающим расстояния быть за десятки верст или за тысячи от родного края. Во всех ма-

нерах и словах он всегда бывает вежлив и осторожен. Здешние жители знают чуть ли не всю Россию. Многие сами прошли ее вдоль и поперек...» (129, 72).

«Ярославца не очень держит его земля, но его размывает и разносит повсюду вода» (62, 11).

«Вообще честностью ярославский крестьянин похвалиться не может» (129, 73).

Склонность ярославцев к движению, способность к самобытному взгляду на мир во многом объясняют, почему именно здесь, на Ярославской земле, возникло знаменитое согласие «*бегунов*», или «*странников*». Этот радикальный толк *беспоповского* направления в старообрядчестве имел своей тайной столицей село Сопелки близ Ярославля. Следуя примеру апостолов, «странники» всю жизнь проводили в скитаниях, проповедуя свое вероучение. Их главное правило гласит: «Аще кто вопросит: откуда? Ответствуй: града не имею, но грядущего взыскую» (38, 19).

И снова потянулись по сторонам дороги сырые и темные леса. То тут, то там по канавам стеной встают гигантские зонтики «сахалинского борщевника» – ядовитого мутанта, хищного детища хрущевских селекционеров. В разрывах леса мелькают серые деревеньки и похожие на марсианские города заброшенные колхозные фермы. Изредка, словно забытый, подарит белой цифрой на синей табличке верстовой столб. Всё знакомо, обыденно, грустновато...

Петровск — так сказать, «эмбрион города», не развившийся в полноценный организм. На его главной площади — соборного типа храм Петра и Павла (1783). Рассказывают, что его построили по личному распоряжению Екатерины II (183, 556). К числу городских атрибутов относятся и двухэтажные «присутственные места» с характерными барочными рамками наличников.

Тема «народ и царь» в России поистине неисчерпаема. Автору этих строк доводилось слышать от местных жителей воспоминания о том, как в 1912 году император Николай со всем семейством останавливался здесь на пути в Ростов. Старушка говорила об этом так

увлеченно, словно видела все вчера. Образ государя, четырех его дочерей и носимого на руках больного царевича Алексея остался в ее памяти как самое яркое воспоминание жизни. Царская семья стояла на крыльце собора, а облаченные в красные мундиры офицеры свиты не подпускали близко переполненный верноподданническими чувствами народ...

От Петровска сельская дорога уходит на восток в сторону села Годенова, где в местной церкви хранится древнее деревянное Распятие — так называемый *Годеновский крест*. Молва о чудесной целительной силе этого креста привлекает не только окрестных жителей. На дороге к святыне нередко можно видеть машины с московскими номерами.

Выезжая из Петровска в сторону Ростова, трудно не остановиться посреди красивой и светлой березовой рощи на склоне холма. Рассказывают, что этот вид пленил самого Н. А. Некрасова, ездившего по дороге в свое ярославское имение.

Петровская роща знаменует начало самой красивой части пути. Это уже былинная Ростовская земля. Леса исчезли здесь еще в незапамятные времена, уступив место разноцветным холстам полей и лугов. На всем лежит печать какого-то южного, степного раздолья.

Цветущий вид этих мест вызывает в памяти одно место из записок английского путешественника Ричарда Ченслора, проехавшего из Архангельска в Москву в 1553 году.

«Москва находится в 120 милях от Ярославля. Страна между ними изобилует маленькими деревушками, которые так полны народа, что удивительно смотреть на них. Земля вся хорошо засеяна хлебом, который жители везут в Москву в таком громадном количестве, что это кажется удивительным. Каждое утро вы можете встретить от семисот до восьмисот саней, едущих туда с хлебом, а некоторые с рыбой. Иные везут хлеб в Москву; другие везут его оттуда, и среди них есть такие, которые живут не меньше, чем за тысячу миль; все их перевозки производятся на санях. Едущие за хлебом из столь отдаленных местностей живут в северных частях владений великого князя, где холод не дает расти хлебу — так он

жесток. Они привозят в Москву рыбу, меха и шкуры животных; в тех местностях количество хлеба невелико» (8, 72).

Окрестности Ростова дышат глубокой стариной. Ростовские легенды, собранные (а отчасти и вымышленные) в середине XIX века местным крестьянином А. Артыновым, знают имена Владимира Мономаха и киевских богатырей. Родом из Ростова был один из васнецовских «трех богатырей» Алеша Попович.

Чтобы почувствовать красоту ростовской котловины, не пожалеем времени и свернем с шоссе по узкой, но асфальтовой дороге вправо, в сторону старинного села Скнятинова. Для каждого, кто хоть немного знаком с древнерусским языком, это имя — как сертификат антиквара. Наши предки любили переделывать непривычные для слуха греческие имена на свой, славянский манер. Так Георгий превратился в Гюргия, а затем и в Юрия. Имя Константин произносили как Стяньтин, Косьтяньтин или Скнятин. Таким образом, Скнятиново — это «обрусевшее» Константиново. Учитывая историю села и его расположение на вершине холма, можно полагать, что имя свое оно получило от знаменитого князя Константина Ростовского, старшего сына Всеволода Большое Гнездо. В истории Ростова этот князь сыграл примерно такую же роль, как Долгорукий — в истории Москвы.

Скнятиново приметно издалека по утопающей в зелени пятиглавой церкви, поставленной на самом краю плавно уходящей далеко вниз огромной котловины, посреди которой синеет Ростовское озеро.

Ростовская земля как губка пропитана историей. Здесь, возле Скнятинова, 14 мая 1436 года гремела битва между московским великим князем Василием II и его кузеном, мятежным Галицким князем Василием Косым. (Возможно, это был теплый и светлый день, когда так приятно ни с кем не сражаться, а просто лежать на траве и глядеть на проплывающие в небе облака.) Некоторое время сражение шло с переменным успехом. Но в итоге Василий Косой проиграл, был взят в плен, привезен в Москву и там ослеплен. Остаток своей жизни мятежник провел во мраке кремлевских подземелий...

В сравнительно недавнем прошлом землями к югу от Ростова владели богатейшие помещики России — братья Орловы и Шереметевы. Не имея привычки к мелочному скопидомству, они отпускали своих крестьян на легкий оброк. Предприимчивые по натуре, ростовские крестьяне быстро богатели и строили в селах каменные церкви и двухэтажные дома. Крупнейшее из ростовских сел, Поречье Рыбное, летом 1823 года посетил любознательный до всего выдающегося император Александр I. «Желал бы я, чтобы везде были такие крестьяне, как в Поречье», — мечтательно заметил государь (128, XIV).

Вернувшись на Ярославское шоссе, наверстываем упущенное, не забывая, однако, поглядывать по сторонам.

Остаются позади древнее Деболовское с его загадочным скандинавским городищем и прелестным храмом в честь Смоленской иконы Божией Матери, шереметевские села Львы и Песочное — и вот уже в открывшемся вдруг просторе встают над болотистой низиной тонкие очертания церквей и колоколен. Это цель нашего пути — Ростов Великий...

Глава сорок пятая

Постоялец

В своих прогулках по Ростову я часто прихожу к старому Мытному двору, где под тихими сегодня галереями шумела когда-то ростовская ярмарка. Но не история влечет меня сюда, а невзрачный двухэтажный дом из серого кирпича, который стоит через дорогу от бесконечной аркады ярмарочного двора. Сейчас там разместилось отделение милиции, а двор заполнили сине-белые патрульные машины. Но прежде, во времена «развитого социализма», в этом доме находилась единственная на весь Ростов гостиница «Неро».

Памяти незабвенной гостиницы «Неро» посвящаем мы эту главу.

Гостиница имеет для путника такое же значение, как Иерусалим для паломника. Она — цель дороги. И как всякая достигнутая цель, гостиница наводит на грус-

тные размышления. Здесь приоткрывается запретная тайна бытия. «Яко бо гостинницы (пришельцы. — *Н. Б.*) есме на сем свете, вся бо света сего яко во сне видящим подобна», — учил древнерусский сборник поучений Измарагд. Все мы — гости на этом свете, и всё, что видим, — сон.

Поселившись в гостинице, путешественник выпадает из привычной колеи. Он свободен от повседневных житейских забот и предоставлен самому себе. Его одолевает бог весть откуда нахлынувшая тоска. В тусклом зеркале гостиничного номера он видит незнакомое лицо. Одни, испугавшись, начинают пить горькую, другие впадают в меланхолию, третьи погружаются в размышления и воспоминания.

Смущенного одиночеством постояльца окружает собрание незнакомых вещей, которые глядят на него со странной значительностью...

Сейчас во многих крупных городах появились претенциозные отели нового типа. Внутри эти заведения более или менее успешно копируют структуру, отделку и порядки западных образцов. Местный колорит проявляется главным образом в хмурых взглядах охранников, приторной любезности персонала и безвкусице «русских сувениров» за стеклом киоска.

Но оставим эти кисловатые плоды скороспелой европеизации и вспомним гостиницы традиционного типа, которые и сегодня можно встретить в любом провинциальном городе. Там без грима предстают законы русского бытия.

Старая деревянная лестница...

Что придает гостиницам их неповторимое очарование? Вероятно, оно связано и с временностью пребывания здесь. Вступая на порог гостиницы, уже наперед знаешь, что скоро покинешь ее. Не случайно Отцы Церкви и великие поэты так часто использовали образ гостиницы как символ мимолетности земного бытия...

А сколько тайных встреч и любовных восторгов видели тусклые гостиничные зеркала! Здесь любовь всегда приправлена близостью разлуки и оттого особенно

горяча. Эту сокровенную сторону гостиничной жизни тонко чувствовал Бунин. Вспомните хотя бы его «Солнечный удар».

...«Через минуту они прошли сонную конторку, вышли на глубокий, по ступицу, песок и молча сели в запыленную извозчичью пролетку. Отлогий подъем в гору, среди редких кривых фонарей, по мягкой от пыли дороге, показался бесконечным. Но вот поднялись, выехали и затрещали по мостовой, вот какая-то площадь, присутственные места, каланча, тепло и запахи ночного летнего уездного города... Извозчик остановился возле освещенного подъезда, за раскрытыми дверями которого круто поднималась старая деревянная лестница, старый, небритый лакей в розовой косоворотке и в сюртуке недовольно взял вещи и пошел на своих растоптанных ногах вперед. Вошли в большой, но страшно душный, горячо накаленный за день солнцем номер с белыми опущенными занавесками на окнах и двумя необожженными свечами на подзеркальнике, — и как только вошли и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так исступленно задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой» (16, 219).

Гостиница — порог небытия. Здесь сладко любить и легко умирать. Это последний образ земли для уходящих кораблей.

«...Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов» (16, 462).

Символический взгляд на гостиницу придает каждой минуте пребывания здесь, каждой мелочи ее убранства какой-то особый, сокровенный смысл. И в этом отноше-

нии библейская простота провинциальных гостиниц как нельзя лучше соответствует их предназначению.

В пестром сообществе традиционных российских гостиниц есть свои «сословные различия». Одно дело — многоэтажная гостиница с рестораном на главной площади областного центра, другое — скромное здание из серого кирпича на тихой улочке райцентра. И все же родовые черты неискоренимы.

Итак, попробуем хотя бы ненадолго вернуться в этот дорогой сердцу старого путешественника мир советской гостиницы. В этой экскурсии в прошлое гораздо больше настоящего, чем может показаться на первый взгляд.

Вид из окна

Моя гостиница с выкрашенным в цвет монашеской власяницы фасадом и нержавеющим названием «Юбилейная» располагается в центре города, на площади Ленина. Ее главный фасад обращен на пустынную площадь, одну сторону которой занимает дощатая трибуна, с которой отцы города машут шляпами народу в праздничные дни, а другую — странное, раскрашенное в сине-белые цвета и похожее на севший на мель пароход здание сельхозинститута.

«Отчего бы, — порой думаю я, глядя на этот унылый пейзаж, — не поставить гостиницу на берегу реки? Ведь она рядом, вон за теми деревцами вдоль тротуара. И как славно было бы любоваться из открытого окна ее зыбким течением, вспоминать проплывавших тут когда-то варягов и греков»... (В рыночную эпоху хозяева заведения могли бы брать дополнительную плату за вид на реку из окна номера.)

Но нет. К реке спускаются какие-то угрюмые заводские корпуса, заборы и пустыри. А гостиница глядит своими квадратными окнами на безлюдную площадь и застывший на вечной мели сельскохозяйственный «пароход»...

Замечу, что наши гостиницы имеют одно твердое правило. Лучшие номера здесь расположены по главному фасаду и обращены окнами на улицу или площадь.

И потому привилегированные постояльцы обречены с раннего утра до поздней ночи слушать рев моторов и вдыхать выхлопной газ. А в это время жильцы непритязательных дешевых номеров наслаждаются тишиной гостиничного дворика, где в тополином пуху дремлет автостоянка и лениво бранятся посудомойки из ресторана...

Шевардинский редут

И вот уже мы с замиранием сердца поднимаемся по щербатым ступеням и входим в вестибюль. Есть ли свободные номера?..

Нас окидывает хмурым взором скучающий в кресле охранник. Теперь главное — не тушеваться и вести себя уверенно. Мы *имеем право.*

И вот уже первая линия обороны пройдена. Поерзав в кресле, точно разбуженный пес, охранник вновь погружается в сонную одурь.

Где-то слева от входа мы отыскиваем глазами то место, которое в зарубежных гостиницах именуется *Reception*, то есть «Приемная»...

«Приемная» русских гостиниц всегда несколько напоминает Шевардинский редут. Я знаю гостиницы, где Приемная представляет собой особую комнату, в толстой боковой стене которой проделана амбразура-окошечко. Через это окошечко проситель и общается с «комендантом крепости» — бдительной тетушкой в синем халате.

Впрочем, такие крепости благочиния — уже реликт. Сегодня за высокой стойкой (а иногда и за стеклом) сидят две-три крашеные блондинки без возраста. Одна из них, согласно надписи на стекле, — Администратор, а другая — Портье. Одна находит (или не находит) подходящий номер, выдает анкеты, изучает ваши документы и заносит данные в компьютер; другая получает деньги, выдает заветный ключ и пропуск с каким-то гусарским названием — «карта гостя».

Во времена недавно-давние, когда места в гостинице были таким же дефицитом, как и все остальное, эти «дамы за стеклом» были окружены всеобщим вниманием.

Приезжие искательно заглядывали им в глаза, дарили шоколадки и конфеты, называли уменьшительно и по имени, говорили галантерейные комплименты. Постоянные вояжеры везли им из Москвы столичные деликатесы: апельсины, индийский чай и копченую колбасу.

Теперь, когда число командированных сократилось, а число гостиниц увеличилось, свободные места есть везде. Впрочем, они были и раньше. Но отдавать их по первому требованию любого желающего считалось дурным тоном. Вопрос доходов гостиницы был, как известно, не вопрос...

Сегодня новые правила жизни заставляют выставлять на потребу покупателю все, что пользуется спросом. Постаревшие блондинки (или их повзрослевшие дочери) вместо гордого «нет» вынуждены сквозь зубы произносить унизительное «да». Строгое распоряжение хозяев заведения гласит: поселять всех, кто готов платить. Единственное условие — наличие паспорта. Впрочем, в хороших гостиницах паспорт спрашивают только у мужчины, если он поселяется вдвоем с дамой.

И лишь изредка, когда гостиница действительно переполняется делегатами какой-нибудь «всероссийской конференции» или автобусными туристами, увядшая блондинка за стойкой с плохо скрываемым удовольствием объявляет бедному искателю: «Свободных мест нет!»

Итак, «места» есть, есть, есть... Но что же это за «места»?

Два в одном

Поглядев на ваш внешний вид, дама за стойкой мгновенно определяет ваши финансовые возможности. И предлагает то, на что вы «потянули» на весах ее опытности...

Ассортимент номеров в российских гостиницах за последние годы существенно изменился. Большой редкостью стали собственно одноместные номера. В уездных гостиницах, где издавна господствовал казарменный дух и слово «номер» обычно заменялось словом «койка», они и прежде были редкостью. Их берегли для

заезжих чиновников и не отдавали случайным людям. В качестве прикрытия выдвигалась классическая формула — «обкомовская бронь». В больших гостиницах одноместные номера, конечно, имелись. Однако и здесь они были своего рода «деликатесом».

Сегодня одноместные номера вымирают, как мамонты. Точнее, они превращаются в двухместные. За неимением собственно одноместного вам предложат взять номер с двуспальной кроватью. Он значится как двухместный и стоит значительно дороже обычного одноместного. Тому, кто не захочет единолично платить за двухместный номер, кое-где еще найдут койку в номере с соседом. Если вы любите разговоры «за жизнь» и стáканное застолье, то лучшего и желать не приходится. Но если над вами тяготеет проклятие индивидуализма — отказывайтесь от койки, пока не поздно. Учтите, что говоруны, как правило, еще и храпуны...

Одноместно-двухместный номер особенно настойчиво предлагают одинокому мужчине. И на то есть своя причина. Дежурная по гостинице из-под руки сообщает обо всех приехавших одиноких мужчинах заинтересованным лицам. А потому не удивляйтесь, если два или три раза за вечер вам позвонит неизвестная дама и низким воркующим голосом предложит: «Не хотите ли скоротать вечер с девушкой?»

Но вы тверды в привязанностях и благоразумны в поступках. В урочный час вы мирно отходите ко сну в холодных объятиях казенных простыней...

Мистер Люкс

Возможно, вы любите комфорт и не слишком стеснены в средствах. Тогда берите почти всегда свободный люкс. Он есть в любой даже средней руки гостинице. Иногда его берут на целое семейство или в складчину на бригаду командированных.

Но что такое люкс по-губернски? Как правило, это две комнаты с прихожей и ванной. Одна из комнат играет роль гостиной, вторая — спальной. В спальне — монументальная кровать, дешевая картинка в рамке и настенное зеркало. В гостиной — обеденный стол и

шкаф с посудой для приема гостей. Конечно, мало кому приходит в голову устраивать званый обед в номере гостиницы. Но статус люкса обязывает.

Скользя взглядом по своим апартаментам, вы неминуемо натолкнетесь на телевизор, холодильник и шкаф для одежды.

В люксе также обязательно найдется раскладной диванчик, на который семейная пара может уложить ребенка. Впрочем, у этого диванчика могут быть самые различные амплуа.

Ванная в люксе отличается большими размерами и относительной чистотой. Рядом аккуратно сложены несколько полотенец разной величины.

Коридорчик «бум-бум-бум»...

Но вот подходящий номер найден и оплачен. Заветный ключ с деревянной грушей приятно перекатывается в кармане. Гордо помахивая «картой гостя», вы проходите мимо вновь встрепенувшегося «секьюрити» и поднимаетесь в тесной клетушке лифта на нужный этаж. Доставка багажа в номер силами одетого в красную ливрею портье не входит в ассортимент услуг среднерусской гостиницы.

Двери лифта раскрываются, и вы попадаете в *холл этажа*. Так на казенном языке именуется пространство возле лифта, облагороженное картинками на стенах, потертыми коврами, креслами и какой-то тропической зеленью в кадках.

От лифта в обе стороны уходит длинный, как тоннель метро, коридор с далеким квадратом окна. Сумрак коридора разрезают на равные доли длинные лампы дневного света, развешанные на потолке поперек линии движения. Их бледный, холодный свет недвусмысленно напоминает о том, что вы — в казенном доме.

Неровные стены коридора жирно блестят масляной краской. Пол выстлан потертой ковровой дорожкой, заглушающей шаги. Отмечаю это как большой плюс. В гостиницах похуже дощатый пол коридора выстлан всего лишь истертым линолеумом. Он звучит под ногами, как огромный ксилофон. Удивительно, но факт:

при всей спартанской простоте гостиничного коридора, его акустике могла бы позавидовать Московская консерватория. Шаги человека здесь слышны издалека. Под мерное «бум-бум-бум» он приближается к вашей двери с неотвратимостью судьбы. Нервы инстинктивно напрягаются. Из глубин подсознания всплывает чисто русское: уж не за мной ли?

Но коридорный человек на сей раз проходит мимо. Откуда-то издалека доносятся хлопанье двери и щелканье запираемого изнутри замка.

Вся эта симфония жизни исполняется каждым постояльцем дважды в день, утром и вечером. А потому — да здравствуют ковровые дорожки!

Впрочем, у коридора есть в запасе и музыка повеселее. Если вы не ушли из гостиницы ранним утром, то скоро вы услышите, как по коридору, гремя ведрами и перекрикиваясь, приближается звено уборщиц. Учтите: у них есть ключи от всех номеров и они полны решимости поскорее выполнить свою миссию, даже если вы хотите еще часок поспать. Самое большее, на что вы можете рассчитывать, — что они всё же постучат, прежде чем ворваться к вам в номер со своими ведрами и тряпками...

Однообразие выкрашенных в салатный цвет стен коридора скрашивают лишь белые двери номеров. От их сметанной белизны веет чем-то с детства знакомым, но не слишком приятным — то ли школой, то ли больницей.

Заметим, что качество дверей соответствует уровню гостиницы. В районных гостиницах чаще всего можно встретить окрашенные белой краской двери, собранные из прессованного картона на деревянной раме. Достаточно хорошенько двинуть плечом, чтобы выломать эту символическую дверь. В таких гостиницах проблема для постояльца часто состоит не в том, чтобы запереть дверь, а в том, чтобы открыть свихнувшийся замок без взлома.

В больших гостиницах двери покрепче, а запоры — получше. Но и здесь — всего один замок с нехитрым ключом. Можно только удивляться, что при таких дверях в российских гостиницах довольно редки случаи

кражи вещей из номера. Вероятно, воров отпугивает от гостиниц именно обилие всякого рода «смотрящих»...

Еще недавно где-то здесь, в холле у лифта, стоял стол, за которым восседала «дежурная по этажу», а в просторечии — «коридорная». Обычно это была зрелых лет и строгих правил женщина. Она тщательно изучала выданную в приемной «карту гостя», записывала вас в какую-то пухлую тетрадь, потом доставала из ящика ключ с деревянной грушей и провожала долгим взглядом, пока вы нарочито неторопливо шли по бесконечному коридору к двери своего номера.

Теперь ключи выдает внизу мадам Портье, а «дежурные по этажу» исчезли вместе со своими двухтумбовыми столами. Точнее, они отступили в какие-то тайные убежища в конце коридора, откуда, невидимые, продолжают нести свой дозор. При желании вы можете отыскать их там и купить у них чая, сахара или бутылку воды.

Где-нибудь посреди бесконечного гостиничного коридора часто встречается еще одно своеобразное порождение казенного гостеприимства — малый холл на этаже. По существу, это как бы пропущенный в шеренге номер. Тут в окружении вечнозеленых растений стоят два-три кресла, крошечный столик и диванчик. Это специально отведенное место «для бесед и тихих игр». Впрочем, за многие годы своих гостиничных странствий я ни разу не видел, чтобы кто-то играл там в шашки или беседовал о международном положении.

Но вот, наконец, и мой номер. Ключ, слава богу, подходит к замку. Дверь без особого сопротивления впускает меня в мое временное жилище...

Товарищ Открыватель

Жизнь в провинциальной гостинице всегда была своего рода искусством. Здесь требовались смекалка, крепкое здоровье и, конечно, опыт. Поделимся с читателем некоторыми, быть может, и не совсем архивными, а потому полезными сведениями из фонда личных воспоминаний.

Известно, что наши провинциальные гостиницы не

имеют кондиционеров. (Или имеют такие, которые устанавливают температуру в номере по собственному усмотрению.) Обычная вентиляция есть только в ванной, да и там она работает кое-как. При долгом отсутствии жильцов запертые комнаты становятся подобием духовки. Поэтому, заселяясь в номер, первым делом получаешь удар жарким, спертым воздухом давно не проветренного помещения. Первая реакция — открыть окно. Но эти залитые белой краской архаические окна устроены так, что открыть их нелегко. Рамы присохли, шпингалеты омертвели под засохшей краской. Если вам это все же удалось, то возникает новая проблема: как зафиксировать открытое окно или форточку, чтобы их не шарахнуло первым же сквозняком или сильным порывом ветра. Никаких приспособлений для этой цели не предусмотрено, поэтому держать окна открытыми можно только под бдительным присмотром. Каждая горничная, закончив уборку в номере, считает своим долгом плотно закрыть окно, оставив в лучшем случае открытую форточку.

Моя комната была переполнена разного рода предметами, расположенными по принципу матрешки. Под маленьким столом прятался еще меньший холодильник. Зажатая между столом и стеной крошечная тумбочка служила постаментом для маленького телевизора. И даже три полотенца в ванной по размерам едва превосходили носовой платок.

Все это лилипутское имущество вызывало умиление и позволяло чувствовать себя Гулливером. Казалось бы, таким же маленьким должно быть и все остальное в номере. Но нет! Рядом с предметами-лилипутами возвышались и предметы-великаны...

Вот здесь-то и кроется один из истоков самобытности российских гостиниц.

Каждый предмет здесь абсолютно одинок и внешне никак не соотнесен с другими. Всех их объединяет только одно — казенная *служба*.

О службе напоминала и замечательная бумага, приклеенная на боку шкафа. Я воспроизвожу ее здесь без

малейших изменений, так как считаю ценным документом минувшей эпохи.

«Перечень предметов, входящих в комплектацию одноместного номера.

1. Одеяло
2. Подушка
3. Бра
4. Лампа настольная
5. Пепельница
6. Тарелка большая
7. Стакан
8. Чайник для заварки
9. Открыватель
10. Пульт
11. Телефонный аппарат
12. Буклет
13. Радио
14. Вешалка-плечики
15. Щетка для обуви
16. Щетка для одежды
17. Полотенца

А) махровые
Б) льняные
В) вафельные

18. Антенна
19. Ведро для мусора».

Таковы были мои новые друзья, мое общество.

Среди предметов своим многозначительным и несколько загадочным именем выделялся Открыватель. И хотя при ближайшем рассмотрении он оказался обычной железной «открывашкой» для бутылок с пивом, я почувствовал к нему особое расположение. В отличие от прочих, это была простая, надежная и, несомненно, полезная вещь. Именно таким и должен быть настоящий друг...

В принципе мне следовало бы принять у дежурной по списку все эти предметы, построить их в шеренгу и сказать инаугурационную речь. Однако и я, и они родились в России и потому достаточно хорошо понимали друг друга. Всем нам было лень слишком усердно исполнять свои обязанности. Я принял команду пред-

метов без торжественного построения. Дежурная приняла их от меня в час отъезда одним ленивым кивком. А вещи, оценив нашу снисходительность, не прятались от службы по закоулкам.

У Гоголя в «Мертвых душах» есть замечательное описание дома Собакевича. В наших гостиницах оно постоянно приходит на ум.

«Чичиков еще раз окинул комнату, и все, что в ней ни было, — все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома; в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь. Стол, кресло, стулья — все было самого тяжелого и беспокойного свойства, — словом, каждый предмет, каждый стул, казалось, говорил: "И я тоже Собакевич!" или "И я тоже очень похож на Собакевича!"» (35, 89).

Этим «Собакевичем» российских гостиниц был некий *казенный дух*, суть которого состояла в полном игнорировании человека как такового, в замене живой души с ее потребностями, привычками и прихотями бесплотным номером в списке постояльцев. Тот, кто подбирал обстановку и разные мелочи для моего номера (равно как и для всех остальных), заботился только об одном: чтобы предмет, внесенный в инвентарный перечень, был в наличии. А вопросы о том, удобно ли мне будет пользоваться этим предметом, приятно ли мне будет его соседство, — абсолютно никого не интересовали.

Кроме пребывания на казенной службе, у вещей в моем номере было и еще одно общее свойство: все они были более или менее безобразны. Но если безобразия мелких предметов обычно не замечаешь или прощаешь за те мелкие услуги, которые они нам оказывают, — то уродство больших и тяжелых вещей всегда угнетает. Платяной *шкаф*, занимавший едва ли не половину моей комнаты, производил сильное впечатление не только своей медвежьей статью, но и зеркалом на *внешней* стороне дверцы. Право, это был сильный ход неизвестных умельцев. Благодаря трюку

с зеркалом из «вещи в себе» шкаф как бы превращался в «вещь из себя». Рядом, у кровати, уверенно занял свою экологическую нишу еще один шедевр: огромное бесформенное *кресло*, обитое черным с фиолетовыми разводами плюшем. Впрочем, кресло выглядело ничуть не хуже, чем *настольная лампа*, абажур которой напоминал гнилую грушу.

Главной мебелью номера, несомненно, была *кровать*. Конструкция кровати напоминала библейский «одр». Она состояла всего из двух элементов: деревянных, сделанных из покрытой лаком древесно-стружечной плиты спинок и железной рамы с проволочной или пружинной сеткой. На сетку были брошены два видавших виды ватных матраса.

При каждом движении кровать скрипела протяжно и тоскливо, как старая ель.

Над кроватью на стене висело на гвоздике *бра* под стеклянным колпаком. Свет его уходит куда-то в потолок. Читать, лежа в постели, при помощи этого осветительного прибора было практически невозможно. Но, так или иначе, он был на стене.

К изголовью кровати жалась плебейского вида *тумбочка* с оторванной ручкой. Эта беспородная мебель распространена от Владивостока до Выборга. Края тумбочки часто бывают обкусаны чьими-то неудачными опытами по открыванию бутылок с пивом, а верхняя плоскость обожжена забытым в стакане кипятильником. Заметим кстати: складывать вещи в тумбочку может только неопытный постоялец. В спешке отъезда вы почти наверняка забудете в ней что-нибудь из своего дорожного имущества.

В двух шагах от кровати — *стол,* собранный все из той же отлакированной древесно-стружечной плиты (ДСП). Размеры его весьма скромны, а сам он явно не предназначен для эпистолярного творчества. Впрочем, писать на этом столе никто и не собирается. Стол служит как место, где размещается ряд необходимых постояльцу предметов. Здесь черный телефон с вертушкой диска, огромная тарелка с перевернутыми стаканами, список телефонов гостиницы, пепельница и тот самый Открыватель для бутылок. При желании на столе можно

устроить «товарищеский ужин» с колбаской на газетке и помидорами на тарелке.

Стол иногда имеет боковую тумбочку с рассохшимися ящиками. Но не спешите загружать их. В гостинице все следует держать на открытых поверхностях, чтобы одним взглядом проверить готовность к отъезду, обнаружить пропажу или найти необходимое.

Рядом со столом жалобно вытягивал прутики своей антенны маленький *телевизор*. Вероятно, это самое дорогое, что есть в номере. В бедных гостиницах довольствуются отечественными телевизорами, в тех, что побогаче, ставят корейские. Горничные и дежурные по этажу несут за сохранность телевизора личную ответственность. Поэтому пресловутая процедура «приема номера» у отъезжающего постояльца сводится главным образом к проверке исправности телевизора и наличия пульта.

На ваш недоуменный вопрос о цели этого действа горничная назидательно скажет, что сведущие в электронике постояльцы имеют дурную привычку потрошить телевизор, оставляя одну коробку...

Обзор номера был бы неполным без упоминания *картинки,* висевшей на стене. Все эти гостиничные картинки имеют одно удивительное свойство: они как бы невидимы. Точнее, вы их совершенно не замечаете. Покинув гостиницу, вы уже никогда не сможете вспомнить, что было изображено под стеклом и в рамке над вашей кроватью.

Особая тема — *обои.* В губернских гостиницах предпочитают «моющиеся» обои светлых тонов. В уездных гостиницах часто можно встретить и обычные, бумажные...

Понятно, что при «комплектации» гостиничного номера прежде всего думают о том, чтобы взять вещи подешевле. Но ведь и дешевые вещи могут быть изящными, равно как и дорогие — безобразными. Очевидно, дело было не столько в деньгах, сколько в отсутствии вкуса и в глубоком равнодушии к человеку.

Сегодня в гостинице даже средней руки почти все номера «с удобствами». Проще говоря, у самой двери расположены туалет и ванная. Обычно они совмеще-

ны в одной комнате. Но кое-где еще попадаются две отдельные комнатушки. Собственно ванная по форме представляет собой некое увеличенное подобие унитаза. Она так коротка, что в ней можно только сидеть, согнув колени. Эта египетская поза едва ли прельстит усталого постояльца. Скорее, он поспешит принять душ, проклиная тех, кто снабдил ванную комнату всего одним крючком для одежды и полотенец.

В гостиницах низшего разбора ванная комната может вообще не иметь ванной. Струи душа, стекая по серой от грязи шторке, падают на кафельный пол, в своего рода плоский бассейн, который мог бы стать жилищем для небольшого крокодила.

Туалет, отделенный от ванной комнаты, помимо унитаза и смывного бачка имеет лишь одну роскошь — тощий рулончик серой туалетной бумаги. Размеры туалета обычно крайне малы и требуют от посетителя медленных и осторожных движений. Унитаз поставлен так близко к двери, что сидеть на нем можно только боком.

Пользование гостиничными «удобствами» требует определенной физической подготовки. Что касается философской стороны дела, то здесь главное — не удивляться и не задавать русофобского вопроса: почему так?

(В этой связи вспоминается мне колоритная сценка в читальном зале Библиотеки имени Ленина. Маленький очкастый японец протягивает библиотекарше раскрытую книгу с выдранными каким-то злодеем картинками. Свой красноречивый жест он сопровождает недоуменной гримасой и вопросом: «А посему так???»)

В умывально-туалетной комнате вы редко найдете более одного крючка для полотенца и одежды. Вероятно, их свинчивают для домашних надобностей. Так что повесить одежду часто попросту некуда. Иногда на стене как раз на уровне глаз топорщит свои пики раздвижная вешалка. Будьте осторожны с этим трезубцем...

Из любого правила бывают исключения. Иногда и в бедной гостинице могут установить для удобства постояльцев какую-нибудь приличную вещь. Ну скажем, импортную душевую кабину. Но увы: поддерживать ее в хорошем состоянии не будут никогда. Оставшись без присмотра, она постепенно выходит из строя. Но

над этим никому не хочется думать. Пусть все идет, как идет... Русский фатализм.

На постояльца в провинциальных гостиницах привыкли смотреть как на потенциального вора и блудника, пьяницу и вандала. Ему не верят, его опасаются, его обкладывают, как волка флажками, всякого рода подписками и проверками. Впрочем, создатели этой концепции, несомненно, руководствовались определенным жизненным опытом...

Убедившись в явном равнодушии и скрытой враждебности по отношению к себе со стороны гостиницы, постоялец также объявляет ей войну. Конечно, силы неравны. И потому война постояльца гостиницы носит партизанский характер. Его тянет к вредительству и всякого рода мелким диверсиям. Постепенно он становится таким, каким его рисуют гостиничные циркуляры и инструкции. Так возникает замкнутый круг российского казенного гостеприимства...

Знакомство с гостиничной жизнью было бы неполным без посещения ресторана. После телевизора и сна это главное утешение постояльца в его многотрудной жизни.

В старые времена ресторан при гостинице зачастую был единственным на весь город. Здесь по пятницам и субботам гремела музыка, плясали свадьбы, сверкали красноречием застольные речи юбилейных банкетов.

Для скромного командированного посещение ресторана было «окном в мир». Поужинав и приняв известную дозу водочки, он, сладко прищурившись, курил, глядел на публику за соседними столиками и строил в мыслях романтические приключения.

Подогретые градусами граждане порой вели себя неадекватно. Ресторан имел прямую связь с милицией. Обычно милицейский газик уже стоял возле ресторана в час его закрытия. Одним своим видом успокоив нарушителей общественного порядка, милиционеры могли надеяться на вознаграждение — рюмку водки и кусок колбасы в подсобном помещении...

При нынешнем изобилии разного рода увеселитель-

ных заведений ресторан при гостинице утратил свою былую славу. Но боевой дух еще живет в его стенах. В этом можно убедиться, внимательно изучив тяжелое меню в толстой кожаной обложке. Там, на последних страницах, нередко можно обнаружить замечательный документ — «Прейскурант цен за разбитую посуду и за испорченный инвентарь». Из этого длинного списка вытекает целый ряд выводов не только практического, но и общефилософского характера. Вывод первый: ничто не вечно, все можно сломать, разбить, испортить. Вывод второй: все на свете имеет свою цену. Так, например, благородная «ваза для фруктов» обойдется вам в 200 рублей, легкомысленная «мартинетка» — всего в 100, а банальная «селедочница» — не более чем в 50. За удовольствие сломать стол вам придется выложить 3 тысячи рублей, но если стол при этом угодит в зеркало — готовьте еще столько же.

И, наконец, вывод третий, оптимистический. Русская гостиница бессмертна. Она ждет вас, широко раскрыв свои тяжелые объятия.

Немного личного

Во времена аспирантской юности я подрабатывал экскурсоводом в Московском городском бюро путешествий и экскурсий, а в просторечии — Бюро. Это почтенное заведение располагалось тогда в перестроенном старом особняке на улице Алексея Толстого. На первом этаже находились диспетчерская, бухгалтерия, кабинет директора и прочие службы. Узкие деревянные лестницы вели на второй этаж, где в маленьких комнатках с низкими потолками ютились «методические кабинеты».

Бюро предлагало своим клиентам авиационные, железнодорожные и автобусные экскурсии. Эти последние имели продолжительность от двух до пяти дней.

Со временем я освоил большую часть всех автобусных маршрутов, которые предлагало Бюро. Ездить приходилось во все стороны от Москвы.

Я любил приезжать в N. с ночлегом. Здешняя маленькая гостиница пахла свежей краской и выглядела впол-

не юной. Никакого имени ей так и не придумали, и все называли ее просто — гостиница.

Гостиница под завязку вмещала всю пеструю автобусную компанию: тридцать туристов, двух шоферов и экскурсовода. Все номера, кроме одного, были трех- и четырехместные.

Жемчужиной заведения был уютно расположенный сбоку над лестницей одноместный номер 12. И хотя по своим габаритам он сильно напоминал поставленный на бок спичечный коробок, я всегда мечтал об этом пристанище.

Водворившись в номер 12, я наслаждался полной независимостью. Мне не нужно было слушать застольные речи шоферов. Я был обособлен от шумной вечеринки тружеников обувной фабрики или активистов «почтового ящика». Из окна своего апостольского номера я видел башни монастыря, то облитые ласковым утренним солнцем, то грозно чернеющие на огненном фоне заката.

Как славно было ранним летним утром выйти из гостиницы и под крик петухов пройти через просыпающийся поселок. Огромные сосны, помнившие еще преподобного Сергия, гордо возносили свои кроны. Палисадники сверкали росой. Из-под осевшей за ночь дорожной пыли выглядывали разноцветные булыжники старинной мостовой у стен монастыря. Первые торговки с корзинками спешили занять место за прилавком базара.

А я все шел и шел к заветной цели своего путешествия — песчаной отмели на берегу небольшой реки, протекавшей на окраине поселка. Там, скинув одежду, я вдоволь плавал и нырял в ее прохладных водах. Выше по течению реки были одни заброшенные деревни. Поэтому вода была кристально чистой.

Потом, не торопясь, я одевался, шел на базар и покупал за 25 копеек стакан только что сорванной с грядки клубники. С этой добычей я отправлялся в монастырь, садился на какой-нибудь пенек в заброшенном монастырском саду и, разглядывая узоры древней архитектуры, неторопливо поглощал благоуханное содержимое газетного кулька.

Хорошо было в N. и зимой, когда монастырь тонул в сугробах, когда по его стенам гулял ледяной ветер, а в номере 12 дышала жаром гармошка батареи, лежала на столе раскрытая книга и золотился стакан крепкого чая, приготовленного с помощью запретного кипятильника.

Таков был мой N. и моя гостиница, какими я запомнил их с тех далеких времен. Но — «как о воде протекшей будешь вспоминать...».

Глава сорок шестая

Земля святого Сергия

Ростов давно и прочно занял особое место в каталоге моей памяти. Впервые приехав сюда еще в студенческие годы, я с тех пор навещал его несчетное количество раз. Кажется, я неплохо знаю этот город, его историческую судьбу и наследие старины. Я даже познакомился кое с кем из его жителей, хотя, признаюсь, не большой охотник до новых знакомств. В Ростове я чувствую себя как дома или, лучше сказать, как в гостях у своего старого друга.

Всякий раз, когда я брожу по его длинным улицам и коротким переулкам, — я чувствую за собой присутствие собора. Символ древнего Ростова, средоточие его духовной жизни, он похож на белое облако, спустившееся на землю.

Он построен по-московски — из кирпича, но отделан по-владимирски — белым камнем. Ростовский собор явно подражает формам своего знаменитого «тезки» — Успенского собора Московского кремля. Но и тот был, в свою очередь, творческим подражанием Успенскому собору во Владимире. Матрица явно поизносилась. Аристотелева геометрия смешалась с русской работой «на глазок».

Собор строили столичные мастера. Ростовский архиепископ был вторым человеком в иерархии после митрополита Московского и всея Руси. Возможно, здесь работали итальянцы, приглашенные Иваном III. Отсюда — изысканность отделки, напоминающая венецианский декор Архангельского собора Московского

кремля. Это отметил еще один из первых почитателей собора историк и археолог Б. Н. Эдинг.

«Грандиозный собор Ростовский словно создан воспоминанием о славном прошлом великого города... Нежная прелесть карнизов, которыми обработаны все квадратные плоскости стен храма и аркатура глав, вызывает в представлении отзвук Ренессанса, присущий архитектуре ранней Москвы» (219, 53).

Реставраторы много потрудились над восстановлением первоначальных форм ростовского собора. И всё же его огромные шаровидные главы, слишком похожие на достижения ростовских огородников, и высокие, как фабричные трубы, барабаны глав нельзя отнести к изысканному почерку мастеров Ивана III. Это результат бесчисленных перестроек и реставраций, которым подвергся собор в последние три века. Строго говоря, это явное отступление от первоначального облика храма. Но боже упаси какого-нибудь будущего «благодетеля» от попыток с абсолютной точностью вернуть собору его утраченные формы!

«Иной раз прекрасные творения более привлекательны, когда они несовершенны, чем когда слишком закончены», — говорил Ларошфуко (95, 125). Никто не убедит меня в том, что мягкая полусфера, которой завершалась церковь Покрова на Нерли и которая (при всей ее вторичности) так хорошо сочеталась с плавными очертаниями зеленого холма, на котором стоит храм, — что эта полусфера непременно должна была уступить место посводному покрытию и жестким граням квадратного постамента под барабаном. Принцип изначальности восторжествовал, но в чудесной гармонии архитектурных форм зазвучал какой-то неприятный диссонанс...

Несовершенство ростовского собора — результат его длительного вживания в окружающее художественное пространство и ландшафт. Как и все окружающие его ростовские церкви, он отчаянно тянется вверх, словно вырываясь из поглощающего древний город болота. Его шарообразные купола — словно огромные монгольфьеры, наполненные горячим воздухом. Они поднимают громаду собора ввысь, не дают ей захлебнуться в подступающей со всех сторон воде.

Многие годы собор был закрыт на множество старых и новых замков. С религией было почти покончено. Тяжелые железные врата собора затворились навсегда. И только древняя львиная маска с медным кольцом в стиснутых зубах грозно глядела из средневековой тьмы.

Когда собор однажды открыли, то оказалось, что стены почернели от сырости, иконостас покрылся толстым слоем плесени, а подземные воды стекают по чугунным плитам пола. В сумраке высоких сводов затаились тени ночи, которых не могли изгнать молитвы возобновившихся богослужений.

Подобно собору, Ростовское озеро оставляет тревожное ощущение мутации. Огромное, как море, но илистое и вязкое, как болото, оно являет собой какой-то промах природы. В народных песнях его еще в старые времена называли «море тинное».

Для спасения Ростовского озера в советское время предлагались самые разнообразные проекты. Но ни один из них не был осуществлен. Ныне, кажется, не осталось и проектов. Озеро мелеет, зарастает осокой и камышом, задыхается от поднимающегося со дна ила. Его берега в черте города напоминают то проселочную дорогу, то городскую свалку. Но красота живет и вопреки человеческому безобразию. Апрельские закаты по-прежнему создают в обмелевшем зеркале озера отражения невероятной красоты...

Прогуливаясь по Ростову, я незаметно для себя устремляюсь к одним и тем же излюбленным местам. Одно из них — расположенный на северной окраине города, на берегу озера, Авраамиев монастырь. Как и городской собор, он полон «русским духом» — смесью прекрасного и безобразного. Прямо над въездными воротами времен митрополита Ионы с их билибинскими башнями, островерхими наличниками и висячими арками какой-то губернский архитектор, разобрав надвратный храм, взгромоздил колокольню с колоннадой и фронтоном. Усилиями нескольких поколений варва-

ров сломаны старые стены и башни, обезображена Введенская церковь, в подвале которой похоронен отец строителя Ростовского кремля поп Сысой из деревни Ангелово на другом берегу озера. Недавно — кажется, я уже вспоминал этот печальный факт — были вырублены деревья, окружавшие собор и придававшие ему особую прелесть. Летом они покрывали древние стены трепетной вуалью света и тени, зимой отрешенно стояли среди белых сугробов, раскинув черные ветви. Утратив деревья, эти прекрасные символы вечной жизни, монастырский двор приобрел какой-то унылый и однообразный вид.

Собор Авраамиева монастыря... Я могу подолгу смотреть на этот удивительный храм — образ беспокойного духа царя Ивана. В свое время собор был одним из красивейших храмов России. Он строился одновременно с храмом Василия Блаженного в Москве и, возможно, теми же мастерами. Оба они чудом или милостью Божьей прошли сквозь смутные времена. Один стал кумиром туристов и свидетелем юбилейных парадов, другой тихо умирает в своем захолустье.

Болотистая почва берега озера не желает больше нести на себе бремя собора. Она уходит вниз, и храм гибнет. Его стены рассыпаются, точно они сделаны из песка. Собор живет только благодаря подпоркам, тягам и балкам, пронизывающим его разрушающееся тело. Скорее всего, он обречен. И скоро на его месте мы увидим сияющий фальшивым золотом куполов железобетонный муляж.

Ну а сейчас, пока он еще жив, еще дышит, задыхаясь в тисках железных стяжек, он может сказать нам что-то важное о своем времени, о своем безумном строителе, именем которого одни благословляли, а другие пугали детей.

Список ростовских достопримечательностей весьма велик. Прогулки по Ростову можно продолжать и продолжать. Но мы, подходя к концу нашего книжно-автомобильного странствия, посетим только одно памятное место. Мы поедем в село Варницы близ Ростова.

Там находилась усадьба родителей преподобного Сергия Радонежского. Там в мае 1314 года появился на свет человек, который вывел Русь из трясины духовного бездорожья.

С именем Сергия мы начинали наше «возвращение в Россию», с его именем мы и завершаем это путешествие.

Во всем следует стремиться к подлинному. Но увы: ни один камень в современных Варницах не может похвастаться тем, что к нему прикасалась рука святого.

Пройдя через еще недавно разрушенный и заброшенный, а ныне отстроенный и населенный иноками Троицкий Варницкий монастырь, мы выйдем к истокам реки Ишни. Пожалуй, это единственное, что сохранилось здесь без изменений со времен преподобного Сергия.

Все так же тихо струится вода. Все так же недовольно шуршит под ветром сухой камыш, которым покрыт заболоченный исток Ишни. И гулко падают в эту сельскую тишину удары колокола на монастырской колокольне.

Колокол святого Сергия живет. А значит, живет и вся наша бесконечная земля — Россия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

1. *Аксаков И. С.* Краткая записка о странниках или бегунах // Русский архив. 1866.

2. [*Аксаков И. С.*] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. 1. М., 2003.

3. [*Аксаков И. С.*] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. II. М., 2004.

4. [*Аксаков И. С.*] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Т. III. М., 2004.

5. *Аксаков С. Т.* Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. М., 1958.

6. *Александер Джеймс.* Россия глазами иностранца. М., 2008.

7. *Алексеева О. В.* Московское Археологическое общество и его роль в организации музеев России // История и культура Ростовской земли. 2004. Ростов, 2005.

8. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Рязань, 2009.

9. [*Артынов А.*] Воспоминания крестьянина села Угодичи Ярославской губернии Ростовского уезда Александра Артынова / Предисл. А. А. Титова // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1882. Кн. 1.

10. *Бальмонт К. Д.* Стозвучные песни. Сочинения. Ярославль, 1990.

11. *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

12. *Бессарабова Н. В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005.

13. *Блок Марк.* Апология истории. М., 1986.

14. *Бодянский О. М.* Дневник. 1852—1857. М., 2006.

15. *Бондаренко В. В.* Вяземский. М., 2004 (серия «ЖЗЛ»).

16. *Бунин И. А.* Темные аллеи. М., 1999.

17. *Бунин И. А.* Публицистика 1918—1953 годов. М., 2000.

18. *Варламов А. Н.* Пришвин. М., 2008 (серия «ЖЗЛ»).

19. Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год. М., 1999.

20. *Верещагин В.* На Северной Двине. М., 1895.

21. *Вигилев А. Н.* История отечественной почты. Ч. 2. М., 1979.

22. *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет. Кн. 1. М., 1994.

23. *Волкогонов Д.* Ленин. Политический портрет. Кн. 2. М., 1994.

24. *Волошин М. А.* Стихотворения. М., 2009.

25. *Восленский М. С.* Номенклатура. М., 1991.

26. *Выскочков Л. В.* Николай I. М., 2003 (серия «ЖЗЛ»).

27. *Вяземский П. А.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. М., 1982.

28. *Вяземский П. А.* Старая записная книжка. М., 2003.

29. *Гакстгаузен А.* Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870.

30. *Герберштейн Сигизмунд.* Записки о Московии. М., 1988.

31. *Герцен А. И.* Сочинения. В 9 т. Т. 7. М., 1958.

---

* В соответствии с характером книги автор отказывается от традиционного деления использованных текстов на «литературу» и «источники», которое носило бы слишком условный характер.

32. *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 1—5. М., 1988.
33. *Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 5 (окончание) — 8. М., 1988.
34. *Глушкова В. Г.* Путешествие из Москвы в Ярославль. М., 2007.
35. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 5. М., 1985.
36. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 6. М., 1986.
37. *Головщиков К. Д.* Город Рыбинск, его прошедшее и настоящее. Ярославль, 1890.
38. *Головщиков К. Д.* Город Данилов Ярославской губернии и его уезд. Ярославль, 1890.
39. *Голубинский Е. Е.* Преподобный Сергий Радонежский и основанная им Троицкая лавра. М., 2007.
40. Города Подмосковья. В 3 кн. Кн. 1. М., 1979.
41. *Готье Теофиль.* Путешествие в Россию. М., 1988.
42. *Готье Теофиль.* Путешествие на Восток. М., 2000.
43. *Гуляницкий Н. Ф.* Церковь Покрова в Медведкове и русское зодчество XVI—XVII вв. // Архитектурное наследство. Вып. 28. М., 1980.
44. *Гуревич П. С.* Социальная мифология. М., 1983.
45. *Гурлянд И. Я.* Новгородские ямские книги. 1586—1631 гг. Ярославль, 1900.
46. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М., 2002.
47. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М., 2002.
48. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М., 2002.
49. *Данэм Б.* Герои и еретики (Политическая история западной мысли). М., 1967.
50. Дворцовые разряды. Т. 1. 1612—1628. СПб., 1850.
51. *Демин В. Н.* Бакунин. М., 2006 (серия «ЖЗЛ»).
52. *Динец Л. А.* Русская глиняная игрушка. М.; Л., 1936.
53. Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995.
54. *Достоевский А. М.* Воспоминания. М., 1999.
55. Древнерусский сборник поучений Измарагд. XVI в. // Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
56. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
57. *Дьяконов М. В.* К биографическому словарю московских зодчих XVIII—XIX вв. (извлечения из архивов) // Русский город (исследования и материалы). Вып. 5. М., 1982.
58. *Евдокимов И. В.* В. И. Суриков. М., 1933.
59. *Екатерина II.* Записки. СПб., 2009.
60. Жизнь и житие Сергия Радонежского. М., 1991.
61. *Зинон (Теодор), архим.* Беседы иконописца. СПб., 2003.
62. *Золотарев С.* Писатели-ярославцы. Ярославль, 1920.
63. *Иванов А. Н.* О географических очерках К. Д. Ушинского. — В кн.: *Ушинский К. Д.* Поездки по России. Ярославль, 1969.
64. *Иванов П. С.* Неопубликованные исследования по истории и культуре Ростова XVIII—XIX вв. / Подг. текста, коммент. Т. В. Колбасовой // Сообщения Ростовского музея. Вып. 17. Ростов, 2008.
65. *Ильин И. А.* Собрание сочинений. В 10 т. Т. 6. Кн. 1. М., 1996.
66. *Ильин М. А.* Путь на Ростов Великий (От Москвы до Александрова). М., 1973.
67. История московских районов. Энциклопедия / Под ред. К. А. Аверьянова. М., 2006.

68. Источники по истории. *Марко Фоскарино.* Донесение о Московии. *Аксель Гюльденстиерне.* Путешествие герцога Ганса Шлезвиг-Голштинского в Россию. *Томас Смит.* Путешествие и пребывание в России. *Георг Паерле.* Записки Георга Паерле. Рязань, 2009.

69. *Ипполитов Г. М.* Деникин. М., 2000 (серия «ЖЗЛ»).

70. *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975.

71. *Канетти Э.* Масса и власть. М., 1997.

72. *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. М., 1988.

73. *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. М., 1991.

74. *Карамзин Н. М.* О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002.

75. *Карлейль Т.* Французская революция. М., 1991.

76. *Карлейль Т.* Теперь и прежде. М., 1994.

77. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. М., 1991.

78. *Клейн В. К.* Памятники древнерусского искусства в дворцовом селе Тайнинском. М., 1912.

79. *Климов Е. Е.* Русские художники. Сборник статей. Нью-Йорк, 1974.

80. *Клосс Б. М.* О судьбе захоронения князя Андрея Радонежского // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы Международной конференции. 29 сентября — 1 октября 1998 г. Москва, 2000.

81. *Клосс Б. М., Ткаченко В. А.* Троицкий собор в истории Троице-Сергиевой Лавры // Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2003.

82. *Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. Т. 1. М., 1988.

83. *Коленкур Арман де.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991.

84. *Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. М., 2005.

85. *Корбюзье ле.* Путешествие на Восток. М., 1991.

86. *Коровин К. А.* Воспоминания. Минск, 1999.

87. *Корф М. А.* Дневник. Год 1843-й. М., 2004.

88. *Коршун В. Е.* От Мытищ до Пушкина / Серия «История подмосковных селений». Кн. 3. М., 2003.

89. *Коршун В. Е.* От Пушкина до Красноармейска / Серия «История подмосковных селений». Кн. 2. М., 2003.

90. *Кошман Л. В.* Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008.

91. *Критский П. А.* Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения. Ярославль, 1907.

92. *Кюстин Астольф.* Николаевская Россия. М., 1930.

93. *Лаврентьева Е. В.* Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Приметы и суеверия. М., 2006.

94. *Ланкур-Лаферьер Дениэл.* Россия и русские глазами американского психоаналитика. М., 2003.

95. *Ларошфуко Франсуа де.* Максимы и размышления. Мемуары. М., 2007.

96. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М., 1985.

97. *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг. СПб., 1904.

98. *Леняшин В. А.* Дорога и путь в живописи XIX—XX веков // Дорога в русском искусстве. СПб., 2004.

99. *Леонов Л. М.* Раздумья у старого камня // Памятники Отечества. 1981. Вып. 2.

100. *Леонтьев К. Н.* Избранное. М., 1993.
101. [*Лермонтов М. Ю.*] М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964.
102. *Лествицын В.* Поездка на съезд археологов или древнелюбителей. Ярославль, 1869.
103. *Лукомский Г. К.* Вологда в ее старине. СПб., 1914.
104. *Лукомский Г. К.* Памятники старинной архитектуры России. Ч. 1. Наша провинция. Б/м., Б/г.
105. *Максимов С. В.* Избранное. М., 1981.
106. *Максимов С. В.* Избранные произведения. В 2 т. Т. 2. М., 1987.
107. *Малето Е. И.* Антология хожений русских путешественников XII—XV вв. М., 2005.
108. *Марасинова Л. М.* Пути и средства сообщения // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. М., 1985.
109. *Марцев П. А.* Неудачи на Золотом кольце. М., 2009.
110. Материалы и черты к биографии императора Николая I и к истории его царствования / Под ред. Н. Ф. Дубровина // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 98. СПб., 1896.
111. *Мельник А. Г.* Основные закономерности в развитии каменной архитектуры Ростова и его окрестностей с середины XVIII до середины XIX в. // История и культура Ростовской земли. 2004. Ростов, 2005.
112. *Местр Жозеф де.* Рассуждения о Франции. М., 1997.
113. *Миллер Г. Ф.* Сочинения по истории России. М., 1996.
114. *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
115. *Милютин Д. А.* Воспоминания. 1860—1862. М., 1999.
116. *Миранда Франсиско де.* Российский дневник. Москва — Санкт-Петербург. М., 2000.
117. *Михайлов К.* Золотое кольцо России. Летопись разрушений и утрат. М., 2008.
118. *Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам русским. М., 1990.
119. *Муравьев В. Б.* Николай Карамзин. М., 2005.
120. *Муратов П. П.* Образы Италии. Т. 1. М., 1993.
121. *Муратов П. П.* Образы Италии. Т. 2—3. М., 1994.
122. *Назаров В. Д.* Разыскания о древнейших грамотах Троице-Сергиева монастыря. Боярин Радонежского удела В. Б. Копнин и его род в XV в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы II Международной конференции. 4—6 октября 2000 г. Сергиев Посад, 2002.
123. *Неронов И. Л. (Р-й Ю. Д.)* Несколько суток в дороге от С.-Петербурга к Симбирску. СПб., 1840.
124. *Николаева С. В.* Троице-Сергиев монастырь в XVI — начале XVIII в. Сергиев Посад, 2009.
125. *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию. М., 1996.
126. *Олейников Д. И.* Бенкендорф. М., 2009 (серия «ЖЗЛ»).
127. *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II. Т. 2. М., 1992.
128. *Орлов-Давыдов В.* Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. 1. СПб., 1878.
129. Памятная книжка Ярославской губернии на 1862 год. Ярославль, 1863.
130. Памятники архитектуры Московской области. Т. 1. М., 1975.

131. Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.
132. *Песков В. М.* Проселки. М., 2004.
133. *Петров П. Н.* История родов русского дворянства. Кн. 1. М., 1991.
134. Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980.
135. Подмосковье. Справочник-путеводитель / Сост. В. Н. Островская. М., 2006.
136. *Подобедова О.* Дмитрий Николаевич Кардовский. М., 1953.
137. Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб., 1853.
138. Полное собрание русских летописей. Т. 13. СПб., 1904.
139. Полное собрание русских летописей. Т. 14. СПб., 1910.
140. Полное собрание русских летописей. Т. 20. СПб., 1910.
141. Полное собрание русских летописей. Т. 26. М.; Л., 1959.
142. Полное собрание русских летописей. Т. 31. М., 1968.
143. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1992.
144. Послания Иосифа Волоцкого. М., 1960.
145. Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. Рязань, 2008.
146. *Поспелов Е. М.* Географические названия Московской области. Топонимический словарь. М., 2007.
147. *Пришвин М. М.* Творить будущий мир. М., 1989.
148. *Проншгейн А. П., Задера А. Г.* Практикум по истории СССР. М., 1969.
149. *Пруст Марсель.* Памяти убитых церквей. М., 1999.
150. Путеводитель по Ярославской губернии, составленный под руководством начальника Ярославской губернии А. П. Бутурлина Ф. Н-м и изданный купцом Н. М. Журавлевым. Ярославль, 1859.
151. [*Пушкин А. С.*] А. С. Пушкин — критик. М., 1978.
152. *Пушкин А. С.* Дневники. Автобиографическая проза. СПб., 2008.
153. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. В 1 т. М., 2008.
154. *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1971.
155. Расходная книга патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина. Рязань, 2010.
156. Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л, 1986.
157. *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. М., 1989.
158. *Рёскин Джон.* Лекции об искусстве. М., 2006.
159. *Рёскин Джон.* Камни Венеции. СПб., 2009.
160. *Романюк С. К.* Москва за Садовым кольцом. М., 2007.
161. Российское законодательство X—XX вв. В 9 т. Т. 1. М., 1984.
162. *Руденко И.* Дом у дороги // Комсомольская правда. 1980. 23 ноября.
163. Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989.
164. *Р-й Ю. Д.* Несколько суток в дороге от С.-Петербурга к Симбирску. СПб., 1840.
165. Сборник Русского исторического общества. Т. 43. СПб., 1885.
166. *Седов П. В.* Закат Московского царства. СПб., 2006.
167. Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955.
168. *Скрынников Р. Г.* Царство террора. СПб., 1992.
169. *Смирнов М. Н.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее. М., 1911.

170. *Снегирев И. М.* Путеводитель из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру. М., 1856.
171. Сокровенное сказание монголов. М., 2002.
172. *Соллогуб В.А.* Тарантас. М., 1955.
173. *Соловьев С.М.* Избранные труды. Записки. М., 1983.
174. *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. 5. М., 1990.
175. *Солоневич И. А.* Народная монархия. М., 1991.
176. *Спирина Л.М.* Древний Радонеж. Загорск, 1972.
177. *Стась А. К.* Российская историческая мозаика. Чины, титулы и звания Российской империи. М., 1992.
178. *Стерн Лоренс.* Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М., 1968.
179. *Стогов Э. И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003.
180. *Субботин А. П.* Волга и волгари. Т. 1. СПб., 1894.
181. *Сумароков П.* Прогулка по 12-ти губерниям с историческими и статистическими замечаниями в 1838 году. СПб., 1839.
182. *Сытин П. В.* Из истории московских улиц. М., 1958.
183. *Титов А. А.* Ростовский уезд Ярославской губернии. М., 1885.
184. *Титов А. А.* Раскол в Ярославской губернии в первой половине нашего столетия // Ярославская старина. Вып. 5. Ярославль, 1890.
185. *Тихомиров Ил. А.* Пешком по Ярославской губернии // Прекрасное далеко. 1914. Кн. 5.
186. *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979.
187. *Ткаченко В. А.* Жалованная данная грамота царя Михаила Федоровича «в дом Пресвятые Живоначальные Троицы преподобному чюдотворцу Сергию» на городок Радонеж с пустошами в Московском уезде от 5 ноября 1616 г. // Сергиево-Посадский музей-заповедник. Сообщения. 1995. М., 1995.
188. *Ткаченко В. А.* Радонеж. Страницы истории. Сергиев Посад, 1997.
189. *Ткаченко В. А.* История России XIII—XVI вв. Московские великие и удельные князья и цари. М., 1998.
190. *Ткаченко В. А.* Хозяйство Троице-Сергиевой лавры на рубеже XIX—XX вв. // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 1998.
191. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории. М., 1991.
192. *Толстая С. А.* Дневники. В 2 т. Т. 1. 1862—1900. М., 1978.
193. *Трефолев Л. Н.* Странники // Русский архив. 1866.
194. *Трефолев Л.* Путешествие императора Павла по Ярославской губернии // Русский архив. 1870. М., 1871.
195. *Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений. Т. 4. 2-е издание. СПб., 1884.
196. Тушинский вор: личность, окружение, время. Документы и материалы. М., 2001.
197. *Ушинский К. Д.* Поездки по России. Ярославль, 1969.
198. *Филимонов К. А.* Из истории конюшенного хозяйства Троице-Сергиевой лавры XV—XIX вв. // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 1998.
199. *Флобер Гюстав.* О литературе, искусстве, писательском труде. Т. 1. М., 1984.
200. *Флоренский П.* Имена. М., 1993.
201. *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999 (серия «ЖЗЛ»).

202. *Хаксли Олдос.* В дороге. М., 2005.
203. *Хесс Эуген.* Русский дневник. СПб., 2007.
204. Храм Живоначальной Троицы на Пятницком кладбище. Краткий исторический очерк. М., 2005.
205. Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Переяславской слободе. Б/м, Б/г.
206. Церковно-исторический месяцеслов Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1854.
207. *Цуриков Н. А.* Прошлое. М., 2006.
208. *Чернецовы Г. и Н.* Путешествие по Волге. М., 1970.
209. *Чернов С. З.* Исторический ландшафт Древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1988. М., 1989.
210. *Чижков А. Б.* Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой. М., 2000.
211. *Шатобриан Р.* Путешествие из Парижа в Иерусалим через Грецию и обратно из Иерусалима в Париж через Египет, Варварию и Испанию. Т. 1. СПб., 1815.
212. *Шатобриан Р.* Гений христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982.
213. *Шватченко О. А.* Русские и иностранные современники об осаде Троице-Сергиева монастыря в 1608—1610 гг. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Материалы II Международной конференции. 4—6 октября 2000 г. Сергиев Посад, 2002.
214. *Шевырев С. П.* Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 2009.
215. *Шевырев С. П.* Итальянские впечатления. СПб., 2006.
216. *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX— XX вв. М., 2003.
217. *Шитова Л. А.* Экономическое положение Троице-Сергиева монастыря во второй половине XVIII в. // Труды по истории Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 1998.
218. *Шмелев И. С.* Богомолье. М., 2001.
219. *Эдинг Б. Н.* Ростов Великий. Углич. М., Б/г.
220. *Як-ва С.* Подмосковные дорожные записи. М., 1862.
221. Ярославские губернские ведомости. 1848. Часть неофициальная.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора ... 6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
БРИЧКА, ИЛИ «ОГНИ ПЕЧАЛЬНЫХ ДЕРЕВЕНЬ...»

Глава первая. Цель путешествия ... 11
Глава вторая. Сборы в дорогу ... 19
Глава третья. Подорожная и прогоны ... 22
Глава четвертая. Лошади ... 25
Глава пятая. Экипажи ... 39
Глава шестая. Ямщики ... 51
Глава седьмая. Быстрая езда ... 63
Глава восьмая. Плохие дороги ... 67
Глава девятая. Улучшение дорог ... 77
Глава десятая. Дорожные виды ... 84
Глава одиннадцатая. Дорожные опасности ... 100
Глава двенадцатая. Дорожники и путеводители ... 118
Глава тринадцатая. Дорожные звуки ... 120
Глава четырнадцатая. Почтовая станция ... 123
Глава пятнадцатая. Станционный смотритель ... 134
Глава шестнадцатая. Проезд знатных особ ... 138
Глава семнадцатая. Провинциальный город ... 149
Глава восемнадцатая. Гостиница ... 156
Глава девятнадцатая. Дорожные записки ... 169
Глава двадцатая. Дух дороги ... 174
Глава двадцать первая. Верстовые столбы ... 179
Глава двадцать вторая. Дорожные разговоры ... 181
Глава двадцать третья. Дорожные романы ... 186
Глава двадцать четвертая. Застава ... 189
Глава двадцать пятая. Осмотр достопримечательностей ... 191

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
АВТОМОБИЛЬ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ ПУТНИКА

Глава двадцать шестая. Крестовская застава ... 199
Глава двадцать седьмая. Пятницкое кладбище ... 217
Глава двадцать восьмая. Тусклое золото ВДНХ ... 224
Глава двадцать девятая. Алексеевское ... 236
Глава тридцатая. Забытая река ... 242
Глава тридцать первая. Памятник тайне ... 256
Глава тридцать вторая. Мытищи ... 276
Глава тридцать третья. Кто срубил вишневый сад? ... 282
Глава тридцать четвертая. Пушкино ... 289
Глава тридцать пятая. Братовщина ... 296
Глава тридцать шестая. Талицы ... 308
Глава тридцать седьмая. Рахманово ... 318
Глава тридцать восьмая. Воздвиженское ... 322
Глава тридцать девятая. Долина отрока Варфоломея ... 330
Глава сороковая. Рязанцы ... 342
Глава сорок первая. Троице-Сергиева лавра ... 344

Глава сорок вторая. Русские качели 360
Глава сорок третья. Переславль-Залесский 392
Глава сорок четвертая. Леса и болота 400
Глава сорок пятая. Постоялец 408
Глава сорок шестая. Земля святого Сергия 427

Список литературы 432

Борисов Н. С.

Б 82 Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья / Николай Борисов. — М.: Молодая гвардия, 2010. — 440 [8] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 978-5-235-03389-4

В истории России дороги всегда были чем-то бóльшим, нежели простая линия между двумя пунктами на карте. А потому и бездорожье — одна из двух главных бед нашей действительности — воспринималось и воспринимается особенно болезненно. («В России нет дорог — только направления», — острили по этому поводу иностранцы.) Вся наша история — это история бесконечных передвижений по громадным пространствам Евразии — порой вынужденных, порой добровольных, — и не столь важно, путешествуем ли мы по бездорожью жизни или по гладкому асфальту шоссе. «Повседневная жизнь русского путешественника в эпоху бездорожья» (а какая эпоха в России может быть названа иначе?) — это, по сути, книга о познании нами собственной страны и собственной истории — ибо иного способа познать страну, кроме как вдоволь поездить по ней, не существует. И не случайно книгу эту написал историк — один из лучших специалистов по истории средневековой Руси, автор многих книг, человек, вдоль и поперек исколесивший Россию. Две эпохи, выбранные им в рамках книги, — эпоха Николая I, когда зародился и расцвел жанр «дорожной» прозы, и наше время, — во многом схожи. Духовное «бездорожье», утрата ценностных ориентиров одинаково характерны и для второй четверти XIX века, и для наших дней. А потому и тогда, и сейчас, путешествуя — в кибитке ли, в тарантасе или за рулем собственного автомобиля, — мы пытаемся отыскать ту единственную дорогу, на которую когда-то звал русского человека Гоголь, заклинавший его «проехаться по России». А о том, как «ехалось» и ездится по вечным ухабам русских дорог, что сопровождало и сопровождает путешественника во все времена, без чего он не может обойтись, а что проклинал и проклинает по сей день, — и рассказывается в книге.

УДК 94(47)"18/19"
ББК 63.3(2)

Борисов Николай Сергеевич

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА В ЭПОХУ БЕЗДОРОЖЬЯ

Редактор **А. Ю. Карпов**
Художественный редактор **Е. В. Кошелева**
Технический редактор **В. В. Пилкова**
Корректоры **Л. С. Барышникова, Т. И. Маляренко**

Сдано в набор 26.05.2010. Подписано в печать 15.09.2010. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 23,52+1,68 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ 10376

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03389-4

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Б. Минаев
«ЕЛЬЦИН»

С. Кредов
«ЩЁЛОКОВ»

Р. Грэм
«МАРИЯ СТЮАРТ»

В. Лопатников
«КАНЦЛЕР РУМЯНЦЕВ»

Е. Пчелов
«РЮРИК»

А. Филюшкин
«ВАСИЛИЙ III»

М. Филин
«ТОЛСТОЙ-АМЕРИКАНЕЦ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Варламов
«АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ»

М. Копшицер
«ПОЛЕНОВ»

Г. Чернявский
«ЛЕВ ТРОЦКИЙ»

С. Фирсов
«НИКОЛАЙ II»

В. Новиков
«АЛЕКСАНДР БЛОК»

О. Волкогонова
«БЕРДЯЕВ»

И. Пожарская
«ЮРИЙ НИКУЛИН»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

И. Курукин, А. Булычев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

В. Бокова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ

В. Наумов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА I И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ

П. Декс
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СЮРРЕАЛИСТОВ В 1917–1932 ГОДАХ

Г. Андреевский
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

О. Семенова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА

В. Журавлев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦУЗСКОГО ИНОСТРАННОГО ЛЕГИОНА

Б. Григорьев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ В XIX ВЕКЕ

А. Зверев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПАРИЖА

Е. Глаголева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПИРАТОВ И КОРСАРОВ АТЛАНТИКИ

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru

НОВАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ:

МАЛАЯ СЕРИЯ

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Турков
«ТВАРДОВСКИЙ»

В. Чайковская
«ТЫШЛЕР»

С. Нечаев
«ТОРКВЕМАДА»

М. Гейзер
«ФАИНА РАНЕВСКАЯ»

В. Попов
«ДОВЛАТОВ»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
http://gvardiya.ru. dsel@gvardiya.ru

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

издательства

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Заказанные книги

можно получить по адресу:

г. Москва, ул. Сущевская, д.21, подъезд 1

или воспользоваться курьерской

и почтовой службой доставки

Наши книги
доступны всем регионам России!

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»

В отделе реализации действует гибкая система скидок

Доставка книг по территории Москвы и Московской области БЕСПЛАТНО

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ
8(495) 787-64-20
8(495) 787-62-92
ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА
8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

О. Семенова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ПАРИЖА

В. Журавлев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ФРАНЦУЗСКОГО ИНОСТРАННОГО ЛЕГИОНА

Е. Глаголева
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПИРАТОВ И КОРСАРОВ АТЛАНТИКИ

И. Курукин, А. Булычев
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ОПРИЧНИКОВ ИВАНА ГРОЗНОГО

В. Бокова
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ

В. Наумов
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРА ВЕЛИКОГО И ЕГО СПОДВИЖНИКОВ

ISBN 978-5-235-03389-4

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ